

**ВАСИЛИЙ
БЛЮМ**

Мычка

2017

Родная деревня осталась позади, истаяла в черной глубине леса. Хорошо бы вернуться, но перед глазами полный тайн и открытий мир, что зовет, манит бескрайними просторами. И не устоять. Да и стоит ли? Если в руке верная рогатина, тело согревает надежная одежда из шкур, а в груди бьется пламенное сердце — сердце молодого, полного сил и стремлений охотника племени.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Покрытая снежной изморозью земля ложится под ноги, могучие стволы деревьев, недвижимые в вековой дреме, проплывают мимо. Из рта белесыми облачками вырывается пар, оседает на покрывающем губу золотистом пушке белыми кристалликами. В руке зажата рогатина, настолько привычная, что вес не ощутим. Поскрипывает кожа сапог, задевая за веточки, чуть слышно шуршит плащ. Заплечный мешок мягко толкает в спину, не больно, словно дружеское прикосновение товарища, похлопывающего по плечу от избытка чувств.

Охотник полон сил, словно только сорвался с места. Дыхание ровное, руки сгибаются и разгибаются в такт, помогая сердцу прогонять кровь по жилам. Ноги раз за разом распрямляются, рывком посылая тело вперед, мягко принимают нагрузку: ни толчка, ни стука, словно над землей стелется бестелесная тень.

Взгляд прикипел к земле, где, в выбеленной инеем хвое, отчетливо виднеется цепочка следов. Зверь прошел недавно. Если добавить шагу, можно нагнать, и вернуться домой засветло. Ночевка в лесу обычное дело, каждому охотнику, реже или чаще, приходится оставаться один на один с суровой чащей. Выслеживая добычу, воины племени уходят далеко в лес, возвращаясь лишь через несколько дней, а то и седмиц. Но, то охотники, он же, хоть и достаточно взрослый, пока не совсем...

Оторвав взгляд от следа, Мычка осмотрелся. Синие, как вода горных озер, глаза обежали окоем, поднялись к небу. Брови сошлись на переносице, а губы сжались в полоску. За деревьями и кустами залегли тени, небо из лазурного стало темно-синим. А ведь совсем недавно было полдень! Увлеченный погоней, он и не заметил, как пролетело время.

Мычка задумался. Ночевка в лесу не пугает, но он не предупредил мать. К тому же мужчины племени ушли на охоту, правда, не все. Это закон. Часть мужчин остается в деревне всегда. Мычка не понимал для чего, звери к жилью не подходили, а других опасностей в лесу не было, но не спорил. Обычно дел хватало: подлатать прохудившуюся крышу, принести воды из речушки, сплести из прутьев корзину, взамен сломанной. Когда же выдавалось свободное время, он бродил за околицей, вслушиваясь в пение птиц и разбирая вязь звериных следов.

Следом за неприятными мыслями напомнил о себе желудок, недовольно заворчал, кольнуло в левом плече, отбитом седмицу назад во время неудачного падения,

исполненные усталости, приятно заняли мышцы. Взгляд вновь вернулся к цепочке следов, такой четкой и свежей, будто кабан прошел только что. Мычка принялся. Ноздри ощутили едва уловимый терпкий запах, что значит — зверь действительно был здесь. Еще рывок и добыча в руках! Представив, как он возвращается в деревню с трофеем, вызывая уважительные взгляды девушек и одобрительные слова стариков, Мычка расплылся в улыбке.

Не желая прерывать сладостные мечты, Мычка потянулся к заплечному мешку. Сейчас нужно перекусить, чтобы потом, когда добыча приятной тяжестью ляжет на плечо, не мешкать. Неподалеку, на земле, холодно блеснуло. Губы растянулись в улыбке: чтобы не отягощать мешок, он не взял воды, и небольшая лесная лужица оказалась весьма кстати.

Мычка пригнулся, осторожно, стараясь не раскрошить, снял тонкое ледяное блюдце. С черной поверхности воды взглянуло отражение: спутанные золотистые космы, тонкие черты лица, заостренный подбородок, из-под волос острыми уголками выступают кончики ушей. Улыбнувшись, Мычка отломил кусок льда, захрустел, ощущая, как по глотке разливается приятная свежесть, смачивая язык и охлаждая разогретое бегом горло. Отражение улыбалось в ответ, жевало, кропя и волнуя поверхность лужицы стекающими с губ каплями.

Разохотившись, Мычка снял заплечный мешок, отвязал плащ и сбросил куртку. Отороченная мехом кожа отлично сохраняет тепло, и за весь день он не только не замерз, но и порядком разогрелся. Отражение также встало в полный рост, продемонстрировав стройный торс и бледную, как снег, кожу, рассыпалось на тысячи осколков. Черпая из лужи и плеща на грудь, Мычка замычал от удовольствия, ощущая, как холодные ручейки разбегаются по коже, унося усталость.

Куртка заняла прежнее место. После умывания голод усилился, и Мычка поспешно достал из мешка тряпицу с едой, развернул: лопатка гуся, оставшаяся от вечерней трапезы, горстка крупной соли, пучок трав. После длительной пробежки привычная пища показалась невероятно вкусной. Мычка рвал мясо зубами, сглатывал, почти не жуя, время от времени разбавляя пряной травой, когда в горле совсем пересыхало, отламывал и забрасывал в рот кусочек льда, отчего становилось еще вкуснее.

Вскоре желудок потяжелел, а по телу разошлось приятное тепло. С удовлетворением ощутив, как мышцы наполняются силой, Мычка сложил остатки пищи обратно. Мешок занял прежнее место за спиной, а рогатина привычно прыгнула в руку. И вновь земля ложится под ноги, весело похрустывая хвоей и мелкими веточками, кусты и деревья несутся навстречу, безуспешно пытаясь ухватить за штаны корявыми ветвями-пальцами.

След начал пропадать, теряться. Мычка поднял голову. Привычная синева выщвела, почернела, проступили подслеповатые искры звезд. Опустив взгляд, он вздохнул. След окончательно исчез, лишь смутная, едва видимая полоска, что стремительно истаивает, с каждым мгновением растворяясь в наползающем сумраке.

Мычка прошел еще немного, но из черноты раскоряченной пятерней выпрыгнул сук, едва не выбив глаз, и пришлось остановиться. Ночь не лучшее время для путешествий по лесу, только очень опытные охотники отваживаются бродить по чаще во тьме, и то лишь в крайних случаях.

Не дожидаясь, пока совсем стемнеет, Мычка поспешно нарезал веток с ближайшей ели, воспользовавшись засапожным ножом — неотъемлемым атрибутом любого охотника. Оттащив охапку к лежащему неподалеку здоровенному комлю, Мычка соорудил подобие шалашика, после чего завернулся в плащ, залез внутрь, и тщательно прикрыл ветвями вход.

Сперва он мерз, но вскоре согрелся, задремал. В комле, под корой, чуть слышно шуршат личинки, где-то под землей, в норе, скребется мышь, гулко ухает филин. Привычные звуки ночного леса действуют умиротворяюще, так что веки смыкаются, а сознание уплывает. Уставшие за день, мышцы расслабляются, и даже неприятный холодок, пробирающий сквозь одежду, не в силах помешать крепкому, целебному сну.

Шею обожгло холодом. По щеке царапнуло острым, защекотало в носу. Дернувшись, Мычка проснулся, осторожно приоткрыл глаза и... ничего не увидел. Шеи вновь коснулось холодное, двинулось дальше, забираясь за шиворот. Лапнув загривок, он ощутил под пальцами воду, с облегчением вздохнул. Холодная капля упала на щеку, затем на ухо. Сон прошел. С подвыванием зевнув, Мычка сладко потянулся, так что затрещали суставы, пополз, сдвигая лбом закрывающие вход ветви.

На затылок обрушилась изрядная куча снега, словно дубиной выбив остатки сна. Морщась, и недовольно кривясь, Мычка поднялся и... обомлел. Мир преобразился. Еще вечером цветной и выпуклый, лес выцвел, потерял очертания. Сквозь затянувшую воздух хмарь проглядывают поседевшие деревья, кусты обросли белесым мехом. Вместо неба белесая муть, откуда непрерывным потоком сыплется снежное крошево.

Взгляд метнулся к месту, где совсем недавно пестрела цепочка следов. Тщетно. Земля исчезла, укрытая ровным белым одеялом. Мычка застонал от досады. Если бы, уверенный в победе, он не остановился на отдых, вместо того, чтобы набивать живот мясом, продолжил погоню. Небольшая слабость обернулась полным провалом. Теперь придется возвращаться в деревню под неодобрительные взгляды мужчин и насмешки женщин, объясняться с матерью. Единственная, кто не будет насмехаться — младшая сестра. Как всегда, тихо подойдет, коснувшись руки, шепнет успокаивающе.

Представив, как его, взрослого охотника, будет утешать девушка, почти ребенок, Мычка замычал, заметался, принялся распинывать, а затем и разгребать снег руками. Он найдет проклятый след, закончит поиск! Ведь кабан не мог уйти далеко. Не иначе — заночевал поблизости, возможно, даже наблюдает из соседних кустов за неудачливым охотником.

От холода руки занемели, лицо и одежда покрылись слоем снега, под ногти набилась земля, но ничего даже близко напоминающего след, лишь старая хвоя и желтоватая россыпь древесных чешуек. Выплеснув ярость, Мычка успокоился. Мысли пошли ровнее, позволяя трезво взглянуть на ситуацию. В конце концов, ничего страшного не произошло. Упустил зверя — с кем не бывает? Гораздо хуже, что не усмотрел признаков надвигающегося снегопада. Но на то и нужны ошибки, чтобы учиться. Как там говорят старики: не ошибается тот, кто...

Мычка вздохнул. Плечи сами собой расправились, вернулась улыбка. Проверив, крепко ли завязан мешок, он подхватил рогатину, двинулся в обратный путь. Идти стало сложнее, снег скрывает выступающие корни и острые сучья. Мир погрузился в белесую муть, так что видно лишь на несколько шагов, но этого достаточно, и ноги без усталости шагают, с каждым мгновением приближая к родному дому.

Разогретое движением, тело не чувствует холода. Мысли уползли в туманные дали, бродят в сказочном мире, где он не безусый юнец, а опытный воин, окруженный почетом товарищей и вниманием женщин. Не мешая фантазиям, взгляд привычно отмечает мелкие детали. Вот засыпанная снегом яма, шаг в сторону, и наполненная холодной водой ловушка остается позади. А вот заросли куста-царапы. Под снегом кустарник выглядит безопасным, но стоит задеть, многочисленные изогнутые шипы вцепятся не хуже когтей мелкого

хищника, вырывая из одежды кусочки пуха и шерсти. Ноги бездумно поворачивают, обходя опасное растение по широкой дуге. И вновь лишь белесая мгла, да погруженный в дрему лес.

Сапоги похрустывают, приминая рыхлый снег. Возможно, сейчас он невольно повторяя путь кабана, что шел также спокойно, неторопливо, без спешки и суеты. Сравнение показалось забавным, и Мычка улыбнулся. Но уже спустя мгновение нахмурился. Кабанчик далеко не самое крупное, и вовсе не самое опасное животное в лесу. Вполне возможно, что, привлеченный следом, за ним по пятам спешит охотник, в предвкушении трапезы скаля громадные клыки.

Мычка испуганно сглотнул, настороженно осмотрелся. Сонное оцепенение леса вдруг показалось угрожающим. За снежной пеленой угадываются тени, не то стволы деревьев, не то силуэты затаившихся существ. Неподалеку, за деревьями, невидимое для глаз, что-то потрескивает, шуршит. Порой раздается глухой гул, не то падают комья снега, не то огромные лапищи приминая землю.

Взгляд не в силах разорвать белесой пелены, уши до боли вслушиваются, отслеживая малейший звук, а ноздри раз за разом втягивают воздух, в страстном желании уловить запах опасности хотя бы за миг до появления, чтобы успеть повернуться, удобно перехватить рогатину, направить грозное острие на противника.

Руки занемели от напряжения, ноги напряжинились так, что еще немного, и мышцы лопнут от переполняющей силы, в ушах стучат молоточки, а взгляд мечется от ствола к стволу. Где же ты, преследователь, выходи, сразись грудью! Не выдержав, Мычка крикнул. Но из перехваченного спазмом горла вырвался лишь тонкий писк. Устыдившись, Мычка закашлялся, зарычал, нагнетая ярость. Но лес не ответил, даже привычное эхо, потонув в снегу, вернулось еле слышным шепотом.

Он некоторое время топтался на месте, продолжая вслушиваться и всматриваться. Возникла мысль, что кто-нибудь из охотников племени случайно оказался рядом, и сейчас смотрит на его метания с презрительной улыбкой. Мычка поперхнулся. Рык сменился жалобным писком. Втянув голову в плечи, он бросился бежать, в яростном рывке выплескивая охвативший тело жгучий стыд.

Вскоре движения замедлились. Мычка перешел на скорый шаг, а затем и вовсе остановился. О проявленной слабости вспоминать не хотелось. При мыслях о недостойном охотника поведении, кровь бросалась в лицо, а уши пылали. Успокоившись, он вспомнил, что слышал от охотников, как иногда, в глухой чаще, возникает такой вот беспричинный ужас, отчего даже самые опытные совершают немыслимые поступки. Это казалось нелепым. Лес — да что в нем страшного!? Однако, страшное было. И он ощутил это всей сутью. Возможно, страх лишь следствие усталости, или мгновенного помутнения рассудка. Но, как бы то ни было, теперь он знает, какие еще чувства может вызывать привычный и такой надежный лес. Редко, не всегда, но может. Хорошо еще, что он оказался один, некому будет насмеяться.

Нога с силой врезалась в корень, выпрыгнувший как из ниоткуда. По щеке, оставив кровавую борозду, хлестнула ветка царапа. Мычка поморщился, удвоил внимание, но вскоре вновь зацепился, а потом запнулся, да так, что с трудом подавил крик боли. Раздраженный, он остановился, с силой протер лицо и... все понял. За снежной пеленой незаметно подкрался вечер.

Открытие неприятно поразило. По-хорошему, он должен был уже достигнуть деревни, но ни указывающих путь засечек, ни запахов дыма. Конечно, в пылу погони он не отмечал

расстояние, и не особо следил за направлением, и, вероятно, ушел гораздо дальше, чем предполагал. Однако, могло произойти и другое.

От неприятного предчувствия кольнуло сердце, но Мычка поспешно отогнал неуместные мысли. Разговор с матерью, как и ответ перед старшими, он выдержит, когда придет время, а сейчас необходимо приготовиться к ночлегу. Конечно, можно продолжить идти, но во тьме легко покалечиться, а то и вовсе погибнуть. Лес добр, но не прощает глупости. Сломал ногу, или выколочил глаза об очередной приветливо растопыренный куст, далеко не уйдешь.

Рука потянулась к ножу, а глаза вычленили в наступающей мгле подходящую ель, и вскоре аккуратный шалашик из разлапистых ветвей, распространяя пряный смоляной запах, уже манил создателя. Пристроив рогатину у входа, и завернувшись в плащ, Мычка расположился на ночлег. На этот раз заснуть оказалось сложнее. Мешали тревожные мысли, заставляя беспокойно ворочаться, желудок голодно урчал, к тому же стало заметно холоднее. Изрядно промучившись, Мычка наконец забылся.

Он проснулся с гудящей головой и ощущением угнездившегося глубоко внутри холода. Застыв за ночь, мышцы двигались с трудом, каждое движение отзывалось острой болью. Выбивая зубами дробь, Мычка скинул куртку, захватив ладонями по горстке снега, принялся растираться. От острого холода он замычал, задергался, но продолжил лишь с большей яростью. Наконец действие возымело эффект. Кожа покраснела, а сердце застучало сильнее, разгоняя по жилам кровь. Набросив куртку, Мычка привычно проверил мешок, подхватил рогатину, и побрел в прежнем направлении.

Миновал полдень. Исполненный нехороших предчувствий, Мычка осматривался все чаще, но вокруг, куда ни глянь, лишь молчаливая стена леса. Проходя мимо высоких деревьев, он с надеждой смотрел вверх, но, едва подняв глаза, ронял вновь. Снегопад продолжался, и надежда увидеть отчий дом, взобравшись на вершину, гасла. Напрасно он всматривался в снег, ни следов, ни тропинок, лишь влажный блеск свежего снега, холодный и непрерывный.

Вскоре подкрался голод. Сперва слабый, вскоре он усилился, начал терзать внутренности. Рассчитывая обнаружить зверя, Мычка вертел головой все чаще, но тщетно, ни следов, ни шевеленья. Даже птицы затихли, будто под плотной пеленой снега лес начисто вымер. В груди разлилось тяжелое предчувствие — третьей ночи под открытым небом он не переживет.

ГЛАВА 2

Серая пелена небес потускнела, а следом потускнел весь мир. Где-то высоко, отрезанное от земли стеной туч, сияет солнце. Но даже там вскоре наступит ночь. Здесь же, под раскидистыми кронами деревьев, в укутанном снегом лесу, тьма настанет гораздо-гораздо раньше. Третий день подряд ему сопутствует удача, путь не пересек ни один из многочисленных хищников леса. Но удача не длится вечно. Изнуренные голодом, рано или

поздно охотники выйдут из своих нор, и если в первый, да и во второй день, он вполне мог рассчитывать на собственные силы, то сейчас, измученное долгим путем, и терзаемое голодом, тело может дать слабину. Глаза неверно оценят расстояние, не вовремя дрогнет рука, и, едва начавшись, его жизненный путь прервется.

В груди болезненно заныло, а глаза увлажнились. Возникло сильнейшее желание спрятаться, укрыться в теплом тихом месте от бездушного мира, что со спокойствием камня взирает на гибель тысяч существ, будь то одряхлевшее от старости дерево, или полный сил молодой охотник. Жалость к себе накрыла волной, ударила в живот так, что перехватило дыхание, стиснула горло. Кривя губы, и изо всех стискивая челюсти, чтобы не разрыдаться, Мычка остановился возле старой сосны, уткнувшись лбом в ствол, замер.

Среди плывущих перед глазами цветных пятен протаяли лики родных: неободрительно качает головой дед, мать прожигает суровым взором, насмешливо смотрят братья, лишь младшая сестра ласково улыбается, в ее глазах понимание и поддержка.

Налипший на кору снег охладил лицо, стало легче, или это так подействовали воспоминания? Мычка встряхнулся, перехватив рогатину, вновь двинулся в путь, сперва нерешительно, но с каждым мгновением вновь обретая уверенность.

Ночь наступает неумолимо. Стволы деревьев начинают расплываться, а кусты растекаются в серые пятна, смешиваясь со сгущающимся сумраком. Голод разгорается все сильнее. Уже не просто сосет под ложечкой — сводит спазмами желудок, да так, что приходится сжимать зубы, чтобы не завывать от боли. Сил все меньше. Все тяжелее идти. Ноги все чаще спотыкаются, не в силах переступить многочисленные сучья-преграды, проваливаются в заполненные водой невидимые ямы. Рука с трудом удерживает рогатину, еще немного, и пальцы разожмутся, древко выскользнет, и уже нельзя будет остановиться, поднять, потому что продолжить путь не хватит сил.

Где-то неподалеку тоскливо завывало. Подхватывая, завывало с другой. И вот уже весь лес наполнен заунывным, тянущим душу воем, доносящимся, кажется, отовсюду: слева, справа, сзади. Звери вышли на охоту, скоро они соберутся в стаю, возьмут след, и тогда все кончится быстро и легко, ведь даже для того, чтобы перерезать себе горло засапожным ножом, уже не хватит ни времени, ни сил.

Ноздрей коснулся запах, слабый, едва различимый среди множества лесных ароматов, но сердце забило радостно, а в груди потеплело. Привычный, не привлекавший внимания в обыденной жизни, сейчас запах показался сладким и желанным. Запах дыма, сторающие в печи сучья, волны живительного тепла и шкворчащая на вертеле тушка. Он все-таки дошел. Превозмогая слабость, голод и страх, дошел, выбрался из цепких лап заснеженного леса!

Еще немного, и он сможет увидеть родных, ощутить тепло огня, утолить голод... Мычка завертел головой, пытаясь определить направление, пошел, а затем и побежал. Силы вернулись. Подстегиваемый нетерпением, он полетел, как на крыльях. Словно и не было утомительного трехдневного перехода. Еще чуток, еще немного! Последнее усилие.

Вой больше не резал уши, ослабев, остался позади, чтобы вскоре затихнуть. Звери не учуяли добычу, или, опасаясь близости жилья, не решились преследовать. А если бы и решились — вряд ли успели. Ведь жилье так близко. Он знает здесь все тропки, каждое дерево. Правда, почему-то, ноги все чаще проваливаются в ямки, а по лицу, выныривая словно ниоткуда, наотмашь бьют ветви. Но это все из-за снегопада, что покрыл все вокруг белым мехом, изменив до неузнаваемости, да и усталость дает о себе знать.

Мычка с разбегу вылетел на открытое пространство. Стемнело настолько, что он и не

понял, отчего стена леса вдруг кончилась, а впереди, пугающая, обозначилась чернота. Он сделал по инерции шаг, другой. В грудь уперлось острое. От неожиданности Мычка замер, протер слезящиеся от налипшего на лицо снега глаза, всмотрелся. Впереди, в паре шагов, начинается частокол, высокая изгородь из подогнанных друг к другу бревен. Из частокола, через равные промежутки, снизу вверх, угрожающе топорщатся заостренные колья. Пробеги он на шаг дальше — нанизал бы себя, словно тушу на вертел.

Пальцы ощупывают острие кола, взгляд вновь и вновь обшаривает частокол. Когда успели поставить частокол, а главное — зачем? От чего может понадобиться защита в лесу, к тому же целой деревне? Неужели за те три дня, что он отсутствовал, случилось нечто ужасное?

Мысли продолжают кружиться, взгляд мечется взад-вперед, но в глубине души зарождается жуткое понимание, крепнет, захлестывает волной ужаса. Это не его деревня! Но тогда чья? Ведь, как он знает точно, окрест нет ни единого поселения. Мычка напрягся, по крупицам вспоминая рассказы бывалых охотников, о том, что где-то далеко есть еще деревни, много больше их родной, где живут чужаки, с другими обычаями, другой речью и даже другой, отличной от их, внешностью.

Пока он был совсем маленький, восторженно внимал подобным рассказам, став старше — относился с недоверием. И вот легенды стали былью, а вымысел обрел плоть. Понимание вызвало восторг и, в то же время, трепет. Как отнесутся к чужаку неведомые селяне, что скажут, как поприветствуют? Да и поймет ли он хоть слово?

Задор угас, вновь навалилась усталость, еще тяжелее, чем прежде. Едва переставляя ноги, он поплелся вдоль изгороди, даже не пытаясь преодолеть невысокую, в общем, преграду. Частокол длится и длится, будто ведет в бесконечность, или это он плетется, как ночной слизняк. Свободная рука устремлена вперед, ощупывает преграду, вторая сжимает рогатину, крепко, насколько позволяет усталость. Вполне возможно, оружие не пригодится, но, если что, рука должна держать крепко.

В непрерывном частоколе ограды обозначился проем. Ощувив облегчение, Мычка рванулся вперед, но ударился грудью, отшатнулся. Три поперечные балки, соединенные по краям, загораживают проход. Повезло, что ворота без угрожающих заостренных зубьев. Хорош бы он был, добравшись до деревни, но повиснув на воротах. Чувствуя, что совершает подвиг, Мычка пригнулся, с трудом протиснулся в щель. Зацепившись за щепку, затрещал мешок. Выпростав ткань из древесного плена, Мычка поднялся, осмотрелся. Взгляд заскользил, выхватывая из сумрака серые глыбы теней, дома — не иначе. Тут же глыбки поменьше, явно хозяйственные пристройки. В пристройке неподалеку что-то возится, шуршит: не то забрался мелкий хищник, не то ожидает участи пойманная накануне, но еще живая добыча.

Мычка сделал шаг, другой. Во тьме неподалеку встревожено заворчал, но в этот момент из леса донесся вой, и невидимый страж поперхнулся, испуганно вспикнув, замолчал. Дом приблизился, навис, ноздрей коснулись многочисленные запахи. Среди прочих выделялся один, приторный и смутно знакомый. Мычка постучал в дверь. Сперва осторожно, но, не услышав ответа, забарабанил сильнее, чувствуя — еще немного, и он упадет прямо на пороге, а к следующему жилью придется уже ползти.

Изнутри донеслось покашливание, скрип половиц. Хрустнул засов, дверь отворилась. Из щели плеснуло светом. Мычка зажмурился, взмахнул рукой, закрываясь от слепящей вспышки, а когда проморгался, среди плавающих разноцветных пятен протаяло лицо незнакомца. Глубоко запавшие глаза, тяжелая челюсть, мясистый нос, в копне нечесанных

волос запутались травинки, охватывающая щеки и подбородок могучая щетина пестрит каплями влаги.

— Чего надо?

Голос хозяина оказался сух и неприветлив.

Улыбнувшись, насколько позволили задубевшие губы, Мычка прошептал:

— Переночевать бы мне. Заплутал.

Брови мужчины взлетели, он произнес с удивлением.

— То-то я думаю — лицо не знакомо. Ты откуда взялся, и как прошел?

Мычка неопределенно махнул рукой.

— Оттуда. А прошел через проем в ограде. Три связанных жерди... Должно быть врата.

Мужик посмотрел в указанную сторону, перевел взгляд туда, где надлежало быть вратам, сказал сурово:

— Как Филон врата охраняет, что кому не лень в деревню прут, разбираться будем завтра. А ты, коли прошел — заходи. — Заметив, как Мычка качнулся вперед, растопырил ладонь, преграждая дорогу, сказал с угрозой: — Да не в избу, в сарай. Ночь переждешь, а там видно будет, что с тобой делать.

Мычка кивнул. Предложение ночевать в сарае покорило, но спорить не приходилось. Мужик натянул расхлябанные сапоги, накинул рубаху, выдвинулся из дома, прикрывая ладонью тлеющую лучину. Проходя мимо гостя, он повернул голову. Мычка заметил, как расширились глаза хозяина, когда тот взглянул на него сбоку, но не придавал значения. Мужик мгновение помедлил, но лишь молча прошел вперед.

Дверь сарая распахнулась с противным скрежетом. Хозяин остановился возле, дождавшись, когда Мычка поравнялся, сказал:

— Вон, справа топчан. Там же шкуры. Возьми пару, завернись. Авось к утру не околеешь. В гости не звал, так что печь жечь не буду, не обессудь.

Зашуршали шаги, огонек поплыл назад, потух, мгновеньем позже грохнуло и наступила тишина. Затворив дверь, Мычка добрался до топчана, нащупав шкуры, взял две. Шкуры оказались малы, но больше взять не решился: в гостях — не дома. Рогатина встала к стене, мешок удобно устроился под головой. Рука еще только начала пристраивать шкуру, но сознание провалилось во тьму.

Проснувшись, Мычка зевнул, потянулся, смутно удивляясь, отчего так ноют мышцы, а желудок сводит, будто он не ел целую седмицу, открыл глаза. Небольшое темное помещение, низкий потолок, сквозь щель под притолокой проникает слабый свет, подсвечивая груды развешанных по стенам непонятных инструментов и сваленные беспорядочной горкой шкуры. Мычка мгновение непонимающе всматривался в обстановку, когда вспышкой промелькнули воспоминания: бездумная погоня, бесконечный заснеженный лес, и подкрадывающееся отчаянье одиночества.

Он не дома! От этой неприятной мысли Мычка дернулся, рывком сел, но почти сразу завалился обратно. От пронзительной боли во всем теле перед глазами поплыли кровавые пятна, а в ушах застучало. Дождавшись, когда боль утихла, Мычка зашевелился, аккуратно, стараясь не делать резких движений, поднялся. Судя по ощущениям, он изрядно промерз за последние дни. Долгая дорога подорвала силы, а недостаток пищи не позволил восстановиться.

Чувствуя, как внутри ворочается ледяной ком, Мычка встал, сделал неуверенный шаг, затем еще, присел, пошевелил руками. Сердце застучало сильнее, кровь пошла быстрее,

разнося по телу тепло и жизнь. Однако, в тесноте сарая двигаться удавалось с трудом и Мычка направился к выходу. Рука невольно потянулась к стене, отыскивая рогатину, но пальцы нащупали пустоту. Решив, что оружие попросту упало, Мычка нагнулся, зашарил под ногами, но искомого не нашел, лишь испачкал пальцы в пыли.

Пожав плечами, Мычка встал. Рогатину он найдет после, сейчас есть гораздо более важные вещи: осмотреться, поговорить с хозяином, наконец, понять, куда его занесло и насколько быстро можно вернуться в родную деревню. Исполненный вопросов, Мычка потянул на себя дверь, шагнул в открывшееся пятно света, и... замер.

Напротив стоят трое. Плечистые, равного роста, руки сложены на груди, подбородки угрожающе выпячены, взгляды прикипели к незнакомцу. Покрывающий щеки и подбородок темный пушок выдает молодняк, но глаза по взрослому серьезны, а испятнавшие лица мелкие шрамики показывают — несмотря на молодость, парни достаточно опытны, чтобы постоять за себя. Такие уже принимают решения сами, а одобрение старших испрашивают лишь как дань традиции.

Приветствуя, Мычка поднял руку, сказал нараспев:

— Приветствую вас, охотники. Меня приютили ночью, чем спасли жизнь, и я бесконечно благодарен.

Парни не пошевелились, лишь глаза — черные точки — раз за разом пробегают по фигуре чужака, оценивая, сравнивая, сопоставляя. Под пристальными взглядами Мычка ощутил неловкость, но, не зная местных обычаев, терпеливо ждал, когда охотники удовлетворят любопытство. Особенно часто взгляды парней скользят по его лицу, уходят в сторону, надолго задерживаются по сторонам головы. Мычка никак не мог взять в толк, на что там можно смотреть, и даже невольно коснулся головы рукой, проверяя, не запуталась ли в волосах трава или кусочки грязи.

Закончив осмотр, парни, как один, повернулись, молча двинулись в сторону. Мычка проследил за ними взглядом: гордо расправленные плечи, подчеркнута выпрямленные спины. От парней веет явным пренебрежением. Мычка закусил губу, в его родной деревне так не обращались ни с кем, даже с провинившимися, но лишь вздохнул, с усилием отогнал неприятные мысли. Чужая жизнь, другие нравы. Пока он здесь, придется мириться. Даже если случится задержаться. Но он уж постарается, чтобы задержка оказалась не долгой.

Протяжно скрипнуло. Отвлечшись от тяжелых раздумий, Мычка повернулся. Из-за двери, сдвинув брови, сурово смотрит хозяин. Заметив, что привлек внимание, он приглашающе мотнул головой, исчез в глубине дома. Помедлив, Мычка двинулся следом, переступив порог, окинул жилище взглядом. Все похоже, и, одновременно, не так, как в родной деревне: небольшие сенцы, вдоль стены рядком выстроилась обувка, на крюках, зацепленные за ворот, висят куртки. В углу гряда хвороста, тут же ворох грязного тряпья.

Мычка разулся, прошел в жилую часть. Просторная комната в два окна, вдоль стен заставленные горшками лавки, в дальнем углу почерневшая от времени печь. В отгороженном от комнаты металлической заслонкой жерле яростно пылает огонь, распространяя вокруг живительные волны тепла. Почти треть помещения занимает здоровенный стол. Судя по глубоким царапинам и сколам поверхности, стол не столько трапезная, сколько место для работы.

Возле печи хлопочет хозяйка — дородная женщина: волосы цвета пожухлой травы растрепаны, свешивающиеся с одежды многочисленные лоскутки колышутся при каждом движении. Хозяин сидит за столом, время от времени сурово поглядывает в сторону

соседней комнаты, где из-за занавески нет-нет, да выглянут исполненные любопытства детские лица.

— Садись. — Заметив, что Мычка замялся, хозяин уточнил: — Да за стол садись, чего уж.

Мычка благодарно кивнул, примостился на лавочку. Тут же перед ним возникла миска с дымящейся похлебкой. От одуряющего запаха закружилась голова. Мычка с трудом удержался, чтобы не опрокинуть варево сразу в глотку, взял предложенную ложку, зачерпнул, неторопливо положил в рот. По гортани разлилось тепло, проникло глубже. Язык затрепетал, впитывая живительный мясной вкус. Он еще не пробовал столь вкусной похлебки! Рука заходила чаще, ложка замелькала, перекладывая содержимое миски в рот.

Хозяин сидит молча, во взгляде одобрение. Любому приятно, когда хвалят, пусть даже это всего лишь пища, и хвалят не словами, а смачным чавканьем и стуком ложки. И Мычка хвалил, хвалил, как никогда раньше, зачерпывал как можно больше, плескал на стол, прикусывал губы.

— Поел? — Хозяин вопросительно изогнул бровь.

— Еще как! — воскликнул Мычка с подъемом.

— Хорошо. — Из глаз мужчины исчезло одобрение, а лицо стало суровым. — Теперь сказывай.

Выскоблив из миски последние капли, Мычка ненадолго задумался. Рассказать, как есть, ведь в его умыслах нет зла. Да и какое может быть зло? Охотник охотнику брат и товарищ, всегда поможет, всегда выручит. На бесконечных лесных просторах нечего делить, не из-за чего драться. Только почему лицо хозяина временами твердеет, превращаясь в каменную маску, а во взгляде мелькает непонятная угроза, отчего возникает сильнейшее желание распрощаться, и как можно быстрее уйти?

Заметив колебания гостя, Хозяин пожевал губами, произнес:

— Ладно, паря, вижу правду говорить не хочешь. Пока не ляпнул чего, не подумав, договоримся так. За услугу услугой ответишь, чтобы обид не было. Седьмицу, другую побатрачишь — отблаговаришь. Оклемаешься, вон, с лица совсем спал, ни рожи ни кожи, только кости и торчат, а заодно решишь, дальше пойти, или здесь остаться.

ГЛАВА 3

Мычка опешил. Отблагодарить за помощь несомненно нужно, но батрачить седмицу, тем более две, всего лишь за ночь в холодном, насквозь пропыленном сарае... В родной деревне, зайди кто подобным образом на огонек, отогрели бы, спать уложили, а на утро проводили, да еще и узелок с пищей выдали. Мычка пытливым взглядом взглянул на хозяина, не смеется ли. Но лицо собеседника сурово, из-под морщинистых век настороженно и цепко сверкают глаза, порой приобретая то странное выражение, что промелькнуло с самой первой встречи.

Однако, какой бы несоизмеримой не казалась благодарность, хозяина придется

уважить. Лупцуя жестким шершавым ремнем за очередную провинность, отец, бывало, говаривал — за проступки ответ держи, чтобы впредь неповадно было. За эти дни он совершал ошибки трижды: погнался за кабаном, потерялся, и, главное, покинул деревню, когда должен был оставаться на месте. За подобное не то что седмицу — до весны работать мало!

Мычка вздохнул, сказал с чувством вины:

— Побатрачу сколько скажешь.

Хозяин покивал, сказал с заметным довольством:

— Вижу, парень ты смышленный. Будешь батрачить хорошо — расстанемся полюбовно.

Но смотри, — он вновь нахмурился, — с местными не зарывайся, и гонор не кажи. Иначе живо растолкуют, кто есть кто, да так, что небо с овчинку покажется. Здесь таких не любят.

Последние слова хозяин произнес с такой глухой ненавистью, что Мычка содрогнулся, спросил едва слышно:

— Каких?

Собеседник вздернул губу в кривой ухмылке, так что стали видны пожелтевшие кривые зубы, прошептал:

— Вершинников — нечисть лесную.

— Вершинников?

Мычка некоторое время непонимающе моргал, но, перехватив взгляд хозяина, едва не буравящий голову, невольно вздернул руку. Пальцы коснулись волос, чуть сдвинулись, дотронувшись до уха, замерли.

Хозяин покивал, произнес с нажимом:

— Их, их, родимых. Тем и отличаются, что уши, как у зверья — острые, да подвижные. — Заметив, как Мычка поспешно взъерошил волосы, он оскалился, добавил: — Да и статью. Что стар, что млад — все поджарые, тонкокостные, что твой хорек. Не силой — ловкостью берут. Ну и, конечно, кожа.

— А с кожей что? — чувствуя, как перехватило горло, прошептал Мычка.

Хозяин пожал плечами.

— Бледные. Даже на солнце не темнеют. Одно слово — нечисть. — Добавил с насмешкой: — Да что я все рассказываю, а то сам не знаешь? А коли забыл, ха-ха, в воду глянь, или в таз начищенный, живо вспомнишь.

Оглушенный услышанным, Мычка с трудом вымолвил:

— А почему... вершинники?

— Кто ж его знает. Видать, на верхушках живут: на деревьях, или, может, на холмах. Нечисть, одно слово. Ладно, разговоры разговорами, а дело стоит. — Он поднялся, направился к выходу. — Пойдем, покажу, что делать, да прослежу. А то напортишь, исправляй потом.

Хлопнула дверь, в сенцах завозилось. Ошеломленный услышанным, Мычка замедленно поднялся. Позади грохнуло, раздраженно зазвенело. Обернувшись, Мычка перехватил недовольный взгляд хозяйки, поспешно выскочил за хозяином. Руки натягивают сапоги, взгляд бездумно мечется по стенам, но в голове затишье. Мысли движутся замедленно, со скрипом, словно тяжелый жернов. Череп раскалился от бесплодных попыток понять услышанное.

Почему нечисть? В чем разница между живущими в его родной, и местной деревне? Кончики ушей, чуть более светлая кожа, гибкая стать... Но ведь это естественно! Настолько

естественно, что даже странно, как местные удосужились придать подобным вещам такое значение. Любой охотник, даже самый неопытный, знает — зверя создает жизнь. Даже близкие твари, порой, различаются настолько, что кажутся совсем-совсем разными. Образ жизни накладывает отпечаток, формирует повадки, изменяет внешний вид. Но при всех внешних различиях суть не меняется. Зверь остается зверем, рыба рыбой, а человек... человеком.

— Заснул?

Голос грубо вторгся в раздумья, спугнул мысль, что вот-вот должна была привести к пониманию чего-то очень важного. Мычка вздохнул, вышел из дома. Хозяин маячит неподалеку, нетерпеливо постукивает носком сапога по земле. Заметив, что гость вышел, он двинулся в обход дома, время от времени поглядывая, следует ли новоявленный работник по пятам, или опять отстал, отвлекшись на очередную бессмыслицу.

Мычка шел споро, но успевал косить глазами по сторонам. Вокруг в беспорядке расположились почерневшие, покосившиеся избы. Мычка не переставал удивляться, как можно довести дом до такого состояния. Ведь жильё — единственное убежище, что укрывает от непогоды, защищает от хищников. Жильё, как и оружие, должно быть в идеальном состоянии, чтобы в тяжелую минуту не подвело, сохранило жизнь. Эту простую истину он заучил наизусть, и теперь, глядя на ветхие строения, ощущал неприятный щем в груди.

Сразу за домом, в огороженном ветхим заборчиком дворике, обнаружили груды рыбьих костей. Глядя на почерневшие останки, Мычка наконец понял, что именно придает воздуху вокруг непривычный терпкий аромат. Судя по висящим неподалеку, намотанным на подставки сетям, основное занятие хозяина ловля рыбы, если же взглянуть шире, рыбалит вся деревня: разложенные возле изб сети, горы рыбных костей и чешуи, и мощный тяжелый запах рыбных останков. Вообразив, какой запах здесь стоит в теплое время года, Мычка передернул плечами.

Ощувив острый приступ презренья, как можно жить в такой грязи? Мычка поспешно встряхнулся, отбросил неуместные мысли. Нельзя судить о привычках, не проникнув в глубины чужой жизни. К тому же именно этим людям он обязан жизнью, так что...

— Что я должен делать? — Мычка взглянул в глаза хозяину.

— Что-то мусора поднакопилось. Займись. — Перехватив озадаченный взор помощника, хозяин уточнил: — Собираешь в мешок, относишь к ограде, высыпашь. Вот мусор, вон мешок. Как видишь, ничего сложного.

— Просто высыпать за ограду, не уносить в лес, не закапывать? — спросил Мычка, пораженный в который раз.

Хозяин пожал плечами.

— Ну да. Чего мудрить-то? — Прищурившись, добавил ехидно: — Нет, конечно, ежели рук не жалко, можешь выйти за околицу, подолбить, ха-ха, земельку. Она нынче мягкая.

Посвистывая, хозяин удалился. Оставшись один, Мычка осмотрелся. До околицы, как назвал окружающий деревню часток кол хозяин, не далеко, куча мусора не так уж велика. Единственная неприятность — неподалеку расположились пару домишек, и местные наверняка заинтересуются, выйдут посмотреть. Конечно, он не стыдится работы, отблагодарить за помощь — что может быть лучше, вот только отношение хозяина к вершинникам не идет из головы. И если все местные относятся к "лесной нежити" также, то...

Зябко передернув плечами, Мычка приступил к делу. Работа пошла легко. Рыбные остатки съезжают целыми пластами. Всего-то нужно, собрать кучу побольше, да перебросить в загодя подставленный мешок. Набрав столько мусора, что мешок едва не лопнул, Мычка перекинул ношу на плечо, двинулся к околице. В свете дня околица выглядит менее монолитной, чем показалось ночью: покосившиеся жерди, подгнившие столбы, усиленные подпорками и засыпанные все тем же мусором почти до половины.

Когда-то неплохая, нынче ограда представляет плачевное зрелище. Мычка терялся в догадках — кому и для чего понадобилось возводить забор. Нынешнее состояние околицы говорит лишь об одном — жителям деревни ограда не нужна, и подновляют ее больше по привычке, чем из насущной необходимости. Потоптавшись у околицы, рука не поднималась бросать мусор вот так, считай, в самой деревне, Мычка все же высыпал отбросы. Пока он раздумывал, в окошке соседнего дома появилась чья-то кудрявая голова, блеснули любопытные глазенки. Не желая привлекать излишнее внимание, Мычка поспешно удалился.

Вернувшись, он вновь приступил к работе, но дело пошло хуже. Верхний, рыхлый слой объедков истончился, пошел смерзшийся, твердый как камень мусор. Пытаясь соскрести хоть что-то, и исколов пальцы костями, Мычка в конец измучился, наполнив всего четверть мешка. Когда он уже был близок к отчаянью, из дома вышел хозяин, посмотрев на мучения гостя, покачал головой, после чего удалился в сарай, но вскоре вернулся.

— Держи. Так сподручнее будет.

Приняв из рук хозяина небольшой невзрачный скребок, Мычка благодарно кивнул, продолжил с новыми силами. Не смотря на простоту изделия, работать стало намного легче, и вскоре он вновь шел к околице, закинув туго набитый мешок за спину. На этот раз его ждали. Не успел он поравняться с домом, как из окошка высунулось сразу три головенки, похожие словно капли воды, уставились не мигая.

Мычка улыбнулся, подмигнул, подумав, показал язык. Глаза детей округлились, на лицах отразилось непонимание. Удивившись, что дети не знают таких простых развлечений, Мычка скорчил страшную рожу. Забавляясь, он ожидал реакции, но в этот момент в доме недовольно рявкнули. Головы мигом исчезли, а на их месте образовалась заросшая щетиной заспанная рожа. Злобно покосившись на Мычку, рожа исчезла, а спустя миг хлопнула ставня, пресекая дальнейшее общение.

Мычка вздохнул. Перед внутренним взором встала родная деревня. Сколько Мычка себя помнил, никто и никогда не запирал его в стенах дома. Наоборот, мать всегда поощряла развлечения детей на открытом воздухе, а отец так и вовсе устраивал довольно рискованные игры, но подходил к делу всегда настолько тщательно, что ни травм, ни даже ссадин подобные забавы не оставляли.

Прошел день, наступил вечер. Увлеченный работой, Мычка опомнился лишь когда остатки мусора, до того четкие и выпуклые, расплылись, слились в единое серое пятно. Вскинув очередной мешок на плечо, Мычка попытался сдвинуться, но его повело.

— Хорош надсаживаться.

От гула в ушах голос показался глухим и незнакомым. Мычка узнал хозяина лишь повернув голову, выдохнул с трудом:

— Чуть-чуть не доделал. Совсем немного осталось. Завтра с утра...

Хозяин покачал головой, сказал со сдержанным одобрением:

— Молодец, нечего сказать. Но, если помнишь, тебе еще седмицу осталось.

Перетрудишься, сляжешь, кому от этого хорошо?

В словах хозяина был свой резон, и Мычка кивнул. То, сколько он сделал за сегодня, с лихвой хватило бы такую малость, как ночевка в сарае. Однако, он дал себе слово отработать долг до конца, насколько бы много не потребовали. Конечно, можно возмутиться, или, того проще, уйти под покровом ночи, но тогда не останется должного урока, насколько тяжелым могут быть последствия легкомыслия. Ведь в следующий раз повезти может гораздо меньше, и на пути не попадет деревни с удобным топчаном в сарае и оглушительно вкусной горячей похлебкой в печи.

Отвечая желаниям, мысли обрели плоть. Ноздри зашевелились, вбирая аромат пищи. Встрепенувшись, Мычка завертел головой. Придавленный усталостью, он и не заметил, как следом за хозяином зашел в дом, двигаясь, словно истукан, и лишь мясной дух вернул к жизни.

На этот раз пища показалась еще вкуснее. И хотя на зубах то и дело хрустели кости, а среди жирных капель топорщились подозрительного цвета непонятные кусочки, подобные мелочи не могли испортить наслаждение ужином. Хозяин вкушал тут же, изредка поглядывая на гостя, одобрительно кивал, после чего возвращался к прерванному занятию.

Когда ложка заскребла по дну тарелке, Мычка поднял глаза, с облегчением выдохнул. Ощущение приятной тяжести в желудке растеклось по телу, рождая сладостную истому и окрашивая окружающий мир в радужные тона. Взгляд заскользил по стенам, отмечая мелкие детали, на которые ранее не обратил внимания. Лавки, поверхность стола и стены удивительно ровные, без насечек и прикрас. Мычка с удивлением всматривался в попятнанные плесенью углы, не без содрогания замечал забившуюся меж половиц пыль и крошки, где сновали какие-то мелкие, но шустрые жуки неприятного вида.

В родной деревне подобного не могло произойти: подогнанные так, что не просунуть и кончик ножа, доски не пропускают грязи, а любая поверхность, пусть это даже балки притолоки, украшены витиеватой вязью резных узоров, что, вооружившись ножом, наносят мужчины во время долгих зимних вечеров, коротая время.

В сердце кольнуло. Воспоминания разбередили рану. Перед глазами возникло лицо матери. Что чувствует она сейчас, когда сын исчез, растворился в ночи леса: грустит, украдкой промокая глаза, или проклинает, презрительно кривя губы, за то что ослушался, сбежал, предпочтя обязанностям преданного сына свободу лесных просторов? Что говорит отец, ведь он наверняка вернулся, а сын, вместо того, чтобы достойно встретить, помочь с разделкой добычи, сбежал?

Кулаки сжались аж побелели костяшки и вздулись желваки. Стыд хлестнул огненным бичом, так что кровь бросилась в лицо и заалели щеки. Мычка скрипнул зубами, с трудом удерживая зародившийся в груди глухой рык бессилия, тяжело вздохнул, а когда поднял глаза, наткнулся на изучающий взгляд хозяина. Тот смотрит искоса, задумчиво постукивает пальцами по столу. Мычка перевел взгляд, с удивлением отметив, что рука мужчины как бы невзначай касается рукояти ножа, торчащего из притороченных к поясу ножен. Мычка вновь поднял глаза, перехватив взгляд хозяина, внутренне содрогнулся. Лицо мужчины не отражает чувств, и даже кажется отстраненным, но в глазах, сквозь пелену безразличия, проглядывает откровенная угроза.

Вновь вспомнились давешняя беседа и жестокие слова "лесная нечисть". Последние сомнения истаяли, как роса на солнце. Если до того Мычка предполагал, что хозяин шутит, или просто запугивает, опасаясь чрезмерной бойкости гостя, то теперь ощутил — все

обстоит именно так. Его воспринимают как опасность, настолько серьезную, что, пойдя что-то не так, без промедления воспользуются оружием, чтобы... Дальше думать не хотелось. Все-таки, не смотря ни на что, где-то в глубине души осталась непоколебимая уверенность, впитанная с молоком матери и словами отца: мир достаточно суров, а люди слишком слабы и немногочисленны, чтобы тратить отпущенное богами драгоценное время и силы на вражду друг с другом.

Мычка с усилием отвел взгляд, уставился в окно, где, проникая сквозь щели в ставнях, меркнули последние лучи уходящего дня. От хозяина не укрылись изменения в поведении гостя, он усмехнулся, скрипуче произнес:

— Рогатину я твою спрятал, как и нож. Они тебе пока без надобности. Тут не лес, зверья нет, да и чужаки, кх-м, не шастают. Будешь уходить — отдам, если впечатления не испортишь. Ну а сейчас время отдыха.

Они встали одновременно, хозяин — давая понять, что разговор окончен, гость — показывая, что в напоминаниях не нуждаются. Провожаемый пристальным взглядом, Мычка покинул комнату, поспешно оделся, и, не задерживаясь, вышел на улицу. Хозяин по-своему прав, но чувство гадливости не покидает, словно его принимают не человека, а за бешеное животное, что в ярости укусит кормящую руку, ослепленное безумием.

Чувствуя на себе взгляд, словно хозяин продолжал следить даже через ставни, Мычка поспешно прошел к сараю, мягко отворил дверь, но на обратном движении не выдержал, хлопнул так так, что дрогнули стены, а с потолка посыпалась пыль и куски паутины. Раздражение прорвалось нервной дрожью, разбежалось по спине крупными мурашками. Мычка заходил по комнате, словно запертый в клетку дикий зверь. Навечное ужином спокойствие исчезло, уступив место ярости. Мало того, что у него забрали рогатину, оружие, с коим, выходя в лес, не расстается ни один охотник племени, так еще и нож, без чего мужчина не мужчина! И все это тайком, под покровом тьмы, когда он лежал, скованный усталостью и холодом.

С другой стороны, хозяин честно предупредил — здесь не любят таких... отличающихся. К тому же он всего лишь забрал оружие, не связал, позволив передвигаться самому. Мысль отрезвила, заставив взглянуть на происходящее по-новому. Хозяин всего лишь заботился о собственной безопасности, хоть и в таком превратном понимании, запирая просящих ночлега людей в сарай и полностью отбирая оружие, вплоть до засапожных ножей, что и не оружие вовсе, а жизненно необходимый инструмент.

Не в силах прийти к какому-то однозначному выводу, Мычка ощутил, еще немного, и голова лопнет от неразрешимых сомнений. Махнув рукой, он нащупал топчан, прилег, и едва натянул на плечо шкуры, провалился в сон.

ГЛАВА 4

На следующее утро, выбравшись из сарая, Мычка обнаружил пищу прямо у двери, на

ровно отесанном чурбане. Умяв похлебку, успевшую остыть, но не утратившую вкуса, Мычка ощутил, как возвращается жизнь. Поселившийся за ночь в груди холод истаял, мышцы налились силой. Конечно, в подобных условиях горячий завтрак оказался бы предпочтительнее, но Мычка не роптал. У него еще будет вдоволь свежей питательной пищи, нужно лишь немного подождать.

Подхватив скребок, Мычка направился на задний двор, глядев кучу мусора, что за прошедший день заметно уменьшилась в размерах, поплевал на руки. Он успел обвыкнуться, а может большая часть работы оказалась сделана вчера, но к полудню двор сиял чистотой. Разохотившись, Мычка выбрал из земли малейшие кусочки мусора, а разбросанные тут и там сучья и веточки, что могли пригодиться для растопки, сложил в отдельную кучу возле стены.

Оглядев результаты работы, Мычка ощутил гордость. К удовлетворению от сделанного примешивалась лишь толика досады, прежде чем уговор с хозяином позволит двинуться назад, солнце взойдет и сядет не меньше пяти раз. К тому же немало займет дорога. Так что домой он попадет еще очень и очень не скоро, если вообще попадет. Уныние напоззло темным облаком, притушило краски, но Мычка отчаянно затряс головой, отбрасывая ненужные сомнения, поспешно двинулся к дому.

Рука коснулась двери, нажала, но та не поддавалась. Мычка нажал сильнее, ударил, затем забарабанил, привлекая внимание, но ответа так и не дождался. Потоптавшись у порога, Мычка пожал плечами. Он не особо устал, но, раз выдалась передышка, глупо не воспользоваться возможностью и не изучить жизнь деревеньки. Наверняка у местных есть чему поучиться, но будет ли на это время в дальнейшем?

Мычка вышел со двора, остановился в раздумье. В родной деревне избы возводили с расчетом: не ставили близко, чтобы, в случае пожара, огонь не перекинулся на соседей, падали деревья, выкорчевывая кусты и молодую поросль, оставляли стариков-великанов, располагали двери на восход, чтобы, лишь распахнув двери с утра, видеть каков будет день.

Здесь дома разбросаны в беспорядке, будто строили, как на душу положит: где-то дома стоят особняком, а где-то скучены, подобно сотам диких пчел. Некоторые избы окружены крепкой изгородью, настолько высокой, что видать лишь крышу, другие огорожены лишь наспех связанными кольями, тронь — завалится. Деревья сведены на корню, так что ветер, обычно свистящий над верхушками, спускается до земли, ерошит волосы, неприятно холодит, забираясь ледяными пальцами за ворот, отчего спина покрывается крупными мурашками. И повсюду груды мусора, почерневшие, смерзшиеся кучи, где шныряют крупные мохнатые крысы.

Мычка неторопливо двинулся по деревне, с любопытством озираясь по сторонам, но, памятуя наставления хозяина, стараясь держаться поодаль. Не успел он сделать и десятка шагов, как в небольшой пристройке по соседству раздалось злое ворчание. Мычка резко остановился, словно налетел на стену. У сарая, угрожающе скаля зубы, застыл волк. Вернее, не то чтобы волк, но нечто очень, очень похожее: усаженные крупными зубами челюсти, прижатые уши, в глазах плещется ярость. Зверь чуть пониже волка, и другой расцветки, но явно не слабее.

Мычка попятился, ощущая, как в животе образуется ледяной ком. Он один, без оружия, нет даже засапожного ножа. Деревьев поблизости нет, а путь к ближайшей избе загоразживает здоровенная зверюга. О том, чтобы развернуться не стоит и помыслить, стоит повернуться спиной — волк неминуемо нападет, охотничий азарт погонит вперед, даже если зверь не голоден. Только, откуда посреди деревни волк, и почему местные не бьют тревогу?

Вон, по соседству, на крыльцо вышел здоровенный мужик, трет глаза спросонья, а там неторопливо прогуливаются двое парней. Может, зверь прокрался в село недавно, и они не успели заметить?

Привлекая внимание, Мычка замахал руками, подпрыгнул раз, другой, но его не заметили, как ни в чем не бывало, продолжили заниматься кто чем. Он ощутил отчаянье. Его не видят, или, если все, что рассказывал хозяин правда, не замечают специально, тянут до последнего, чтобы посмотреть, как чужак будет выпутываться, лишенный оружия, чтобы вмешаться в самый последний момент, насладиться его страхом, взглянуть в расширенные от ужаса глаза, трясущиеся губы, услышать мольбы о помощи.

Отчаянье сменилось досадой. Досадой на себя. За глупость, что пришла в затуманенный страхом разум. Все вздор. Люди не могут так поступать. Видимо, под защитой окружающей деревню изгороди, селяне чувствуют себя в безопасности, а, скорее всего, живущие по другим законам, утратили тонкое чутье, какое свойственно каждому охотнику племени. Хорошо, что зверь наткнулся на него. Окажись на его месте кто-то из жителей деревни — конец был бы неминуем. Но, здесь он, и хотя силы не равны, исход не предрешен.

Мысли пронеслись вихрем, осели палой листвой, чтобы больше не взлететь. Разум ушел в тень, уступая место чутью и инстинктам. Пальцы сами собой потянулись к воротнику. Рывок, и плащ соскальзывает с плеч, но не падает, перехваченный над самой землей, ложится на руку, превращаясь в прочный, и, в тоже время, легкий панцирь. Для мощных челюстей зверя — преграда небольшая, но, короткие мгновения, что зубам придется продраться через защиту, прежде чем достигнуть живой плоти, не будут лишними. В короткой схватке смертельного боя лишний миг означает многое, проходя роковой границей меду смертельным поражением и блистательной победой.

Ноги напружиниваются, а тело изгибается так, чтобы легко сместиться в ту, или иную сторону. Глаза безотрывно следят за зверем, чтобы не пропустить решающий миг. Сердце стучит с надрывом, так громко, будто от яростного ветра рушатся вековые деревья, падают одно за другим. Прыжок. Волк взлетает, в два скачка преодолевая разделяющее расстояние. Зубы лязгают, не достав до живота совсем чуть-чуть. В груди холодеет. Но холод проходит, смытый горячей волной крови. Удар. Свободная рука с силой впечатывается зверю в морду, прямо в черную блестящую бусину носа, в единственную уязвимую точку.

Голова волка дергается, раздается короткий обиженный визг. Но одного удара не достаточно, замах чересчур короток, иначе не успеть. И вновь выпад. На этот раз зверь целит в ногу. Рука с намотанным на предплечье плащом отмахивается, не позволяя твари вцепиться в мясо, вторая же бьет вновь. Не так удачно, как в первый раз, едва задев, но целиться нет времени. Укус, отмашка. Выпад, удар. В уши ввинчивается исполненный ярости крик, но оборачиваться нельзя. Стоит ненадолго отвлечься — все кончится.

Рывок в сторону. Мохнатая туша проносится в опасной близости. Рука не успевает ударить, зверь быстр, а навыков явно не хватает. Короткий злобный рык, и зверь несется назад. Как быстро, как он успел! Толчок в грудь, не сильный, но нога скользит по обледенелой земле, и, лишенное опоры, тело заваливается назад. Туша наваливается сверху, над лицом нависает жуткая пасть, обдает смрадом. Из глубины поднимается панический страх. Уже не до точных движений и расчетливых схем, тело бьется в пароксизме ужаса, руки машут без цели и умысла. Только бы отгородиться, ненадолго отпихнуть зверя, что беснуется сверху, не давая дышать, хотя бы на миг отсрочить неминуемое.

Что-то меняется. Только что маячившая перед глазами, пасть исчезает, а в грудь,

освобожденную от тяжести, потоком вливается воздух. Пошатываясь, и тяжело дыша, Мычка приподнялся, огляделся. От выступивших слез мир размыло. Лес превратился в мутное зеленое пятно, рядом колышется невнятная фигура, лишь небо осталось прежним, испятнанная перьями облаков, пронзительно синяя чаша не изменилась.

— Что ты делаешь, совсем с ума спятил?

Исполненный ярости крик стеганул по ушам, заставил вздрогнуть. Мычка сморгнул, поспешно протер глаз. Мир разом очистился. Лес вновь обрел четкость, распался на отдельные деревья. Фигура съежилась, превратилась в мелкого мужичонку с глазами навывкате и багровыми обвисшими щеками.

Злобно поводя глазами, мужичонка проорал:

— Ты зачем пса яришь, бездарь, сил девать некуда?

— Какого пса? — лишенный сил, выдохнул Мычка чуть слышно.

— Какого пса? — Мужик задохнулся от ярости. — Какого пса?! Мало, что дурень, так еще и слепой. Моего пса!

От злости мужик ткнул сидящего рядом зверя так, что тот болезненно взвизгнул, но почему-то не хватил обидчика за ногу, как ожидал Мычка, а лишь съежился, и виновато вильнул хвостом.

— Так это не волк? — пролепетал Мычка растеряно.

Мужик открыл и закрыл рот, так что лязгнули зубы. Со стороны, привлеченные происходящим, спешат деревенские, и вскоре, возбужденно переговариваясь, вокруг сгущилось с десяток мужчин и женщин. Неподалеку в не меньшем количестве столпились дети, но подойти не решаются, в нетерпении мнутя.

Испуг прошел вместе с запалом боя, накатила усталость. Ощущая на себе насмешливые взгляды, Мычка поспешил подняться, стряхнув с рубахи налипшие кусочки грязи, сказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее:

— Я решил, что это случайно забредший волк. К тому же зверь напал первым.

— Первым он напал, как же, — запальчиво воскликнул мужичок. — Ты его задразнил едва не до смерти!

Опешив от такой откровенной лжи, Мычка растерялся. На него смотрели с насмешкой и презрением. Мелькнуло и пару откровенно враждебных взглядов. Один из подошедших, высокий плечистый мужик, с развесистыми усами, прогудел:

— Ты что, паря, головой приложился, собаки от волка отличить не можешь?

— А пес твой уже не первый раз безобразит, — зло сказал другой, пониже, но не менее широкий. — Гляди, придушат по тихому.

Одна из женщин ахнула.

— Да это ж вершинник! То-то я смотрю кожей бледен. Да пса повалял, ни царапиной отделался.

— Это еще кто кого повалял, — уязвлено заметил мужичок, хозяин пса, но, перехватив суровый взгляд низкого, поспешно отступил на пару шагов.

Мычка ощутил, как настроение толпы разом изменилось. Насмешка исчезла, теперь его разглядывают с явной опаской и настороженностью. Не зная, как реагировать, он замедленно снял плащ с руки, подчеркнуто неторопливо прикрепил на место, рванул, проверяя. От движения волосы колыхнулись, открывая заостренные кончики. Люди разом ахнули, отшатнулись. Невозмутимым остался лишь мужик с развесистыми усами. Со скукой на лице, он оглядел остальных, сказал с насмешкой:

— Что побледнели, увидели страшное?

— Так ведь вершинник, — просипел кто-то, тыкая пальцем в Мычку. — Нечисть лесная...

Усатый покачал головой, сказал в раздумье:

— Это который вершинник, вот этот, что нас от Фролова пса спасал?

Кто-то улыбнулся, кто-то, не удержавшись, хихикнул. Судя по всему, хозяин пса особым уважением соседей не пользовался, и шутка возымела успех. Люди заметно расслабились, лица разгладились, губы разошлись в улыбках. Подобравшись, Мычка смотрел на людей. Сказанное вовремя острое словцо изменило настроение селян, но кто знает, не изменится ли оно вновь.

Мужик с развесистыми усами поморщился, сказал с явной скукой:

— Что ж, повеселили, и то ладно. Да только дел вдосталь, чтобы без толку тут торчать, вершинника разглядывать. Коли на каждого встреченного смотреть, так и жизни не хватит.

Окинув Мычку внимательным взглядом, он повернулся спиной, неспешно зашагал в сторону большой избы с резными ставнями. С ним ушли двое. Остальные еще некоторое время обменивались впечатлениями, обсуждая произошедшее. Но вскоре разговор перешел на привычные темы, и селяне начали расходиться. Мычка переминался с ноги на ногу. Все закончилось, но повернуться спиной и уйти почему-то кажется неловко. К тому же смущает поведение селян. Ничего страшного вроде бы не произошло, но в бросаемых на него косых взглядах, в напряженных спинах уходящих явно проглядывает настороженность. Похоже, по некому молчаливому согласию его решили терпеть, вот только надолго ли? Не сменят ли селяне милость на гнев, лишь только подвернется повод? А повод будет. Если он даже не смог распознать зверя, разглядев в укрощенном, живущем с людьми животном, хищного лесного сородича.

Мычка клял себя на все лады, чувствуя, как от стыда горят щеки. Он, прирожденный охотник, не отличил собаку от волка! И не имеет значения, что о существовании собак он узнал лишь сегодня. Должен был понять, почуять. Вон сидит пес, остервенело вгрызается в бока, выискивая блох. Волк? Да в помине не похож, даже близко! Где были его глаза, ноздри? Ведь и запах другой, и походка, и даже взгляд. Ошибись подобным образом в родном селе... да он бы сгорел со стыда, под землю провалился. Счастье, что никто из близких не видел. Он лучше умрет, чем поведает о своем позоре. Удивительно, как после подобной выходки его не выкинули за околицу. Он бы точно выкинул, чтоб другим неповадно было.

Мычка понуро плелся вдоль края деревни, ощущая гнетущую безысходность. Словно что-то произошло, удача отвернулась, или судьба решила зло посмеяться. Он раз за разом совершал ошибки, пытался исправить, но запутывался лишь сильнее. Хотелось с кем-то поговорить, выплеснуть душу. Заслышав смех, и заметив группку людей, он невольно поворачивал в сторону изб, осторожно приближался. Однако, едва его замечали, лица мрачнели, разговор затихал, а взгляды кололи недоверием и настороженностью.

Гулять окончательно расхотелось. Мычка уже подумывал вернуться, когда из-за ближайшего забора выдвинулись трое. Несмотря на упадок настроения и поселившуюся в груди глухую тоску, сердце предостерегающе екнуло. Не выказывая заинтересованности, Мычка исподволь окинул незнакомцев взглядом. Кряжистые, широкоплечие, чем-то неуловимо похожие парни. Обычная, как и у остальных местных, одежда, похожая стать. Волосы всклокочены, щеки и подбородки в редких пучках волосков, что еще не взрослая

суровая щетина, но уже и не детский пушок.

Лица сосредоточены, челюсти выдвинуты вперед. Парни двигаются синхронно, словно специально соизмеряя движения, отчего кажутся единым целым. Вернее, должны казаться, но для взгляда охотника заметна неестественность, что заставляет сбиваться с шага, не позволяет частям тела двигаться соразмерно.

Мычка огляделся. Слева огораживающий деревню частокол, справа груды мусора: ни отойти, ни свернуть. Парни словно подгадали, а, судя по целенаправленности и направлению движения, ждали специально. Выбор не велик, либо развернуться, отступить, трусливо показав спину, либо переть на рожон, с риском нарваться на неприятности.

Разум требует вернуться, находя все новые и новые предлоги, почему так лучше, умнее, правильней. Но что-то, какое-то непонятное упрямство, толкает дальше, не дает остановиться, свернуть. Внутри холодеет, по спине разбегаются крупные, как рыжие лесные муравьи, пупырышки, но ноги продолжают двигаться, шаг за шагом. Которая по счету глупость, в череде последних дней, из тех, что он совершил. Одной больше, одной меньше, не все ли равно?

Парни остановились, одновременно вперились взглядами. На лицах по-прежнему угроза, но в глазах удивление. Похоже, рассчитывали, что один троих убоится, уйдет, но не вышло, а быть может это страх — отражение местных легенд? Как там его называли, вершинником, нечистью лесной? Впрочем, не имеет значения. Сейчас все станет ясно.

Мычка замедлил движения, остановился. Стоящий в центре парень усмехнулся, процедил, обращаясь к товарищам:

— Что-то завоняло, мочи нет. Никак лесной нечистью потянуло.

Парни обидно заржали.

Мычка готовился к чему-то подобному, но все равно ощутил растерянность. В деревне подростки частенько шутили друг над другом, иногда соревновались в силе и ловкости, порой доходило до драк, но столь откровенного презрения он не встречал ни разу. Даже проиграв, со сбитыми до крови кулаками и пущенной из носа юшкой, подрастающий лесной охотник никогда не опускался до ругани, тем более себе такого не позволял победитель. Но, судя по всему, здесь все совсем по-другому. К лучшему ли, нет ли, но по другому.

Ощувив, что наконец-то нащупал суть, Мычка успокоился, спросил с улыбкой:

— Нет мочи настолько, что на встречу спешите — спотыкаетесь?

Смех оборвался мгновенно, словно весельчаки разом хлебнули воды. Лица парней вытянулись, а один от удивления даже отвесил челюсть. Глядя, как начинают лыбиться спутники, парень, что начал беседу, в досаде закусил губу. Он не ожидал отпора, и растерялся, но быстро пришел в себя, прошипел:

— Умеешь говорить — неплохо для нечисти. А как дело с остальным?

ГЛАВА 5

Сжав кулаки, парень шагнул вперед, встал наизготовку, и... Мычка ощутил облегчение. Общаясь с местными, перехватывая полные холода и враждебности взгляды, он чувствовал себя неудобно. Даже хороший знакомый, оказавшись не к месту, вызывает определенные неудобства, что уж говорить о чужаке. К тому же он попросил помощи, и теперь вынужден терпеть. Но поединок не разговор, и если слова можно пропустить мимо ушей, списав на шутку, от вызова не отказываются.

На душе стало легко и свободно. В родной деревне кулачным боям отводили времени с лихвой, и уж что-то, а бросать противника на землю приходилось не раз. Мычка отвязал плащ, отбросил в сторону, с улыбкой произнес:

— Хочешь узнать — подходи, не бойся.

— Это я боюсь, я!?

Лицо парня побагровело, исказилось от ярости. Он прыгнул вперед, одновременно нанося удар. Мычка откатнулся. Противник зарычал, начал напирать, размахивая кулаками. Мычка уворачивался, легко уходя от мощных, но медлительных ударов. В родной деревне упирали больше на ловкость, чем на грубую силу. Увернуться от удара, подсесть, чтобы противник потерял устойчивость, бросить на землю, а пока соперник возится у ног, пытаюсь подняться, с видом победителя пройтись по кругу, под восхищенные возгласы девушек и ободрительные взгляд парней.

Некоторое время Мычка лишь уворачивался, отступал, уклонялся, отпрыгивал, ожидая, пока соперник выдохнется, или придет в себя. Но, войдя в раж, парень лишь перетаптывался, да сопел, раз за разом пытаюсь достать неуловимого противника. Наконец, не выдержав, он воскликнул в гневе:

— Дерись как мужчина! Или ты, как девка, лишь убежать мастак?

Мычка нахмурился. Все имеет границы. И если "нечисть лесную" еще как-то можно пережить, то сравнение с девушкой... Он еще какое-то время пытался сдержаться, но из глубины поднялось нечто древнее и злое, оттеснило робкие попытки разума противится, завладело телом. Откатнувшись от очередного удара, Мычка дважды с силой хлестнул противника наотмашь по лицу, раз, другой, пока тот, оглушенный, растеряно ворочал глазами, перехватил за руку, рванул, бросая вниз лицом, прямо в грязное месиво под ногами.

Парни, что стояли до этого момента недвижимо, ожидая окончания боя, опешив смотрели, как их товарищ слабо шевелится, не в силах встать, будто здоровенная рыбина, которую выбросили из воды на берег. Они были настолько уверены в победе спутника, что от удивления остолбенели, когда же, наконец, пришли в себя, переглянулись, и с яростным воплем кинулись в драку.

Мычка ожидал нападения. Бушующая внутри темная злость жаждет выхода, как же трудно удержаться, чтобы не броситься первым. Удар. От хлесткой пощечины голова противника дергается. Вторая рука с силой тыкает в бок. Прыжок в сторону. Мимо лица, едва не задев щеку, проносится кулак. Отмашка. Пытавшийся зайти сбоку парень хватается за глаза. И не важно, что это не "по-честному". По-честному бьются совсем по-другому, а сейчас не то время и не то место чтобы придерживаться правил.

Удар. Уворот. Отмашка. Тело изгибается, старательно избегая тяжелых, но медлительных ударов. В кулачном бою, как и в охоте, побеждает не тот, кто сильнее, а кто шустрее, вертлявее, быстрее. Волки валят намного превосходящего по размерам лося нанося множество мелких укусов: напрыгнул, хватил зубами, так что показалась кровь, отскочил, избегая смертоносных рогов или тяжелого копыта. Пусть это тяжело, пусть мышцы ноют от

напряжения, но победивший отдохнет, восстановит силы, проигравший же потеряет все. И потому, все повторяется снова. Прыжок. Уворот. Отмашка.

Внизу что-то возится, мычит, хватая за ноги, мешая движению. Пинок. Доносится жалобный вспик, и нога освобождена. Руки отмахиваются, отбивая от лица чьи-то скрюченные пальцы, выстреливают, нанося противникам несильные, но болезненные удары. Плечи дергаются, принимая тычки, болезненно ноют мышцы.

Из противников на ногах остался лишь один, остальные на земле. Взгляд мимолетом выхватывает скрюченные фигуры: кто-то недвижимо сидит, держится за лицо, из разбитых губ капает красным, кто-то отползает, болезненно дергаясь при каждом движении. Оставшийся противник самый медлительный, но и самый крепкий. Удары и тычки, что давно свалили с ног товарищей, он не замечает вовсе, словно бы раз за разом кулаки вершинника не врезаются в грудь, в плечи, не бьют раскрытой ладонью по щекам.

Ярость улеглась, насытилась чужой болью, азарт утих. Уже не хочется продолжать, а сбросивший путы разум нашептывает о перемирии. Но соперник не унимается, прет буром. А уйти, повернуться спиной... Может кто-то другой и поступил бы так. Может так поступил бы и он сам, но только не сейчас. Начатое нужно завершать, даже если уже не хочется, даже если бросить намного легче чем продолжить, но начатое нужно завершать.

Тело уходит в сторону, увлеченный вложенной в удар силой, противник проваливается вперед, а мгновением позже, согнутая в локте, рука разворачивается, целя в ни чем не защищенный затылок. Локоть немеет, злые иголки боли разбегаются по плечу, но цель достигнута. Взмахнув руками, противник оседает на землю, глаза осоловело смотрят в даль, а изо рта течет струйка слюны.

Все. Можно остановиться, отдохнуть, дождаться, когда сердце успокоится, а перед глазами перестанут прыгать кровавые мухи. Тогда уже можно заняться и соперниками. Хоть и нападшими, вопреки правилам чести, втроем на одного, но, все же обычным парнями. Осмотреть повреждения, помочь, если в запале боя случайно нанес чересчур тяжелую рану.

Ушей коснулись тяжелые шаги. Мычка повернулся на звук. Из деревни быстрым шагом приближается мужик, за ним, в отдалении, еще двое. Улыбка облегчения сошла с губ, а в сердце кольнуло. Мужик явно зол, а идущие следом так и вовсе... Словно здесь произошло что-то очень плохое.

Глядя на приближающихся, Мычка невольно отступил, взглянул с вопросом. Мужик подскочил, оглядев место побоища, прошипел:

— Это что такое? Говори, нечисть лесная!

Пропустив последнюю фразу мимо ушей, Мычка отстраненно произнес:

— Ничего особенного. Потоптали поляну, размялись на кулаках.

У мужика отвисла челюсть. Указывая на распростертых по земле парней, он прохрипел:

— Это ты называешь "размялись"? Да ты же их изувечил, искромсал, тварь!

Мычка взглянул на собеседника с непониманием. Ему предложили бой в неравных условиях, он с трудом выиграл поединок, а теперь, оказывается, еще и виноват.

— Они напали первые, — произнес Мычка, чувствуя странную неловкость. — У нас в деревне кулачные бои обычное дело. Возможно у вас как-то по-другому, но я не знал...

Он еще что-то говорил, объяснял, оправдывался, но ненависть в глазах мужчины не ослабевала, наоборот, лишь разгоралась ярче. Тем временем подошел еще один, остановился рядом. Мычка перевел взгляд, но и в глазах второго не увидел ни участия, ни желания разобраться, лишь тупая черная злость. В окнах ближайших изб начали появляться люди,

одни высывались из-за околиц, другие шли из деревни, но все, как один, смотрели холодно и сурово.

Мычка не успел моргнуть, как его окружили. Уходить нужно было раньше, теперь оставалось лишь ждать. Толпа шумит все громче, напирает. Но, что это? Голоса замолкли, люди принялись оборачиваться, отодвигаться, словно с внешней стороны идет кто-то очень сильный и уважаемый.

Толпа расступилась, появился уже знакомый здоровенный мужик с вислыми усами. К нему тут же подскочили, принялись подобострастно шептать, тыкать пальцами. Он молча слушал. Глаза метались от распростертых парней к Мычке и обратно. Наконец, отмахнувшись от помощников, он сурово произнес:

— Вижу, у вас больше дел нет, как по всяким пустякам собираться.

Подошедший первым мужик возопил:

— Да ты взгляни, что он сделал с твоими...

— Что сделал? — усатый рявкнул так, что мужик присел, а остальные отступили. — Раздал затрецин?

Оправдываясь, мужик произнес:

— Но ведь чужак... Как можно?

Усатый не на шутку расвирепел, прорычал:

— Да вот так! Один троих положил — хорошо, что чужак — еще лучше. Дольше будут помнить. — Он резко нагнулся, рванул ближайшего парня за плечо так, что тот громко лязгнул зубами, рявкнул: — Чего разлеглись, а ну вставайте, да идите в избу, после поговорим. — Резко, без перехода, мужик успокоился, шагнул к Мычке, негромко процедил: — Что-то ты, паря, шибко часто на глаза попадаешься. — Заметив, что тот открыл рот, сказал с нажимом: — И не надо ничего объяснять, без тебя вижу. Иди, куда шел, да поживее, народ не волну.

Возникло сильнейшее желанье объяснить, как-то оправдаться в глазах всех этих людей, но взгляд усатого, пронзительный и тяжелый, прожигает, давит так, что ноги сами собой стали отступать. Комкая в руках плащ и нервно оглядываясь, Мычка сделал шаг, затем еще. Окружающие нехотя расступились, однако не сильно, и пробираясь через толпу, Мычка вжимал голову в плечи, каждое мгновение ожидая болезненного тычка или тяжелого удара.

Однако, обошлось. Похоже, усатый пользовался в деревне определенным уважением, и селяне не осмелились противиться. Выбравшись за пределы толпы, Мычка поспешно зашагал в сторону ближайших изб, затылком ощущая исполненные угрозы взгляды, и с трудом удерживаясь от сильнейшего желанья побежать. Лишь когда частокол забора отсек от потока злого внимания, Мычка расслабился, вздохнул с облегчением.

Две неприятности в один день — не многовато? Похоже, отвернувшись раз, удача и не думала поворачиваться. Хотя, если поразмыслить... Дважды он вышел сухим из воды, мало того, что обошелся без ран и повреждений, так еще и избежал гнева разгневанной толпы. Чем не удача?

Гулять расхотелось. Передвижение по деревне принесло больше сложностей, чем пользы, и Мычка двинулся назад. Прежний путь перекрыли селяне, чьи голоса до сих пор слышны приглушенным гомоном, и Мычка пошел в обход, стараясь по возможности не попадаться местным на глаза. Как говаривал один из старых охотников: два раза не четыре, но стоит задуматься. Думать сейчас хотелось меньше всего, но испытывать судьбу хотелось еще меньше.

Двигаясь перебежками, прячась за заборами и полуразвалившимися сараями, Мычка чувствовал себя лазутчиком в стане чудовищ, кои, по какой-то невероятной случайности, приняли облик людей. Ощущение будоражило, и, одновременно, угнетало. Не такими он представлял чужеземцев, не об этом мечтал, забираясь далеко в лес в расчете найти хижину отшельника, или одну из ушедших семей, что, как говаривали бывалые охотники, живут своей привольной, но странной жизнью.

Слуха коснулись чарующая мелодия. Мычка невольно замедлил шаг, уши дернулись, развернулись, в сторону звука. Ноги сами поднесли к ограде, а глаза впились в прореху меж жердями, отыскивая певца, вернее... певицу. На крыльце, отгороженная от чужих глаз высокой оградой, сидит девушка. Крепкая, на удивление ладная фигура, красиво обрамляя лицо, на плечи золотистым водопадом стекают волосы, расходятся, не в силах скрыть вздымающие ткань рубахи валуны груди. В меру широкие скулы, прямой нос, чувственные пухлые губы, глаза красиво подведены черным, и настолько велики, словно на лице каким-то чудом задержались два осколка неба.

Девушка перебирает сеть, отыскивая разрывы, стежок за стежком зашивает, для чего в пальцах левой руки зажата тонкая кривая игла с длинной серебристой нитью. А чтобы не было скучно, негромко напевает, покачивая головой в такт мелодии. Возле примостился пес, замер, положив голову на лапы, словно зачарованный сладкими звуками.

Мычка ощутил, как дыхание прервалось, спину обдало жаром, а сердце застучало, забилось сильнее. В животе сладко защемило, а мысли закружились вихрем. Накатила волна блаженства, подхватила, увлекла. Возникло непреодолимое желание подойти, присесть рядом, положив голову на колени, подобно псу, слушать и слушать незнакомку, что уже и не девушка — хозяйка, повелительница. По велению ее слова, движения, взгляда, он готов бежать на край света, искать и добывать бесценные сокровища, чтобы после возложить к ногам незнакомки, со страхом и смирением ожидая похвалы и ласки.

В волнении руки сжали жерди ограды так, что хрустнул сучок, чуть слышно, едва-едва, но пес услышал, поднял голову, угрожающе зарычал. Девушка перестала петь, с удивлением взглянула на пса.

— Быстрый, ты что-то услышал? — Повернув голову, она пристально взглянула на ограду, произнесла с улыбкой: — Эй, кто там прячется, покажись.

Мычка хотел ответить, но в горле пересохло, и изо рта вылетело лишь сдавленное сипенье. Не дождавшись ответа, девушка нахмурилась, сказала строго:

— Не покажешься — спушу пса. Не жалуйся потом.

В голове теснятся слова, множество, горячих и жарких, услышав которые растает любое сердце, будь оно хоть изо льда. Но язык словно примерз, не в силах произнести даже самое простое слово. Понимая, что в таком состоянии лишь напугает незнакомку, Мычка отстранился от забора, крадучись двинулся прочь, унося в мыслях чарующий облик. Девушка еще что-то говорила вслед, но он втянул голову в плечи, ужом скользнул в щель меж сараями.

Вернувшись, Мычка не стал проверять хозяев, напрямую прошел в сарай, бросился на топчан. В груди теснятся чувства, а перед глазами, блистающий, словно звезда, парит лик незнакомки, затмевая все прочее. Закинув руки за голову, Мычка отдался столь непривычному, но удивительно приятному чувству. Мягкий полумрак помещения, со сверкающими в редких лучах пылинками, лишь усиливает настроение, доводя волнение в груди до экстаза. Фантазии смешиваются с реальностью, а самые сокровенные мечты

кажутся легко выполнимыми, стоит только захотеть.

Смущает только одна странность, отвлекает, не позволяя полностью погрузиться в блаженную истому. Незнакомка кого-то смутно напоминает. Он готов поклясться, что видит ее впервые. Ведь, раз увидев, это неземной лик невозможно забыть. Зудящее, словно заноза, чувство возвращается раз за разом, не дает расслабиться, отдаться мечтам. Мычка нахмурился, встряхнулся, прогоняя наваждение. Все те женщины, что он видел ранее, на фоне незнакомки расплываются, меркнут, истаивают, подобно теням в жаркий полдень. И даже если одна из них была хотя бы отдаленно похожа, теперь это уже не важно.

Но ведь у местной красавицы должно быть имя, не иначе, столь же прекрасное, сколь и хозяйка. Нужно обязательно поинтересоваться, узнать, чтобы тихими вечерами, закутавшись в шкуры, раз за разом повторять ласкающее слух звукосочетание. Только, у кого спрашивать? Вновь идти в деревню не хочется. И хотя в груди жжет, а в сердце мечется сильнейшее желание вновь увидеть незнакомку, разум охлаждает душевные порывы, жестко осаживает взбудораженные чувства.

Мычка подскочил, не в силах сидеть, заметался по сарайчику, задевая плечами стены и спотыкаясь о разбросанный под ногами, невидимый, но удивительно твердый мусор. В очередной раз больно приложившись коленом о какую-то жердь, неведомым образом возникшую на месте, где он прошел минимум четыре раза, и собрав на лицо шмат омерзительной паутины, Мычка чертыхнулся. Еще немного, и он разрушит шаткое строение! Хотя, что более вероятно, набьет синяков и шишек, как попавший в силок, беснующийся в бессильной ярости хорь.

Заскрипел снег, послышались звуки речи. Узнав голос хозяина, Мычка улыбнулся. Так вот у кого он спросит о насущном! Хозяин один из местных и наверняка знает если не каждого, то большую часть деревенских, благо, поселение небольшое. Если проявить терпение и достаточную гибкость в разговоре, можно получить ответы на все вопросы, даже на те, о чем предпочитают молчать, не желая раскрывать перед чужаком подробности внутри племенных отношений.

Вот только как начать? Улыбка померкла. Мычка с холодком понял, что, увлеченный переживаниями, он до сих пор не узнал имя хозяина. Исполненный стремления исправить ошибку, Мычка распахнул дверь, решительно вышел на улицу, и... едва не сбил хозяина с ног. Скрестив руки на груди, тот молча смотрел на гостя, и застывшее на лице суровое выражение не предвещало ничего хорошего.

ГЛАВА 6

— Работу я закончил, — произнес Мычка первое, что пришло в голову, — но тебя не было, а что делать дальше не знал...

— И поэтому поставил деревню с ног на уши, — закончил за него хозяин. — Уже знаю, известили. Ступай следом, в избе поговорим, да рыбу прихвати, а то я замаялся, пока от реки

донес.

Мычка скосил глаза. У ограды, соприкасаясь боками, три под завязку набитых мешка. Тут же, на заборе, клочьями почерневшей паутины натянута сеть, ячейки забиты пучками бурой травы, не успевшая стечь, вода замерзла ледяными шариками, красиво окаймляет нити блестящей бахромой.

Он подошел ближе, потянул. От усилия верх мешка развязался, на землю потоком хлынули скользкие от слизи и ила рыбешки. Хозяин посмотрел неодобрительно, но промолчал, ушел в избу, оставив дверь в сенцы приотворенной. Мычка принялся поспешно собирать рыбу, горстями забрасывая обратно в мешок. Рыбешки кололи руки плавниками, выskalзывали из пальцев, порой, собрав угасающие силы, рывком отпрыгивали в сторону, но, обессиленные, тут же засыпали.

Подобрав последнюю рыбку, Мычка поднял мешок, стараясь не уронить, поволок к избе, затем вернулся. Перетащив последний мешок, он захлопнул дверь, стряхнул выступившие на висках капельки пота.

— Сюда неси, — послышался голос хозяина.

Мычка послушно взял ближайший мешок, осторожно занес в избу, опустил возле стола, направился было за следующим, но хозяин покачал головой, знаком показал остаться. На столе, занимая почти всю поверхность, расстелено тонкое кожаное полотно. Тут же пара деревянных бадей, одна возле хозяина, вторая напротив, ножи. На полу широкое корыто.

— Высыпай.

Хозяин указал на рыбу, после чего ткнул пальцем в стол. Мычка вновь подхватил мешок, поднатужился. Хозяин внимательно следит, как на столе растет горка рыбы. Больше, еще больше. Повелительный взмах руки и сверкающий рыбный поток прекращается, мешок возвращается на место, изрядно полегчавший.

— Потрошить умеешь? — Взгляд хозяина требователен и суров.

Мычка помедлил. В деревне рыбу не жаловали, довольствуясь дарами леса. Но, порой, кто-нибудь из охотников поднимался на холмы, где, закованный каменной броней берегов, шумел ледяными струями ручей, выуживал из-под поросших мхом, вечно мокрых валунов серебристых рыбин. А вечером вся семья собиралась в доме. Принюхиваясь к непривычным ароматам булькающей на огне похлебки, дети в нетерпении ожидали, когда на столе возникнут глубокие деревянные миски, полные густого парующего варева.

Мычка кивнул.

— Доводилось.

— Хорошо хоть этому учить не надо, — ворчливо произнес хозяин. — Что ж, бери — чисти: мясо в бадью, чешуя да кишки в корыто.

Он не договорил, а дело уже пошло. Мычка с интересом смотрел, как мелькают руки хозяина. Вот пальцы подхватили рыбину. Короткое движение, и сизые пузырьки кишок вываливаются наружу. Еще движение, и смазанным чулком слезает шкура. Удар ножа, и безголовый кусок мяса летит в бадью, а отходы сдвигаются в сторону, уступая место следующей рыбке.

Вооружившись ножом, Мычка придвинул ближайшую рыбешку, с азартом принялся за работу. Как будто, в работе нет ничего сложного, вон как лихо справляется сидящий напротив мужчина, но собственные руки почему-то не спешат повторить такие, на первый взгляд, простые движения. Острые лучи плавников впиваются, будто злые лесные муравьи, кишки брызгают на рубаху, а усыпанная чешуей шкура раз за разом рвется, так что

приходится подцеплять пальцами, и работа заметно замедляется.

У хозяина бадья полна уже на треть, на полу, в корыте, громоздится груда отходов. У него же лишь жалкая кучка, и разрыв лишь увеличивается. От усердия Мычка высунул язык, брови сошлись на переносице, плечи подергиваются, выплескивая зудящее напряжение. Хозяин работает отстраненно, на лице выражение скуки. Еще немного, и зевнет, погрузится в дрему, глаза закроются, а комнату огласит могучий храп, но нет сомнений, что и тогда будет работать быстрее, чем незванный гость — новоиспеченный работник.

— Ты зачем наших парней извалял, да еще прилюдно?

Вопрос застал врасплох. Руки замедлились, а рот открылся для ответа, но хозяин продолжил:

— Я ведь говорил — таких здесь не любят. Но тебе, что об стену. Или с головой не дружишь?

Взгляд хозяина суров, на переносице залегли глубокие складки. Мычка сглотнул, выдавил:

— Я хотел лишь пройтись, посмотреть как живут местные.

— Посмотрел? — В глазах собеседника метнулась насмешка.

Ощувив перемену настроения, Мычка заторопился, стараясь не упустить сверкнувшую возможность, произнес скороговоркой:

— Даже в родном племени, если быть внимательным, нет-нет, да узнаешь что-то новое, чего раньше не знал, или не обращал внимания. А тут, у вас, все совсем-совсем по-другому: другой уклад, другие поверья. Избы ставите по-другому, живете другим. Как усидеть? Ведь таких возможностей — две-три на жизнь бывает, если не меньше!

Хозяин по-прежнему смотрит волком, но из глаз уходит настороженность, сменяется искрами понимания, далекими, едва различимыми, но и это неплохо, а если вдуматься — просто замечательно. Теперь бы только не сглупить, не брякнуть лишнего, чтобы утихнувшая подозрительность не вскинулась вновь, возрождая былую настороженность и смыкая уста.

Хозяин покивал, сказал с усмешкой:

— Что живете по-другому — понятно. Об этом уже то говорит, что собак не знаете. Только никак в толк не возьму, зачем с парнями сцепился? Ведь это не просто ребята, каких много, самого старосты дети! Не пристало им честь ронять. Ладно еще от своих огрести, бывает, но чтобы от пришлого, да еще от вершинника...

— Но у меня не было выхода! — воскликнул Мычка с жаром. — Они ждали. Вышли на дорогу, когда ни свернуть, ни обойти. Что делать было?

— А назад вернуться, гордость не позволила? — бросил хозяин раздраженно.

Мычка потупился, сказал чуть слышно:

— Не учили меня спиной поворачиваться. — Заметив, как брови хозяина сдвинулась, поспешно добавил: — Да и не думал я, что так выйдет. Мало ли, кто куда идет? Встретились — разошлись, делов-то.

Хозяин хмыкнул, спросил:

— Ты и в лесу также прешь, не сворачиваешь?

Мычка произнес со вздохом:

— В лесу обойти не сложно. А тут, с одной стороны изба, с другой околица, не сигать же через бревна.

— Мог бы и сигануть, не перетрудился бы, — бросил хозяин желчно. Помолчав, добавил словно про себя: — А околицу эту давно снести пора. Мешает только, а пользы от

нее чуть.

Ощувив смену в настроении хозяина, вкрадчиво, опасаясь вызвать новую волну гнева, Мычка поинтересовался:

— А зачем ее сотворили, и кто?

— А это не твоего ума дело, — рявкнул хозяин.

Мычка всплеснул руками, воскликнул:

— Так ведь самим мешает!

Хозяин помолчал. Руки двигаются в прежнем ритме, даже как будто быстрее, но взгляд ушел в себя, словно мужчина вовсе не здесь, за столом, а унесся вслед за мыслями в туманные дали. Мычка затаил дыхание, принялся разделывать рыбу с особым тщанием, чтобы не сбить хозяина с мысли, что вот прямо сейчас закручивается узлом, готовясь излиться в словах неведомой были. И не ошибся.

Хозяин тяжело вздохнул, взгляд обрел осмысленность, а плечи приподнялись, когда он замедленно произнес:

— Мы не всегда жили здесь. Когда-то давно наши предки обитали в других краях, где всегда жаркое солнце, а вокруг, куда не кинь взгляд, бескрайние просторы. Но враги заставили сняться с насиженного места. Мы долго скитались, пока не нашли пристанище здесь, под кровом леса, возле тихой речки. Но, когда, казалось, тяготы пути остались позади, пришла новая напасть.

Хозяин замолчал, вновь ушел в себя. Сторяя от нетерпения, Мычка ерзал по лавке, с трудом удерживаясь, чтобы не поторопить рассказчика. Рассказ захватил, приковал внимание. Слова о неведомых землях и далеких краях пленяли, завораживали, уводя в сказочные дали. И хотя Мычка прекрасно понимал, что все услышанное выдумка, какие еще бесконечные просторы в бескрайнем лесу? продолжение истории он бы не променял ни на что.

С хрустом отрубив голову очередной рыбешке, отчего Мычка невольно вздрогнул, хозяин продолжил:

— Стали пропадать люди. Сперва на это не обратили внимание. Мало ли куда ушли пару-тройку сильных мужчин, как далеко забрели на охоте? Но когда тварь задрала сразу двух женщин почти возле самой деревни...

— Какая тварь? — едва слышно выдохнул Мычка.

Хозяин пожал плечами.

— Не знаю. Я тогда еще не родился. А легенды говорят о таком, что и не представить.

— Ну как же? — глаза Мычки горели огнем. — Всех существ, что обитают в лесу, охотники знают наперечет. Был ли это волк-переросток, или оголодавший с зимы бер? А может роскошный в смертельной гибкости ягуар?

Хозяин пожал плечами, сказал отстраненно:

— Тебе лучше знать, но то, о чем темными вечерами отцы страшным шепотом рассказывают сыновьям, а деды внукам, не похоже ни на одного из известных мне существ.

Не смотря на то, что считал лес домом, и знал множество населяющих его существ, от малой птахи до огромного лося, Мычка ощутил холодок страха. От безделья и развлечения никто возводить изгородь не станет. Чувствуя, как от нарастающего возбуждения дрожат руки, он прошептал:

— А дальше, что дальше?

Хозяин окинул гостя взглядом, заметив лихорадочный блеск в глазах, улыбнулся

краешком рта.

— А ничего. Тварь еще немного пожрала людей, да куда-то исчезла, а изгородь осталась. С тех пор и стоит.

— Я видел ограду... — Мычка помялся, — жерди во многих местах подгнили, кое-где едва держатся. Может, стоит подновить, усилить?

Хозяин отмахнулся.

— И подновляли и усиливали, пока подгоняли необходимость да страх. А сейчас, кому надо? Рухнет — не заметит никто. — Хозяин помолчал, добавил сурово: — Да ты не спи, работай. Ишь, рот раззявил, сейчас слюной истечешь. А что до ограды — может статья все совсем по-другому случилось. Это потом баешники понапридумывали, покрыли быль небылицами.

Мычка поспешно закрыл рот, так что щелкнули зубы. Руки вновь заработали, отрезая, сковыривая, отбрасывая, но в голове, возбужденные рассказом, мысли роятся с такой яростью, что тяжело удержаться, чтобы не вскочить, забегать по комнате. С трудом управляя пальцами, что от возбуждения мелко подрагивают, то и дело роняя рыбешку, Мычка произнес, стараясь, чтобы голос звучал отстраненно:

— А если станется, существо вернется?

Хозяин некоторое время молчал, тишину нарушали лишь постукивание ножа, да шорох сбрасываемой в корытце чешуи, наконец, сказал негромко:

— Может и станется, но, думаю, не вернется.

— А потомство? — Мычка вскинулся в поспешном вопросе.

— И потомство не вернется, — ответил хозяин сухо.

— Но почему?

Хозяин вздохнул, сказал нараспев, но так, что от слов мороз продрал по коже:

— Не с кем ей плодиться, нет здесь больше таких. Да и нигде нет.

Мычка помолчал, пытаясь понять, что имел в виду собеседник. Ведь такого не бывает, чтобы животное было одно. Всегда где-то бродит еще, и не одно — множество. Иначе, как продолжать род? Решив, что ослышался, Мычка уточнил:

— Но ведь так не бывает. Чтобы жизнь продолжалась, нужна пара, и по этому...

— По этому и не вернется, — жестко отрезал хозяин. — Нет у него пары, и быть не может.

Мычка ощутил, еще немного, и хозяин осерчает, вон как закаменело лицо, а глаза, как готовые к броску змеи, колют сердитым взглядом. Он потупился, принялся работать молча, ожидая, пока хозяин успокоится. Мысли еще некоторое время крутились вокруг беседы, но чем больше он размышлял, тем больше понимал, что услышал сказку. Когда-то жители обнесли село оградой, была ли то явная нужда, или просто чья-то дурь уже не ведомо. С тех пор сменились поколения, строители ушли в мир иной, а ограда все стоит. Вот и придумывают люди истории, одна другой страшнее.

Монотонная работа нагоняет сон, руки приноровились, пальцы, что до того соскальзывали, норовя попасть под нож, двигаются плавней, мягче, не рвут шкурку, столь тонкую, что удивительно, как не расплзается от одного лишь прикосновения. Перед внутренним взором вновь встал образ незнакомки, сердце тут же забилося сильнее, а в висках запульсировало. Ведь он так и не узнал имени! Пока руки заняты работой, а под сводом комнаты царит тишина, самое время утончить у хозяина.

Мычка поднял глаза, сказал виновато:

— Я здесь уже третий день, и поработать успел, и похлебки отведать, а имени твоего не знаю.

Хозяин взглянул искоса, с подозрением спросил:

— А зачем тебе мое имя?

От удивления Мычка опешил, пробормотал:

— Но, как же, без имени? Ни позвать, ни обратиться. У нас в деревне всяк всякого знает, по имени зовет.

Хозяин вдруг нахмурился, сказал сурово:

— Имя мое тебе ни к чему. Хоть ты парень и не плохой, но все ж не наш. Сегодня здесь, а завтра в лес сбежишь.

Мычка сморгнул, спросил непонимающе:

— А имя при чем?

— А при том. Сказывают, коли нечисть лесная имя твое узнает, то власть обретет, из деревни выманит, да страшное учинит. Не знаю, врут ли, нет, но уж лучше поберечься, чем после локти кусать.

Мычка всмотрелся в лицо собеседника, пытаясь понять, дурость это, или местные так необычно шутят, но увидел лишь привычную настороженность. Сидящий напротив человек приютил его, пустил на ночь, накормил, но по-прежнему не доверяет, видит в госте не сбившегося с пути, заблудшего парня, а чудовище, нечисть лесную. Желая развеять сомнения, Мычка воскликнул:

— Но ведь это неправда! И я докажу, первый скажу свое имя.

Хозяин замахал руками, так что капельки слюны и чешуя полетели во все стороны, воскликнул:

— Не надо мне твоего имени. До этого как-то обходился, и впредь обойдусь.

— Но почему, почему? — вскричал Мычка, ощущая, как от происходящего голова идет кругом.

Глядя в наполненные недоумением и обидой глаза гостя, хозяин поморщился, забарабанил пальцами по столу, но, не выдержав вопрошающего взгляда, отвернулся, сказал с раздражением:

— Ты, я вижу, парень не плохой, зла в тебе нет, разве глупость. Только, вы живете по своим правилам, мы — по своим. Я не знаю, сколько из сказанного о твоих соплеменниках правда, а сколько ложь. Возможно, все что говорят о лесной нечисти — выдумки, страшные сказки, но может быть и наоборот. И я не хочу проверять на своей шкуре и шкуре детей, как все обстоит на самом деле. И без того соседи волком смотрят, что тебя приютил, за спиной шушукаются, разве вслед не плюют. Так что давай договоримся, пока остатки отработываешь — ведешь себя тише воды, вопросов не задаешь, нос не в свое дело не суешь. Я тебя за это кормлю, в сарае держу, да местных отваживаю, чтобы не прибили ненароком. А как время выйдет, получишь свои пожитки и уйдешь, как пришел — тихо. — Заметив, что Мычка уже открыл рот для вопроса, он вдруг грохнул рукой по столу с такой силой, что звякнула посуда на печи, рявкнул: — И не прекословь! Я все сказал.

Заканчивали работу в молчании. Даже пришедшая вместе с выводком детей хозяйка не добавила оживления. Мельком взглянув на работников, хозяйка ушла в дальнюю комнату, чем-то приглушенно загремела, а когда самый маленький, рыжеволосый, с пятнышками конопушек на носу, парнишка задержался в дверях, прикрикнула, да так строго, что, вытаращив глаза, ребенок поспешно метнулся за занавеску.

Проследив краем глаза за улепетнувшим малышом, Мычка лишь вздохнул. Попытки наладить отношения с местными неизменно заканчивались провалом. Но, как бы не отворачивалась удача, в глубине души он продолжал надеяться, что не все жители деревни таковы. Возможно, приютившему его мужчине, хозяину дома, когда-то довелось общаться с лесными охотниками, и эта встреча оставила неприятный след. Возможно те парни, с кем он сошелся в поединке, с детства росли под страшные сказки о лесном народе, что и не народ вовсе, а жуткая нечисть. Но кто-то же должен думать по-другому. И он даже догадывается кто. Не знает точно, но чувствует. Прекрасная незнакомка, чье имя он так и не осмелился спросить у хозяина, наверняка считает иначе. Не может не считать. Слишком чиста, слишком прекрасна. Нужно лишь осмелиться, подойти, заговорить, рассказать о себе все-все. И она поймет. Не может не понять. Ведь красота всегда идет рука об руку с мудростью.

Увлеченный фантазиями, он работал все медленнее. Хозяин поглядывал строго, осуждающе кряхтел, наконец не выдержал, проворчал:

— Экий ты нерасторопный, едва шевелишься, того и гляди, под лавку сковырнешься. Коли устал — иди в сарай, не занимай место. У меня еще работы...

Мычка развел руками, произнес виновато:

— Я пойду, отдохну немного, и сразу вернусь.

Хозяин отмахнулся, бросил сердито:

— Давай-давай, да захвати миску с печки. Заодно и поешь.

Мычка подхватился, благодарно кивнув, направился к печи. Увлеченный работой, он и не заметил, как проголодался. Желудок предвкушающе квакнул, а рот наполнился слюной, когда в руках оказалась полная горячей похлебки миска. Повернувшись к хозяину, Мычка взглянул с вопросом, но тот лишь мотнул головой в сторону выхода. Осторожно, опасаясь расплескать, Мычка выбрался в сенцы, не глядя, надел сапоги, вышел наружу.

За работой да разговорами время пролетело незаметно, и Мычка с трудом дошел до сарая, в сгустившихся сумерках двигаясь едва не на ощупь. Дверь захлопнулась за спиной, отрезая от промозглого ветра и деревенских шумов. За несколько дней Мычка настолько освоился в сарае, что наизусть выучил в каком из углов что лежит, и где именно нужно нагибаться, чтобы не врезаться в провисшую потолочную балку.

Опустив миску на топчан, Мычка устроился рядом, подался вперед, так что исходящий от похлебки пар согрел лицо, а вкусный рыбный запах защекотал ноздри, некоторое время сидел, наслаждаясь предвкушением трапезы, наконец, не выдержал, выхватил ложку, зачерпнул, забросил в рот. Пока по языку разливалось горячее, проникало в глотку, неся с собой насыщение и жизнь, голова опустела, лишь сладким звуком отдавался стук ложки, да плеск падающих в миску капель. Когда же ложка заскребла по дну, а желудок наполнился приятной тяжестью, мысли вернулись вновь.

Отложив миску, Мычка было подался к выходу, но передумал. Двигаться расхотелось, надувшийся, как барабан шамана, живот тянет на топчан. Потоптавшись, Мычка присел, затем лег, дав себе зарок полежать совсем немного, пока съеденное не разойдется по телу, насыщая мышцы силой и пробуждая к жизни. Но, едва голова коснулась плаща, для большего удобства свернутого в тугой узел, глаза сами собой закрылись, а когда открылись...

Сквозь щели в стенах падают косые лучи луны, пылинки сверкают, медленно кружатся, опускаясь с невидимого во тьме потолка, на невидимый же пол. Наполненное приятной истомой, тело расслабленно, уши привычно подрагивают, улавливая и вычленяя из сонма шумов отдельные звуки. Где-то рычит пес, доносятся приглушенные голоса припозднившихся селян, весело щебечут птицы.

Возникло смутное ощущение чего-то неправильного, укрепилось, зазудело занозой. Пытаясь понять, что именно не так, Мычка нахмурился. На крыше, над самой головой раздалась переливчатая трель. Мычка охнул, с силой хлопнул себя по лбу. Ведь это не лунный свет сочится извне. Утро! А приглушенная речь вовсе не утомленное бормотание селян-полуночников — веселая перебранка.

Мычка подскочил, суетливо заметался. И как он мог проспать? Ведь прилег же совсем ненадолго. И что сказать хозяину? Ведь прошлым вечером тот наверняка ждал помощи. А гость, вместо того, чтобы отплатить сторицей за кров и кормежку, позорно заснул. Мычка продолжал метаться, когда дверь рывком распахнулась. На пороге обозначилась знакомая фигура. Донесся зычный голос:

— Вижу, уже поднялся. Что ж, самое время. Пойдем, поможешь с лодкой. Заодно и рыбалить научу.

Морщась от яркого света, Мычка выбрался из сарая. Чувствуя себя виноватым, он уже хотел объясниться, но хозяин лишь раздраженно отмахнулся.

— После поговорим. А сейчас пойдем, пока народ толком не пробудился. Успеем переменить сменить, да вернуться, чтобы тебя лишней раз людям не казать. А то, не ровен час, попадется кто, не с той ноги вставший.

Мычка окончательно проснулся. Как оказалось, не сильно и проспал. Солнце лишь едва-едва осветило верхушки деревьев, и деревня кажется вымершей. Даже собаки, местные бдительные стражи, не бродят вокруг, предпочитая зябкому утреннему морозцу нагретое место под крыльцом. Двигаясь вслед за хозяином, Мычка вертел головой, подмечая мелкие детали, отличающие быт местных от жизни родного села.

Не видя угрюмых лиц и настороженных взглядов, Мычка приободрился. Крепкий сон и свежесть утра изгнали дурные мысли, мир вновь стал прекрасен. Даже отталкивающее поведение поселян уже не казалось таким обидным. Он понимал, и где-то даже принимал опасения этих людей. Ведь не просто так село обнесли изгородью, не зря вложено столько сил, чтобы диких волков, опасных лесных хищников, превратить в верных стражей племени. Наверняка эти люди пережили много такого, о чем в его родном племени даже не догадываются. Оттуда и недоверие, оттуда и осторожность. Нужно лишь убедить их, что он не желает зла, перетерпеть неприятное, и тогда отношение изменится, из глаз исчезнет настороженность, а на лицах, вместо гримас отвращения, появятся приветливые улыбки.

Мычка ощутил прилив сил. Захотелось совершить что-то полезное, нужное, как-то поучаствовать в жизни местных. Ведь не просто так судьба привела его сюда, спасла от гибели! Мычка едва не бежал, с трудом принаравливаясь к неспешной походке провожатого, и пару раз почти утыкался в спину, когда тот замедлял шаг. Хозяин недовольно зыркал,

ворчал, но прежде чем окончательно потерял терпение, они пришли.

Занятый наблюдениями, Мычка сперва не обратил внимание, когда же звук плещущей воды перекрыл все прочие, невольно отвлекся от размышлений, с нескрываемым любопытством воззрелся на открывшуюся картину. Извилистая полоса воды, берущая начало где-то в лесу и в лес же уходящая. На излучине, возле деревни, образовалась широкая каменистая коса. С веселым плеском водяные струи выются меж валунов. Позеленевшие булыжники, отполированные водой настолько, что можно увидеть собственное отражение, блестят мокрыми боками. То там, то тут из воды выпрыгивают мелкие рыбешки, сверкают чешуей. По лужицам, меж камней, деловито снуют мелкие птахи, выискивают водяных блох.

Мычка вдохнул полной грудью. Воздух прохладен, бодрит и освежает. Так и хочется сбросить рубаху, штаны, и с разбегу влететь в воду, подняв тучу брызг, отфыркиваясь, поплескаться, наслаждаясь очищающей магией живительной влаги.

Спутник обошел огромный выворотень, оставшийся от величественного некогда дерева, остановился.

— Ну вот и пришли. Лодку на плес вытягивай, а я пока весло поднесу, да мешки.

Сразу за выворотнем, в округлой мутной луже с обледенелыми краями, покачивает боками лодка. Вода закручивается, тянет невесомое суденышко, в страстном желании унести с собой, но лодка крепко привязана веревкой к вбитому в берег столбу, и стихия отступает, бессильная перед волей человека.

Мычка с интересом осмотрел лодку, потрогал, проверил ногой. От охотников доводилось слышать о подобном, но видеть не приходилось. Удивительное устройство не внушает уверенности, колышется под ногой, норовя выскочить, наступи — и тут же окажешься в воде! Мычка помялся, покосился на спутника, что возился в кустах неподалеку, нерешительно дотронулся до веревки, потянул. Узел распустился легко, и, освобожденная от уз, лодка устремилась в реку.

Когда хозяин вернулся, Мычка стоял на берегу, с интересом разглядывая лодку. Забросив внутрь пару мешков, хозяин вооружился веслом — длинной округлой жердью с уплощенным концом, уперся, и одним движением отогнал лодку от берега на пару шагов.

— Ну, что, так и будешь таращиться, или зайдешь?

Подгоняемый нетерпеливым взглядом, Мычка собрался с духом, зажмурившись, шагнул. Земля качнулась, поплыла. Опасаясь упасть, он невольно взмахнул руками, но не удержался, рухнул. Зажмурившись, Мычка некоторое время сидел, судорожно вцепившись в борта, с замиранием сердца ожидая холодного душа, но время шло и он осторожно приоткрыл один глаз, затем распахнул оба.

В душу ворвался вихрь радости, захлестнул. Не в силах поверить в происходящее, Мычка завертел головой. Они двигаются! Под ногами, отделенная тоненькой деревянной перегородкой, дышит река, лодку покачивает, вертит, но, непрочная на первый взгляд, конструкция не спешит тонуть, уверенно выдерживает двоих взрослых мужчин.

Взгляд заметался по берегам, наткнулся на спутника. Хозяин стоит позади, на самом краешке, руки легко ворочают здоровенным веслом, то едва-едва, почти отпускают, то крутят так, что остается пенный след. Лицо напряжено, глаза всматриваются в реку, будто выискивая нечто важное. Иногда взгляд натывается на лицо попутчика, и тогда в глазах мерцают насмешливые искры, но тут же вновь прикипает к водной поверхности.

Речка повернула, настолько резко, что вот только что впереди была водная гладь, а мгновение спустя топорщатся обломанными сучьями вековые сосны. Сразу за поворотом

хозяин налег на весло, преодолевая силу течения, уверенно повел лодку к берегу. Здесь, под защитой сопки, река успокаивается, сорванные ветром кора и щепочки лежат недвижимо, будто это вовсе и не своенравная речка, а спокойное лесное озерцо.

Мычка завертел головой, пытаясь определить, что именно привлекло его спутника в тихой заводи. Но взгляд скользил вокруг, не в силах выделить что-либо необычное. Все тот же выбеленный снегом лес, наваленные по краю берега обледенелые окатыши. Вот, разве, торчащие через равные промежутки куски жердей... Но что интересного может быть в застрявших промеж камней палок?

Однако, к его несказанному удивлению, хозяин остановил лодку ровно в тот момент, когда одна из жердей подошла почти вплотную к бортику.

— Ну вот и приплыли. — В голосе спутника послышалось удовлетворение. — Да ты не сиди, тут хоть и потише, а все сносит, пошарь рукой возле палки, да тяни. Только осторожнее, порвешь еще.

Смутно понимая, что от него требуется, Мычка сунул руку в воду. Пальцы наткнулись на нити, сжались, захватывая всей пятерней. Догадываясь, что именно сейчас увидит, Мычка потянул на себя. Так и есть. Из воды, обмотанная водными растениями, показалась сеть.

— Все верно? — Мычка приподнял сеть.

Хозяин одобряюще кивнул, сделав сильный гребок, произнес:

— Она самая. Давай, не зевай.

Мычка перехватил сеть второй рукой, принялся вытягивать. Сперва шло ни шатко, ни валко. Сеть резала пальцы, выскользывала, но вскоре руки приноровились, и дело пошло быстрее. Когда в речной мути мелькнула серебряная искра, сердце забилось сильнее. Несколько быстрых движений, и вот у ног бьется крупная, размером с ладонь, рыбешка. Ощувив азарт, Мычка привстал, для надежности уперевшись в борт коленом, принялся вытягивать.

Рукава вымокли, в сапоги натекло, но он не обращал внимания, тянул и тянул, с наслаждением наблюдая, как на дне лодки растет горка из рыбы. Разохотившись, он вытаскивал казавшуюся бесконечной сеть, не обращая внимания на порезы и занемевшие от холода пальцы. И лишь когда рука ухватила пустоту, Мычка очнулся. Лодка едва не до верха завалена рыбой, что бьется из последних сил, плещется, норовя перепрыгнуть невысокий бортик, чтобы вернуться в родную стихию. Лодка заметно просела, вода колышется возле самого края, одно неверное движение, и весь улов, вместе с неудачливыми рыбаками, окажется в воде.

Мычка ощутил касание, от неожиданности развернулся так резко, что лодка опасно качнулась.

— Не дергайся! — окрик спутника заставил застыть. — Держи весло, только осторожнее, без прыжков.

Льдистая поверхность воды совсем близко, шевельнись — окунешься с головой. Ощущая, как похолодело внутри, Мычка принял весло, спросил с трепетом:

— Что делать?

— Гребь. Смотри на меня, и делай тоже самое. Улов богат, а нас двое, один течения не осилю.

Мычка мельком взглянул на спутника, но тут же отвернулся, сосредоточившись на ощущениях. Глаза сейчас не помогут. То, что со стороны кажется простым, на деле выработанная годами привычка. Остается надеяться, что тело не подведет, подскажет, где

нажать, а где отпустить, точно соизмерив усилие, чтобы удержать лодку и не упасть самому.

Гребок. Еще один. Руки равномерно поднимаются, вытягивают весло из цепкой хватки стихии, чтобы мгновение спустя вновь погрузить. Толчок. Мышцы вздуваются, преодолевая сопротивление потока. Вода не камень, и даже не песок, но как, оказывается, тяжело вести нагруженую лодку против течения. Гребок. Еще один. Не смотря на промозглый ветер, пот заливает глаза, растекается по спине противными теплыми ручейками. Тело привычно к нагрузке, но незнакомая работа заставляет двигаться в ином ритме, отчего сердце стучит с напрягом, а ребра едва не разрывают грудь, расширяя легкие так, чтобы захватить как можно больше воздуха.

Берега уходят назад, отодвигаются, теряясь за гранью видимого, но намного, намного медленнее, чем до того, когда они неслись вместе с потоком. Поворот. Еще один. Излучина за излучиной. Сколько же их еще? Ведь он точно помнит, что лодка прошла совсем немного, всего чуток! А теперь будто странное злое волшебство удлинит путь, отбросив лодку вниз по течению в неведомые дали.

В висках стучит, в ушах нарастает гул. Хочется остановиться, бросить весло, и будь что будет. И не важно, что скажут в деревне, как поведет себя человек позади, что с невозмутимым видом ворочает веслом, будто и нет напряжения. А может и в самом деле нет? Может это какое-то местная волшба, что всю работу делает один, а второй лишь создает видимость, неведомым образом перекладывая нагрузку со своих плеч на чужие?

Трясущимися от напряжения руками Мычка смахнул пот. В глазах ненадолго прояснилось. Радость вспыхнула согревающим пламенем. Из-за поворота выплывает деревня. Домики, что пока кажутся совсем небольшими, приближаются мелено, неспешно. Но сердце стучит чаще, а угасшие силы возвращаются вновь. Впереди деревня, а это значит отдых. Но главное не это. Главное, что он все же преодолел себя, не поддавшись слабости, унижившись в глазах спутника, не бросил тяжелую, но нужную работу.

— Почти приплыли.

Голос спутника хрипл и бесцветен. Видно и ему дорога далась нелегко. Если присмотреться, видно как посерело лицо, и с трудом, через силу, поднимаются руки, вытягивая отяжелевшее от намерзшего льда весло. Мычка ощутил, как в лицо бросился жар, окрасил пунцовым щеки. А ведь он подозревал этого человека в волшбе. Остается лишь благодарить судьбу, что тот, стоя позади, не видел отражения крамольных мыслей на лице спутника. Иначе осталось бы лишь броситься в реку, или уйти в лес, чтобы избежать жгучего позора. Ведь жители села бы тогда утвердились в своих опасениях — лесная нечисть не способна на благодарность, и достойна лишь одного — презренья.

Лодка коснулась берега, прощуршав по камешкам, замерла. С трудом выдернув увязшие в рыбе ноги, Мычка вышел на берег. Весло с грохотом вывалилось из рук, ноги подогнулись. Он упал на колени, а затем завалился на бок, испытывая несказанное блаженство оттого, что можно не двигаться, лежать, ощущая идущий от камней блаженный холод, несущий облегчение мышцам и успокоение душе.

Ушей коснулся надрывный крик, исполненный такого ужаса и боли, что Мычка невольно дернулся, приподнялся на руке, всматриваясь в мелькающее среди деревьев белое пятно. Крик повторился, пятно приблизилось, обернулось женщиной. Мычка всмотрелся пристальнее: распяленный в крике рот, растрепанные волосы, распахнутые в ужасе глаза. Женщина бежит с трудом, шатается, раз за разом оглядываясь, оскальзывается на снегу.

Женщина подбежала ближе. Исполненные страданья, глаза взглянули в самую душу, а

на лице отразилась такая мольба, что Мычка не вскочил — взлетел.

ГЛАВА 8

— Что случилось?

Вопрос прост, но женщина не понимает, испуганная настолько, что от лица отхлынула кровь, а тело не переставая сотрясает крупная дрожь, лишь глухо стонет. Но вот рука протянулась, указывая в лес, а глаза наполнились слезами. Женщина всхлипнула, опустилась на землю, закрыв лицо руками, завывала, протяжно и жалобно.

Спрашивать бесполезно. Сознание женщины помрачено настолько, что она не понимает происходящего. Но что могло так напугать живущего в лесу человека? Или это не страх, что-то другое? Отчего даже вернувшись в деревню, будучи в безопасности, несчастная то и дело смотрит назад, простирает руки к лесу, словно взывая к чему-то, или... к кому-то?

Догадка вспыхнула молнией. Поддавшись наитию, Мычка рванулся в лес, понесся, следуя по уходящим в чащу следам. Деревья мелькают смазанными тенями, под ногами стелется серое покрывало хвои с редкими пятнами снега. Ноги несут легко, словно и не было изнурительного пути по реке, когда мышцы сводит а перед глазами плывет красное. Сердце колотится от волнения, а в душе расплывается сладкое предвосхищение. Наконец-то судьба повернулась лицом, и он сможет переломить отношение местных к себе и своему племени! Только бы успеть. Ведь женщина могла зайти слишком далеко, а возвращаться слишком долго.

Ноги замедлили шаг, и хотя продолжают движение, ступают насторожено и мягко. Уши задвигались, вычленяя среди лесных шорохов и звуков нужные, а тело напряжилось, готовое выплеснуть в едином порыве остатки сил. Ноздрей коснулся приторный запах. Тот запах, от которого шерсть на загривке поднимается дыбом, а в груди разрастается ледяной ком. Запах, что нагоняет на любое лесное существо ужас, заставляя в панике бежать, или сжиматься в комок, в ожидании неминуемой гибели. Так пахнет бер — владыка леса.

Слуха коснулись странные звуки, сопение и скулеж, будто где-то поблизости, в ожидании мамыши, возятся щенки. Напрягая слух так, что заныло под черепом, Мычка осторожно раздвинул ветви кустарника, выглянул. Впереди, совсем рядом, небольшая полянка. По краю стражами выстроились деревья-великаны, сверху холодно синее небо. Края полянки густо заросли кустарником, обледенелые, лишенные листьев, ветви усыпаны гроздьями крупных кроваво-красных ягод, а в центре...

Мычка ощутил гордость. Он не ошибся. В центре полянки на белой тряпице восседают два карапуза: щеки измазаны красным, руки по локотки погружены в горку ягоды, откуда раз за разом вытаскивают полные горстки, засовывают в рот. Губы поползли в стороны, но взгляд метнулся дальше, и улыбка сникла, а к сердцу подкатил холодный ком. На противоположной стороне поляны, в кустах, маячит серое, слышится непрерывное похрустывание, то и дело доносится ворчание, прерывающееся смачным чавканьем. Бер!

Медленно, боясь малейшим шумом привлечь внимание хозяина леса, Мычка выдвинулся из кустов. Ступая, словно по тонкому льду, мягко зашагал к детям. Бер хоть и сильнее всех в лесу, но нападет редко, предпочитает лакомиться ягодами или половить рыбу в ручье, не брезгует и мертвечиной. Что делает бер в столь позднее время, когда прочие его сородичи давно спят в берлогах? Решил отведать последней ягоды, или волею случая пробудился, и бродит по лесу, не в силах обрести покой?

Мычка приблизился к детям, нагнулся. Только бы ребенок не закричал. Испуганный незнакомым лицом, карапуз заверещит, призывая на помощь мать, и все кончится. Неудачливый охотник даже не успеет повернуться, чтобы встретить смерть достойно, лицом к лицу. Хруст веток отдается в черепае оглушительным эхом, словно до кустов вовсе не десятков шагов, а совсем-совсем близко. Протяни руку — нащупаешь мохнатый бок. И не нужно поднимать взор, чтобы мышцы не размякли, а ноги не подогнулись от ужаса. Пусть лучше он до последнего будет видеть этих замечательных малышей, чем оскаленную маску смерти.

Один из малышей дремлет, ощутив прикосновение, лишь обхватил руку, крепко вцепился ручонками, так и не проснувшись. Второй играет с ягодой, пересыпает из стороны в сторону, сопровождая катящиеся красные шарики веселым гулением. Заметив тень, малыш поднимает голову, ненадолго замирает, его лицо принимает удивленное выражение. Рука замедленно тянется к малышу, пальцы цепляют за одежду, поднимают над землей. Остается лишь пристроить драгоценную ношу и уйти. И в этот момент лицо карапуза искажается испугом, рот открывается, исторгает пронзительный вопль.

Треск веток усиливается. Из кустов раздается недовольное ворчание, запах становится сильнее, пронзительнее. Сердце обрывается, а ноги слабеют. Ну вот и все. Хотя, есть еще шанс. Ничтожный, но есть. Главное, не смотреть. Тем более, если в руках нет крепкой рогатины, а рядом, плечо к плечу, не прикрывают надежные товарищи. Животные не терпят прямого взгляда, поэтому...

Земля сотрясается от тяжелой поступи, болью отдается в костях. Шорох превращается в грохот, рев становится все злее, яростнее. Подчиняясь неведомой силе, голова поднимается. Не смотреть, ни в коем случае не смотреть! Но нет сил противиться, и глаза поднимаются, вбирая в себя хозяина леса, постепенно, кусочек за кусочком, от кончиков лап, до вздыбленной на загривке шерсти.

Бер ужасен и, одновременно, величественен. Не зря его прозвали хозяином леса. Могучая, глыбоподобная плоть, покрытая толстым слоем сала и пластами мышц не поддается и рогаatine, если ударить недостаточно сильно, мощные лапы с кинжалами-когтями, одним ударом хозяин леса ломает хребет гиганту-лосю, приплюснутый череп с глазами — бусинами, багровое жерло пасти, вместе с угрожающим рычанием исторгающее тяжелое зловоние.

Глаза в глаза. Мир исчезает, отодвигается вдаль, остается лишь взгляд. Исполненный тяжелого гнева взгляд хозяина леса давит так, что больно смотреть. Хочется опуститься на колени, трепеща лишь от одной мысли, что осмелился преступить дорогу, отдаться на волю сильнейшего. Но что-то глубоко внутри заставляет смотреть, сдерживая льющуюся из глазниц бера темную мощь. Ведь не зря племя охотников испокон века живет в лесу. Морозный дух холмов не только не гасит — раздувает пылающий в груди каждого яростный огонь жизни, что заставляет противиться судьбе до последнего, даже если это последний вздох, удар, капля крови.

Бер зарычал, вздыбился, отчего разом увеличился почти вдвое, шагнул, раскинув лапы... и пропал. Лишь треск кустов, да недовольное фырканье, что вскоре затихли вдали. Мычка замедленно повернулся, на деревянных ногах двинулся в обратный путь. Разум отказывается верить, но в груди уже разрастается обжигающе сладкое чувство победы. Он выжил. И не просто выжил, а победил хозяина леса! Пусть не в бою, пусть без единой капли крови, но бер отступил, ушел своей дорогой, оставив поле сражения за человеком.

Под ноги ложится земля. Ноги ступают уверенно и твердо. Победителю некуда торопиться. Если уж сам владыка леса — бер уступил дорогу, что говорить о жителя деревни? Подождут. С мешками полными рыбы подождет приютивший его мужчина, подождет и женщина, что, помутившись разумом от испуга, оставила детей хозяину леса. Герой должен держаться достойно, вот только ноги что-то сбиваются с шага, начинают частить, а из глубин души поднимается сладкое предчувствие, толкающее быстрее дойти до деревни, чтобы сполна вкусить почестей от благодарной мамыши и растроганных соплеменников. Ведь это он, а не кто-нибудь рванул в лес, выхватил глупых карапузов из самых лап смерти. Конечно, он постарается вести себя скромно, словно ничего и не случилось, ведь это такая мелочь — спасти детей от голодного бера-шатуна, обронит несколько кратких слов, и вернется на место ночлега, провожаемый уважительными взглядами мужчин и восхищенным перешептываньем женщин.

Впереди показалась околица, тут же, рассыпавшись полукругом, столпились жители села. Ощущая, как от предвкушения похвал запылали щеки, Мычка опустил голову, стараясь не выдать охвативших чувств. Деревня с каждым шагом приближается, уже слышны поскрипывание сапог, да шорох одежды, ноздрей касаются запахи пота и рыбный дух, но что-то идет не так, чего-то не хватает. И почему так тихо, не слышно возгласов радости, приветственные вопли не сотрясают лес?

Похолодев от нехорошего предчувствия, Мычка поднял голову и оторопел. Вокруг лица, лица, лица, но все, как одно, исполнены страхом и глубоким отвращением. Ноги сбились с шага. Пройдя еще немного, Мычка остановился, растеряно обвел взглядом толпу. Воздух загустел от напряжения, как перед хорошей бурей, еще немного и хлестнет молния, испепеляя вызвавшего гнев толпы. Мысли взвихрились, заметались в тщетных попытках понять происходящее, но где-то в глубине уже возникло и окрепло понимание — кто именно вызывал недовольство. Вот только почему?

Среди гнетущей тишины, заставив вздрогнуть, раздался вопль боли. Из-за спин соплеменников выметнулась женщина, все то же безумие на лице, все те же растрепанные волосы, лишь в глазах, сменив отчаяние, пылает радость. Женщина подскочила, рывком выхватила обоих детей, и тут же скрылась в толпе. И вновь гнетущая тишина, лишь пронзающие суровые взоры да взбугрившиеся камни желваков.

Чувствуя, что еще немного, и не выдержит немого давления толпы, Мычка развел руками, сказал с вымученной улыбкой:

— Вот, детей принес. Пришлось побегать. Едва успел.

Один из стоящих впереди, мелкий плюгавый мужичок с всклокоченной шевелюрой, пританцовывая от нетерпения, спросил:

— Это правда, что там был бер?

Мычка ощутил облегчение, с ним говорят, а это хороший знак, сказал натянуто бодро:

— Да, это правда.

— Но ведь от бера не уйти, — ахнула одна из женщин.

Мычка выдохнул, уж кто-кто, а он знает о лесе достаточно, чтобы ответить на любой вопрос, сказал с подъемом:

— По-разному бывает. Я смог, к тому же не один.

Стоящий поодаль грузный мужчина с посеребренными сединой висками и обрюзгшим лицом задумчиво прогудел:

— На бера ходят группой, с оружием, да и то, мало кто отваживается. Как ты, один, невооруженный, смог спастись?

Мычка лишь развел руками. Вот он, живой, перед всеми, к тому же спасший детей. Какие могут быть сомнения?

Вперед шагнул мелкий скрюченный старик, больно ткнув Мычку пальцем в грудь, продребезжал:

— Чему дивитесь? Он же нечисть лесная. Мало что с бером — с демонами договорится!

Толпа в мгновение ока оживилась, загомонили женщины, посуровели лицами мужчины. А дед не унимался, продолжал дребезжать.

— Думаете это он ваших детей вернул? Это он оборотней вернул, поганых. Детей-то давно черные духи умертвили, кровушку выпустили, душу выпили, а взамен перевертышей подсунули, нашли помощника. Ночь наступит, они и обернутся тварями мохнатыми зубастыми, поползут по избам, жертв выискивать, еще живых решать!

Мычка открыл и закрыл рот. На его глазах происходит нечто невероятное, словно в кошмарном сне. Люди, коим он помог, рискуя жизнью, обвиняют его же. И в чем обвиняют, в рожденных воспаленными умами небылицах! Какие духи, что за оборотни? От криков зазвенело в ушах, а от исполненных злобой лиц замутило. Мычка схватился за голову, чувствуя, еще немного, и он сойдет с ума, бросится в лес, подобно несчастной женщине, подергиваясь и завывая.

Среди искаженных физиономий и глумливых рож вдруг возник лик, что разом успокоил, наполнил душу умиротворением. Словно луч солнца пробился через черные тучи, осветил, согрел дыханием. Девушка, за которой он наблюдал из-за забора, стоит тут же, в толпе, но, в отличие от многих, ее лицо остается исполненным спокойствия и отрешенным. Но иначе не может и быть. Ведь прекрасному чужды дрязги и грязь, совершенное выше глупости, и не приемлет лжи. Ее взгляд обращен не куда-нибудь, а на него, проникает в самую суть, отделяя навет от истины. И потому во взгляде печаль, что остальные заблуждаются, не в силах разглядеть в смущенном юноше светлой души и чистых помыслов.

— Что случилось, почто голосим?

Трубный глас прокатился над толпой, перекрыл шум, заставив притихнуть даже самых яростных. Из-за спин селян выдвинулся уже знакомый высокий муж с вислыми усами, сделав пару шагов, остановился. Деревенские вновь зашумели, затараторили наперебой, сбиваясь, и мешая друг-другу, заголосили, пытаясь первыми поведать о случившемся. Староста слушал молча, сперва с улыбкой, затем посуровев. Глядя на изменения в его лице, Мычка ощутил робость. Если уж глава деревни встанет на сторону обвинителей — это конец. Но вот взгляд метнулся к незнакомке, и робость испарилась. Пока она здесь, несправедливости не произойдет.

Гомон затих. Селяне выдохлись, замолкли один за другим, ожидая решения старшего. Староста некоторое время молчал, затем произнес тяжело, словно ронял камни:

— В том, что вы говорите, есть зерно истины. Парень не наших кровей, пришел неведомо откуда. Кто он, мы не знаем, да и не особо интересно. Но он спас двоих детей...

— Не детей, перевертышей поганых! — выкрикнул старик визгливо.

Староста впери́л тяжелый взор в старика, сказал сурово:

— Сеч, ты стар и мудр, но и ты не всеведущ, можешь ошибаться.

Толпа заволновалась, послышались недовольные шепотки. Кто-то, невидимый за спинами, выкрикнул:

— Может и он, а может и ты!

Усатый покачал головой, сказал тяжело:

— За свои ошибки я ответ держу. Готов ли ответить ты?

— За что ответить? — прокричал тот же голос, но уже не так уверенно.

— Если дети — подкидыши лесные, от них нужно избавиться, и как можно быстрее. Но, если нет? Достаточно ли ты уверен, чтобы своими руками убить несмышленьшей? Может не ты, так кто-то другой уверен?

Ответа не последовало. Староста замедленно обвел глазами селян, но всякий тупил очи, отворачивался, не в силах выдержать тяжелого вопрошающего взгляда.

— А если окажется, что ты не прав, и ночью по селу разбегутся злыдни лесные? — проскрипел старик злобно.

Староста ответил сурово:

— Мой выбор — мой ответ. Пока решаю детей не трогать. Подождем, приглядимся. Нечисть лесная себя как-нибудь да выдаст. Вы же двери на ночь запирайте покрепче, да топите пожарче. Демоны, как известно, огня не любят.

— А с этим что? — прогудел грузный мужик с серебристыми висками, указывая на Мычку.

Староста развернулся. Мычка ощутил тяжелый пронизывающий взгляд, но глаз не отвел, наоборот, ответил насколько смог открытым взором. Староста отвернулся, бросил:

— А ничего. — Заметив удивление в глазах селян, поправился: — Пока ничего. То, что парень от бера ушел, причины могут быть разные. Может удачлив не в меру, а может и впрямь лесные жители настолько умелы, что и бера вокруг пальца обведут. В любом случае, пока лихих дел не натворил, потерпим, чай не долго осталось.

Староста замолчал, двинулся в сторону деревни. Мычка заметил, как пробираясь чрез толпу, тот перекинулся с незнакомкой долгим многозначительным взглядом. Но толпа зашевелилась, и оба исчезли из виду, а когда люди разошлись, ни прекрасной девушки, ни мужчины с вислыми усами не оказалось.

Силы ушли. Вновь накатила слабость, заныли натруженные работой мышцы. Пошатываясь, Мычка подошел к реке, зачерпнув воду ладонью, обтер лицо, побрызгал на шею. Мысли гудят, словно в черепе завелся пчелиный рой, сердце стучит с перебоями, то замедляется, так что едва слышно, то бьется учащенно, колотясь о ребра так, что отдается в пятках.

— Что, паря, перетрусил?

Мычка повернул голову. Опираясь на весло, хозяин стоит рядом, глумливо скалит зубы.

По-прежнему ощущая гул в голове и слабость во всем теле, Мычка с трудом протянул:

— Странные у вас обычаи.

— Какие есть. — Хозяин пожал плечами. — У каждого обычаи свои. А уж коль в чужой дом сунулся — будь добр, соблюдай. Иначе долго не протянешь. Да ты уж и сам понял, чего объяснять.

— И что же делать? — Мычка взглянул с сомнением.

Хозяин хмыкнул.

— Что-то, рыбу в мешки ссыпать, да к избе волочь. Протухнет — вся работа насмарку.

ГЛАВА 9

Время пролетело незаметно. Весь день, на пару с хозяином, Мычка занимался заготовкой рыбы. Часть улова заморозили как есть, разместив под домом в глубокой промерзшей яме. Раскладывая рыбу по отгороженным оструганными щепками отсекам, Мычка с содроганием посматривал на уходящие вверх стены. Посеребренная инеем, в прожилках корешков, глина от холода смерзлась в камень. Втянуть лестницу и захлопнуть крышку, дело дело пары мгновений. Пожелай хозяин — и гость никогда не выберется наверх, пополнив "запасы" хорошим шматом свежемороженой человечины. Удивляясь себе, Мычка гнал гнетущие мысли, но лишь когда, отрезая от хладной пасти погреба, крышка захлопнулась позади, вздохнул с облегчением.

Часть улова, нанизав тушки на нити, развесили сушиться вдоль стен. Однако, прежде чем очередная гирлянда рыбешек украшала жилище, приходилось заниматься долгой и утомительной обработкой, вычищая кишки, срывая чешую и обламывая часть плавников, топорщащихся острыми тонкими иглами лучей. Когда работа закончилась, Мычка с трудом разогнулся. Мышцы затекли и неприятно ноют, перед глазами плывет, а пальцы, исколотые косточками, облезли и распухли настолько, словно он, подобно беру, полдня воровал мед, засовывая руки в соты к злым лесным пчелам.

— Ну вот и славно, — с удовлетворением произнес хозяин, водрузив перед собой парующую похлебкой миску.

Получил миску и Мычка. Выложив на стол горку вяленой рыбы и пучок пожухлых, не сохранивших толику запаха пряных трав, хозяйка молча удалилась в соседнюю комнату.

С трудом ворочая ложкой, что никак не хотела держаться в раздутых пальцах, Мычка осторожно произнес:

— За то время, что я здесь нахожусь, вы раз за разом готовите похлебку из рыбы.

— Не нравится? — Хозяин взглянул остро.

Мычка помотал головой, поспешно ответил:

— Нравится, еще как нравится: горячо, жирно, вкусно. Но одна лишь рыба... У нас мужчины уходят в лес, охотятся, приносят дичь: птиц, зверей, порой и рыбу.

Хозяин поморщился, с казал с заметным раздражением:

— Ну, а у нас только рыба. Зверье надо выслеживать, расставлять силки, загонять. А рыба — вон, всегда под рукой: ставь невод, тяни, да тащи до дому.

Мычка помолчал. Перед внутренним взором встали лица охотников племени, как они учили молодняк навыкам охоты, с какой страстью и проникновением объясняли повадки зверей, с каким тщанием учили делать ловчие ямы и ставить силки. Вспомнилось непередаваемое ощущение, испытанное не раз и не два, когда он шел по лесу, разбирая

запутанную вязь следов, таился в кустах, ожидая зверя, по запаху выслеживал дичь, сливаясь с лесом в единое целое.

Ощувив волнующий след переживаний, Мычка с удивленьем произнес:

— Просто достать невод и вернуться назад... ведь это невыносимо скучно!

Хозяин покачал головой, сказал со вздохом.

— Пока работаешь, так обычный парень, но как откроешь рот... Зачем носиться по лесу, сломя голову, рискуя изувечить ноги, или, того хуже, наткнуться на голодного бера, если можно добывать пищу без всякого риска?

Мычка сморгнул, сказал с великим изумлением:

— Но как же задор, кипение крови? Как развить выдержку если не ожиданием зверя в засаде, как стать выносливее, если не через погоню за добычей? Как, наконец, заслужить уважение соплеменников, если не через успехи в охоте?

Хозяин без интереса отмахнулся.

— Пустое. Была б утроба полна. А все эти прыжки да скачки лишь от избытка дури. Поживи с мое — поймешь.

Мычка промолчал. Перед глазами встали образы охотников племени: едва вошедших в силу, чьи лица еще носили следы детской непосредственности, могучие воины, в самой силе, и даже убеленные сединой старики. Все мужчины племени предпочитали действие безделью, не оставаясь в стороне, если доводилось заняться чем-то нужным и полезным. И он всегда считал, что это верный, и единственно возможный из укладов. Но здесь, в деревне рыбаков, все оказалось иначе, и оставалось лишь смотреть, да дивиться.

Закончив трапезу, Мычка поблагодарил, поспешно покинул избу. Хозяин заметно тяготился его присутствием, оставалось только удивляться упорству, с каким он выжидал окончания положенного срока. Будь Мычка на его месте, давно бы уж отпустил гостя на все четыре стороны. Вернувшись в сарай, Мычка улегся на топчан, раскинул руки, наслаждаясь отдыхом. Перед внутренним взором закрутились картины прошедшего дня: лодка, груда искристой от слизи и льда рыбы на дне, безумное лицо женщины, стремительный бег по лесу, и исполненный ярости взгляд бера. Толпа, угрожающие крики, угрюмые лица селян, среди которых одно прекрасное, как серпик молодого месяца на небосклоне.

Сердце застучало сильнее. Мычка сел, затем вскочил, в волнении заходил по кругу. В груди клокочет и жжет, а в животе распространяется волнующая сладость. Эти глаза, губы, волосы... Он должен увидеть ее во что бы то ни стало! Но день прошел, уже поздно. И прекрасная незнакомка давно спит, или занимается хозяйством, огражденная от нескромных взоров высокой оградой и крепкими стенами.

Рука потянулась к двери, толкнула. Из проема хлынул свет, не яркий, угасающий, но душу наполнила радость. Хотя уже глубокий вечер, но еще не настолько поздно, чтобы селяне улеглись. От избы по соседству доносится негромкий говор, кто-то ругает пса, слышны звуки песни.

Крадучись, чтобы лишний раз не попасться местным на глаза, Мычка прошел к нужному дому, приник к ограде, всматриваясь в происходящее через щель в жердях. Внутренний двор невелик, отбрасываемый через окна свет выхватывает сарай и поленницу, остальное скрыто в тених, видны лишь смутные очертания. Возле калитки девушка, стоит, повернувшись спиной, но фигура и волосы выдают внимательному взгляду охотника ту самую, ради которой он пришел.

Рядом еще кто-то. Человек скрыт в тени, но силуэт выдает крупного мужчину. Вот он

шевельнулся, что-то сказал. Мычка нахмурился, ощутив неприятный укол в сердце. Мысль о том, что незнакомка может общаться еще с кем-то, кроме него, причинила боль. Мычка замер, раздираемый мучительными сомнениями. Парочка беседует негромко, разговор явно не предназначен для чужих ушей. Но... ведь он не чужой. Он испытывает к хозяйке этого дома столь трепетные чувства, что давно стал своим, своим настолько, насколько это вообще возможно.

Скрипнула калитка, под тяжелыми шагами захрустели камешки. Неведомый ночной гость двинулся в его сторону. Вжавшись в изгородь, Мычка застыл, пронзая взглядом приближающуюся фигуру. Шаг, другой. Мужчина идет неспешно, словно задумавшись. Вот он поравнялся, не замечая скрытого в ночи охотника, двинулся дальше. В наползающем сумраке Мычка различил свисающие по обе стороны рта темные хвосты. Староста! От сердца отлегло. Никак не вяжется образ могучего сурового мужчины в годах с шастающим по темну любителем женских ласк.

Шорох шагов затих, Мычка вновь прильнул к ограде, замер, не в силах оторвать глаз от девушки. Незнакомка по прежнему стоит возле калитки, словно обдумывая нечто сказанное старостой. Вот она шелохнулась, замедленно двинулась в сторону дома. С каждым шагом девушки сердце бьется все громче, будто ноги прекрасной незнакомки задевают некие невидимые струны, отзывающиеся в груди сладким щемом.

Фигура приближается, ненадолго замирает напротив, так близко, протяни руку — коснешься. Шум в ушах все громче, а биение в груди достигает такой силы, еще немного и сердце проломит ребра, выскочит на землю пульсирующим окровавленным комком. Если не окликнуть сейчас, не привлечь внимание, чудесное видение исчезнет, скроется за тяжелыми бревнами стен. После чего останется лишь идти назад не солоно хлебавши. Этого нельзя допустить.

С трудом проталкивая воздух через враз пересохшее горло, Мычка прошептал:

— Постой, не спеши.

Силуэт замер. Девушка вскинула голову, отчего волосы красиво колыхнулись, спросила с заметным испугом:

— Кто здесь?

Мычка молчал, мучительно соображая, как именно представиться. Не услышав ответа, девушка повторила строже:

— Кто меня звал?

— Это я... Одна из женщин, испуганная бером, сегодня оставила детей в лесу. Я их вернул.

Слова вырвались сами собой. Мычка не успел испугаться, что ляпнул что-то не то, но девушка заметно оживилась, шагнула в его сторону.

— Так вот кто подсматривает за мной из-за забора!

В голос незнакомки прозвучала насмешка, и, в то же время, одобрение, словно девушка приглашала припозднившегося гостя к дальнейшей беседе. Ощувив облегчение, Мычка произнес:

— Да, да. Это я. Но я не подсматриваю, нет.

— Как же это назвать?

Она шагнула ближе, так что воздух наполнился ароматом девичьего тела, а щек коснулось теплая волна дыхания. Задыхаясь от чувств, Мычка произнес со страстью:

— Я всего лишь проходил мимо, но... услышал твой голос, увидел лицо и... — Он

замолчал, задохнувшись от волнения.

Отблеск света из окошка позволяет разглядеть, как изменилось лицо собеседницы. Если мгновение назад в глазах блестели озорные искры, а сейчас ее лицо потемнело, будто на солнце набежала туча. В глазах промелькнуло странное выражение. Но, Мычка сморгнул, и наваждение прошло. Губы незнакомки кривятся в усмешке, а глаза лучатся любопытством.

Улыбнувшись, она сказала с упреком:

— И ты не нашел ничего лучше, чем прийти ночью, и меня напугать?

Мычка воскликнул с обидой:

— Что ты, что ты! Я скорее дам разорвать себя на мелкие кусочки, чем причину тебе боль, или даже просто неудобство.

На лицо незнакомки вновь набежала тень, но, увлеченный беседой, Мычка уже не обращал внимания. К тому же поднялся ветерок, забравшись через окна в дом, раз за разом тревожил языки пламени, отчего по лицу девушки, да и по всему двору, заплясали веселые тени.

Лицо девушки вдруг стало озабоченным, она спросила с тревогой:

— Наверное, это очень страшно, встретить бера в лесу. Тем более, если ты один и без оружия. У нас в поселке на такое мало кто способен.

Мычка ощутил, как грудь распирает от гордости. Она оценила! Не могла не оценить. Пусть даже все жители деревни поняли его поступок превратно, эта девушка небесной красоты восприняла все единственно верным образом. Мычка ответил, стараясь, чтобы голос оставался отстраненным:

— Наверное, ты права. Это действительно страшно, если спасаешь себя, но... я был не один. Конечно, потом, после, внутри холодеет, а ноги подгибаются, но в тот момент, на поляне, я не ощущал ничего.

Девушка покачала головой, сказала с глубокой грустью:

— Ты удивительно смелый. Наверное, это потому, что живешь в лесу, где повсюду опасности. Где за каждым деревом хищник, а под слоем безобидной хвои корявые корни да заостренные сучья. И хорошо, что вокруг деревни ограда. Не будь ее, страшно представить, какие ужасы напознали бы из леса по ночам.

Мычка замотал головой так, что перед глазами замелькало, воскликнул:

— Нет, нет, что ты! Лес совсем другой. В лесу нет зла. Да, он суров, и неопытный путник легко потеряется, или даже погибнет от голода. Но стоит проявить уважение, прислушаться, поверить лесу, и он станет твоим помощником и другом.

Сквозь щель видно, как девушка качает головой, а на лице отражается сильнейшее сомнение. Чувствуя, что ему не верят, Мычка предложил:

— Знаешь, слова словами, но лучше ощутить самому. Я проведу тебя по лесу, покажу его тайны, научу читать следы, и расскажу что делать при встрече со зверем. Пойдем прямо сейчас, и ты не пожалеешь.

Девушка задумалась. Глядя, как на ее лице происходит борьба чувств, Мычка затаил дыхание, чтобы ни единым звуком, ни движением не нарушить готовое сорваться с уст прекрасной незнакомки согласие.

Наконец, борьба закончилась, а лицо приобрело серьезное выражение. Осторожно, подбирая слова, девушка произнесла:

— Твои речи полны решимости и огня, и похожи на правду. То, что произошло сегодня, как бы к этому не отнеслись жители деревни, лишь подкрепляет впечатление. Ты храбрый и

опытный воин. Но, прежде чем покинуть дом, мне нужно закончить дела и подготовиться. Ведь прогулка по лесу, это совсем не то же самое, что прогулка по деревне.

— Так ты согласна? — Преисполнившись радости, Мычка воскликнул так громко, что неподалеку рывкнул пес, из соседнего двора ему ответили недовольным рычанием. Поперхнувшись, Мычка повторил шепотом: — Так ты согласна?

Девушка сказала просто:

— Согласна. Но не сегодня.

— Конечно, когда тебе будет удобно. Хоть через день, хоть через десять...

Вспомнив, сколько дней осталось в запасе, Мычка поперхнулся, замолчал. Незнакомка как будто догадалась о его сомнениях, сказала с подъемом:

— Зачем так много? На приготовления хватит дня. Завтра в полдень... нет, лучше к вечеру, я закончу дела и мы сможем погрузиться в тайны леса. А сейчас прощай.

Девушка отвернулась, скользнула к избе. Колыхнулся воздух, хлопнула дверь и все стихло. Мычка вздохнул полной грудью, широко улыбнулся. По телу разлилась сладкая истома. Его не оттолкнули, не выказали презрения и злобы, наоборот, прекрасная незнакомка проявила участие, по достоинству оценив утренний отважный поступок.

Забилось все, изматывающая рыбалка, страшная встреча с хозяином леса, озлобленность толпы. Перед внутренним взором неотрывно стоит прекрасный лик, а в ушах звучит чарующий голос. Сердце стучит размерено и глубоко, а мышцы полны сил, словно и не было наполненного тяготами дня. Ощущая сильнейшее желание поделиться радостью, Мычка завертел головой, отыскивая, кому можно излить переполняющие чувства. Но тьма неподвижна, и вокруг ни души. Сгустившийся сумрак загнал жителей деревни в избы, лишь слабо мерцают закрытые ставнями окна, да поскуливают в будках устраивающиеся на ночлег псы.

Взгляд заскользил по деревне, ушел за границу околицы, прикипел к черной кайме леса. Мычка удивился собственной глупости. Какие собеседники, зачем ему с кем-то говорить, если поблизости лес! Вот, совсем рядом, рукой подать. Для прогулок и мечтаний нет лучшего места, чем полутьма под сенью вековых великанов. Деревья, хоть и не могут говорить, но все слышат и понимают. Даже самый тихий шепот разносится далеко по чаще, возвращаясь шорохом листьев и шепотом трав. Нужно лишь замереть на миг, прислушаться, чтобы проникнуться мудростью пуши, обрести ясность мыслей и телесный покой.

Мычка зашагал к околице. Не мудрствуя с поиском выхода, перемахнул ограду, легко избежав заостренных наконечников жердей, что годились больше для устрашения, чем представляли реальную угрозу. Несколько десятков шагов, и он в родной стихии. Отгороженная деревьями, скрылась с глаз деревня, затихли голоса, исчезли терпкие запахи, вытесненные свежим и чистым лесным ароматом.

Уши привычно задрожали, прислушиваясь к дыханию спящего леса, тихому, но бесконечно разнообразному. Вот под лапой крадущегося хищника треснул сучок, над головой зашуршала падающая шишка, где-то вспикнула сонная птица. Отдавшись настроению, Мычка побрел, не разбирая пути. Мысли улеглись, оставив в черепе лишь звенящую пустоту, на сердце стало приятно легко, как может быть легко лишь у живущего в согласии с собой и окружающим миром.

Повеяло влагой, чуть позже донесся монотонный шум. Деревья разошлись, обнажив ленту речушки. Блещающая в свете луны, водная лента прорезала лес извилистой широкой тропой. Мычка остановился. Река оказалась весьма кстати. Он уже забыл, когда последний

раз мылся. А ведь завтра он поведет девушку на прогулку. Будет неприятно, если в кристально чистом лесном воздухе она учует грязь невымытого тела, а она учует, не может не учуять, ведь ее собственный запах так прекрасен, что любой другой аромат на его фоне кажется отвратительной вонью.

Не раздумывая более, Мычка отвязал плащ, сбросил рубаху, штаны, и вошел в воду. Кожу обожгло, от холода заломило мышцы, а зубы застучали, выбивая дробь. Еще немного, и, не выдержав пытки, он опрометью бросится назад. Решившись, Мычка упал ничком, разом погрузившись в воду. Дыханье перехватило. Глотая воздух широко раскрытым ртом, он вскочил, зачерпывая воду полными горстями принялся с силой растирать тело, выскребая вьевшуюся грязь.

Сперва было неважно, но от яростных движений мышцы разогрелись. Вместе с грязью ушла усталость, тело наполнилось силой. Выбравшись на берег, Мычка тщательно прияхался, с удовлетворением отметив, что запах почти исчез. Осталась лишь малость, от которой не избавиться даже самым тщательным купаньем. Освеженный и довольный, Мычка еще некоторое время побродил по лесу, после чего вернулся в деревню. Пробравшись в сарай, он рухнул на топчан, и уснул, исполненный самых радужных ожиданий и надежд.

ГЛАВА 10

Весь следующий день Мычка провел словно во сне. Подолгу замирал на одном месте, с блаженной улыбкой бродил, не глядя под ноги, отчего то и дело спотыкался. Глядя на странное поведение гостя, хозяин поначалу лишь хмурился, но когда, в очередной раз, Мычка выронил нож, едва не воткнув себе в ногу, не выдержал.

— Ты чего, дурман травы объелся? Иди-ка, подыши воздухом, а то, того и гляди, руку себе рассечешь, все кровью забрызжешь.

Виновато улыбаясь, Мычка покинул избу, некоторое время потеряно топтался по двору, затем вышел, побрел по деревне. Попадающиеся на пути собаки в угрозе щерили зубы, а селяне провожали угрюмыми взглядами. Но, погруженный в мечты, Мычка не замечал ничего вокруг, двигался, словно и не к нему обращены распахнутые пасти, а неприязнь селян порождена какими-то неизвестными причинами, а он лишь случайный свидетель, волею случая оказавшийся рядом.

Порой, выныривая из тумана мечтаний, Мычка смутно удивлялся, что вокруг по-прежнему светло. Ведь в фантазиях давно наступил вечер, и вместе с прекрасной незнакомкой они уже бродят по насыщенной невидимой жизнью, исполненной тайн и чудес чаще. Но, вскоре вновь погружался в насыщенный тенями и мороком зыбкий мир грез.

— Шел бы ты отсель, да побыстрее.

Мычка остановился, сморгнул, пытаясь сообразить, что отвлекло от столь приятного занятия. Напротив, у заборчика, на стесанном бревне развалился мужичок. Рубаха подрана, нечесаные вихры торчат в стороны ежовыми колючками, лицо заросло щетиной, щеки

отдают синевой, не то от грязи, не то выдавая скрытую хворь, но глаза смотрят цепко, не упуская из виду случайного прохожего.

Пожевав губами, мужичок повторил:

— Уходи из деревни, и чем быстрее, тем лучше.

Удостоверившись, что селянин обращается к нему, Мычка пожал плечами, спросил с недоумением:

— Почему я должен уходить?

— Ты чужой, а чужих здесь не любят.

Подбирая слова, Мычка осторожно произнес:

— Я заметил нечто подобное, но решил, что обманулся. Ведь для ненависти нужен повод.

Мужик ухмыльнулся, отчего рожу перекосило так, что стало страшно смотреть, сказал со смешком:

— Какой еще повод? Ты чужой, этого достаточно.

Видя, что собеседник настроен на разговор, Мычка приблизился на шаг, сказал смелее:

— Да, я не местный, и не знаю ваших обычаев, потому иногда глуплю. Но ведь я такой же, как и вы.

Мужичок покачал головой, сказал с насмешкой:

— Такой, да не такой. Вон, бледный какой, словно призрак, и статью слаб, не в пример нашим мужикам. А уж про уши и вовсе молчу.

Мычка коснулся кончика уха, спросил озадачено:

— А что уши?

— Как что? — Мужичок аж подпрыгнул. — Да они ж торчком, как у зверя!

— И это все? — Мычка вздернул брови.

— А тебе мало? — Мужичок вздернул брови в ответ. — Людей за меньшее изгоняют. А ты так и вовсе не человек. Вершинник — одно слово.

— Я запомню твои слова, — произнес Мычка сдержанно, отступая на шаг.

— Запомнишь, не запомнишь — мне без разницы. Только уходи, а то поздно будет. — Воровато оглянувшись по сторонам, мужичок подался вперед, жарко зашептал: — Уходи прямо сейчас, пока есть возможность. Ладно б в избе сидел, носа не казал, так по селу же маешься, глаза людям мозолишь.

Мычка отступил еще на шаг. В глубине души росло отвращение к этому грязному, похожему на больного зверька, мужичку. Ему предлагают уйти. По быстрому, тихо, словно нашкодившему волчонку. И не просто уйти — бежать, забыв про долг, данное слово, а главное, прекрасную девушку, что еще день назад была недостижимой мечтой, но уже сегодня, как солнце склонится к закату... Нет, этому не бывать!

Похоже, чувства отразились на его лице так ярко, что мужик вздрогнул, мгновение молчал, затем неторопливо вернулся на бревно, откуда вскочил в мгновенном порыве, произнес замедленно:

— Вижу, на ветер слова. И дернуло же меня с тобой, выродком, заговорить. Знал же, не будет толку.

Мычка развел руками, сказал с деланным радушием:

— Ты сказал, я слышал. В любом случае, благодарю за беседу.

Пятясь, он отступил на шаг, затем еще. Мужик хмуро смотрел вслед, затем не выдержал, сказал с досадой:

— Вот же дурачина. Ладно б просто глупости творил, но ты же сыновей старосты в грязи извалял, на него тень бросил. Такое с рук не спускают. — Он замолчал, махнув рукой, отвернулся.

Отвернулся и Мычка, двинулся дальше. Однако, слова случайного собеседника запали в душу. Если мужичок не врет, та тройца, о которой он и думать забыл, далеко не последние в деревне люди, и это тревожит. Однако, он уже дважды встречался с их отцом, старостой, и тот мало что не выказал недовольства, но еще и защитил его от разгневанных селян.

Вспомнив последние встречи с высоким, носящим вислые усы мужчиной, Мычка улыбнулся. Староста, как и положено старшему в деревне, не просто могучий, опытный муж, но и справедливый управитель. Ведь ему постоянно приходится разрешать возникающие среди селян многочисленные споры, а принять верное решение может лишь тот, кто руководствуется справедливостью и честью, а не корыстью и личной заинтересованностью.

То, что дети приняли позор, вряд ли понравится отцу, и, нет сомнений, староста зол на него. Но, как настоящий вождь, он не позволяет чувствам взять верх. Именно поэтому староста дважды встал на его, Мычки, сторону, переломив волю селян, лишь потому, что того требовала справедливость. И вряд ли кто-то в деревне осмелится противиться воле вождя.

Мычка с облегчением выдохнул. Было потускневший, мир вновь засверкал яркими красками, а предостережения мужичка показались бессмысленными и смешными. Тем более, желей дети старосты поквитаться, они бы выбрали место и подгадали время, как и в первый раз. Однако, этого не произошло. Судя по всему, наставления отца поубавили пыл сыновей, подобно тому, как повеления старосты умили гнев селян.

Погоуляв еще немного, Мычка вернулся, исполненный самых радужных надежд. Взглянув на его сияющее лицо, хозяин лишь покачал головой, молча указав на стол, где громоздилась гора рыбы. Вооружившись ножом, Мычка приступил к работе, выплескивая переполняющее тело силы. Прислушиваясь к дробному стуку ножа, хозяин некоторое время с недоверием следил за руками гостя, но вскоре успокоился, продолжил прерванное занятие, время от времени поглядывая на Мычку и одобрительно покачивая головой.

Ближе к вечеру Мычка забеспокоился. Поглядывая то в окно, где стремительно угасал день, то на груды рыбы, что, казалось вовсе не уменьшилась, он хмурился и кусал губы. В отчаянье, что время уходит, он попытался работать быстрее, но лишь порезался, да разломал несколько рыбин так, что изуродованные тушки стали годны разве что в мусор.

Хозяин посматривал с интересом, наконец вздохнул, сказал ворчливо:

— Устал — скажи прямо. И нечего рыбу переводить. Иди, отдыхай, да захвати чешую, а то совсем дышать нечем.

Мгновенно просветлев лицом, Мычка поднялся, быстрыми движениями сгреб мусор, подхватив корытце, выскочил из избы. Хозяин проводил его недовольным взглядом, но едва за вершинником захлопнулась дверь, с отрешенным видом вновь погрузился в работу.

Сбежав до околицы, Мычка вытряхнул чешую за ограду, двинулся назад, косясь на псов, что сперва угрожающе скалили зубы, но стоило ему отойти, тут же затрусили в сторону широкой щели в заборе, рассчитывая поживиться останками. Вернувшись, Мычка поставил корытце на место, ушел в сарай, дожидаться назначенного времени. Но неподвижно лежать, впериw глаза в потолок, оказалось не по силам. Распираемый нетерпением, он принялся мерить шагами двор, нетерпеливо поглядывая на небо.

Однако, солнце словно остановилось. Медленно-медленно, будто кто-то огромный и

неведомый плеснул на остывающий шар древесной смолы, прилепив светило к небосклону, солнце ползет вниз. Тени удлинняются, набирают мощь, растут вширь и длину. Одна за другой затихают птицы. Небо темнеет, наливается чернотой, пронзительно синее поначалу, постепенно выцветает. Далекие перья облаков зажигаются огненными всполохами, отчего кажется, что где-то в небесах запылал невероятный по мощи пожар, и вот-вот перейдет на землю, разбежится огненной стеной, обращая все на своем пути в пепел.

Устав бесцельно бродить, Мычка принялся собирать разбросанные вокруг чурки, снося к стене дома, и складывая в аккуратную поленницу. Занятие захватило, позволило отстраниться от изнурительного ожидания. Увлечшись работой, Мычка не заметил, как пролетело время. Лишь когда очертания поленницы стали размываться, а для того, чтобы отыскать очередную щепку, пришлось усиленно всматриваться в землю, Мычка спохватился.

Дыхание перехватило, а сердце ударило с перебоем. Опоздал! Отбросив с трудом найденную чурку, он метнулся к ограде, одним махом перелетел через забор, понесся огромными скачками, страшась, что не успеет. Один поворот, второй. Громады изб проплывают серыми валунами, мелькают тени запоздалых селян, полусонные псы шарахаются из-под ног. Вот и нужная изба. Нет, всего лишь похожа: другая изгородь, чуть более пологий скат.

Поворот, еще один. Нога проваливается в незаметную в сумерках ямку, в колено впиваются иголки боли, растекаются, исчезают одна за одной. Ощущение не из приятных, но это ничего. Нога заживет, боль исчезнет, но второй встречи может и не быть. Нужно бежать быстрее, чтобы успеть, увидеть, заговорить. А вот и нужный дом.

Мычка сбавил бег, пошел, восстанавливая дыхание, не доходя до калитки десятков шагов и вовсе остановился, замер, вслушиваясь и всматриваясь. Возле дома темно, окна не сверкают отблесками огня: слишком плотны ставни, а быть может изба пуста, хозяйка покинула жилище. Ни звука, лишь чуть слышно шуршит мышь, да поскрипывает отошедшей жердью забор.

Грудь стиснуло страхом. Не успел! Челюсти сжались так, что скрипнули зубы. Мычка замычал, с трудом сдерживая стон обиды. Мечты, ожидания — все впустую. И из-за чего? Не нужно было выжидать до последнего. Не нужно было вообще выжидать! Горка очищенной рыбы, выстроенная поленница, да и отношение хозяина, если подумать, все это ничто по сравнению с тем, что он потерял, лишь едва прикоснувшись.

Ощущая, как в глазах зародились злые слезы, Мычка сжимал и разжимал кулаки. Мир сузился до бьющейся в черепе жуткой мысли, отодвинулся, став расплывчатым и туманным, как далекие деревья в сильный дождь. Мышцы занемели, а кожа потеряла чувствительность настолько, что даже усилившиеся порывы холодного ветра казались слабым дыханием затерявшегося в ночи странника.

Руки коснулось мягкое, прошлось по коже, щекоча и согревая. От неожиданности Мычка дернулся, резко повернулся, готовясь дать отпор. Мгновенный взгляд, и глаза расширились в удивлении, а губы поползли в стороны, расходясь в глупой улыбке. Руки взметнулись, потянулись вперед, но тут же опали, боясь грубым прикосновением спугнуть сладкое наваждение.

Возле, словно сотканный из сумрака, обозначился силуэт. Лица не видно, однако очертания фигуры не дают обмануться. Но даже если крепко зажмурить глаза, тонкий дразнящий запах не даст ошибиться. Это она, та самая, от одной мысли о которой сердце заходится в радостном биении, а спина покрывается мурашками. Она все же дождалась! Да

не просто, сидя в уютном доме, где в печи потрескивает огонь, разливая вокруг волны живительного тепла, а на улице, не взирая на тьму и холод.

С трудом сдерживаясь, чтобы голос не скакал, как вырвавшийся из силка хорь, Мычка произнес:

— Прости. Я опоздал, хотя считал мгновения, глядя, как заходит солнце.

Девушка покачала головой, сказала чуть слышно:

— Не винись, я вышла не намного раньше. Работы оказалось слишком много. Но... пойдём, здесь не лучшее место для беседы.

Она взяла его за руку, легонько потянула, приглашая за собой. Мычка пошел, ощущая, как внутри все ликует от нахлынувшей радости. Запах ее тела, волна волос, чуть слышное шуршание одежды — все вызывает бурную, ничем не сдерживаемую радость, отчего хочется куда-то бежать, что-то делать, кричать во все горло, сообщая миру о невероятном счастье.

Мычка попытался заговорить, но спутница приложила палец к губам, и он осекся. Разум подсказывает — девушка рискует, гуляя по темну с чужаком. Попадись они на глаза случайному прохожему, гнев односельчан неминуемо настигнет своевольницу. Однако распирающие изнутри чувства гласу разума внимают плохо, и он с великим трудом удерживался, чтобы не заговорить прямо сейчас, не взирая ни на какие опасности.

Спина гордо выпрямилась, плечи раздались, ноги шагают так широко, словно не существует препятствий, способных затруднить гордую поступь их счастливого обладателя. Будь хоть немного светлее, их бы неминуемо заметили. Но время оказалось подобрано удачно, так что в пронзительной черноте ночи сложно разглядеть не только скользящий во тьме силуэт, но и собственные руки.

Пока шли по деревне, девушка часто оглядывалась, будто опасаясь чего-то. Выказывая заботу, Мычка тоже вертел головой, но сколько ни пытался, ничего интересного не увидел. Пару раз на краю зрения обозначилось некое смутное движение, но стоило взглянуть пристальнее, и наваждение рассеивалось.

Миновали окружающий деревню частокол. Еще на подходе Мычка заволновался, не представляя, как именно спутница преодолет гряду заостренных кольев. Но беспокойство улетучилось, едва он увидел, с какой уверенностью девушка направляется к заваленному мусором неприметному участку ограды. Легкое движение руки, и жерди раздвинулись, образуя достаточно широкий проход. Когда же преграда осталась позади, девушка столь же легко сдвинула жерди, вернув окрестности первозданное состояние.

Лес надвинулся молчаливой стеной, окружил темной завесой. Если в деревне еще что-то можно разглядеть, тусклый отсвет звезд да редкие огни в окнах дают достаточно света, то здесь царствует тьма. Но оттого, что нет даже мелкого светового блика, не становится сложнее. Лес полон запахов и звуков. Если не торопиться, вслушиваться в подсказки шорохов и скрипов, внюхиваться в намеки ароматов, можно идти как днем, разве только немного медленнее.

Но, что близко жителю леса, чуждо селянину — рыбарю. Огромные лесные великаны застыли в молчаливой угрозе, корявые ветви — руки тянутся, хватают за одежду, узловатые корни торчат из земли, словно специально вытягиваясь туда, где вот-вот должна ступить нога. Спутница испугано оглядывается, заметно дрожит, невольно прижимаясь к единственно понятному существу в этом логове враждебных сил.

От близости женского тела, о чем он еще вчера не мог и мечтать, кружится голова. Сердце сладко щемит, а тело полнится бодрящей силой. От бьющего изнутри напора счастья

хочется бежать, лететь, но приходится смирять шаг, чтобы не испугать спутницу, что и без того напряжена настолько, что, сама того не замечая, идет все быстрее, вместо того, чтобы следовать за проводником, сама тащит его в неведомые дебри, уходя от привычного уклада родной деревни все глубже и глубже в лес.

Впереди, совсем неподалеку, хрустнул сучок, зашуршала хвоя, осыпаясь с ветки. Неуместный звук привлек внимание, вырвал из объятий сладостных надежд. Мычка насторожился, прислушался. И почти одновременно спутница споткнулась, резко отпихнулась, замахала руками, удерживая равновесие. Получив ощутимый толчок, чтобы не упасть, Мычка пробежал несколько шагов, повернулся, готовый успокоить подругу.

Сухо шелкнул кремень. Вспыхнул огонек пламени, разгорелся, разогнав тьму на десяток шагов. Из-за груды валежника выдвинулись фигура: одна, вторая, третья. Насмешливый голос прорезал лесную тишину.

— Ну что, вершинник, поговорим?

ГЛАВА 11

Насмешка судьбы, навеянное неведомой волшебной видение, страшный сон. Откуда здесь, в глубине леса, в ночной черноте взялась эта троица? Каким ветром принесло парней, что давно должны почивать в деревне, укрытые от мира надежными стенами? Может быть духи леса решили сыграть с ним злую шутку, приняв личины давешних соперников, чтобы всласть потешиться испугом забредшего в их владенья путника? Нет, это настоящие люди из плоти и крови. Скрипенье кожи сапог, шуршанье шкур, запах немых тел, духам подобное не под силу. Да и пляшущее на конце факела пламя — предел возможного. Ни зверю, ни нечисти в лесу огонь не подвластен, лишь люди способны без страха подойти к пламени, обуздав стихию, использовать себе во благо.

Скрестив руки на груди, Мычка сказал с прохладцей:

— Не знаю, откуда вы здесь в такое время, и зачем, но говорить нам не о чем.

Парни, как один, хмыкнули, губы искривились в презрительных ухмылка. Стоящий ближе всех, судя по всему, старший из братьев, едко произнес:

— Если ты думал, что по темну может ходить лишь нечисть, вроде тебя, то сильно ошибся. Мы, хоть и не жалуем ночных прогулок, но, при необходимости, выходим.

— Я рад, что вы не боитесь ночи. — Фраза получилась излишне высокомерной, но изошряться в искусстве учтивости сейчас не с руки. — Но мне недосуг разговаривать. Если хотите, можем продолжить разговор в более подходящем месте, например в деревне, с утра.

Лицо парня исказила гримаса ненависти, он прохрипел:

— Не трать слов понапрасну. Твое мнение никого не интересует. Мы будем разговаривать тогда и там, где сочтем необходимым. — Он покосился на братьев, сказал с усмешкой: — Да и разговором я бы это не назвал. Просто несколько слов, чтобы ты понял что к чему.

Мычка закаменел лицом. Позади троицы, в сумерках, притаилась подруга, что сейчас с

содроганием сердца ожидает развязки. Пока ее не замечают, но стоит парням оглянуться... Кровь бросилась в голову, перед глазами замерцали красные мушки, а грудь раздалась, в предчувствии схватки набирая воздух. С трудом сдерживая клокочущую в голосе угрозу, Мычка произнес:

— Я уже понял. Не утруждайся. Вы, трое, недостойные дети своего племени. Презрею наставление отца, и поправ законы гостеприимства, вы подло, тайком, выследили меня, чтобы поквитаться за позор, но только зря потеряли время. Вы ничего не смогли сделать в прошлый раз, не преуспеете и сейчас.

Собеседник почернел лицом, бесхитростные слова поразили в самое сердце. Оскалившись, он прорычал:

— Безумная лесная тварь, как смеешь ты говорить такое нам, нам — сыновьям старосты! Если не так давно мы собирались тебя всего лишь поучить, то теперь этим не ограничится. Ребята, за работу!

Двое товарищей, что только и ждали команды, шагнули вперед. В руках у каждого возникло по узловатой дубине. Руки взмахнули, раскручивая оружие. Мычка отшатнулся. Он ожидал нападения, но не думал, что братья опустятся настолько. Трое вооруженных против безоружного одиночки!

Дубинки взметнулись, набирая силу, воздух загудел. Сейчас сучковатое дерево коснется тела, распарывая кожу, разрывая мышцы, проламывая кости. В глазах соперников... нет, это не соперничество, когда трое на одного, когда дерево против плоти, это уже совсем — совсем другое. В глазах врагов застыло предвкушение. Еще немного, и чуждый их роду, пришедший из леса чужак упадет под ноги, забьется в агонии. Ну а после придет время спутницы. Испуганная, она наверняка закричит, бросится бежать, но ее настигнут, раззадоренные кровью, избыют, вымещая ярость. А потом, когда, неспособная защищаться, жертва захлебнется в крике, навалятся, распаленные похотью, разорвут одежду, заломят руки...

Мысли промелькнули молнией, но картинка грядущих событий замерла, растянулась во времени, позволяя полностью погрузиться в ужас, что случится совсем скоро, прочувствовать всеми фибрами души. Мир погрузился в красное, кровь вскипела, преисполнившись сил, мышцы застонали от напряжения.

Напротив, перекошенные от ярости и злобы, дергаются не люди — звери, одержимые жаждой смерти демоны. Нужно всего лишь направить бьющий изнутри поток мощи на них. И тогда всем сразу станет легче. Всем, кто останется.

Взмах. Дубина опускается, но находит лишь пустоту. Следуя ощущениям, тело смещается в сторону, уходя от боли. Рука выстреливает. Лицо противника выплескивается кровью. Костяшки на мгновение немеют, так велика скорость удара, но ощущение едва уловимо, на время боя тело тушит боль. Это потом, после, можно зализать раны, ощупать, осмотреть, выискивая ушибы и ссадины. Но только не сейчас.

Удар. Тело отшатывается, но недостаточно быстро, в плече вспыхивает боль, по рукаву течет теплое. Прыжок в сторону, чтобы выиграть несколько долгих мгновений, пока, потрясенная болью, плоть восстановится. Удар. Открытой ладонью, с размаху, прямо в ухо противнику. От таких, даже самых слабых шлепков потом долго звенит в черепе, а мир плавится и плывет, а уж от сильных...

Голова противника дергается, челюсть отвисает, а глаза заполняются болью. Дубина вываливается из враз ослабевших пальцев. Что ж, хорошо. Не обязательно убивать, чтобы

вывести соперника из строя. Но как же хочется подхватить палку, размахнуться, вкладывая в удар всего себя, а затем... На краю зрения что-то меняется, немного, совсем чуть-чуть, но почему так сводит затылок, словно к нему уже приложилась дубина врага?

Бросится на землю, откатиться, вскочить, как велят инстинкты, что не обманывают никогда. Земля бьет в ладони, в кожу впиваются хвоинки и мелкие веточки. Сверху, гудя рассерженным шмелем, проносится дубина. Волна воздуха холодит шею, ерошит волосы. Мгновением раньше удар, мгновением позже падение — все было бы кончено. Но все происходит ровно тогда, когда нужно, не раньше и не позже.

Толчок. Тело взлетает. Ноги упираются в землю, мышцы напряжены до ломоты, готовые к сверхусилию. Прыжок, уворот, удар. Все что угодно, пока бушующая внутри ярость не угасла, а вместе с ней не ушла уверенность в собственной правоте. Ведь так, на самом деле, сложно вести смертный бой против людей, пусть и опустившихся, озверевших в тисках глупости и злобы, но все же людей.

Пространство вокруг чисто, враги повержены. Три фигуры извиваются на земле, ползут, пытаются встать, искореженные, окровавленные, бессильные. Мгновенная жалость скручивает с такой силой, что темнеет в глазах: нужно помочь, спасти! Но изнутри, сквозь воздвигнутый братскими чувствами к сородичам защитный барьер, поднимается воспоминание: глаза, губы, волосы... Прекрасная дева, которой придется жить в окружении этих недолудей. Нет, нужно завершить начатое, пока ярость не ушла, пока человеческое не смерило безумствующего внутри зверя.

Рука тянется к земле, пальцы нашаривают твердое, обхватывают, сжимая как можно крепче. Шаг, другой. А вот и враг. Лицо искажено ужасом, испачкано в крови и земле, отчего кажется ликом демона. Тем лучше. Будет проще завершить начатое. Взмах. Дубинка возносится, набирая мощь, готовая обрушиться, обрывая жизнь...

— Стой!

Пронзительный крик бьет по ушам так неожиданно, что тело невольно замирает. Затуманенный от перенапряжения, взгляд слепо мечется, отыскивая кричащего. Вокруг лишь серые тени, по стволам пляшут всполохи угасающего факела. Никого нет. Пусто. Померещилось. Такое бывает от перенапряжения, когда изнуренный усталостью, разум начинает играть в странные игры. Но сейчас это не важно. Нужно доделать дело, пока враг не пришел в себя, не встал, превратившись из демона в человека. Вновь размах.

— Не смей, не надо!

В сумраке светлым пятном протаивает лик спутницы: глаза горят яростью, губы сжаты в полосу, а ноздри раздуваются. Она прекрасна, но откуда гнев? Ведь он победил. Сокрушил врагов, сумел защитить себя и ее. Сейчас он закончит, и они продолжат прогулку по исполненному загадок и чар лесу.

Но вот взор девушки угасает, лицо обретает спокойствие, а губы расползаются в улыбке. Она поняла, осознала! Только почему взгляд обращен не на него, а куда-то назад. Что интересного может быть позади? Слух улавливает шорох, хрипящие звуки, похожие не то на кашель, не то на смех. Что там?

Лес дергается, плывет, разворачиваясь вокруг своей оси. Позади серой тенью застыла фигура. Факел трещит, прежде чем окончательно погаснет, вспыхивает, выхватывая и тьмы человека. Кривая ухмылка, исполненный ненависти взгляд, и смазанное от скорости движение. Факел вспыхивает и гаснет. А миг спустя голова вспыхивает болью, мир тонет в кровавом тумане, унося осколки сознания.

Бесконечный черный простор, где мерцают кровавые точки не то звезд, не то глаз невидимых чудовищ. Сквозь пелену мрака пробивается далекий свет, сперва слабый, с каждым мгновением усиливается, обретает силу, из мягкого сияния превращаясь во всеохватывающую стену пламени. Пламя все жарче, все горячее. Оно обжигает, проникая в самые затаенные уголки тела, плавит кожу, обугливает мышцы, превращает кости в золу.

Застонав от боли, Мычка очнулся. Раскрыл глаза, и тут же зажмурился. Перед самым лицом пышущий жаром огненный ком, а по сторонам, на самом краю зрения, жуткие лики демонов.

Огненный шар рывком отодвинулся. Раздался исполненный презрения голос:

— Смотри-ка, живуч, нечисть.

— Я уж думал не очнется, — в тон добавил другой.

— Сколько бы жизни не было, а дубья все больше, — хохотнул третий, поперхнулся, закашлялся.

Первый проворчал сурово:

— Ты б не болтал попусту. Сейчас сляжешь, тащи потом до деревни. Он ж тебе всю требуху отбил, не иначе.

Третий прокашлялся, послышался смачный плевок, просипел с угрозой:

— Давайте добьем выродка. Он же, гад, каждого достал, и не по разу.

— Ну добей, коли не лень, — отстраненно бросил второй. — Охота руки марать? Все одно сдохнет. Отделали так, что будь и в три супротив него здоровее, не сдюжил бы. А тут, глянь, кожа да кости.

— От этих костей у меня до сих пор голова гудит и на одно ухо не слышу. — Зло прошипел третий. — Разделать бы его, да помедленнее, чтобы вдосталь помучился, покричал. Слышь, нежить, тебя как лучше, снизу вверх выпотрошить, или сверху вниз?

Зашуршало. Мычка ощутил удар по ноге, слабый, едва ощутимый. Не то противник впотьмах промахнулся, не то, изломанное боем, тело онемело настолько, что потеряло всякую чувствительность. Но в этот момент раздался голос, от которого дрогнуло сердце, а глаза раскрылись сами собой.

— Мне надоело торчать посреди леса. Я замерзла и хочу спать.

Совсем рядом, нет и нескольких шагов, стоит та, о ком он грезил в мечтах, с кем шел по лесу, и кого защищал всеми силами. Ее одежда в порядке, тесемки завязаны, на покрывающем рубаху белоснежном меху ни капли грязи. Девушка стоит, скрестив руки, уперев взгляд вдаль. Но почему она так спокойна, ведь напавшая тройца совсем близко? Что произошло? Или, напуганная до смерти, девушка не в силах сдвинуться, и вот-вот случится непоправимое?

В безумном стремлении предупредить, спасти от неминуемой участи, Мычка потянулся, попытался крикнуть, но рука лишь едва приподнялась, упала плетью, а голос захлебнулся, сорвался на хрип.

— Гляди-ка, дергается, — воскликнул один из парней. — Сейчас поползет. Нет, до чего ж живуч!

Девушка повернула голову, бросив мимолетный взгляд на говорившего, попросила:

— Подсвети.

Тот с готовностью взял факел из рук товарища, поднес огонь так близко, что у Мычки заплясало в глазах. От жара выступили слезы, мир ненадолго размыло, а когда взгляд очистился, прекрасный лик оказался совсем рядом, мгновенно вытеснив собой все

остальное.

Девушка несколько мгновений всматривалась ему в глаза, так что он успел налюбоваться очаровательно припухшими губами, темной синевою глаз, плавным изгибом ресниц, и вдруг улыбнулась. Только, вместо ободряющей милой улыбки, губы сложились в презрительную усмешку. Мычка проследил, как изящные пальчики дотронулись до щеки, прошли по волосам, и... брезгливо отряхнулись.

Кривя губы от недовольства, девушка произнесла:

— Ты так и не понял главного? — Перехватив полный непонимания взгляд вершинника, она покачала головой, бросила с отвращением: — Ты же лесной человек, должен чувствовать. Посмотри на меня! А теперь взгляни на него.

Нежные, и такие мягкие на вид, руки грубо схватили за голову, рывком повернули. Парень, что стоял возле, ослабил, поводит факелом, освещая себя с одной и с другой стороны. Голова раскалывалась, в глазах плыло, но Мычка честно попытался понять. В россыпи осколков мыслей зародилось смутное понимание, но девушка не стала ждать, пока, оглушенный, он постигнет истину.

— Мы дети одного отца, это мои братья! Ты, лесная нечисть, жалкое подобие человека, тайком прокрался в село, выпросил ночлег, и чем отплатил? Ты прилюдно унизил моих братьев, смешав их честь с землей. Ты посмел подойти ко мне, мне, дочери старосты! На что ты надеялся, чего ждал? Отец не хотел плодить ненужные пересуды, и лишь потому не прибил тебя еще там, в деревне. Хотя, мне ли не знать, как он того жаждал.

Чудесный лик по-прежнему закрывает мир. Глубокие, как небо, глаза смотрят внимательно и строго, губы шевелятся, произнося слова успокоения. Сознание плывет, не в силах ухватить смысл. Но этого и не надо. Ведь прекрасная незнакомка не может сказать ничего плохого или неприятного. Губы двигаются вновь и вновь, слова раз за разом повторяются, по-прежнему нежные, хоть и понятные с трудом. Только, отчего вдруг так заломило в висках, а в груди начал разрастаться холодный ком? Не оттого ли, что...

— Оставь. — Один из парней положил девушке руку на плечо. — Видишь, он не понимает ни слова.

Другой хмыкнул, сказал подобострастно:

— Что уж говорить, хорошо приложил. Чувствуется рука мастера.

Девушка дернула плечом, сбрасывая руку, сказала зло:

— Не торопи. Иначе удовольствие будет не полным. — Нагнувшись, так что губы почти коснулись уха, прошептала: — Это я предложила братьям спрятаться в лесу, и вывела тебя на них. Здесь ты останешься, здесь и умрешь, отплатив кровью за позор. А честь нашей семьи будет восстановлена.

Небо обрушилось. Чудовищное понимание затопило разум, захлестнуло черной волной. Тело скрутило судорогой. Не в силах поверить в происходящее, Мычка замычал, забился. Руки заскребли снег, а ноги задержались в попытках уползти от жуткой, выжигающей внутренности, боли отчаянья. Он затряс головой, в мучительном стремлении отвернуться, но шея будто задеревенела, а веки примерзли, не позволяя отвести взгляда от прекрасного облика, что утратив прежние черты, преобразился, из небесного лика, превратившись в ухмыляющуюся демоническую маску.

Третий брат, до того стоявший в сторонке, сказал с изумлением:

— Надо же, понял. Умеешь ты, сестренка, объяснить.

Девушка несколько мгновений смотрела на бьющегося в агонии вершинника, затем

встала, сказала с удовлетворением:

— Ну вот и все. Теперь можно идти.

— А с этим что? — Факел уперся Мычке в грудь.

— Оставь, пусть помучается.

Старший брат нахмурился, сказал с сомнением:

— А если выживет?

Девушка хищно улыбнулась.

— Не выживет. Для него же мир рухнул. Видишь, как скрутило?

Старший покачал головой, сказал с неудовольствием:

— Что-то не слышал я, чтобы душевные муки к смерти приводили. Прибить бы, для спокойствия. Да уж ладно. Мучается действительно хорошо, если не притворяется. Пойдем.

Он взял сестру за руку, подхватил факел, и зашагал в обратном направлении. Оставшиеся братья еще некоторое время наблюдали за Мычкой, наслаждаясь видом мучений. Однако, светлое пятно быстро удалялось, и они заторопились следом.

Шаги затихли в отдаленье, погас последний отблеск пламени. Из-за стволов выползла тьма, окутала все вокруг вязким пологом. Некоторое время от земли еще раздавались шорохи и невнятное, прерывающееся всхлипами, мычание, но вскоре и они затихли. В лесу наступила тишина.

ГЛАВА 12

Мимо проплывают стволы деревьев. Медленно, словно во сне, белые пятна снежников чередуются с серым, выцветшим покрывалом пожухлой хвои. Корявые пальцы корней цепляются за одежду, хватают, пытаются удержать, будто зовут остаться, ощутить покой недвижимого леса. А может и впрямь лучше остаться, не увеличивая и без того переполненную чашу страданий? Лечь, дожидаться, пока холод скует тело, чтобы забыться сном, таким же глубоким и вечным, как и окружающий лес.

Разум молчит. В сером мареве плавают осколки мыслей. Куда он двигается, зачем? Не проще ли умереть, чтобы больше не испытывать поселившейся в сердце ноющей боли? Может, все же собраться с силами, и загасить тлеющую в глубине яркую искру огня, что заставляет раз за разом переставлять ноги, а когда, измученное усталостью, искалеченное схваткой, тело мягко оседает, принуждает двигать руками, цепляясь пальцами за землю, подтягивая ослабевшую плоть еще на шаг вперед.

Куда он стремится? Вокруг угрюмый замороженный лес. Село чужаков, где разбились его чаяния и мечты, осталась позади. Родная деревня затерялась в дебрях, ни найти ее, ни дойти. Ноги двигаются с трудом, а в груди, при каждом вздохе, тяжело всхлипывает. Свалив, его еще долго топтали, и удивительно, что сердце по-прежнему стучит, а мышцы продолжают сокращаться. Но это не надолго. Лес суров. В теплое время, когда, разгоряченное, солнце щедро роняет лучи, проникая в самые затененные уголки, можно

отлежаться, восстановить силы, питаюсь в изобилии рассыпанными повсюду ягодами и грибами. Но только не сейчас. В груди уже поселился предательский холод. Все холоднее кровь, все тяжелее дается малейшее движение.

Мир выцветает, заволакивается серым. Сознание проваливается во мрак. Ну вот и все. Пальцы окончательно теряют чувствительность, ноги немеют, а в ушах, перекликаясь на разные лады, звучат голоса лесных духов. Они заливисто смеются, радуясь, что вскоре к ним присоединится еще один товарищ, бесплотный, освобожденный от тягот жизни, лишившись воспоминаний, сможет вкусить счастье беззаботной жизни.

В плечо утыкается твердое, проскальзывает вдоль спины. Боль вызывает в теле отклик, вырывает из объятий забвения. Во тьме возникают светлые пятна, множатся, мельтешат. Уши наполняются треском и шорохом. Быть может это опасность? Нужно сосредоточиться, постараться понять, что происходит. Но как же не хочется. Усилия хватает лишь на то, чтобы приподнять веки.

Высоко вверху густое переплетение ветвей, что сдвигаются, плывут, подобно облакам. В проемах мелькают осколки неба. Краем зрения можно заметить проплывающие мимо пятна кустов. Какой прекрасный сон. Слово его несет тихий лесной ручей. Можно полностью отдаться созерцанию, не опасаясь запнуться, или врезаться в дерево. Вот только время от времени что-то царапает спину, бьет в плечи, вызывая в теле болезненный отклик. Но боль быстро затухает, растворяется. И вновь остается лишь переплетение ветвей и бесконечное голубое небо. Но силы быстро истаивают, веки смыкаются, а сознание распадается на части. И даже сильные толчки в плечи и спину уже не вызывают боли, лишь смутные ощущения, да и они быстро теряются, уходят за грань бытия.

Веки дрогнули, замедленно поднялись. Глубоко вздохнув, Мычка открыл глаза, уставился прямо перед собой. Впереди, совсем рядом, почерневшая от копоти стена. Пятнышки лишайника кустятся желтыми комками, свисают седые космы паутины, если напрячь глаза, в глубине можно различить черную точку хозяина, затаившегося в ожидании добычи. Чуть дальше дугой выгнулась веревка, пучки травы топорщатся корявыми иглами. Вокруг разлит приятный сладковатый запах. Поднять бы голову, оглядеться. Но сил нет, и глаза вновь смыкаются, унося в страну грез.

В теле приятная истома. Черная пелена небытия окутывает теплым одеялом, навевая спокойствие и безмятежность. Так хорошо, что не хочется двигаться, куда-то спешить, о чем-то думать. Если бы можно было остановить мгновение, чтобы пребывать в безвременье всегда. Мешает лишь мельтешение тусклых пятен перед глазами, что не дают покоя, смещаются, мерцают, не позволяя полностью погрузиться в сладостное ничто.

Глаза сами собой распахнулись, и... тут же захлопнулись, ослепленные ярким солнечным светом. Мычка зажмурился, ожидая, пока исчезнет мельтешение желтых мушек, вновь приоткрыл глаза, но уже с осторожностью. Зрение сфокусировалось, наткнулось на смутно знакомую стену. Мычка некоторое время рассматривал растрескавшиеся, почерневшие балки, затем шевельнул головой. Стена качнулась, поплыла и... превратилась в потолок.

Пытаясь понять, где находится, Мычка приподнял голову, повел глазами. Полутемная комната с парой узких, затянутых мутной пленкой пузыря, окошек. Потолок, стены, пол — все из толстенных бревен, но если на полу дерево еще кое-как стесано, то прочие поверхности топорщатся нетронутой древесиной. Если взглянуть мельком, может показаться, что это вовсе и не людской дом, а берлога хозяина леса.

Стены увешаны шкурами, открытые места заняты странными металлическими приспособлениями. Углы кустятся связками пожухлых корешков. Возле длинных стен по топчану, что, на деле, здоровенные лари, покрытые все теми же шкурами. У дальней стены очаг, не то из камня, не то из смешанного с глиной песка. За толстенными наслоениями копоти не усмотреть. Грубо сколоченная столешница, стул из старого пня. По углам скопом навалены вещи, в сумраке комнатки не различить очертаний, видны лишь отдельные детали, да и те перемешаны настолько, что, не в силах разобрать, взгляд скользит дальше.

В доме никого, лишь тонкий запах тела, почти не различимый в облаке наполняющих помещение ароматов. За окном бело, по вершинам деревьев завывает далекий ветер, но здесь, внутри, уютно. От очага струятся волны тепла. Огонь погас совсем недавно, и, отстроенный с особым тщанием, дом надежно удерживает жар, не позволяя царящему снаружи морозцу выстудить нутро.

Осмотр утомил, перед глазами поплыло, а в висках застучали молоточки. Мычка уронил голову на подушку, застыл, восстанавливая силы. Что это за место? Откуда он здесь? Последнее, что запечатлелось в памяти, сковывающий холод и суровая, равнодушная стена леса вокруг. Что произошло, пока он пребывал в забытьи: братья поддались жалости, и отнесли его обратно, или он сам, ведомый жаждой жизни, дополз до дома хозяина?

Мычка напрягся, но не услышал ни размеренного говорка селян, ни злобного бреха псов, лишь свист ветра да шорох ветвей, скрипящих под гнетом снежных шапок. Нет, деревня не при чем, да и братья вряд ли способны испытывать к нему что-то, кроме ненависти. А о прекрасной незнакомке, их сестре, лучше вовсе не думать. Лишь при одном воспоминании сердце наполняется болью, руки начинают дрожать, а мир мутнеет, прячась за пеленой слез. Как она могла? Почему? Ведь он не сделал ей ничего плохого. Наоборот, готов был отдать все силы, положить жизнь, за одну только улыбку, ласковый взгляд, доброе слово. Но все оказалось напрасно. В нем видели лишь лесную нечисть, лютого зверя, лучшее для которого — смерть.

Протяжно заскрипело, потянуло холодом. В облачке пара в дом вдвинулся человек, не раздеваясь, прошел к очагу. Загремели, рассыпаясь, поленья. Проворчав нечто невнятное, человек нагнулся, сгреб раскатившиеся сучья, лишь после этого вернулся к порогу, принялся раздеваться. Мычка прислушивался с замиранием сердца. Неведомый хозяин дома вернулся. В голове стало тесно от мыслей. Возникло сильнейшее желание немедленно подскочить, узнать имя незнакомца и спрашивать, спрашивать, спрашивать. Однако, недавний горький опыт еще слишком силен, и Мычка стиснул челюсти, смиряя бьющееся в груди нетерпение.

Во многих ситуациях слух заменяет зрение, и даже с закрытыми глазами можно понять, что делает незнакомец. Вот он разделся, брошенная на топчан, зашуршала куртка, шагнул к печи. Толстенные половицы не издают шума, но шуршание ног выдает движения. Удивительно, как человек издает столько шума. Опытные охотники стараются двигаться тихо, и не изменяют привычкам даже дома. Захрустели поленца, расщепляемые ножом на лучины, чиркнул кремень.

Потянуло дымом, а мгновением позже послышалось потрескивание, с каким огонь вгрызается в щепки. Вновь зашаркали ноги. Незнакомец остановился рядом. Доносится сопение, воздух равномерно колышется от дыхания. Хозяин изучает гостя, или просто задумался? Так и хочется взглянуть хоть глазком, исподволь, из-под опущенных ресниц.

— Так и будешь притворяться, или уже наберешься смелости, глаза откроешь?

Мычка вздрогнул от неожиданности, распахнул глаза, всматриваясь в нависшую над

топчаном фигуру. Незнакомец стоит расслабленно, руки скрещены на груди, в фигуре нет напряжения, что значит, нет и страха. На лице недовольство, но в глазах мерцают насмешливые искры. Мычка ощутил, как сердце забилося сильнее. Гибкая фигура, где больше хищной грации, чем могучей силы, тонкие черты лица, длинные, струящиеся по плечам волосы, и заостренные кончики ушей — родное племя!

Мычка взгляделся пристальнее, и сердце екнуло. Мужчина похож на прочих представителей племени, очень похож, но, в то же время, заметны разительные отличия. Волосы совсем не привычного цвета поджарившейся на солнце травы, а смоляные, словно хозяин долгое время пребывал во мгле, и волосы до корней напитались тьмой. Глаза не содержат и капли голубизны, темно-серые, почти черные, и удивительно велики. Еще удивительней кожа, вместо привычной здоровой бледности — землистая серость.

— Что смотришь? Давай знакомиться. Или мать вежливости не научила?

Мычка поперхнулся, воскликнул:

— Мычка, меня зовут Мычка!

Он дернулся, собираясь встать, но в глазах потемнело. Мир помутнел, отодвинулся, а когда надвинулся вновь, на губах возник привкус крови. Незнакомец стоит все там же, но взгляд изменился, из насмешливого став сосредоточенным. Покачав головой, он произнес неодобрительно:

— Ты пока шибко не скачи, еще сил не набрался. А говорить можешь в полголоса, прямо с топчана, чай не на званом ужине.

Прислушиваясь к разлившейся по телу слабости, Мычка слабо кивнул, но даже от столь легкого движения его замутило. Переборов приступ тошноты, он прошептал:

— Я плохо помню, что произошло. Наверное, я должен поблагодарить...

Голос сорвался на хрип, но незнакомец понял, проворчал:

— Отблаговаришь еще, когда на ноги встанешь. А что не помнишь — не мудрено. Отделали тебя знатно. Я уж думал — не выдюжишь, ан нет, смотрю, оклемался. — Он помолчал, сказал задумчиво: — И ведь не звери — люди постарались. Одно не ясно, как ты на них нарвался? Вершинники слывут знатными следопытами, и подловить их в лесу дело непростое.

Мычка слабо улыбнулся, произнес через силу:

— Непростое врагам, а своим... — Он потемнел лицом, вздохнул тяжело.

Хозяин дома покивал, сказал с пониманием:

— Вон значит как. Что ж, понимаю. Сам бывал в подобных переделках. Здесь главное выжить, раны зализать. Ну а потом, не торопясь, по одному выловить, да задавить.

Мычка взглянул с тоской, сказал упавшим голосом:

— Нужно ли?

Незнакомец ухмыльнулся, отчего лицо приобрело хищное выражение, сказал с нажимом:

— Должно! Убить чужого — добро, своего — зло. Поднявший руку на своего — плодит зло, а зло нужно пресекать.

Мычка взглянул пытливо.

— А как это, чужого? У нас все свои.

Хозяин дома зыркнул с подозрением, поинтересовался:

— Где это, у вас?

— У нас в деревне. — Мычка пожал плечами.

— А в соседней, тоже свои?

В словах собеседника послышалась издевка, но Мычка ответил твердо:

— И в соседней свои. — Перед внутренним взором промелькнул искаженный презрением прекрасный лик, и Мычка осекся, добавил чуть слышно: — Или не очень...

Собеседник хмыкнул, сказал с удовлетворением:

— То-то и оно. А то я уж было удивился — из какой глуши ты вышел, что там о чужих не слыхивали? — Он замолчал, ощупал Мычку испытывающим взглядом, сказал замедленно: — Тебе отдых необходим, так что пока прервемся. Кличут меня Филин. Если что понадобится, зови... Мычка.

Образ собеседника подернулся дымкой, поплыл, заволакиваясь тьмой. Голос истончился до комариного писка, некоторое время зудел над ухом, но вскоре затих. Мычка провалился в липкую, наполненную кошмарами черноту. Во сне он куда-то бежал, настигаемый неведомым ужасом, выбивался из последних сил. Но, несмотря на сильнейший страх и отчаянье, ноги двигались с трудом, медленно-медленно, будто погруженные в огромную лужу липкой древесной смолы.

Порой его охватывал жар, настолько сильный, что Мычка сбрасывал с себя шкуры, но все равно истекал потом, словно за окнами затерянной в лесу избышки и не бушевал ледяной ветер, зловеще завывая в дымоходе, а в двери раз от разу не задувало холодом, когда хозяин выходил по своим надобностям. Рубаха и штаны быстро становились влажными, неприятно липли к телу.

Однако вскоре жар уходил, а ему на смену являлся озноб. Мычка стучал зубами, трясся всем телом, плотнее вжимался в шкуры, кои хозяин, глядя на его мучения, во множестве набрасывал сверху. Но помогало слабо. Холод словно шел изнутри, пронизывая тело насквозь, подобно тому, как вмерзает в лед на зиму живущая в мелких ручьях рыба.

В коротких перерывах, выныривая из тяжкого забытья, Мычка обнаруживал возле носа миску с горячим содержимым, с трудом ворочая руками, съедал несколько ложек, после чего вновь уходил в беспамятство. Сквозь заполнивший голову вязкий туман доносились далекие шорохи, негромко хлопало, волнами накатывал холод. Хозяин дома незримо занимался своими делами, куда-то уходил, приходил. Когда гремело особенно сильно, Мычка открывал глаза, в мутном мареве комнаты пытаясь различить детали происходящего, но веки опускались, интерес гас, и он вновь проваливался в тревожное забытье.

В очередной раз открыв глаза, Мычка не ощутил привычной слабости. Забывавшая все это время голову муть исчезла, перед глазами очистилось, а слух обострился, привычно воспринимая даже самые тихие звуки. Мычка повернул голову, обвел взглядом комнату. Пусто. В желудке недовольно заурчало. Голод возвестил о себе сильнейшим спазмом, скрутив кишки в клубок. Ощувив, что умрет, если немедленно чего-нибудь не съест, Мычка сбросил шкуры, поспешно вскочил.

Ноги подломились, комната смазалась, повернулась на бок, и он со стоном рухнул обратно на топчан, больно приложившись затылком. Подождав, пока восстановится зрение, а в голове перестанет мутиться, Мычка снова встал. Осторожно, не делая резких движений, то и дело хватаясь за стену, он двинулся вокруг комнаты, отыскивая хоть что-нибудь съестное.

Взгляд упал на столешницу. Пара пустых кубков, миска с горсткой костей, потертая ложка, еще одна миска. А это что? Широкое блюдо накрыто чистой тряпицей. Тряпица лежит не ровно, вздымается, словно внизу спрятано нечто. Мычка подался к столу,

подхватил тряпицу, сдернул. Глаза расширились, а рот наполнился слюной. В центре блюда горкой возвышаются обжаренные мясные куски, желтеет пучок душистой травы, в живописном беспорядке рассыпаны ярко-красные ягоды.

Мелькнула мысль, что, быть может, пища предназначена вовсе не ему, мелькнула и пропала, вытесненная жутким голодом. Мычка потянулся к блюду, выхватил ближайший кусок. Одна рука хватает мясо, удерживая, пока зубы отрывают кус побольше, вторая тянется к ягодам. Ягоды лопаются на зубах, смешиваются с мясом, привнося в пищу тонкий привкус кислинки. За ягодой следует пучок травы. Вкус почти не меняется, но добавляется приятная свежесть, словно после глотка из бегущего с гор ледяного ручья в жаркий полдень.

Мычка не успел опомниться, а мясная кучка уменьшилась вдвое. Однако голод оставался по-прежнему силен, и, задавив сомнения, Мычка продолжил трапезу. Лишь когда пальцы заскребли по блюду, собирая последние крошки, а внутренности перестало сводить голодом, Мычка отодвинулся от стола, отдуваясь, присел, чувствуя, как приятно потяжелело в желудке.

Потянуло в сон. Мычка прилег, но уснуть не получилось. За проведенное в беспамятстве время бока настолько устали от твердой поверхности, что продолжать разлеживаться оказалось свыше всяких сил. Поворочавшись, он поднялся вновь, двинулся по кругу, разглядывая убранство помещения. Но занятие быстро наскучило. Ничего интересного. Обычная изба охотника, каких он перевидал на своем веку десятки.

Лишь в одном месте взгляд надолго застыл, прикованный к странному приспособлению. Заточенная с краев полоска металла, чем-то отдаленно напоминающая нож, разве что излишне выдается защитное перекрестье, не позволяющее руке соскользнуть на заостренную часть, и лезвие: обоюдоострое, длинное сверх всякой меры, со странной бороздкой посередине.

ГЛАВА 13

Мычка долго пытался понять, для чего может пригодиться подобное. Для копки земли? Но рукоять слишком коротка, чтобы ухватить обеими руками. Обороняться от зверя? Но рогатина намного практичнее, да и проще в изготовлении. Разве в качестве вертела, когда принесенного с добычи кабанчика целиком зажаривают на костре, празднуя благополучное возвращение охотников. Да, пожалуй, что так. Даже закаленные на огне толстые жерди рано или поздно перегорают. Этот же вертел вечен! Установив на огонь тушу, можно заняться делами, не беспокоясь, что в один прекрасный момент мясо обрушится в огонь вместе с перегоревшей жердью.

Рядом с металлической полосой, закрепленная концами за крючки, покоится изогнутая палка. Толстая в центре, палка к краям сужается. Концы вооружены металлическими лапками-крючками. Мычка протянул руку, дотронулся. Ближе к центру поверхность дерева

блестит, отполированная многочисленными прикосновениями, что значит палку много использовали. Крючки-лапки тускло поблескивают, металл, хоть и покрыт тонким налетом ржи, но явно усиленно используется. Еще бы понять для чего.

Полюбовавшись необычными приспособлениями, но так и не решившись взять в руки, Мычка подошел к окну. Узкое, напоминающее ход огромного древоточца, окошечко затянуто пузырем из кишок зверя. От времени пузырь почернел, покрылся пылью, и даже та толика дневного света, что ухитряется попасть в окошечко, застревает в мутной пленке, и внутрь проникают лишь жалкие остатки. Через такое окошко не то что разглядеть, сложно понять: сгущаются ли снаружи сумерки, или это первые лучи наступающего утра.

Мычка толкнул дверь, вышел в сенцы. Некоторое время топтался, пытаясь различить в стоящей рядком обуви свои сапоги, разобравшись, обулся, отворил наружную дверь. Мир ударил по глазам ярким блеском, ослепил, заставил зажмуриться. Привыкая, Мычка постоял, глядя на блистающее великолепие из-под опущенных ресницы, приоткрыл глаза, затем и вовсе распахнул.

В беспомощности тяжелого забытья, он успел соскучиться по величественной красе леса, и теперь не мог отвести взгляд, вбирая взглядом окружающую суровую красоту. За время, пока он провалялся в доме одинокого охотника, мир преобразился. Погруженные в сон, застыли деревья-великаны, заиндевелые ветви недвижимы, даже скользящий над кронами веселый ветерок не в силах потревожить их покой. Кустарники погрузились в снег, превратившись в подобие кочек. Бурая подстилка из хвои исчезла, сменилась блистающим покрывалом.

Изменился и воздух, стал заметно прохладнее, чище. Исчезли запахи, даже приняв их, сложно что-либо уловить в застывшем морозном мареве. Небесный купол изогнулся, стал прозрачнее, синева ушла, сменилась льдисто-серым, будто где-то там, вверху, замерзли бесконечные хляби, превратившись в холодные твердые глыбы.

Морозец игриво укусил за ухо, зашекотал шею, разохотившись, полез под рубаху, ощупывая тело холодными пальцами. Мычка зябко передернулся, прижал руки к груди, сохраняя тепло, но в дом не пошел. Красота зимнего леса завораживает, не дает отвести взгляд. Чего только стоят сугробы, испятнанные витиеватой вязью птичьих и звериных следов. Можно читать, не отрываясь, бесконечно долго, забыв о пище и сне, разбирать запутанные строчки, исполненные скрытого смысла, невольно вложенного оставившим след существом.

Вдоволь насладившись видом, Мычка вернулся в дом, двинулся к очагу, протягивая руки, однако, ожидаемого тепла не обнаружил. Поленья прогорели, угли подернулись пеплом, и очаг мертво щерится безжизненной почерневшей пастью. Судя по всему, хозяин ушел довольно давно. Мычка на мгновение задумался. Охотники в родной деревне, бывало, уходили на несколько дней, и никому не приходило в голову, в ожидании возвращения кормильца, сидеть без огня. Конечно, стоило бы сперва спросить разрешения, но... Кто знает, когда вернется хозяин.

Приняв решение, Мычка подобрал одну из приготовленных для топки ветвей, с помощью ножа нащепил лучин. Сложив получившиеся щепки шалашиком, он принялся осторожно раздувать угли. От дыхания слой пепла вздыбился, разлетелся седыми космами, сердито вспыхнули красные глазки углей. Мычка улыбнулся, подул сильнее. Огоньки заалели, набрали сил. Вспыхнула одна лучинка, скукожилась, отдавая жизнь огню. Затем еще одна. И вскоре пламя весело затрещало, вгрызаясь в предоставленную пищу, а от очага

пошли волны живительного тепла.

Согревшись, Мычка прислушался к ощущениям. За время вынужденной неподвижности сил заметно поубавилось. Даже такая простая работа, растопить огонь, вызвала утомление. Он распахнул рубаху, поморщился. Кожа обвисла, а ребра выперли, будто он долго голодал. В нескольких местах виднеются свежие шрамы. Но на вопрос — откуда, память остается глуха. По всей видимости это следы последнего столкновения с теми, кого он считал своими, но... ошибся.

Руки пробежались по телу, прикасаясь, ощупывая, нажимая. Пальцы отметили бугорки свежих рубцов, едва заметные шероховатости затянувшихся ссадин. Не так много, как могло бы быть. Хотя, кто его знает, какие повреждения скрыты глубоко внутри, под кожей: разорванные связки, поломанные кости, ушибленные внутренности. Однако главная рана не там, ее не увидеть, даже вскрыв грудную клетку. На сердце остался глубокий рубец, что не перестал кровоточить и по сей пору. Да и не известно, перестанет ли когда-нибудь.

Прекрасная девушка, о ком он мечтал, лучшая из всех виденных когда-нибудь, предала. Она могла не ответить, посмеяться, наконец, просто отказать. Но она предпочла другой путь, намного-намного более ужасный. Прикинувшись подругой, привести в западню, подставить под суковатые дубинки братьев, а когда он стал побеждать, вмешалась, отвлекая от подкрадывающегося со спины противника.

Даже сейчас, когда прошло время, воспоминания отозвались болью. В голове поплыло, а руки предательски задрожали. Почему так случилось? Как вообще подобное могло произойти? Что он сделал, что у всех селян, не у одного, не у двоих, у всех! вызывал лишь ненависть и отчуждение? Неужели тому виной лишь иная форма ушей, да чуть более светлая кожа, или, указывая на зримые отличия, местные имели в виду нечто совсем-совсем другое?

Мычка ушел в мысли настолько, что не обратил внимания ни на тихий стук, ни на прокатившуюся волну холода. Лишь возникший перед взором темный силуэт оторвал от тягостных раздумий. Силуэт возник так внезапно, что Мычка вздрогнул, поднял голову. Хозяин дома стоит рядом, руки скрещены на груди, черные провалы глаз смотрят в самую душу.

Мычка растянул губы в слабой улыбке, произнес, извиняясь:

— Задумался я, даже и не заметил, как оказался не один. Рад видеть тебя в добром здравии... — он запнулся, напрягся, лихорадочно вспоминая имя спасителя... — Филин.

Тот усмехнулся, сказал ворчливо:

— Еще бы не рад. Вон, вижу, мясо все схарчил. Даже травой не побрезговал, что странно. Она, конечно, вещь полезная, но до чего противна на вкус... — Заметив, как гость заливается краской стыда, отмахнулся, добавил мягче: — Да ты не красней, не красней. А то догадаешься еще, побежишь квитаться.

Мычка потупился, странный охотник словно прочел его мысли, сказал покаянно:

— Я обязательно отплачу тебе за спасение, лишь немного окрепну. А то сил совсем не осталось: едва огонь разжег, а уже заморился.

Тот ухмыльнулся, произнес:

— Видел я, как ты заморился. Уже и на улицу сбегал, и избу осмотрел. Но это так, к слову. То хорошо, что встал. Знать на поправку идешь. Было бы обидно, произойди по-другому.

— Чего обидного? — Мычка взглянул с интересом.

— Да то и обидно, что кормил тебя, отмывал, с боку на бок переворачивал. Да и до дома

дотащить, скажу прямо, не легкое дело. Хорошо у тебя плащ оказался, на нем и доволлок. Иначе б точно бросил.

Столь спокойные рассуждения хозяина дома о жизни покоробили. Еще совсем недавно Мычка бы возмутился, но пребывание в деревне чужаков заставило взглянуть на мир по-другому, и он лишь спросил тихо:

— А стоило ли пытаться?

Филин взглянул искоса, сказал со странной интонацией:

— Был бы ты из местных, даже пытаться бы не стал, а то и добил бы, чтоб не мучался. А так, кто знает, что ты есть... вершинник.

Слово неприятно резануло слух. Мычка нахмурился. Названия своего... рода, племени? он слышал недавно, но всякий раз, произнося это слово, говорящий преисполнялся презрения. Однако в устах охотника оно прозвучало обыденно и совсем не обидно. Подозревая подвох, Мычка насупился, поинтересовался:

— Зачем спасать вершинника? Он же нечисть лесная — не человек.

Филин пожал плечами.

— Так ведь и я не человек. Разве не заметил?

Слова хозяина домика прозвучали просто, и даже буднично, но Мычка ощутил, как вздыбились волосы на загривке, спросил осторожно:

— Вершинник?

Собеседник покачал головой, в его лице промелькнула грусть, будто вопрос гостя всколыхнул давние переживания, ответил тихо:

— Подземник.

Мычка открыл и закрыл рот. На языке вертелся вопрос. Несколько мгновений он честно сопротивлялся, не желая обижать спасителя неуместным интересом, но не выдержал, выпалил скороговоркой:

— А что значит подземник? Твое племя живет под землей? Разве такое возможно?

Лицо Филина приобрело прежнее выражение, а губы искривились в усмешке. Он произнес:

— Мое племя живет много где, собственно, как и твое. Но, в целом, если не придирается к мелочам... Да, большая часть моего народа живет далеко на востоке, в глубоких просторных пещерах.

Мычка изо всех сил всматривался в лицо собеседника, пытаясь понять, шутит ли тот. Но Филин оставался серьезен, и Мычка похолодел, ощутив, как сразу стало зябко и неуютно. Мир, каким он его всегда знал, изменился, наполнился неведомым, темным и загадочным. Изменения начались, лишь только он обнаружил, что заблудился. Уже тогда стоило подумать. Однако, он не сделал выводов, в наивной самоуверенности предполагая, что легко вернется в деревню, стоит лишь немного поднапрячься.

Но он ошибся. Раз ступив на путь — уже не вернешься. И каждый последующий миг это подтверждал. Деревня, где люди живут по непривычным, странным правилам. Он думал, что попал к своим, но ошибся. Не желая разобраться в происходящем, раз за разом бился в стену, пытаясь следовать своим, привычным представлениям. Но это был уже не тот мир, к которому он привык. И расплата за нежелание понять последовала незамедлительно. Он остался жив лишь чудом. А оставленные руками и ненавистью раны будут болеть еще долго, не позволяя забыть урок.

И вот мир раскрывается вновь. Возможно, это всего лишь навеянные одиночеством

сказки сумасшедшего охотника, что, не желая обмануть, сам верит в смутные видения. И даже хорошо, если так оно и есть. Уж слишком велик оказывается мир, наполненный странностями и тайнами, непостижим для понимания. Однако где-то внутри, в глубине оставшихся от предков темных побуждений, зарождается и крепнет уверенность — охотник не лжет. И очень может быть, в недалеком будущем, в словах собеседника предстоит убедиться ему самому, узрев неведомое, и на собственной шкуре ощутив суровые законы затерянных во мгле чуждых земель.

Затаив дыхание, Мычка ожидал продолжения. Но, то ли хозяин дома задумался, то ли потерял интерес к беседе, но более не сказал ничего. Мычка вздохнул. Хотелось слушать еще и еще, но собеседник молчал. К тому же начали слипаться глаза. Накатила волна усталости. Борясь с упадком сил, Мычка двинулся к своему топчану, дошел, рухнул. Руки слепо шарили, нащупывая шкуры, а глаза уже закрылись, и вскоре он уже крепко спал.

Следующие несколько дней Мычка пролежал в постели. Он неоднократно порывался встать, но, едва поднявшись, ощущал сильное головокружение и едва успевал прилечь, прежде чем сознание уплывало. Хозяин дома наблюдал за попытками молча, изредка подходил, подносил чарку с густой жидкостью, отвратительно пахнущей и еще более гадостной на вкус. Мычка морщился, кривился, но послушно выпивал до капли, после чего сразу же засыпал.

Наконец, в очередной раз открыв глаза, он ощутил, что жизнь вернулась в тело. Здоровье восстановилось не полностью, в боку то и дело постреливает, в колене ноет, а взгляд иногда затуманивается, но в целом, все как и прежде, до того момента как... Мычка поморщился, отгоняя неприятную мысль. Он так и не решил, как относиться к произошедшему и кого винить, отложив окончательный вывод на будущее, когда, выкроив время, можно будет не торопясь взвесить все за и против. К тому же затронутая хозяином дома тема устройства мира явно далека от исчерпания, и кто знает, как изменится его, Мычки, мировоззрение, узнай он новые подробности.

Побродив по дому, и не обнаружив хозяина, Мычка занялся уборкой. Соскучившись по работе, он собрал разбросанные повсюду шкуры в охапку, вытащил из дома, и долго с упоением чистил. Когда руки занемели от холода, а снег вокруг посерел от грязи, Мычка вернулся обратно, отогревшись, разложил шкуры по местам, после чего принялся за остальное.

Обнаружив в одном из углов веник, он принялся выметать пол, не пропуская ни соринки. Когда у порога выросла приличная мусорная куча, Мычка отложил веник, вооружившись скребком, занялся грязью всерьез. Застарелые жирные куски, облепленные пылью и неоднократно втоптаные в пол, въелись в древесину так, что подавались с великим трудом. Мычка изошел потом и ободрал пальцы, но успеха достиг, половицы если и не засияли свежеструганным деревом, то стали значительно чище.

Избавившись от мусора, Мычка немного посидел, ожидая, пока перед глазами перестанет кружиться, а мышцы вновь наполнятся силой, затем встал, прошелся по дому, размышляя, чем заняться еще. Металлический блеск привлек взгляд. Мычка подошел к стене, в который раз воззрился на странное приспособление, не то нож — не то вертел. Металлическая полоса манит, будто насыщенная неведомой волшебной силой, руки невольно тянутся, в страстном желании прикоснуться, ощутить под пальцами гладкую, со странной щербинкой повдоль, поверхность.

Хлопнула дверь. С головы до ног облепленный снегом, в комнате возник Филин,

тряхнул плечами, отчего белое крошев разнеслось вокруг, на лету превращаясь в водяную взвесь, шагнув к столу, бросил на поверхность еще не остывшую тушку зайца, вновь вышел. Мгновение спустя хозяин дома вернулся, но уже без верхней одежды, бросил в сердцах:

— Что за зверье пошло пугливое! Насилу поймал. Вроде и спрятался хорошо... — Он прошел к очагу, засунул руки едва не в самое пламя, вдруг спросил, без всякого перехода: — Нравится оружие?

Мычка опешил. Вопрос поставил в тупик. Филин явно обращался к нему, но что он имел в виду оставалось лишь догадываться. Мычка помолчал, собираясь с мыслями, однако в голову ничего не шло, и он промычал:

— Оружие?..

— Ну да, ты ж, когда я зашел, мечом игрался.

Мычка озадаченно взглянул на полосу металла, пытаясь осознать, для чего можно использовать такое оружие, но хозяин уже стоял у стола, разглядывая добычу. Мычка поспешно подошел, сказал с готовностью:

— Позволь, помогу. Потрошить дичь мне привычно, да и по делу соскучился, руки работы просят.

Филин кивнул, произнес с удовлетворением:

— Потрошить — дело не сложное, но помощь лишней не бывает. Давай, приступай. А я пока посижу, умаялся по лесу мотаться.

Поглядев, как ловко гость разделяет добычу, Филин отошел, привалился на топчан. Мычка схватил нож, коротким движением перерезал зайцу жилы на шее, полоснул раз, другой. Руки подхватывают, тянут, совершая привычную работу. Нож порхает в пальцах: надрезая, раскалывая, отделяя нежное теплое мясо от шкуры и костей. Занятие настолько привычно, что участия разума не требуется.

Мысли отвлеклись от работы, вернулись к прерванному разговору. Некоторое время Мычка честно пытался понять, что имел в виду Филин, говоря об оружии, но, так ничего и не придумав, осторожно спросил:

— Ты упомянул об оружии...

Хозяин дома лежал с отстраненным видом, пребывая мыслями где-то далеко, но вопрос услышал, чуть повернул голову.

— Оружие... — Он некоторое время смотрел сквозь стену, затем взгляд сфокусировался, глаза нацелились на Мычку.

— Ну да, оружие. Что ты имел в виду?

— Ты трогал меч... — Филин поперхнулся. Глаза полезли на лоб, а в голосе послышалось сильнейшее изумление, когда он спросил: — Ты никогда раньше не видел меч? Я прав?

Мычка смутился, будто его уличили в чем-то постыдном, сказал чуть слышно:

— Я видел множество ножей и рогатин, совсем грубых, изготовленных из куска железа и дерева, и сложных, украшенных тонкой резьбой, но то, что ты называешь "меч"... вижу впервые.

Филин оперся на руки, некоторое время рассматривал Мычку, как некое диковинное животное, произнес:

— А ты, парень, не так прост, как кажешься. Я слышал, что в глубинах бескрайнего леса живут далекие от цивилизации люди, но что б настолько...

Мычка повернул голову. В глазах собеседника, черных, как ночь, поблескивает пламя, в лице глубокая задумчивость, губы чуть заметно подрагивают. Еще немного, и будет произнесено нечто очень важное, отчего окутавшая мир завеса приоткроется, явив взору неведомые дали, полные странного и удивительного.

Мычка невольно затаил дыхание, но Филин сморгнул, лицо приняло обычное выражение, и наваждение прошло, истаяло невесомой дымкой. Ощувив разочарование, будто лишился чего-то незримого, но очень значимого, Мычка вздохнул, сказал натянуто бодро:

— Готово.

Филин покосился на стол, где, разделанные аккуратными кусочками, краснеют ломтики мяса, произнес с одобрением:

— Хорошо. Не поверишь, как порой досадую, что один. По лесу за дичью набродишься, ноги истопчешь, живот сводит — сил нет, а приготовить некому.

Мычка удивился.

— Зачем же одному жить? Проще племенем, да и веселее.

Филин помрачнел, сказал глухо:

— Не всегда получается так, как хочешь.

Глядя на собеседника, помрачнел и Мычка, произнес чуть слышно:

— Это правда.

Филин кивнул на очаг, поинтересовался:

— Приготовить сможешь, только чтоб прожарилось и не подгорело?

Мычка улыбнулся.

— У нас с малолетства знают, что с мясом делать, как в дом принесут.

Хозяин покивал, сказал сумрачно:

— Вот и займись. А я пока воздухом подышу, проветрюсь.

Хлопнула дверь, в отдалении затихли шаги. Пока руки занимались привычной работой, насаживая мясо на вертел, перед мысленным взором стояло лицо хозяина дома. Залегшие на переносице глубокие складки, мелкие шрамики на виске, и запрятанная глубоко в глазах глухая тоска. Что скрывает этот человек, вернее, подземник, как он назвал себя сам, откуда появился, почему, вместо того, чтобы жить вместе с племенем, поселился в глубине леса один?

Мясо поджарилось, дом наполнился аппетитным духом свежей пищи, когда вновь хлопнула дверь. Филин вернулся, но в лице не осталось и следа былой тоски, складки у переносицы исчезли, а в глазах сверкают темные искры, не то предупреждения не то насмешки.

Он потянул носом, сказал с чувством:

— Хорошо! Осталось уточнить, так ли замечательна трапеза на вкус, как на запах.

Мычка улыбнулся, довольный похвалой, сказал:

— К сожалению, я нашел всего пару знакомых трав, иначе бы было вкуснее. У нас в племени используют больше десятка.

Филин отмахнулся, проворчал:

— И того с избытком. Было б мясо, а какую траву жрать — вопрос десятый.

Мычка покосился с неодобрением, но промолчал. Привыкший сдабривать пищу травами, он считал такой порядок вещей единственно верным, и не мыслил иного, но, за последнее время жизнь показала — не все в этом мире неизменно. И Мычка усвоил урок. Все то время, пока хозяин дома утолял голод, забрасывая в рот мясо, кусок за куском, Мычка терпеливо ждал, не желая мешать, когда же челюсти Филина задвигались медленнее, а затем и вовсе остановились, наконец задал вопрос, мучающий с того самого момента, как хозяин последний раз покинул дом.

— Ты сказал, это оружие, — произнес Мычка, указывая на прикрепленную к стене полосу металла. — Не сочти за труд, объясни, как его используют, и для чего.

Филин дожевывал остатки мяса, тщательно вытер руки о штаны, утолив голод, он стал заметно благодушнее, сказал:

— Как его используют — объяснять долго, проще показать. А для чего... — Он неожиданно спросил: — Для чего ты используешь нож, или рогатину?

Ответ на вопрос казался настолько очевиден, что Мычка лишь пожал плечами, но, соблюдая правила вежливости, ответил:

— Против зверей.

Филин покивал, произнес в тон:

— Ну а меч — против людей.

Посчитав, что ослышался, Мычка взглянул на собеседника, но тот смотрел твердо, и на этот раз во взгляде не было насмешки. В который раз Мычка ощутил, как по спине пробежали крупные мурашки. Этого не может быть! Оружие против людей... но, зачем, для чего? Рогатина, чтобы отогнать бера, или нож для разделки туши — это понятно. Зверь — пища человека, а иногда и противник. Конечно, бывает всякое, и оружие охоты может обернуться против хозяина, но чтобы специально создавать оружие против человека...

Мысли отразились на лице Мычки столь ярко, что Филин лишь покачал головой, сказал устало:

— И откуда ты такой на мою голову выискался? Похоже, рыбаки совсем знания растеряли. Или, постой... ты разве не оттуда? — Перехватив непонимающий взгляд гостя, сказал с досадой: — Деревня рыбаков, что неподалеку. Что, совсем память отшибло?

Мычка потемнел лицом, сказал чуть слышно:

— Нет, не оттуда. И не хотел бы.

Он замолчал. Но хозяин дома ухватил недосказанное, произнес понимающе:

— Ах вон оно что. Знать не приглянулся ты им. Спровадили, чтобы глаза не мозолил, а вместо напутственного слова — дубьем! Верно?

Горло перехватило, но Мычка через силу выдавил:

— Все так.

Филин поморщился, сказал с презрением:

— Гнилой народец. Ни одно дело до ума довести не могут. Даже не добились толком — бросили зверью на поживу.

Выражение, с каким хозяин дома высказался о рыбаках, не понравилось, но возразить Мычка не посмел. Как бы он не хотел изгладить из памяти произошедшее, слишком свежи

раны. С трудом, словно сдвигая тяжелый камень, Мычка отринул воспоминания, упрямо произнес:

— Пусть их. Все же, я хотел бы узнать...

От Филина не укрылось, с каким трудом гость переносит малейшее упоминание о деревне рыбарей. Он произнес с одобрением:

— А ты упрямый. И это хорошо. Что именно тебя интересует?

Мычка помолчал, собираясь с мыслями. Хозяин дома на удивление легко переходил от уныния к радости, из хмурого отшельника превращаясь в веселого балагура, чем сбивал с толку.

— Чтобы резать, достаточно и ножа, а колоть лучше рогатиной.

— Рубить, — подсказал Филин. — Мечом рубят.

Мычка взглянул недоверчиво, с сомнением произнес:

— Но ведь чтобы рубить, нужно место для замаха, а в лесу часто бывает так, что и себя протискиваешь с трудом, не то чтобы размахнуться.

— А кто тебе сказал, что меч сделан для боя в лесу? — удивился Филин.

Мычка открыл и закрыл рот. Удивление собеседника казалось таким естественным, а взгляд бесхитростным, что мысль о шутке отпала сама собой. Но, если не лес, то что? Неужели в мире бывает что-то другое? Хозяин дома уже как-то оговаривался о чем-то подобном, но тогда Мычка счел это за шутку. Снова насмешка? Или мир и вправду настолько велик, что где-то лес заканчивается, и начинается... пустота, камень, вода? Фантазия раз за разом билась в черепе, в тщетных попытках представить, что может быть там, где нет леса.

Не обращая внимания на отразившуюся на лице Мычки борьбу эмоций. Филин продолжил:

— Мечу нужна свобода. Такая, что не стесняет движений, позволяя сливаться с оружием в единое целое, соединяя грацию тела, прочность металла и силу мышц в безудержном танце смерти. В лесу, ты все верно сказал, копье да нож — лучшие помощники, но для бескрайних просторов внешнего мира используют меч. Да и не только меч. Существует великое множество видов оружия, и когда-нибудь ты с ним познакомишься. — Он улыбнулся, добавил загадочно: — Возможно, даже раньше, чем можешь предположить.

Оглушенный услышанным, Мычка замер, уставившись в пространство. Перед внутренним взором, смешиваясь в затейливый вихрь, пляшут удивительные конструкции, похожие на огромные снежинки, но не изо льда, а из металла. Снежинки крутятся, ослепительно блестя остро отточенными краями, сходятся, сшибаясь с жутким треском, расходятся вновь, оставляя за собой ослепительный шлейф из бликов и огненных искр.

Из мира фантазий выдернул скрип и похрустывание. Мычка живо поднялся, намереваясь продолжить расспросы. Однако, стол напротив оказалось пуст, а хозяин дома сменил место, расположившись на лежаке. Глядя, как он устраивается под шкурами, Мычка задавил любопытство, оставив вертящиеся на языке множество вопросов на потом. Прислушиваясь к ровному дыханию Филина, Мычка ощутил, что и сам не прочь прилечь. Уборка и приготовление пищи отняли силы, и тело, не успев восстановиться после болезни, властно требует отдыха. Мычка ушел на свое место, завернулся в шкуры и мгновенно уснул.

Следующие несколько дней прошли в оживлении и суете. Отвары и уход отшельника сделали свое дело, жизнь вернулась в измученное побоями и болезнью тело вершинника. Прилив сил, усиленный чувством благодарности, творил чудеса. Мычка успевал везде и

занимался всеми делами, какие только мог измыслить. Просыпаясь с утра, он выходил наружу, чтобы отгрести от дома навалившийся за ночь снег. Сперва просто утаптывал, бродя вокруг дома кругами, и с каждым разом отходя все дальше от стен. Метод казался не очень удачным, ноги вязли, снег рассыпался, заваливая только что очищенное место. Однако, Мычка не унывал. Требовалось восстановить силы, а уж в какой форме — особого значения не имело, и он упорно продолжал наматывать сотни шагов, раз за разом обходя дом по кругу.

Задумчиво понаблюдав за его стараниями, Филин ушел в дом и вернулся с деревянной лопатой. Дождавшись, когда Мычка, покраснев и отдуваясь, в очередной раз покажется из-за угла, он вручил ему лопату со словами:

— Возьми. Отличный способ восстановить силы, намного более удобный, а главное, полезный, чем бестолковая беготня.

Мычка взял лопату, повертел в руках, примерился... Когда Филин вновь показался на пороге, то только покачал головой. Вокруг дома, на пару шагов, образовалось ровное очищенное пространство, а от дверей в лес вела короткая, но широкая дорожка лишь слегка присыпанная снежком.

Вернувшись в дом, Мычка позавтракал, отдохнул, затем, не в силах сидеть в безделье, собрал шкуры отовсюду, куда смог дотянуться, и остаток дня провел неподалеку от избы. Отыскав свободное от деревьев пространство, он разложил шкуры на снег, и занялся чисткой, с наслаждением вдыхая насыщенный запахом хвои морозный лесной воздух.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На следующий день история повторилась. Чистое пространство вокруг дома стало в два раза шире, дорожка длиннее, а шкуры сменил нехитрый охотничий скарб. Ловко орудуя короткой костяной иглой, Мычка зашивал прохудившуюся одежду, затачивал ножи, подравнивал деревянную посуду, срезая неровности и безжалостно выскабывая почерневшие и засалившиеся места, отчего миски приобретали приятный свежий цвет, а ложки, хоть и уменьшались в размерах, становились изящнее и красивее.

Когда в доме отшельника больше нечего было чинить и чистить, а Мычка ощутил, что достаточно окреп для коротких прогулок в лес, пришло время охоты. Сперва он просто бродил неподалеку, наслаждаясь возможностью беспрепятственно идти куда вздумается. Но вскоре бесцельно слоняться наскучило, и он принялся наблюдать за оставленными на снегу следами, разгадывая по отпечаткам насколько крупный был зверь, куда направлялся и какие цели преследовал.

Однако, вскоре надоело и это, и Мычка предложил Филину помощь в установке и проверке силков. Охотники племени не распространялись о местах поиска добычи, и Мычка особо не рассчитывал на согласие, спросив больше для приличия. Однако, Филин на удивление легко согласился, да еще и порадовался.

— Не зря я с тобой мучился. Как только увидел, сразу понял — парень дельный!

Не заходя далеко в лес, охотник провел Мычку по местам промысла, показав, где установлены ближайшие силки и ловчие ямы, потребовал, чтобы вершинник собственноручно снял и установил ловушку, после чего, довольный, вернулся домой, предоставив спасенному возможность проявить навыки охотничьего мастерства.

Ощувив себя в родной стихии, Мычка занялся охотой настолько усердно, что вернулся лишь к вечеру. Заслышав скрип двери, Филин повернул голову, проследив, как Мычка выкладывает на стол тушки зайцев, одобрительно покачал головой, после чего отвернулся, и более за вечер не сказал ни слова.

С этого времени Мычка днями напролет начал пропадать в лесу. Поднимаясь затемно, когда небо только начинало светлеть, он одевался, закидывал на плечо с вечера собранный мешок с припасами, и покидал дом отшельника. Царящая у подножья деревьев кромешная тьма не мешала, наоборот, создавала неповторимое ощущение единения с окружающим миром.

Ориентируясь по расположению деревьев, по едва заметным мелким признакам, Мычка пробирался к нужному месту не торопясь, наслаждаясь бесконечным чувством свободы и ощущением собственных сил. Там, в деревне, затерявшейся где-то в бесконечных лесных просторах, он никогда не чувствовал подобного. Он охотился, порой, забредал в опасные места, уходил далеко и надолго, но всегда подспудно ощущал связь с родными. Это тонкое, едва уловимое ощущение поддерживало в трудную минуту, придавало уверенности и сил, но, в то же время, не позволяло вкусить абсолютной свободы.

Прислушиваясь к себе, Мычка радовался и трепетал от доселе неведомых чувств, не в силах понять, нравятся ли произошедшие с ним изменения, или лучше было тогда, в прошлом, под защитой духов племени и родственных уз. Постепенно тьма отступала, под натиском солнечных лучей втягивала серые щупальца в самую глубь древнего леса. Вместе с возносящимся светилom просыпался мир. Несмело запевали птахи, в ветвях начинали суетиться деловитые белки, а по кустам, выползая из ночных лежбищ, шевелились белоснежные зайцы.

Забрав пойманную добычу, и обновив силки, Мычка продолжал бродить уже бесцельно, изучая лес во всем многообразном великолепии. Гигантские завалы бурелома, заиндевелые ежи кустов, мельгещащее то тут то там мелкое зверье — все привлекало внимание и вызывало неустанный интерес. Утомившись, он присаживался под деревом, развязывал мешок, и неторопливо трапезничал. Насытившись, Мычка надолго застывал в неподвижности. Ближе к вечеру, когда солнце начинало клониться, Мычка поворачивал назад. Повторяя пройденный путь, он вновь осматривал силки, возвращаясь к дому ровно в тот момент, когда краски дня выцветали, а лес наполнялся торжествующим сумраком.

Желание как можно скорее вернуться домой, жгущее огнем по началу, постепенно ослабело, отошло на задний план. Да и пробираться по заснеженному лесу в поисках родной деревни представлялось не лучшим решением. Возможно позже, когда сугробы просядут, а меж корней деревьев зажурчат веселые ручьи, он двинется в путь. Пока же размеренная жизнь одинокого охотника представлялась верхом желаний, чтобы хотелось куда-то стремиться и что-то менять.

Иногда, когда кладовая переполнялась добычей, или накапливались мелкие домашние дела, Мычка не ходил в лес. В такие дни, обложившись необходимой к починке утварью, он сидел снаружи, неподалеку от входа, очищая посуду, штопая одежду, или вырезая очередной, взамен сгоревшего, вертел.

Рассматривая на свет только что зашитую рубаху, Мычка услышал скрип двери. Повернувшись, он наткнулся на изучающий взгляд Филина.

— Вот что, паря, бросай-ка ты эту ерунду. Пора бы и делом заняться.

Хозяин дома сделал неуловимое движение, отчего его рука, мгновение назад прятая за спиной, возникла спереди, а в кулаке... Мычка невольно задержал дыхание, а сердце ударило с перебоем. Холодно отсвечивая металлом, в кулаке застыл меч.

ГЛАВА 15

Стараясь не выдать охвативших чувств, Мычка отложил шкуру, встал, приблизился, неотрывно глядя на меч, что, на деле, оказался не вертелом, а неким неведомым оружием. Филин перехватил меч за лезвие, протянул.

— Что стоишь, бери.

Мычка осторожно взял оружие двумя руками. Пальцы ощутили гладкую, приятно охлаждающую поверхность металла, лаская, прошлись туда-обратно. Ладонь сдвинулась, легла на рукоять. Мычка постоял, прислушиваясь к ощущениям. Чем-то похоже на нож, только непривычно тяжелый. Он взмахнул мечом, раз, другой. Блеснуло, клинок с гулом рассек воздух. Он поднял взгляд на хозяина дома, спросил с запинкой:

— И... что мне делать?

Тот пожал плечами.

— Ничего. Пока ничего. Попривыкни, приноровись. Чтобы рука притерпелась. — Глядя, как Мычка покачивает оружием, добавил: — Запомни только, удар наносят ребром. Меч — оружие прочное, но, коли на другой меч найдет, не выдержит, если плоскостью поставишь.

Филин скрылся в доме. Мычка остался у порога в растерянных чувствах. Каждый день он смотрел на меч, и каждый день порывался продолжить однажды начатый разговор, но всякий раз сдерживался. И вот дождался. Хозяин дома сам вернулся к теме. Но, как вернулся! Просто дал оружие, без наставлений, пафосных речей, не опасаясь, что гость сломает, унесет, или, чего доброго, обратит против него самого.

Мысль показалась кощунственной. Мычка уже хотел отмахнуться, обругать себя за глупости, но перед внутренним взором возникли исполненные ненависти лица рыбаков, а в ушах зазвучали слова Филина — "убить чужого — добро". Рука невольно дрогнула, серебристый клинок показался вдруг угрожающим и чуждым. Ведь это даже не дубинка, что ударит, сорвет кожу, возможно, сломает кость. Меч легко рассечет мышцы, разрубит кости, пронзит. Вещь, единственный смысл которой — убийство.

Мычка похолодел. Красивое оружие, удобно лежащее в руке, предстало с совсем иной стороны. Возникло сильнейшее побуждение зайти в дом, отдать, и больше никогда не притрагиваться к жуткой вещи. Он сделал шаг, рука потянулась к двери, пальцы ухватили ручку. Но что-то глубоко внутри воспротивилось. Мышцы удерживающей меч руки наполнились силой, а пальцы с такой мощью впились в рукоять — не отлепить. Мгновение Мычка колебался, разрываясь от противоречивых чувств, затем мягко отступил.

Шаг, другой. Он отошел, снова взмахнул мечом. Сомнения истаяли, на душе стало легко. Недавние колебания показались глупостью испуганного ребенка. Как можно отказаться от такого?! Простая полоса металла, но какая уверенность вдруг появилась в теле, стоило лишь прикоснуться. Он взмахнул мечом раз, еще один, еще, как замороженный, вслушиваясь в угрожающее завывание разрубаемого металлом воздуха.

Мычка не расставался с мечом весь день, а вечером с сожалением положил оружие на

место, с чувством, что оставляет частичку себя. На следующий день он отправился проверять силки, но, обычно приятное, занятие не доставляло удовольствие. Наскоро расставив ловушки, он поспешно вернулся, и лишь когда руки потянулись к оружию, понял, что именно влекло назад.

Филин промолчал, но взглянул одобрительно, и Мычка вновь ходил вокруг дома, ощущая странную смесь радости и возбуждения, когда, взмывая по велению руки, оружие издавало короткую, но грозную песнь. Сперва он всего лишь рубил воздух, но, осмелев, стал сбивать сучки и небольшие веточки, с любопытством наблюдая, как на месте соприкосновения дерева с металлом остается ровный срез.

Очередной раз обойдя дом, Мычка наткнулся на Филина. Тот стоял, задумчиво глядя в пространство, но, услышав шаги, обернулся, и Мычка оторопел. В руке у хозяина дома блестит точно такой же меч, или даже больше. Хотя нет, не такой, и не больше. Приглядевшись внимательно, Мычка отметил: перекрестье другой формы, а клинок немного короче и отличается цветом.

Отметив, как изменилось лицо вершинника, Филин скупно улыбнулся, сказал:

— Вижу, обвыкся. Что ж, нападай.

Мычка сглотнул. Догадаться, что кончится чем-то подобным, было не сложно, но, тем не менее, предложение застало врасплох. Ощущая вихрь противоречивых чувств, он произнес:

— Это обязательно?... В том смысле, что...

Филин поморщился, перебил:

— Ты оружие в руки взял для чего? Нападай.

Голос прозвучал повелительно, и Мычка замолчал, ощутив сперва досаду, а затем и злость. И что на него нашло? Ведь если отбросить страх и правила, на самом деле он жаждет схватки. Размахивать оружием, срубая беззащитные веточки, конечно, хорошо, но нужен противник, пусть не настоящий, пусть всего лишь имитация, но иначе никак.

Он шагнул вперед, ударил. Сперва не сильно, пробуя руку. Филин кивнул, неспешно поднял оружие. Мечи столкнулись, издав мелодичный звук. Мычка отступил, потоптавшись, ударил еще и еще. Филин одобрительно качал головой, и отбивал удары Тело пронзил восторг, а голова закружилась от нахлынувших чувств. Сердце застучало сильнее, разгоняя кровь по жилам, мышцы напряжились.

Так вот он каков, настоящий бой! Тело смещается, выплескивая силу в движении, мышцы горят от напряжения. Хочется бить сильнее, чаще. Зажатое в руке невиданное оружие придает сил и уверенности. Как, оказывается, просто. Взмах, еще один. Шаг вперед, назад. Не иначе, он уже рожден с этим знанием. Добытчик, боец, победитель!

Резкий, сильнее обычного, удар. Пальцы рвануло и... рука опустела. Оружие отлетело поодаль, а в горло, холодя и покалывая, уперся металл. Филин рывком приблизился, отчего его лицо заслонило большую часть мира. Губы изогнулись в усмешке, а глаза блеснули льдом. Глядя в расширившиеся от удивления глаза Мычки, он замедленно произнес:

— Молодец, начало неплохое. Но, не увлекайся. Ты еще даже не ученик, ты просто взял в руки оружие. Не более того.

Столь же неуловимо и быстро, как приблизился, он отстранился, убрал меч. Ощупав горло, Мычка сглотнул, сказал, с трудом сдерживая возбуждение:

— Прости. Возможно, я забылся, но это непередаваемое ощущение окрыляет.

Филин улыбнулся, ответил:

— Я вижу, и это хорошо. Значит стезя война тебе не чужда и наши усилия не пропадут даром.

Не поняв, что имел в виду собеседник, Мычка сходил за оружием, тщательно стряхнув налипший снег, поинтересовался:

— Что дальше?

Филин пожал плечами.

— Продолжаем. Но сперва несколько замечаний...

Мычка выслушал, но от будоражащего кровь восторга понял не все, если не сказать — вообще ничего не понял. Слова казались лишними, неуместными в этом празднике куража и силы. Хотелось двигаться, жить, ощущать непривычную, но столь приятную тяжесть в руке, чувствовать холодок ветра, слышать мелодичный звон.

Филин чуть нахмурился. Рассеянность Мычки не укрылась от его внимательного взора. Однако, не смотря на явное невнимание слушателя, он договорил. В его взгляде, обращенном на вершинника, проглядывало нечто странное, словно в стоящем напротив молодом парне он видел отражение себя, каким он был давно, со всеми свойственными юности радостями и недостатками, с высоты минувших лет вызывающими лишь слабую улыбку грусти.

— Продолжим.

Соперники подняли оружие, и лес вновь наполнился мелодичным звоном. И вновь, как и в первый раз, Мычка ощущал кураж и будоражащую кровь сладкую радость, с какой тело вбирало живительную силу боя, за долгое время болезни истосковавшись по движению.

— На сегодня хватит.

Филин шагнул назад, выйдя за пределы досягаемости. Разгоряченный боем, Мычка подался следом, и лишь несколько мгновений спустя осознал услышанное. Он спросил с удивлением:

— Уже все? Но ведь я полон сил!

Филин сказал насмешливо:

— Возможно, но ты здесь не один.

Поняв, что сглупил, Мычка закусил губу, сказал покаянно:

— Прости. Это настолько кружит голову, что я сам не знаю, что говорю.

Хозяин дома отмахнулся.

— Пройдет. По началу со всеми бывает.

Он старался говорить отстраненно, и даже с пренебрежением, но, по блеснувшим в глубине глаз искрам, Мычка понял, его слова доставили собеседнику удовольствие. Прижав руки к груди, он воскликнул:

— Никогда! Такое не может пройти. Ведь это же, это... — он задохнулся, не найдя подходящих слов, чтобы выразить охватившие чувства.

Филин покачал головой, сказал строго:

— Остынь. Все когда-то проходит. Хотя, тут ты прав, некоторым вещам не перестаешь радоваться даже многие годы спустя.

Он ушел в дом, а Мычка еще долго бродил по лесу, не в силах успокоиться. Мышцы требовали нагрузки, а в черепе вихрем листвы кружились обрывки мыслей. Мир уступил место фантазиям, где он сокрушал чудовищ, размахивая блистающим как пламя зари мечом, побеждал дерзнувших бросить вызов соперников, отчего удостоивался уважения старейшин и страстных взглядов красавиц племени.

Лишь когда из-за наступающей тьмы стволы деревьев стали мутнеть и расплываться, а

мороз, усилившись, начал пронимать даже сквозь одежду, Мычка успокоился. Вернувшись домой, он тщательно очистил оружие, водрузил на место и приступил к приготовлению ужина, предвкушая повторение тренировки на следующий день.

Однако, к его удивлению, ни на следующий, ни через день, Филин и словом не упомянул о занятиях, словно и звон оружия, и возбуждения боя привиделись во сне. Мычка все также брал меч, бродил неподалеку от дома, срезая сучки и веточки, но и только. Минула седмица, когда, проснувшись с утра, Мычка обнаружил Филина возле стены с мечом. Хозяин дома стоял неподвижно, неотрывно глядя на меч. Услышав шорох шкур, он отстраненно произнес:

— Желание еще не пропало?

Остатки сна как рукой сняло, Мычка живо оказался на ногах, воскликнул с подъемом:

— Еще бы! Только, почему так долго? Уж сколько дней прошло...

Филин замедленно повернулся, и Мычка поперхнулся словом, настолько непривычно серьезным оказалось лицо хозяина дома.

— Нам обоим нужно было подумать. Тебе — чтобы понять, насколько сильно желание, мне — чтобы принять решение.

В ожидании чего-то необычного и удивительного перехватило дыхание, кусая губы от нетерпения, Мычка осторожно поинтересовался:

— И что за решение?

Филин помолчал, сказал, тщательно подбирая слова:

— Ты брал в руки меч, испробовал сладость... боя, но ты даже отдаленно не представляешь, что можно творить с его помощью. Хочешь ли ты... узнать?

— Конечно, — одними губами выдохнул Мычка. — Как можно этого... не хотеть?

Губы Филина изогнулись в суровой усмешке.

— Никакое мастерство не дается просто. На получение даже самых простых навыков понадобится много сил. Ты уверен, что хватит терпения, а желание не угаснет несколько дней спустя?

Задыхаясь от возбуждения, Мычка воскликнул:

— Уверен ли я? Да я ночей спать не буду, руки в кровь собою, сапоги стопчу! Скажи только что делать, с чего начать?

Ожидая ответа, в мыслях он уже собирал мешок, бежал вглубь леса, побеждая встающие на пути многочисленные трудности. Однако, Филин только и произнес:

— Проверь силки и приготовь трапезу.

Пораженный простотой указания, Мычка произнес ошарашено:

— И это все?

Филин раздраженно дернул плечом, сказал с досадой:

— Ну да. Можешь еще щепы наколоть, или вокруг дома побегать, если сил много.

— А как же... — Мычка в растерянности указал на оружие.

Хозяин дома сказал проникновенно:

— Этим мы займемся завтра, прямо с утра, а чтобы ничего не отвлекало... — Он вдруг изменился в лице, рявкнул зло: — Делай, что сказано!

Ойкнув, Мычка вылетел в сенцы, на мгновение вернулся, быстро побросал в заплечный мешок припасы, после чего стремительно выскочил из дома, опасаясь, как бы суровый учитель в последнее мгновение не передумал. Хлопнула дверь, захрустел снег и вскоре все стихло.

Филин некоторое время с улыбкой прислушивался к долетающим снаружи звукам, затем приблизился к стене, сняв оружие, взмахнул мечом крест накрест. Его лицо стало сосредоточенным и суровым, словно хозяину дома предстояло некое непростое и ответственное дело.

Едва забрезжил рассвет, Мычка уже нетерпеливо ерзал возле входа. Однако, Филин не торопился вставать. Из-под вороха шкур, куда завернулся хозяин дома, доносилось лишь сладкое посапывание. Измучавшись ожиданием, Мычка вышел наружу, чувствуя, что если прямо сейчас не займется чем-нибудь полезным, сбрасывая распирающую мощь, то, не удержится, разбудит хозяина дома. Конечно, вечером Филин однозначно дал понять — учению быть, но, успев достаточно узнать переменчивый нрав подземника, рисковать не хотелось.

Побродив вокруг, Мычка наткнулся на поваленное дерево. Вспомнив, что от сложенной позади дома поленицы осталось совсем немного, Мычка порадовался находке. Когда от дерева остался лишь комель, а посильные для голых рук ветви и сучья оказались сложены возле дома аккуратной кучкой, Мычка задумался. Избыток сил ушел на заготовку топлива, но жажда действия не ослабла.

Взглянув на небо, что из черного стало темно-голубым, Мычка двинулся в дом, рассчитывая если не застать Филина уже готовым к делу, то хотя бы помочь проснуться. Однако, едва рука коснулась двери, решимость поколебалась. В ушах прозвучало вечернее предупреждение — легко не будет. Возможно, Филин действительно спал, прежде, чем обучать вершинника, решив хорошенько отдохнуть. Но, вполне могло случиться и так, что он устроил будущему ученику испытание терпения.

Похожие испытания частенько устраивали опытные охотники племени подрастающим следопытам. Оставив молодняк с самого утра в засаде на зверя, где требовалось сидеть ни шелохнувшись, и почти не дыша, они отправлялись по своим делам и возвращались лишь под вечер, определяя по оставленным следам насколько точно ученик следовал указаниям.

Усмехнувшись собственной догадливости, Мычка отошел от двери, устроившись на лежащем у стены бревне, застыл. По началу усидеть удавалось с трудом. Нетерпение будоражило кровь, требовало выхода в действие, так что Мычка впивался ногтями в остатки коры на бревне, чтобы не вскочить, не забегать с воплями. Но вскоре мысли улеглись, сердце успокоилось, застучало тише. Он ощутил покой, когда сознание как бы растворяется, проникаясь насыщающим лес умиротворением.

В таком состоянии его и застал Филин. Почесываясь и зевая, хозяин дома вышел наружу, окинул взглядом лес. Заметив Мычку, он некоторое время смотрел с любопытством, однако, ничего не сказал, вновь скрылся в доме. Вскоре он появился, держа в каждой руке по мечу.

— Приступим?

Мычка вынырнул из полудремы, куда незаметно для себя погрузился, замедленно перевел взгляд на Филина, сказал со слабой улыбкой:

— Надеюсь, я прошел испытание?

Лицо подземника приняло озадаченное выражение. Он поинтересовался:

— Испытание, какое испытание?

С трудом сдерживаясь от переполняющего довольства собой, Мычка хитро улыбнулся, понизив голос, заговорщицки произнес:

— Ну, как же: испытание терпением, нестигаемая воля, тяжелый труд?..

Филин повторил эхом:

— Испытание терпением, нестигаемая воля... Вообще-то я просто проспал.

Вручив меч вершиннику, что, ошарашенный ответом, глупо хлопал глазами, хозяин дома отвернулся, с отстраненным видом отошел на несколько шагов. Но, загляни в этот момент Мычка учителю в глаза, увидел бы, как глубоко внутри, тщательно упрятанные, мерцают насмешливые искры.

ГЛАВА 16

Удар, мечи сталкиваются, высекая сноп злых белесых искр, разлетаются, чтобы встретиться вновь. Еще удар. Клинок, что должен неминуемо зацепить, рассечь плоть, обнажить кости, останавливается совсем рядом, не в силах преодолеть сопротивление собрата. Лицо учителя больше напоминает деревянную маску, настолько неподвижно. Живут лишь глаза. Оценивающе оглядывая соперника, сдвигаются то в одну, то в другую сторону. Сдвигаются немного, совсем чуть-чуть, но этого хватает, чтобы защититься, или атаковать, нанеся удар в наиболее уязвимое место.

Кровь горячей волной бежит по жилам, бьет в голову, пьяня и возбуждая, как настоящий на березовом соке и меду хмельной напиток. Воздух со свистом рвется сквозь плотно стиснутые зубы, в груди нарастает жжение. Изнури, с трудом сдерживаемый, рвется рык ярости. Бой захватывает, уносит в наполненные мощью и необузданной силой дали, подчиняет, заставляет забыть обо всем.

С начала обучения прошло достаточно времени, но, всякий раз, вступая в схватку с учителем, он теряет хладнокровие. И это не смотря на все старания! Поначалу, получая от соперника тычки и затрещины, он зверел, как получивший оплеуху волчонок, кидался, забыв обо всем. Но, раз за разом повторяя одни и те же ошибки, научился сдерживаться. Сперва с трудом, и совсем ненадолго. Потом дело шло все лучше и лучше. Сейчас он уже не тот комок нервов, что, получив чувствительный удар, слепо размахивал мечом, воя от обиды и боли. Но даже теперь, после непродолжительной схватки, внутри закипает, а к горлу подкатывает нечто злое и яростное.

И если даже он, кто никогда не отличался буйным нравом, от тренировки начинает сопеть и яриться, каково было начинать учителю? Переменчивый, легко вспыхивающий, как брошенная в огонь трава, как он смог достигнуть вершин мастерства, выдержать побои и издевательства? Или, существуют и другие методы, а то, чем они занимаются едва ли не каждый день, лишь отражение неких основополагающих принципов, преломленное через вспльчивую суть мастера?

Громко и зло звякнуло. Рука занемела от удара, а меч, вырвавшись и пальцев, блеснул рыбкой, отлетев далеко в сугроб. Шипя, и тряся рукой, Мычка хмуро взглянул на наставника. Тот покачал головой, сказал с укоризной:

— Сколько раз говорено, во время боя не смей думать.

Мычка вздохнул, сказал виновато:

— Прости, я отвлекся.

— Я заметил, — бросил Филин насмешливо. — В следующий раз, прежде чем решишь отвлечься, запасись лишней рукой... Да и головой тоже.

Мычка тряхнул головой, отчего волосы рассыпались по плечам золотистым водопадом, сказал с обидой:

— Но ведь у меня уже отлично получается! Сам говорил, я быстро схватываю, отлично запоминаю, хорошо воспроизвожу.

Филин кивнул.

— Все так. Но ты выпался, сыт, в спину не упирается стена, а из леса ко мне на помощь не бегут товарищи.

Не уловив намека, Мычка поморщился, сказал с запинкой:

— Я не очень понял, о чем ты.

Тыльной стороной ладони Филин стер выступившие на лбу капли пота, произнес с нажимом:

— Ты не всегда сможешь выбрать себе соперника, место и время схватки. Будет и наоборот. Схватка сама найдет тебя. И поверь, это будет происходить в самых отвратительных и невыгодных условиях.

— И что же мне делать? — по-прежнему не понимая, куда клонит учитель, растеряно произнес Мычка.

Раздраженный бестолковостью подопечного, Филин рявкнул:

— Не отвлекаться! Никогда и ни на что. Лишь когда будешь полностью уверен, что враг повержен, и не причинит тебе вреда, можешь расслабиться. Будь у нас настоящая схватка, ты бы лишился головы!

Мычка поморщился, сказал с недоверием:

— Ты преувеличиваешь. Я не так уж и отвлекся. Ну, от силы, отделался бы неглубоким порезом.

Филин прищурился, его глаза опасно блеснули.

— Не веришь на слово?

Мычка ощутил, как в животе похолодело, поспешно отгородился ладонями, сказал покаянно:

— Прости, я что-то не то сказал. Конечно, ты прав.

Филин помолчал, буравя ученика взглядом, проворчал:

— Ох уж мне эта юношеская заносчивость. Едва меч в руки взял, как сразу мастер.

Мычка замотал головой, воскликнул, протестуя:

— Но ведь это вовсе не так! Кому, как ни тебе, это знать лучше всего?

Глядя, как поникли плечи ученика, а в глазах метнулась обида, Филин вздохнул, сказал примирительно:

— Ладно, уговорил. Выгонять тебя не буду, и даже позволю носить дичь и готовить трапезу. Но с дальнейшим обучением пока повременим. — Заметив метнувшуюся в глазах Мычки панику, добавил с нажимом: — И не вздумай настаивать. Подустал я, да и тебе стоит отвлечься.

Он резко повернулся, ушел в дом. Мычка проследил за отшельником, не зная что делать, не то бежать следом, умоляя простить и продолжить тренировки, не то смириться, переступив через страстное стремление совершенствовать навыки боя, дожидаться, пока к

учителю вернется настроение.

Пока он размышлял, Филин вернулся. Обрадовавшись, Мычка подался вперед, но остановился, озадаченно глядя на руки наставника. Филин неторопливо приближается, а в ладони, покачиваясь в такт шагу, зажата изогнутая палка. Отметив недоброе выражение в лице учителя, Мычка невольно отступил. Тот заметил, ухмыльнулся, обнажив в улыбке мелкие белые зубы, сказал мстительно:

— Вытянуть бы тебя промеж лопаток, чтобы пух полетел, да вещь жалко.

— А... что это?

— Это? — Филин ухмыльнулся. — Это то, чем ты будешь заниматься намного, намного больше, чем боем на мечах.

— Этой... палкой? — На лице Мычки отразилось недоверие.

Не отвечая на вопрос, Филин зацепил за одну из металлических лапок на концах палки толстую белесую нить, в которой Мычка узнал высушенную звериную жилу, перевернув, он упер конец палки в землю, нажал, так что послышался скрип, сжав зубы от натуги, так что на висках выступили багровые жилы, обмотал свободным концом нити вторую лапку. Удостоверившись, что нить не сорвется, отшельник ослабил руки, любуясь получившейся конструкцией, сказал:

— Я не говорил тебе раньше, но теперь время пришло. Лучшая схватка та, которую выигрываешь еще до начала. И эта вещь — первейший для того помощник.

Мычка пожал плечами.

— Победить еще до начала, разве такое возможно?

Филин лишь усмехнулся. Тронув пальцем нить, он прислушался к затихающему гулу, с удовлетворением кивнул. Переложив палку в левую руку, правой потянулся назад и... Мычка удивленно сморгнул, когда в руке наставника возникли пяток тонких, аккуратно обточенных палочек. Приглядевшись, вершинник удивился еще больше, каждая палочка с одного конца украшена перьями, с другого угрожающе поблескивает остро отточенный металлический треугольник.

Филин воткнул палочки рядком перед собой, взял одну, пристроил так, что оперенный конец лег на нить, а серединка пристроилась между кулаком и палкой. Филин вскинул руки, сделал резкое движение. По ушам ударил негромкий хлопок, коротко свистнуло. Мычка изумленно воззрился на руки учителя. Обмотанная нитью палка оказалась на прежнем месте, но вот вторая, оперенная...

Забавляясь удивлению ученика, Филин оскалил зубы, спросил с насмешкой:

— Не усек? Повторяю. Смотри внимательно.

Взяв одну из торчащих из снега палочек, подземник повторил еще раз, но уже гораздо медленнее, и Мычка лишь закусил губу, досадуя на собственную невнимательность. Мог бы догадаться и по звуку, куда именно делся заостренный снаряд. А теперь опозорился, выставил себя болваном. Хотя... все произошло так быстро. Он повернул голову, всматриваясь в стену дома, где, воткнувшись в бревно, угрожающе топорщится деревянная игла.

С задумчивым видом Мычка двинулся к дому, подошел, потрогал, затем потянул, удивляясь, насколько крепко засел снаряд в дерево. Представив, что подобная "щепка" могла бы воткнуться не в дерево, а в тело, что гораздо мягче скованной морозом неподатливой древесины, Мычка ощутил неприятный холодок в животе. Повернувшись к Филину, успевшему подойти, и с интересом наблюдавшему за учеником, он произнес с сомнением:

— Конечно, брошенный камень или нож явно слабее этого... — он запнулся, подбирая слово.

— Лук. Это называется лук, а метательные палочки — стрелы, — пояснил Филин. — Незаменимое во многих отношениях оружие. Тебе надлежит научиться обращению с ним.

Взяв у наставника оружие, Мычка повертел лук в руках, закончил:

— Но, настолько ли он полезен, как может показаться? Успеешь ли достать лук, натянуть нить, наложить стрелу, прежде чем зверь бросится из-за дерева? Не будешь же постоянно таскать в руках — изделие хрупкое, да и нить быстро изнашивается, размокнет. К тому же вокруг полно деревьев, куда ни кинь — всюду помеха, а полянки да проплешины встречаются не так уж и часто, чтобы специально для них носить дополнительное оружие.

Лицо Филина потемнело, пристально глядя на вершинника, он произнес с глухой угрозой:

— В твоих словах не больше смысла, чем в трескотне белки. Ты не встречался с противниками один против десятка, ты не попадал в ситуации, когда одно мгновение стоит больше чем вся предыдущая жизнь, ты не бросался в безнадежный бой, в тщетной надежде пробиться через ряды охраны, чтобы перегрызть горло кровному врагу.

Слова наставника били, тяжелые, как камни, отчего Мычка все сильнее вжимал голову в плечи. Ощущая себя жалким и ничтожным, он пропищал в оправдание:

— Но ведь то, что произошло с одним, не обязательно случится с другим.

Филин глубоко вздохнул, его лицо разгладилось, но голос остался прежним:

— Случится, обязательно случится. И раньше, чем ты думаешь. Ты прав лишь в одном. В лесу лук действительно не нужен. Но, я уже говорил, повторюсь вновь — лес существует далеко не везде. Да, здесь он властвует безраздельно, но дальше, на юг, редееет, а затем и вовсе сходит на нет. Ты не поверишь, но существуют места, где солнце заливает мир, а взгляд скользит, доходя до самого виднокрая. Можно идти день, два, седмицу, и так и не встретить ни единого дерева!

Мычка лишь покачал головой. Когда хотел, наставник становился очень убедителен, но сейчас он явно переборщил. В редящий лес поверить еще можно. Бывалые охотники говаривали, что в дебрях встречаются странные места, где деревья не растут на десятки, и даже сотни шагов вокруг. Однако просторы без единого дерева до самого окоема подземник явно придумал, чтобы приукрасить рассказ.

Как такое вообще может быть? Без деревьев — куда деваться населяющему чащу зверью? Хищнику не подкараулить жертву, а той, в свою очередь, не спрятаться за деревьями, не скрыться в густом подлеске. А птицы, что так прекрасно поют, услаждая слух? Без сплетенных из ветвей густых крон: ни присесть на отдых, ни свить гнездо. Да и как может хоть что-то расти в этом ужасном мире? Под сенью деревьев так необходимые травмам сырость и прохлада. Не будь леса — солнце сожжет все, высосет влагу по капле, оставив от буйного разнотравья лишь пожухлые пеньки.

Филин ждал. И хотя внутри все противилось, Мычка понурился, сказал с деланным послушанием:

— Ты, как всегда, прав. Я буду заниматься с этим диковинным оружием, пока не срастусь настолько, что лук станет продолжением руки, как уже почти стал меч.

И хотя подземник отметил, как от негодования раздуваются ноздри ученика, и с каким трудом даются слова примирения, лишь кивнул, сказал умиротворенно:

— Вот и хорошо. Вот тебе стрелы. Это далеко не весь запас, но пока больше не дам.

Хватит и этих. Сломаешь — сделаешь новые, благо дерева да перьев в избытке. Разве только с наконечниками сложность. Так что лучше сломать, чем потерять.

Филин отвернулся, ушел в дом. Мычка проследил за наставником взглядом, гадая, сколько еще удивительного скрывает этот странный человек, назвавшийся подземником. Порой, слушая учителя, он начинал сомневаться в его рассудке. Филин говорил о таких вещах и явлениях, что не укладывались в голове. Однако заподозрить подземника во лжи не позволяло глубокое уважение, возникшее с момента знакомства, и укрепившееся за время проживания под одной крышей.

Обычно Филин кутался в шкуры, словно постоянно мерз. Даже в самые теплые дни, выходя на солнце, подземник ежился, будто стоял на жутком морозе под пронзительным ветром. Но пару раз, когда наставник сбрасывал шкуры, демонстрируя сухощавый, но удивительно жилистый торс, Мычка с содроганием наблюдал множество застарелых шрамов, разбросанных тут и там. Будучи охотником, он отлично знал, какие отметины оставляет жизнь на теле охотника, будь это шип куста, коготь рыси, или клык хозяина леса — бера.

Шрамы Филина отличались от шрамов любого охотника из племени настолько, что Мычка терялся в догадках, пытаясь понять, что за оружие могло нанести подобные увечья. Аккуратные, совершенно круглые точки и длинные, идеально ровные полосы. После знакомства с мечом и луком Мычка постиг откуда взялась большая часть отметин, но происхождение остальных по-прежнему оставалось загадкой.

Поразмыслив, Мычка пришел к выводу, что научиться владеть странным оружием в любом случае не будет лишним. Даже если из рассказанных наставником ужасов о лишенной деревьев земли правды всего на малую толику, может случиться так, что когда-то он сам попадет в эти удивительные места, и полученные в далекой избушке лесного отшельника навыки выручат, а то и спасут жизнь.

Приняв окончательное решение, Мычка повертел лук в руках. Ничем не примечательная палка, разве что изогнутая. Хотя, нет, не так все просто. Забитые грязью, на оружии видны тонкие продольные полосы, будто для изготовления лука использовали несколько деревянных полос: нарезали, тщательно подогнали, а потом слепили чем-то липким и невероятно прочным, вроде засохшей смолы. Да и металлические лапки внушают уважение. Металл — вещь дорогая и крайне сложная в обработке, а тут — сразу два куса, хотя, вполне можно было обойтись врезанными в дерево канавками, куда жила легла бы ни чуть не хуже.

Мычка переложил лук в левую руку, взял стрелу в правую, вспоминая, что именно делал учитель, замедленно потянул нить. Лук заскрипел, мышцы на руке напряглись, а глаз сам собой прищурился, выхватывая из общей картины ту часть стены, куда стрелял Филин. Воспоминание о том, как подземник пустил стрелу, почти не целясь, зазудело занозой, подталкивая к решительным действиям. Но, усилием воли, Мычка загнал нетерпение вглубь. То, что сделал учитель, сделает и он, не сейчас, так позже. Тем более, что простота, с какой Филин выстрелил, вполне может оказаться обманчива.

Стрела покачивается, ожидая, пока глаз поймает наилучшее положение, замирает в ожидании. Дыхание становится тише, еще тише, чтобы даже малейший выдох не помешал, не сбил стрелу с пути. Правая рука дрожит от напряжения, нить больно врезалась в пальцы. Мгновение, еще одно. Пальцы разжимаются, лук распрямляется, нить с щелчком возвращается в исходное состояние, отправляя заостренную злую щепу прямо в цель.

Руку обожгло болью. Вскрикнув, Мычка выронил лук, затряс рукой, где поперек вен

вздувается багровый рубец. От удара мышца занемела, а в серединке рубца цепочкой заалели капельки крови.

— Торопишься.

Занятый раной, Мычка не заметил, как наставник приблизился. Вскинув голову, исполненный обиды и боли, он ожидал увидеть в глазах учителя привычную насмешку, но тот смотрел спокойно, с пониманием.

— Ты не предупредил... — бросил Мычка в негодовании.

— Но я и не разрешал стрелять, — парировал Филин.

Понимая, что учитель прав, Мычка хотел сдержаться, но не смог, воскликнул обвиняюще:

— Ты это сделал специально!

— Возможно, что так, а возможно и нет. — Подземник пожал плечами. — Ты этого не узнаешь. Но, в любом случае, хорошо, что так вышло.

— Ты должен был предупредить! — уже спокойнее, но все еще раздраженно выпалил Мычка. — Неужели бы я тебе не поверил? Что хорошего в боли и лишнем рубце?

Филин остался спокоен, но в глазах полыхнули молнии.

— Слова пусты. Не ощутив на собственной шкуре всех деталей, не важно, хороших, или плохих, ты не сроднишься с оружием. Держи, с этим будет проще.

Филин протянул свернутый трубкой кусок кожи со свисающей бахромой завязок. Насупившись, Мычка смотрел в сторону, но наставник по-прежнему держал вещь, и он нехотя протянул руку. Немного раньше, чем рука коснулась подарка, взгляд метнулся вперед и Мычка ахнул. На левой руке наставника он заметил широкую полосу из множества находящихся друг на друга рубцов. Взгляд невольно метнулся к своей руке, затем вернулся к руке Филина, вновь к своей.

Мычка поднял глаза и не увидел в лице наставника злости, лишь терпеливое ожидание. Ощущая, как стыд заливает щеки, он опустил голову, не в силах вынести пронзительный взгляд учителя. Поспешно одевая защиту, судя по весу и твердости кожи невероятно прочную, Мычка был готов повалиться сквозь землю, только бы не ощущать понимающего взгляда подземника, с каким обычно взрослый, опытный мужчина смотрит на воющего от недовольства и обиды ребенка.

Но ошибки надо исправлять. Стиснув челюсти так, что скрипнули зубы, Мычка поднял голову, прямо взглянул в лицо Филину, сказал:

— Я готов, наставник. Будь добр, объясни, как использовать лук правильно.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Слова Филина оправдались полностью. Лук оказался на удивление удобным оружием. Поначалу Мычка стрелял в стену, отойдя на небольшое расстояние, тщательно целился, и спускал тетиву лишь будучи уверенным — стрела не уйдет в лес. Сама стрела особой ценности не представляла. Отыскав в лесу подходящий материал, Мычка наделал десятки древк, оперил охвостья, нащипав с пойманных на охоте глухарей самых лучших и мягких перьев. Но найти замену оглавкам оказалось невозможно. Заточенный кончик тупился от первого же выстрела, а срезанные с царап-куста шипы оказались недостаточно прочны и легко ломались.

Наловчившись, он начал отходить от стены все дальше. Руки окрепли, а, наученный опытом, глаз точно соизмерял насколько нужно поднять удерживающую лук руку, чтобы стрела попала точно в задуманное место. Вскорости Мычка чувствовал себя уже настолько уверенно, что стал стрелять по деревьям, выбирая наиболее удаленные и небольшие в объёме стволы, а когда окончательно уверился в собственных силах, перешел к охоте.

Первая подстреленная добыча: глухари и зайцы, вызвала бурный восторг. Затем эмоций поубавилось, лук стал совсем привычным, как до того засапожный нож. И Мычка уже без сомнений брал удивительное оружие на охоту, недоумевая, как раньше мог обходиться без столь полезной вещи. Немного старания, и, незамеченный, он легко подкрадывался к добыче на нужное расстояние. Чуть слышный скрип, короткий щелчок тетивы, и вот уже бездыханное, животное лежит на снегу, пронизанное смертоносным жалом.

Тренировки с мечом хоть и продолжались в прежнем порядке, но теперь Мычка затруднялся признаться даже самому себе, что привлекает больше: жаркая схватка на железных полосах, или холодно просчитанный выстрел, когда нужно неслышно подобраться, мягко извлечь стрелу, и спустить тетиву ровно в тот момент, когда цель окажется в наиболее выгодной позиции.

Он по-прежнему с удовольствием вступал в бой, вертелся по полянке, но заживавшийся поначалу, при виде оружия в руках учителя, огонек в груди угас, сменился привычкой. Мычка успешно овладел навыками оружейной схватки, и, казалось, достиг предела возможного. Все приемы выучены наизусть и многократно повторены, рука уверенно держит клинок, а тело заучено движется в нужную сторону. И стоит ли изо дня в день повторять то, что и так получается замечательно?

Однако наставник подмечал все, хоть и не подавал виду. Однажды, лениво ковыряя мечом снег под ногами, Мычка привычно ожидал наставника. Заслышав шум шагов, он повернул голову, и застыл. Глаза в изумлении распахнулись, а рот приоткрылся. Филин подошел, остановился напротив, озорно блеснув глазами, поинтересовался:

— Что-то не так?

Сглотнув, Мычка с трудом оторвал взгляд от рук наставника, спросил ошарашено:

— Что это, зачем?

Филин усмехнулся, бросил ехидно:

— Надеюсь, ты не думал, что обучение закончится теми элементарными вещами, что я успел преподать?

— Элементарными? — Не веря ушам, Мычка распахнул глаза еще больше. — Но ведь ты совсем недавно хвалил меня за точное исполнение сложнейших приемов.

— Разве? — Подземник закатил глаза, вспоминая, некоторое время оживленно двигал складками на лбу, но в итоге лишь пожал плечами. — Может и так. Но ведь я не уточнял, для кого именно сложные.

Филин смотрел насмешливо, и Мычка прикусил язык. Выставлять себя посмешищем и дальше не хотелось. Острый на язык, учитель найдет, что ответить самовлюбленному юнцу, возомнившему себя мастером. А он-то всерьез считал, что добился многого. И ведь не возникало даже тени сомнений! Хотя, нет-нет, да замечал в глазах наставника выражение, что никак не вязалось с воздаваемой похвалой. Тогда он не придал этому значению, но теперь...

Лицо запылало. Наклонив голову, чтобы Филин не заметил багровеющих пятен на щеках, Мычка сказал запальчиво, пряча за пренебрежением стыд:

— Давай приступим, и вполне может случиться, ты изменишь мнение.

— Давно пора.

Филин встал в стойку. Руки подземника разошлись, замерли, удерживая блистающие полосы металла. Два меча — два лезвия. Два больше чем один, но, насколько опасней? Наставник никогда не говорил, что у него имеется еще оружие, а он не спрашивал. Да и зачем спрашивать, если для боя больше чем достаточно двух мечей, и третий, если и необходим, то лишь в качестве запасного, на случай поломки основного. Зачем одновременно два клинка, если и с одним управиться непросто? Или, учитель просто решил припугнуть, и вот-вот расплывется в улыбке, подзадоривая отлично сыгранной шуткой? Но нет, лицо наставника серьезно, как всегда во время занятий. В глазах нет и следа шутливости, лишь суровая сосредоточенность.

Что ж. Пусть так. Сейчас он докажет, что наставник не зря потратил на него время, и даже два клинка, что, честно признаться, выглядят устрашающе, не изменят ничего в расстановке сил. Да и лезвия мечей учителя, если приглядеться, заметно короче, и это лишь упрощает задачу.

Тело заученно принимает нужную позицию. Ноги напряжиниваются, готовые, как увести с линии удара, так и бросить в нападение. Рука с оружием выходит немного вперед, вторая же поджимается, в ожидании удобного момента замирает. Сколько раз учитель обращал внимание, а то и бил, оставляя на тыльной стороне свободной ладони синюшные отпечатки, раз за разом вбивая: рука, даже если в ладони не зажата рукоять ножа, уже сама по себе оружие, и таки своего добился. Если раньше он не знал, куда деть "лишнюю" конечность, то теперь, стоит противнику зазеваться, кулак не упустит цели. Пусть удар не смертелен, пусть это всего лишь неприятный тычок, но в бою мелочей нет.

Глаза сосредоточенны на противнике, сердце бьется быстро и мощно, разгоняя по жилам кровь. Хватит ждать! Удар, легкий, как касание перышка, мягкий, словно прикосновение матери к спящему ребенку. Удар не нацелен на поражение, это всего лишь проверка, но дальше уже всерьез. Клинки сталкиваются с мелодичным звоном, разлетаются, чтобы встретиться вновь. Тело привычно выполняет движения. Шаг вперед, удар, уворот. Шаг в сторону, обманное движение. Прыжок, и резкая, почти на пределе сил, атака.

Все, как всегда, учитель зря пугал. Конечно, два меча — больше одного, и выглядит страшнее, но сил-то в два раза больше не становится. Нужно всего лишь потянуть, выждать, пока наставник утомится, движения станут тяжелее, руки замедлятся, и тогда, сгруппировавшись, можно закончить бой короткой злой атакой. Да и ждать осталось совсем чуток, вот учитель пошатнулся, вот явно опоздал с защитой, с трудом уклонился,

откачнувшись в последний момент.

Губы Филина сложились в улыбку, словно наставник прочел мысли ученика, в глазах сверкнули знакомые насмешливые искры. Сверкнули, и пропали, сменившись холодной чернотой. Лицо подземника закаменело, ноздри расширились, а желваки вздулись. Миг, и он взвился, превращаясь во всепоглощающий металлический вихрь. Клинки засверкали, как молнии во время бури. Движения ускорились настолько, что руки растеклись, превратились в смазанные тени. Удары посыпались один за одним.

Мычка несколько мгновений выдерживал натиск. Но, плечо обожгло болью, в опасной близости с головой, взьерошив волосы, пронесся клинок. Он отступил на шаг, затем еще, и вскоре отходил непрерывно, не в силах сдержать головокружительную атаку. Наставник словно обрел дополнительную пару рук. Мечи с воем секут воздух, взлетая и опускаясь в таком темпе, что взгляд замечает только вспыхивающий на солнце металл, но не отслеживает движение. Спасают лишь навыки, вбитые с кровью и потом, но и их не хватает.

Вот уже оба плеча пламенеют ссадинами, получив удар плашмя — ноет бедро. Этого не может быть. Человек не способен двигаться с такой скоростью! Филин словно превратился в демона, в жуткую лесную нечисть, не зная усталости, сокрушающую все на своем пути. Удар. Удар. Удар. Клинки сыплются со всех сторон, алчущие крови, лишь немного не дотягиваются до тела. Последние силы уходят на то, чтобы удерживать меч, рвущийся из рук.

Под ногу предательски бросился корень. Мычка нелепо взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, но не смог, завалился навзничь, позорно упав на спину и выронив меч, вскочил, пытаясь не осрамиться, но ноги бессильно подломились, и он вновь упал. Наставник стоит рядом, в мерцающих перед глазами красных пятнах его фигура размывается, плывет. Лицо Филина отстранено, грудь равномерно вздымается, словно он только что завершил приятную прогулку, а не истратил все силы в невероятной по скорости и силе атаке.

Хотя, если приглядеться... жилы на висках подземника набрякли, а лоб покрыт каплями пота. Или, это всего лишь кажется? Короткая схватка вымотала настолько, что трудно понять, где боль, а где вызванные усталостью видения.

Далекий, будто отгороженный стеной, раздался голос Филина.

— По-прежнему считаешь второй клинок не нужным, или мне удалось поколебать твои сомнения?

Мычка помотал головой, отчего гул в ушах утих, а голос наставника разом приблизился, сказал, с трудом проталкивая слова через пересохшее горло:

— Я не понимаю, как ты смог так... так... — Он пошевелил пальцами, подбирая слово.

— Слишком быстро? — Филин усмехнулся.

Мычка кивнул.

— Очень. Но дело не в том. Ведь я гораздо моложе, а значит... — Он запнулся, боясь обидеть учителя.

— А значит должен быть выносливее? — Наставник вопросительно вздернул бровь.

Мычка потупился, сказал сокрушенно:

— Должен быть. Вот только я едва на ногах стою, а ты...

— Свеж, полон сил? — Подземник смотрел с явной усмешкой, и Мычка отвел глаза, не в силах выдержать исполненный иронии взгляд учителя. — Я уже не раз говорил, повторюсь вновь — умение несоизмеримо более значимо чем сила и выносливость. Хотя... — он улыбнулся, — нельзя не признать очевидное: умение прирастает со временем, молодость же

проходит безвозвратно.

Зацепившись за последние слова, Мычка произнес с досадой:

— Что-то я не вижу от своей молодости особой пользы. Предложи кто обменять на умение — не думал бы ни мгновенья. Что бы оружием владеть, как ты. А то пока никакого толку, лишь синяки да ссадины, хотя уж сколько времени потратил.

Филин нахмурился, но лишь вздохнул, сказал примирительно:

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Но в таком возрасте это простительно. Продолжай заниматься, и рано или поздно догонишь меня, а после и перерастешь.

Слова наставника ободрили, но Мычка лишь поморщился, недоверчиво поинтересовался:

— Перерасту тебя? Это вообще возможно?

Филин сказал с загадочной улыбкой:

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но скажу лишь одно: мир велик, каждый раз, когда ты думаешь, что познал все, вдруг открываются новые горизонты, немыслимое становится обыденным, а сложное простым.

Филин ушел. Мычка остался один на один с мыслями. Некоторое время он честно пытался понять, что имел в виду наставник, но лишь махнул рукой. Глубокомысленные рассуждения подземника хоть и несли некий важный смысл, но прошли мимо сознания. Бушующая энергия юности требует действий, и советы умудренной опытом зрелости надолго не задерживаются, испаряясь, как капли дождя под жаркими лучами солнца.

Разговор быстро забылся, но неприятное ощущение продолжало зудеть. Он оплошал в очередной раз, ослепленный собственной значимостью, посмел бросить наставнику вызов, и... проиграл. И, хотя, на деле все произошло несколько по-другому, привкус горечи остался. Сколько, ну сколько еще он будет совершать одни и те же глупости? Ведь наставник каждый раз намекает, а то и предупреждает напрямую. Но нет, всякий раз кажется, что ошибки не будет, ведь с прошлого раза прошло столько времени, он стал быстрее, сильнее, ловчее! Уж теперь-то он, если и не достиг уровня учителя, то не намного отстал.

Пытаясь успокоиться, Мычка прошелся взад-вперед. Но раздражение не улеглось, наоборот, усилилось. В груди сгустился сгусток ярости, запульсировал, распространяя вокруг волны недовольства, а перед внутренним взором поплыли картинки прошедшей схватки. Заметив, что по-прежнему сжимает меч, Мычка было направился к дому, но передумал. Внутри он наверняка наткнется на исполненный злорадства взгляд подземника, что явно не прибавит настроения.

Он замер, в раздумии кусая губы. Как бы не было досадно, оружие не стоит оставлять в снегу, где оно быстро потемнеет, покроется рыжими пятнами, но и носить с собой нет никакого желания. Поблуждав вокруг, взгляд остановился на ближайшем дереве. Ухмыльнувшись, Мычка с размаху всадил меч в ствол. Сухо треснуло, взметнулось крошево коры. Меч загудел, глухо и недовольно, будто жалуясь на неподобающее обращение, но вскоре затих.

Хмурясь и кривя губы, Мычка двинулся в лес, сладострастно сбивая с кустиков снежные шапки, и распинывая торчащие из сугробов небольшие веточки. По мере того, как уходил избыток сил, исчезало и недовольство. Ноздри больше не раздувались, сердце замедлило темп, а губы расплзлись в улыбку, и вскоре, забыв об обиде, Мычка уже крался за зайцем, с интересом следил за суетливой возней белок, слушал переливчатые трели птиц.

Вернувшись затемно, Мычка разделся, прошел в дом, и лишь когда, мазнув по стене

взглядом, не обнаружил оружия на привычном месте, спохватился, как был, раздетый, скользнул на улицу. Клинок оказался на том же месте. Освободив меч, Мычка тщательно протер лезвие о штаны, после чего вернулся, стараясь не шуметь, вернул оружие на место, тихонько присел за стол.

Филин, что все это время сидел в углу, спиной ко входу, шевельнулся, не поворачиваясь, произнес со сдерживаемым недовольством:

— Ты можешь злиться на себя, ненавидеть врагов, проклинать друзей, но, что бы ни случилось, оружие должен беречь всегда!

Мычка лишь вздохнул. Обида давно испарилась. Лес вселил в душу удивительное умиротворение, настолько могучее и всеобъемлющее, что все, даже самые сильные и тягостные переживания на его фоне казались смешными и надуманными. Он кротко улыбнулся, сказал просто:

— Ты как всегда прав. Прости. Порой, на меня будто что-то находит: лезу куда не надо, делаю что попало. Вот и сегодня... — Он помолчал, собираясь с мыслями, сказал проникновенно: — Я не устаю удивляться насколько лес мудр. Как легко он исцеляет даже самую тяжелую хворь, стоит лишь побыть одному, прислушаться к шепоту трав, шороху ветвей, вдохнуть полной грудью воздух.

Ты часто рассказываешь о пустых пространствах, где ветер не встречает преград, а солнечный свет властвует беспредельно. И хотя это настолько невероятно, что кажется выдумкой, я не могу тебе не верить. Но... как можно жить, без живительного дыхания леса, не ощущая сонма запахов, без благодной тени, что дают великаны-деревья? Наверное, люди в тех местах глубоко несчастны.

Мычка взглянул на подземника. Тот некоторое время молчал, покачивая головой, словно прислушиваясь к словам ученика, отзвучавшим, но не исчезнувшим совсем, затем шевельнулся. В глазах Филина отразилась глубокая грусть, он сказал чуть слышно:

— Такие вещи нельзя понять. Разум бессилён. Как можно познать водную стихию, не будучи рыбой, как узнать силу пламени, ни разу не обжегшись? Лишь рожденный в степи знает, что это за счастье, видеть золотые переливы травы, ощущать задиристую игру ветра, купаться в изливаемых светилем горячих лучах. А бесконечная чаша небосвода, пронзительно синяя в полдень, багровеющая к вечеру, и слепящая сонмом звезд ночью!

Мычка с замиранием смотрел на наставника. Он видел его и в гневе и в радости, но такой пронизывающей тоски не замечал. Словно подземник рассказывал не о диковинных краях, а делился чем-то глубоко личным, обычно скрытым от сторонних глаз за маской уверенности и спокойствия.

Внезапное понимание ослепило, смешало мысли. Наставник не стремился напугать, или поразить ученика небылицами, не пытался внушить трепет и страх впечатлительному юнцу, он просто рассказывал то, что чувствовал, выплескивая в словах накопившуюся на душе горечь и боль. Мычка задохнулся от нахлынувших чувств, настолько остро вдруг ощутил бесконечную скорбь учителя, вскричал:

— Почему же ты до сих пор здесь? К чему дом, шкуры, уединенная жизнь, если это лишь пути на ногах и руках, не позволяющие вернуться? Как можно жить, зная, что где-то тебя ждет счастье, и все что нужно — всего лишь... вернуться?

Филин повернул голову. Блики догорающих в очаге поленьев превратили лицо наставника в причудливую маску, не то растекшуюся в подобие жуткой улыбки, не то кривящуюся в вымученном оскале. До Мычки донеслось чуть слышное:

— Решившись уйти, не стоит возвращаться, даже если позади тебя ожидают все блага мира. Если же там не осталось ничего, кроме остывшего пепла, не стоит возвращаться тем более.

Огонь вспыхнул и погас. Рассыпались, затрещали угольки. Донесся усталый полу-вдох полу-стон. Скрип топчана потонул в шуршанье шкур, и все стихло.

ГЛАВА 2

Повеяло теплом. Высоко в небе, плохо различимые за раскидистыми кронами сосен, потянулись косяки птиц. С каждым днем солнце задерживалось на небосклоне все дольше. По утрам сияющий краешек светила возносился над верхушками деревьев все раньше, а вечерами опускался в глубь леса немного позже обычного.

Мир наполнился жизнью. Засуетились птицы, в предчувствии теплых дней, запищали веселее, громче. Оживилась мелкая лесная живность. Рыжими мохнатыми комками по веткам скачут белки, распушив хвосты, надолго замирают, греясь в набирающих силу теплых лучах. В поисках коры деловито бродят зайцы, еще белые, но на боках уже проступили первые серые шерстинки — предвестники лета. Глубоко в берлогах, скрытые от глаз, зашевелились беры. Время хозяев леса еще не пришло, но уже подходит к концу накопленный с осени жир, а ноздри подергиваются, ощущая пробивающуюся под снежное одеяло весеннюю свежесть.

Укрытые пологом ветвей, сугробы еще свежи, блистают холодной белизной искорки-снежинки, величаво возвышаются венчающие кусты тяжелые снежные шапки. Но весна неумолима. Там, где ветви недостаточно плотно переплетены, где в оставшиеся пятна просвета устремляются лучи солнца, сугробы исходят проплешинами, проседают, не в силах сопротивляться всеокрушающей мощи светила.

Уже журчат скрытые от глаз ручьи, исподволь подтачивая питающую снежную плоть. Деревья оживают, загустевший в морозы сок разжижается, бежит по ветвям, питая зародыши веточек и листы, а под корой, упрятанные глубоко в древесину, пробуждаются толстые личинки, шуршат, старательно выгрызая все новые и новые ходы, чтобы к моменту, когда придет время превращения, в досталь набраться сил.

Филин как будто и не заметил изменений, все также кутался в шкуры, и, всякий раз, выходя наружу, кривился, будто делал нечто неприятное, или невероятно мерз. Мычка смотрел на наставника со смешанным чувством удивления и жалости. Весна — чудесное время. Душа ликует, исполненная сладости волнующих чувств. И не усидеть, даже если по горло дел, а снаружи непролазная грязь из набрякшей от влаги земли и остатков снега.

Мычка днями пропадал в лесу, забыв о тренировках. В очередной раз вернувшись под вечер, натыкаясь на укоряющий взгляд наставника, он спохватывался, клятвенно обещал себе взяться за меч с самого утра. Однако, наступало утро, Мычка исчезал из дома, а оружие оставалось на прежнем месте, лишнее в царящем снаружи празднике жизни.

Прислушиваясь к затихающим вдали шагам, Филин лишь качал головой. Там, где он жил когда-то, времена года менялись не столь ярко, можно даже сказать — почти незаметно. Однако, был молод и он, и странное головокружение и волнение крови переживал не раз. Потому подземник не препятствовал ученику, лишь время от времени, выходя за охапкой-другой веток взамен сгоревшим, пристально вглядывался в сугробы. И всякий раз его губы кривились, а в глазах отражалась печаль, будто вместе с исполненной жизни и радости весной приближалось нечто гнетущее, но неизбежное.

И вот день настал. Поднявшись с утра, Филин вышел из дома, долго стоял на пороге всматриваясь в разбросанные тут и там остатки сугробов. Его лицо потемнело, а под глазами залегла сеть морщин. Подземник закрыл глаза, долго стоял, словно принимая нелегкое решение, затем тяжело вздохнул. Веки медленно поднялись, лицо разгладилось, он повернулся, решительно шагнул обратно.

Мычка с удивлением взглянул на наставника. Что-то в лице подземника неуловимо изменилось. Он пристально всматривался в знакомые до боли черты, не в силах понять, отчего вдруг защемило сердце, а в груди возникло и разрастается предчувствие невосполнимой потери.

Сглотнув, Мычка произнес с тревогой:

— Что-то случилось?

Филин взглянул на ученика, сказал со значением:

— Я вижу, ты собираешься на прогулку. Подожди, нам нужно поговорить.

Непривычная торжественность, с какой наставник произнес слова, удивили. Однако, заплечный мешок уже оттягивает руки, а в груди зудит ставшее уже привычным стремление оказаться один на один с лесом. Мычка нетерпеливо передернул плечами, сделал шаг к двери, с трудом сдерживаясь, чтобы не выскользнуть из дома, оставив нудные наставления на потом. Но что-то в интонациях подземника удержало. Мычка вздохнул, вернувшись, уселся на топчан, застыл в ожидании.

Филин кивнул, словно и не ожидал другого, шагнул к постели, рывком приподнял крышку. Мычка невольно вытянул шею, пытаясь заглянуть через плечо наставнику. Тот никогда не открывал сундук в присутствии ученика. Мычка же никогда не пытался заглянуть внутрь, хотя сундук не запирался, а хозяина часто не бывало. И хотя неоднократно возникал соблазн посмотреть хотя бы глазком, Мычка отметал даже возможность воспользоваться доверием отшельника. К тому же... что интересного может хранить затерянный в лесу охотник: потрепанные шкуры, старый засапожный нож?

Филин продолжал рыться в ящике и мысли отвлеклись, потекли в прежнее русло. Перед глазами замелькали деревья, зеленые островки едва проклюнувшейся травы, ноздри наполнились свежестью влажных испарений. Мышцы ног начали невольно подрагивать, будто уже несут хозяина через многочисленные ручьи и сучья, пальцы рук сжались на невидимом, но осязаемом древке лука. Вот белым пятном в кустах замерцал заяц. Рука дрогнула, потянулась к стреле.

— Ну вот и все.

Голос отшельника ворвался в мир грез, разметал, разрушил иллюзию. Мычка встрепенулся, подпрыгнул, готовый куда-то бежать и что-то делать, но, наткнувшись на пристальный взгляд учителя, снова сел, со вздохом повернул голову и замер. На столе, что вот только был пуст, громоздится куча вещей, совсем небольшая, но, стоило лишь увидеть, и взгляд не оторвать.

— Что это? — Мычка было подался к столу, но превозмог любопытство, остановился, и даже повернул голову в противоположную сторону, хотя глаза упорно не желали терять сокровища из виду, и едва не выпали из орбит.

Учитель улыбнулся.

— Не пытайся делать вид, что не интересно. Вижу же, сейчас от любопытства лопнешь.

Мычка стремглав бросился к столу, навис, пожирая глазами открывшуюся картину. Рукояти мечей, ведь он уже их видел... Да, вот знакомая щербинка, а тут потертость. Сами клинки не видны, спрятанные в кожаных чехлах такой выделки, что кружится голова. Чехлы соединяются хитрым переплетением ремней с заклепками и тесьмой в нечто на столько удивительное и удобное на вид, что хочется примерить прямо здесь, не сходя с места!

А это? Уже знакомая защита от веревки лука. И не одна! Сразу две, на обе руки. Тут же лежит лук. Два мотка тетивы. Из свернутой трубой шкуры торчат охвостья стрел. Но как же их много! Засапожный нож. Ну, это привычно. Хотя... если приглядеться. Лезвие намного длинней и качественней чем все, что довелось видеть ранее.

С трудом удерживаясь, чтобы не сгрести все разом, щупая, трогая, изучая, Мычка поднял глаза, захлебываясь от восторга, спросил:

— Что, что это такое? Откуда? И... почему ты не показал раньше?

Довольный произведенным эффектом, Филин добродушно произнес:

— Раньше было не ко времени.

— А сейчас? — Мычка подхватил нож, повернулся к оконцу, любясь игрой света на лезвии.

— А сейчас время пришло.

Проскользнувшие в голосе наставника нотки заставили насторожиться. Мычка повернул голову, замедленно спросил:

— Время для чего?

— Я учил тебя тому, что умею сам. Признаюсь, далеко не всему, чему бы мог. Однако, и того, что ты уже знаешь, хватит с лихвой. По крайней мере, на первое время...

Филин сделал паузу. Не улавливая, к чему клонит учитель, Мычка повторил эхом:

— На первое время? Я не понимаю.

Лицо подземника мучительно искривилось, словно слова давались с огромным трудом. Он произнес глухо:

— Я уже достаточно стар, чтобы путешествовать по миру, но есть ряд обязательств, требующих участия. Часть из них я могу позволить себе не выполнять, однако другие должны быть воплощены. И в этом поможешь мне ты.

Палец наставника уперся в грудь. Мычка вновь ощутил, как от предчувствия неизбежного заныло внутри. И хотя понимание окатило холодом, он попытался отодвинуть неизбежное. Улыбнувшись, Мычка воскликнул с деланной радостью:

— Тебе понадобилась моя помощь? Это же прекрасно! Что нужно сделать?

Однако, наставник не принял игры. Его лицо потемнело, а голос посуровел.

— Не стоит лицемерить, глядя в глаза неизбежности. Я спас тебя однажды, выкормил, обогрел, научил многому. И хотя ты отвратительно занимался, а под конец и вовсе стал прогуливать тренировки, я ни разу не пожалел о принятом решении. Но все когда-то кончается. Я остаюсь, ты уходишь.

Мир покачнулся. В глазах защипало, а комната размазалась, поплыла. Горло перехватило спазмом, так что вместо голоса он смог выдать лишь едва слышный шепот:

— Но, почему?

Филин сделал отстраняющий жест, продолжил:

Прежде, чем ты последний раз переступишь порог этого дома, я попрошу об услуге. Скажу сразу, это будет не самое легкое задание, возможно, невыполнимое. Я надеюсь, ты хотя бы попытаешься. Хотя, ни заставить, ни проследить у меня не будет возможности, да и желания тоже. И вполне может статься, что, едва дом скроется из виду, я исчезну из твоих воспоминаний раз и навсегда. Ты готов выслушать, или предпочтешь сперва собрать вещи?

Мотнув головой, Мычка буркнул нечто невнятное, выметнулся наружу. Скопившись, слезы прорвали запруды, заструились по щекам, оставляя мокрые соленые дорожки. Он побрел, не разбирая пути. Под ногами чавкала грязь, острые кончики веток цеплялись за одежду, оставляли царапины на щеках. Но Мычка не обращал внимания. Где-то внутри, под сердцем, поселилась глухая боль, настолько сильная, что все прочее померкло, отступило на второй план.

Как такое могло случиться? Почему? Чем он настолько рассердил наставника, что тот решил его выгнать? Конечно, где-то в глубине души он знал, чувствовал — рано или поздно придется расстаться. Хотя бы на время. Ведь он не видел семью с начала холодов, да и отшельник, привыкнув к одиночеству, от жизни с заполошным юнцом под боком наверняка устал. Но ведь не так, не сразу. Словно в лоб приложили тяжелым засовом для ворот, отчего голова до сих пор гудит, а в глазах мутится. Можно было предупредить заранее, подготовить, смягчить...

Мычка поморщился, чувствуя, что переходит некую запретную грань. Как бы ни было тяжело, мужчине не пристало жаловаться, тем более — лить слезы. Мир полон разочарований, и лишь глупец может рассчитывать на жизнь без боли и мук. Наставник опытный воин и мудрый человек, вернее, подземник, хотя... какая уж тут разница. Он не говорит не подумав, и не принимает решений без нужды. И если вопрос поставлен ребром, значит назрела необходимость, даже если кому-то так не кажется, а если уж быть совсем честным — кажется вовсе наоборот.

В ушах вновь зазвучал голос учителя, вспомнились последние слова. Мычка встрепенулся. Увлеченный жалостью к себе, он выпустил из виду главное. Наставник попросил о помощи! Его, жалкого отщепенца, сумевшего потеряться в родном лесу, едва не погибшего в деревне рыбаей, не сумев вовремя разобраться в местных обычаях. Конечно, тогда многое казалось странным, а то и вовсе невероятным: рыбалка вместо охоты, прирученные волки, настороженность и злость к чужим... да и само существование "чужих".

Воспоминания заставили улыбнуться. Насколько глуп он был, как изменился. Всего спустя зиму он превратился из юнца в настоящего охотника. И, хотя, наставник наверняка посмеется, решишь он произнести подобное вслух, отличия все же есть, есть. Настроение заметно поднялось. Будущее уже не казалось зловещим, а расставание виделось лишь временной разлукой. Он вернется, он обязательно вернется. Лишь только повидает семью, побывает в родной деревне, а главное — выполнит задание. Не может не выполнить. Ведь не зря он вложил столько труда, занимался с наставником, лучше которого, если подумать, нет бойцов во всем лесу.

Еще совсем недавно он даже и предположить не мог о существовании оружия, технике боя, столь удивительной и смертельной одновременно. Считал охотников племени величайшими бойцами. И вот, лишь выйдя за ограду, наткнулся на такого воина, что страшно подумать. И это почти рядом с деревней, можно сказать — рукой подать! А что будет

дальше? Если верить наставнику, а сомнений в его словах с каждым днем становится меньше, за лесом существуют другие земли, другие люди, дикие звери. Кого можно встретить там!?

Открывшиеся внутреннему взору горизонты ошарашили, захлестнули, заставив задохнуться от восторга и ужаса. За спиной будто выросли крылья. Мычка пошел назад, побежал, полетел, не чуя ног, в страстном желании увидеть учителя, рассказать, поделиться осознанным, пока сложившаяся картинка еще свежа, а мысли не расползлись, вернувшись к привычной ленивой вялости.

Мычка обнаружил Филина почти в той же позе, что и оставил. Подземник стоял, скрестив руки на груди, задумчиво глядя в пространство. Услышав хлопок двери, он повернул голову. Мычка заметил, как изменилось лицо наставника, словно тот без слов понял, догадался что происходит с учеником. Улыбнувшись, Филин шагнул на встречу, взял Мычку за плечи, взглянув в глаза, произнес:

— Можешь ничего не говорить. Я знаю, ты все понял правильно. Да если бы и не понял сейчас, дошел бы чуть позже. Не мог не дойти! — Он указал на стол. — Я сложил тебе снеди на два дня, оружие и защита готовы. Пока примерь перевязь и колчан, они твои друзья надолго, я же поясню просьбу.

Мычка помедлил. От волнения сводит скулы, на языке, отталкивая друг друга, вертятся выпранные слова, но все, даже самые значимые, лишь слабое отражение, бледная тень бушующих чувств, что не передать ничем. Он перевел взгляд на стол, затем на учителя, вновь посмотрел на разложенные по столешнице вещи. В этот важный миг, когда чувства оголены, как обнажившиеся от мяса кости, любые сборы кажутся неуместными. Однако, учитель спокоен, в глазах понимание.

Собравшись с силами, Мычка шагнул к столу, принялся неловко перебирать подарки. Но взгляд наставника поддерживает, ободряет. Сведенные до судороги, мышцы расслабились, движения стали плавней, а губы разошлись в улыбке. Пока пальцы ласкают и гладят кожу чехлов, перебирают древка, слух улавливает каждое слово, а разум усваивает, раскладывает услышанное по дальним уголкам памяти.

— На востоке, неподалеку отсюда, живет значимый для меня человек. Для начал ты должен отыскать его, и поговорить.

Не отрываясь от занятия, Мычка хмыкнул:

— Найти, побеседовать... Не вижу сложностей, а... что за человек?

— Родственник. — Верно расценив заинтересованный взгляд вершинника, Филин покачал головой. — Родство дальнее, можно даже сказать — формальное, так что схождения не жди.

Мычка кивнул, вернувшись к занятию, поинтересовался:

— Что дальше?

— Дальше вам нужно попасть в город.

Проверяя, насколько туго затянуты ремни, Мычка поводит плечами, спросил:

— Что такое город?

— По сути, та же деревня, только намного, намного больше.

Отрегулировав высоту и расположение колчана за спиной, Мычка на мгновение задумался. Перед внутренним взором предстала родная деревня. Мысленно достроив еще с десяток домов, Мычка кивнул.

— Это понятно. Дальше что?

— Дальше тебе надлежит найти нужный дом. Это будет не просто. К счастью, у меня осталась карта, что должно упростить задачу.

Проверив, легко ли вынимаются стрелы, Мычка уточнил:

— А что в доме?

— В доме ваш путь завершится. Компаньон останется на руках у родни, а ты сможешь пойти на все четыре стороны.

Мычка повернул голову, взглянул с удивлением. Почему-то казалось, что данное подземником задание должно быть необычайно трудным. Услышанное же укладывалось в элементарные действия: дойти, взять, отвести. Подобное можно доверить и ребенку. Конечно, он не откажется, и даже приступит к делу с большим чем когда-либо рвением, но все же, все же...

Похоже, сомнения отразились на его лице столь ясно, что Филин фыркнул, сказал:

— Вижу, ты чем-то озадачен

Мычка помялся, размышляя, стоит ли высказывать сомнения, но все же сказал, осторожно подбирая слова:

— Я с радостью сделаю все, но... не слишком ли это просто?

Филин пожал плечами.

— Вполне может быть. Особенно, для такого подготовленного бойца, как ты.

Мычка нахмурился.

— Ничего такого я не имел в виду. Но, пройти, поговорить, довести... Должны же быть и какие-то сложности. Или... я чего-то не вижу?

Филин пожал плечами вторично.

— Сложности действительно есть, не много, но есть. — Заметив торжествующий взгляд ученика, подземник кивнул. — Да, да. Тебе не откажешь в проницательности. Итак, сложностей две. Первое — тот, о ком я говорю, вряд ли пойдет с тобой по собственной воле. Конечно, допускаю, что ты столь красноречив, что парой слов сможешь переубедить даже самого упертого пещерника, но не предупредить не могу. Придется поднапрячься.

Мычка кивнул. Хотя он и не очень понял, что имелось в виду под словом "пещерник", ситуация казалась ясна. Ничего удивительного, в том, что любой, кто давно живет в одном и том же месте, не спешит срывать, пускаясь в авантурные путешествия лишь по одному слову незнакомца. Придется применить все красноречие. Но это лишь первое, а что второе?

Верно истолковав вопрос в глазах ученика, Филин продолжил:

— Вторая сложность в том, что город не близко.

— Насколько не близко?

Филин нахмурился, вдруг став очень серьезным, сказал негромко, но так, что от его голоса по спине разбежались мурашки:

— Тебе придется покинуть лес.

ГЛАВА 3

В который раз за день Мычка ощутил в животе неприятный холодок. Выйти из леса... В памяти разом воскресли многочисленные рассказы наставника о лежащих за лесом диковинных землях. Обычно, в фантазиях эти земли были полны солнца и ярких красок, но сейчас, в преддверии расставания, разом потемнели, наполнились сумраком и угрозой. Пришло запоздалое понимание. Так вот для чего наставник все это время учил его, едва не силой вбивая смертоносные навыки! Он знал, что рано или поздно, ученику предстоит отправиться в путь, и учил, как только мог, чтобы в момент встречи тот оказался готов.

Но, готов к чему? Неужели там, за лесом, жизнь настолько страшна, что требуется в совершенстве овладеть не одним видом оружия, чтобы лишь только прикоснуться к неведомому? Может тогда лучше и не пытаться? Если сам Филин, опытный боец и охотник, не желая рисковать сам, отправляет на верную гибель подобранного в лесу парня?

Ужас нахлынул и отступил. Мир вновь заполнился светом. Устыдившись мгновенной слабости, Мычка опустил голову. Как он мог заподозрить наставника? В груди вновь зазудело, но на этот раз от стыда. Разрываясь от противоречивых чувств, Мычка поднял голову, и хотя это стоило огромного усилия, прямо взглянул подземнику в глаза, сказал твердо:

— Неприятно чувствовать страх, но еще более неприятно ему потворствовать. Признаюсь честно, очень не хочется уходить из родных мест, но... я выполню твою просьбу. — К горлу подступили рыдания и голос прервался. Собравшись с силами, Мычка договорил: — Единственно... еще не весь снег сошел, и путешествие будет не из легких. Может... стоит отложить, дожждаться теплых дней, и тогда, двинуться налегке, не опасаясь глубин скопившейся в ямах воды и холода ночи?

С последними словами надежда вспыхнула вновь. Мычка неотрывно глядел в глаза наставнику, с таким страстным отчаяньем, с каким утопающий хватается за самую мелкую щепу, лишь бы оттянуть миг, когда холодная пучина сомкнется над головой. Но лицо подземника осталось непроницаемым, и Мычка потупился. Искра надежды мигнула и погасла, заструился и истаял дымок упования, угли подернулись пеплом безнадежности.

Сухим и отстраненным голосом Филин произнес:

— Долгие сборы — тяжелое прощанье. Вещи собраны, ты готов. Осталась лишь малость.

Подземник запустил руку за пояс, извлек нечто похожее на свернутую трубкой полоску коры, развернул. Хрустнуло. Мычка с удивлением узрел пожелтевший прямоугольник, всмотрелся в заполнившие пространство черточки и пометки, поднял глаза на наставника.

— Что это?

— Это карта. Один из районов города. Я не буду углубляться, объясняя детали. Пока не увидишь сам — все равно не поймешь. А к тому времени, когда увидишь, объяснения выветрятся из памяти. Единственно, что нужно запомнить наверняка — эту пометку. Это дом родни и конечная точка твоего пути. Повтори.

Отмеченный на карте значок, в отличие от прочих, оказался обведен жирной чертой, и не требовалось особых усилий, чтобы запомнить сказанное. Мычка пожал плечами, повторил:

— Это конечная точка и дом родни.

Филин кивнул. Осторожно свернул карту, тщательно обвязал тесьмой, после чего протянул со словами:

— Спрячь подальше и постарайся не потерять. — Заметив сомнения в глазах ученика, он нахмурился, сказал с нажимом: — И не надейся на память. Что бы ты там не напредставлял о городе, в реальности все окажется совсем не так. И вот еще...

Упрятывая карту, Мычка ненадолго отвлекся, а когда повернул голову, взгляд наткнулся на лежащую на ладони наставника блестящую полоску желтого металла, свернутую в круг. С одного боку полоска расширена, бугрятся мелкие выступы. Приглядевшись, Мычка охнул от удивления. Бугорки и ямочки, на первый взгляд разбросанные без всякого порядка, оказались изображением не то неведомого зверя, не то и вовсе демона. Отраженный в металле лик смотрит сурово и требовательно.

Филин протянул руку.

— Возьми. Этот знак покажет, что ты пришел от меня, а не просто придумал красивую историю.

Осторожно забрав вещь, Мычка произнес с восхищением:

— Невероятно красиво, для чего эта вещь?

Филин отмахнулся.

— Пустышка, украшение. Топорная работа посредственного мастера. В мире существуют намного, намного более прекрасные вещи. В нашем случае имеет значение лишь изображение. — Заметив, что вершинник потащил кольцо за пазуху, Филин поморщился, сказал с отвращением: — Экая темень. Да на палец, на палец надень! Потеряешь.

Покраснев, Мычка принялся примерять кольцо, удивляясь, как такая простая мысль не пришла сразу. С третьей попытки удалось пристроить украшение на безымянный палец. Отодвинув руку, Мычка повертел ладонью, любуясь отблесками света, сказал с восторгом:

— Даже если в этом нет никакого смысла, все равно, вещь невероятно красива.

Филин поморщился, отозвался ворчливо:

— Может и так, да только, как из леса выйдешь, шибко не красуйся. Там и за меньшее голову снимут, не то что... И последнее. Дорога тебе в деревню рыбарей. Как зайдешь, ищи скособоченный дом. Он отдельно стоит, на отшибе, возле излучины. Найти не сложно, спутать трудно. Когда идти — твой выбор, но лучше по темну. Местные чужих не приваживают. — Он хмыкнул. — Да ты и сам знаешь. Ну а потом на юг.

Мычка ненадолго задумался, сказал:

— Деревни попадаются редко. Города больше деревень, а значит попадаются еще реже. Но, не случится так, что я приду не туда?

Филин кивнул, сказал с одобрением:

— Хороший вопрос. Тот город отличается от разбросанных окрест селений, как бер от белки, он гораздо, гораздо больше. Но главное не это. Город лежит у подножия скалы. Огромная одинокая гора, с источенной пещерами почерневшей сердцевиной. Едва увидишь — поймешь о чем речь. — Он помолчал, сказал в раздумье: — Вроде, ничего не забыл. Ах, да, спутника твоего Зимородком кличут. Ну а теперь...

Подземник подался вперед, обхватив ученика, крепко прижал к груди. Не ожидав подобного проявления чувств от наставника, Мычка застыл, прислушиваясь к разливающемуся в груди ощущению спокойствия и уверенности. Все будет хорошо. Даже если это последняя встреча, и они никогда больше не увидятся. Благословление наставника всегда будет с ним, что бы ни произошло.

Отстранившись, Филин вновь стал привычным, таким, как и всегда, скептически скривив губы, произнес насмешливо:

— Иди уже, а то корнипустишь.

Мычка вздохнул. Последний жест наставника оказался той самой малостью, коей не хватало, чтобы привести душевное равновесие в норму. Мир вновь наполнился красками, а мучительное чувство потери отступило, превратилось в грусть, легкую и прозрачную, словно одинокое облачко в ясный день.

Заплечный мешок занял привычное место, рука вновь прошлась по телу, проверяя, насколько хорошо закреплено оружие, не спутались ли ремни, как плотно сидят в колчане стрелы. Но даже убедившись, что все в порядке, пальцы вновь и вновь касались одежды. Ощувив, что оттягивает неизбежное, Мычка опустил руку, поспешно вышел из дома.

Наставник вышел следом, остановился в дверях. Мычка обернулся, чувствуя, как из глубин вновь поднимается волнение, поспешно сказал:

— Я ухожу, но обязательно вернусь. Раньше или позже, мы вновь увидимся. А теперь... прощай.

Он развернулся, поспешно зашагал, лопатками ощущая взгляд учителя. Дом уже давно скрылся, деревья окружили плотной стеной, но Мычка не оглядывался, словно боялся, что стоит повернуть голову, и ноги сами понесут назад. Упрямо наклонив голову, и закусив губу, он шел и шел.

А позади, возле дома, вперив взгляд в пространство, стоял Филин. Плечи подземника поникли, взгляд затуманился, а у переносицы залегли глубокие складки. Парнишка, которого он когда-то спас, а затем научил почти всему, что знал сам, с каждым мгновением удаляется от дома, унося с собой частичку души. Он и сам не заметил, как успел полюбить простого, где-то бестолкового, но удивительно прямого и честного вершинника.

Ученик ушел, вернулось одиночество, от которого за последнее время он успел отвыкнуть. Закончилась шумная возня с оружием, лес больше не потревожат крики досады и вопли радости. И то, о чем он забывал все это время, с головой окунувшись в наставничество, вновь возникает из небытия: бесплотные тени прошлого, глухая безнадежность, и неизбывная тоска. Ученик ушел, и больше не вернется, не смотря на все заверения и клятвы. Но, даже, если случится невероятное, и, преодолев все препятствия, заматерев, Мычка придет вновь, умудрившись в быстротечном потоке жизни выкроить частичку времени, то наткнется лишь на тишину и запустение. Потому, что люди не живут одни, потому, что тяжким грузом давит прошлое, потому, что чудес не бывает.

Сгорбившись, словно разом постарев на десяток лет, Филин повернулся, замедленно вошел в дом. Затих скрип половиц, сухо стукнула дверь, и только стрекот сидящей на ветвях сороки нарушал снизошедшую на лес тишину.

Ноги пружинящим шагом несут вперед, легко перепрыгивают ручьи, обходят корни, осторожно ступают по краешку заполненных водой ям. Перевязь с оружием приятно давит на плечи, поскрипывают кожей ремни. Облеченные в защитный панцирь наручей, руки ощущают стеснение, но это не страшно, гораздо приятнее возникающее чувство защиты, когда, даже если со всей дури ударить по стволу, почти не чувствуешь боли.

Двигаясь по лесу, Мычка дышал полной грудью, вкушая пугающее, и, одновременно, пьянящее чувство свободы. Не привычной, расслабленной, когда, закончив дела, бродишь по лесу, свободный от обязательств, а той, собранной и целеустремленной, когда идешь к цели без понуканий и угроз, шаг за шагом, ведомый лишь внутренним чувством долга за данное когда-то слово.

Воспоминания о родных нахлынули с новой силой. Лишь по прошествии времени, находясь на большом расстоянии от дома, он ощутил насколько не хватает всего того, на что не обращал внимания, пока не потерял: лица друзей, уют родного дома, ужин в кругу семьи. Захотелось вернуться прямо сейчас, увидеть улыбки на лицах, ощутить радость, когда они увидят, что он не просто жив и здоров, но и прибавил в силе, раздался в плечах. К тому же есть о чем рассказать и чем похвастать. У кого еще в деревне есть оружие подобное луку, а уж о мечях и говорить нечего!

В груди заскребло, а зубы заныли от мучительного желания, повернуть прямо сейчас. Он знает куда идти. Тут не далеко, да и не долго, всего-то глазком взглянуть. А потом, с легким сердцем отправиться по поручению. Днем раньше, днем позже — какая разница? Мычка замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Кусая губы, замер, разрываемый мучительной борьбой.

Задумавшись, он невольно поднял руку, проверяя оружие. Пальцы нащупали рукоять, обняли. Перед внутренним взором возник лик наставника, взглянул с насмешкой. Мышцы невольно напряглись, а по спине разбежались мурашки. Картинка вспыхнула и исчезла, и, одновременно, спали невидимые оковы желания. Мычка замедленно провел рукой по лбу, стирая капельки пота, вздохнул с облегчением. Ведь он только что едва не предал учителя!

Пальцы коснулись оружия раз, другой, ласково пробежались по рукояти. Прощальное напутствие учителя, до поры до времени дремлющее в смертельном металле. Что это, волшебство, о котором умолчал подземник? Некое хитрое заклятье, вовремя подавляющее ненужные сомнения исполнителя, или просто память? В любом случае, напоминание лишним не стало. Конечно, учитель его не видит, а родные и духом не чувят о данном слове, но легче от этого не становится. Достоинство не требует сторонних свидетелей, а себя более чем достаточно, чтобы потом, когда пройдет эйфория, совесть загрызла насмерть.

Обгоняя ноги, мысли унеслись вперед, туда, где, отгороженный от леса заостренными кольями, а от свободы толстыми бревнами стен, в ожидании томится будущий попутчик. Кто он, дальний родственник Филина? Неужто простой парень, как прочие, добывающий пропитание рыбалкой, а в свободное время бездумно шатающийся по деревне или сидящий на лавочке?

Картинка возникла настолько пугающе яркая, что Мычка поспешно замотал головой, прогоняя морок. Нет, такого просто не может быть. Любой, в ком течет хоть капля крови подземников, как назвал свое племя Филин, просто обязан быть похож на учителя, пусть отдаленно, пусть не статью и силой, но уж побуждениями и образом жизни точно.

Желудок заворочался, заурчал тягуче и требовательно. Ноги замедлились, а рука потянулась к заплечному мешку, где, проложенное травами, ожидает поджаренное мясо, но, дрогнула, опустилась. Усилием воли Мычка отбросил мысли о еде, упрямо нагнув голову, зашагал дальше. Время прошло не так много, а есть хочется не настолько сильно. Нужно успеть за день дойти до деревни рыбарей, а с набитым брюхом далеко не уйдешь. Тем более, точно не известно, сколько именно придется идти. И хотя деревня вряд ли расположена далеко, лучше дойти налегке: быстрее, легче... да и безопаснее. Мало ли что попадется на пути, а сытость заметно притупляет внимание и замедляет реакцию.

Мычка шел, привычно вслушиваясь в шорохи и стуки, поглядывал по сторонам, время от времени с силой вбирал ноздрями воздух, пытаясь уловить хотя бы намек на приближение деревни. Однако, ничего не менялось. Лес оставался девственно чист, без малейших следов топора или черных проплешин кострищ, отовсюду доносилась беличья трескотня и птичьи

трели, а воздух полнился запахами сырости и хвои.

Мысли истаяли, убаюканные равномерной походкой, улеглись опасения. Мычка погрузился в близкое к дремотному состояние, какое возникает, когда приходится долго идти. И хотя взгляд по-прежнему шарит вокруг, а ноги то и дело переступают ямы и валежины, сознание сворачивается, уходит вглубь, где дремлет, готовое мгновенно развернуться, чтобы оценить надвигающуюся опасность и подготовить тело к действию. Бывалый охотник может таким образом идти долго, не выказывая усталости, и лишь под вечер, остановившись на ночлег, с удивлением ощутить, как ноют утомленные переходом мышцы.

Впереди поднялось темное, замаячило угрожающей тенью. Вздогнув, Мычка остановился, пригнулся, готовый к сопротивлению. Впереди, в десятке шагов, возвышается частокол, заостренные колья грозят небу почерневшими зубами. Уши дернулись, а ноздри зашевелились. Миг, другой, и мышцы расслабились, а на губах заиграла улыбка. Ленивый брех псов, негромкая речь людей, терпкий запах рыбных отбросов. Он нашел искомое. За околицей, безмятежная и сонная, раскинулась деревня рыбаей.

ГЛАВА 4

Мычка поднял горсть хвоинок, подбросил, проследив за падением, с удовлетворением кивнул. Ветерок со стороны деревни, что весьма кстати. Потомки волков — псы, хоть и живут рядом с человеком, но нюх не потеряли. Будет неприятно, если его заметят раньше необходимого. И хотя жители деревни вряд ли пойдут проверять, кого именно учуяли собаки, лучше отойти, но сперва...

Мычка крадучись подошел к ограде, выбрав одну из многочисленных щелей прикинул глазом. Взгляд заскользил, отмечая знакомую картину: покосившиеся избы, груды рыбьей чешуи и костей, оставшиеся от вырванных с корнем древесных великанов заполненные водой ямины. Он был здесь почти половину цикла назад, и всего седмицу, но сердце защемило. Здесь он встретил новых, удивительных людей, познал блистающую вершину всепоглощающего чувства к женщине, и черную бездну предательства.

Отбросив неуместные воспоминания, Мычка сосредоточился, отыскивая нужный дом, но среди ближайших изб ничего похожего не заметил. Брови дрогнули, сошлись на переносице, но тут же вернулись на место. Мычка хлопнул себя по лбу, вспомнив что именно говорил наставник, двинулся вдоль ограды, для верности отступив на десяток шагов.

Каждую сотню-другую шагов он останавливался, прикинул к очередной прорехе между жердей, осматривался, после чего шел дальше. Когда впереди замаячила река, а нужной избы так и не появилось, он занервничал, остановился, в досаде кусая губы. Что случилось, ведь

он точно следовал указаниям? Или, за прошедшие циклы село увеличилось, расползлось, и дом, что по ту пору находился на окраине, теперь нужно искать ближе к центру? А быть может все намного проще? Дальний родственник Филина неспешной жизни в деревне предпочел свободу и приключения, и уже давно покинул селян, а дом за ненадобностью растащили на дрова.

Пока пальцы нервно теребили ремни перевязи, взгляд скользил вокруг, время от времени возвращаясь к блестящей ленте реки, пока не остановился, замороженный серебристыми переливами бегущего по камням потока. Под спудом скованных оцепенением мыслей возникло смутное воспоминание, и чем дальше он смотрел на воду, тем яростнее зудело под черепом. Пытаясь поймать ускользающую мысль, Мычка подошел к самому берегу, окинул взглядом русло.

Река выходит из леса. Ближайший участок прямой, как древко стрелы, лишь возле противоположного конца деревни водный поток изгибается, круто уходит в сторону. Мычка покачал головой, коря себя за ненужную поспешность. Объяснение оказалось настолько очевидным, что даже странно, как не пришло в голову сразу. Развернувшись, Мычка зашагал в обратном направлении. На этот раз подглядывать в щели не требовалось и он быстро достиг нужного места.

Ограда здесь почти развалилась, и зияла здоровенными прорехами, так что не пришлось даже искать подходящую для наблюдения щель. Брошенный через дыру мимолетный взгляд мгновенно выхватил дом, точь-в-точь такой, как описывал Филин. Все что было нужно, так это сразу направиться сюда, а не бродить вокруг деревни, пытаясь отыскать избу там, где ее никогда не было.

Удовлетворившись осмотром, Мычка отошел обратно в лес, отыскав место посуше, присел, а затем и прилег. Солнце пошло на закат, но до полноценной тьмы осталось изрядно времени. Мелькнула шальная мысль не терять понапрасну время, а зайти в дом прямо сейчас. Мысль показалась настолько удачной, что Мычка вновь поднялся. Однако, поразмыслив, вернулся на место. Хоть дом и стоит на отшибе, поблизости могут оказаться селяне. Но, даже если не окажутся, деревня как на ладони: ни дерева, ни холма. Чужака заметят, стоит лишь миновать ограду. К тому же не стоит забывать о псах, если на том конце села он находился с подветренной стороны, то здесь потомки волков живо учуют, поднимут лай.

Представив, как на поднявшийся шум выскакивают обитатели деревни, собравшись скопом, надвигаются, Мычка передернул плечами. Конечно, сейчас он совсем не тот парнишка, доверчивый и простой, что половину цикла назад впервые ступил за ворота, он многое изучил, еще большее понял, но, даже сейчас, он не горит желанием вступать в кровавую схватку. Наставник не раз говорил: убивать своих — зло. Жители деревни, как ни крути, вовсе не свои, но и назвать их чужими язык не поворачивается. Странные, суровые, непонятные, но... не чужие. Просто не свои.

Окончательно успокоившись, Мычка вновь лег, примостившись так, чтобы кочка из пожухлой травы оказалась под головой, прикрыл глаза, наслаждаясь отдыхом. Птичьи трели, шорох снующего в ветвях мелкого зверья, поскрипывание деревьев убаюкивают, навевают умиротворение, отчего глаза закрываются сами собой.

Солнце зашло, из потайных уголков леса выползла тьма, заволокла все вокруг серыми тенями. Открыв глаза, Мычка некоторое время таращился вокруг, пытаясь понять, почему вместо завешанных шкурами стен напротив топорщатся ветви кустарника, а когда вспомнил,

лишь тяжело вздохнул. Ушедшие на день, тяжелые мысли вернулись вновь, в груди защемило, а глаза предательски щипало.

Борясь с накатившей печалью, Мычка вытащил из мешка кусочек мяса, забросил в рот, почти не жуя, сглотнул, вытащил следующий. Разохотившись, он развязал мешок, принялся есть обеими руками, ощущая, как в тело вливаются силы, а вместе с силами поднимается и настроение: одиночество отступает, печаль растворяется без следа, и даже окружающая тьма как будто редет, становится светлее и ярче.

Закончив, Мычка забросил изрядно полегчавший мешок за плечо, тщательно осмотрелся, проверяя, не забыл ли чего, провел рукой по перевязи и лишь тогда, успокоившись, покинул место привала. Не смотря на приближение тепла, ночью изрядно холодало, и Мычка зябко поводил плечами, пока не разогрелся от ходьбы. Оставалось радоваться, что не пришлось тут же и ночевать. Огонь вблизи деревни разводить не стоило, а без живительного тепла пламени ночь под открытым небом показалась бы мало приятной.

Черной стеной поднялась околица. Легко преодолев полуразвалившуюся ограду, Мычка остановился, напряженно вглядываясь и прислушиваясь к малейшим шорохам, не ощутив опасности, двинулся к темнеющему пятну дома. Сперва он шел не скрываясь, во весь рост, но, по мере приближения к дому, движения стали плавней, шаги мягче, так что, оказись кто рядом, заметил бы лишь скользнувшую мимо беззвучную тень.

Хрясь! Взвзвываясь словно из неоткуда ветвь сломалась с жутким грохотом. Мычка замер, ощутив легкий приступ дурноты. В вязкой тишине звук показался неестественно громким. Сейчас захлопают двери, послышится брань, что очень быстро сменится нарастающим топотом. Медленно, очень медленно, Мычка опустил на землю, отполз, замер, как напуганная ящерка.

Сердце стучит так, что рядом подпрыгивают мелкие камушки, в ушах звенит, а перед глазами плавают темные пятна. Как он мог не заметить? Ведь не шел — стелился, едва не руками ощупывая землю впереди: только бы не шумнуть. И вот случилось непоправимое. Теперь осталось лишь убраться, подобру-поздорову, чтобы попробовать вновь позже, ближе к утру, а то и на следующую ночь. Однако, почему так тихо? Ни голоса, ни скрипа, лишь грохот сердца, да вялый перегав собак.

Мычка осторожно приподнялся, повертел головой, набравшись смелости, встал, готовый сигануть к околице. Но время идет, ничего не происходит. Он сделал шаг, другой, вздохнул с облегчением. Похоже, он не так уж и нашумел. У страха велики глаза и уши, вот и почудилось, будто бы уронил дерево, а на деле... Хотя, возможно дело в другом, и местные просто-напросто не обращают внимания на подобные мелочи. Стоит только вспомнить, сколько пришлось колотиться в дверь, когда он попал сюда впервые. Если, стуча в полную силу, он смог привлечь внимание лишь спустя продолжительное время, что говорить о меньшем.

Мычка ощутил задор, взмахнул руками раз, другой, подпрыгнул. Ничего. Все та же тишина вокруг, хоть бы кто окликнул. Жители будто вымерли. Не особо скрываясь, он обошел вокруг дома. Никого. Мелькнула шальная мысль. Если сон деревенских так крепок, почему бы не навестить старых знакомых? Взглянуть хоть глазком. Тем более, идти не так уж далеко.

Пока разум сомневался, отыскивая подходящие отговорки, ноги уже направились в нужную сторону. Черными пятнами мимо проплывают избы, заостренными зубьями грозят околицы. Мычка шел по деревне со смесью страха и восторга в душе: прислушиваясь,

оглядываясь, приносиваясь. Никогда раньше он не бродил вот так, тайком, боясь быть узнанным. Казалось странным, но кроме острого чувства опасности он ощущал и задор, необычный, но удивительно приятный, подобный тому, что испытываешь, подкрадываясь к устроившемуся на ночлег зверю. И в том и в другом случае особой опасности нет, можно легко уйти, начать сначала, но обостренные до предела чувства и предельная настороженность доставляют такое неизъяснимое наслаждение, что хочется продолжать снова и снова, сливаться с миром, оставаясь незримым, бесшумным, незамеченным.

А вот и нужный дом, где, исполненный надежд, он стоял, разговаривая с самой прекрасной в мире девушкой. Забор, откуда они вместе, рука в руку, направились на прогулку, что кончилась так внезапно, и так... неожиданно. Руки предательски задрожали, Мычка остановился, с трудом справляясь с нахлынувшими воспоминаниями. Вслед за воспоминаниями пришли сомнения. Хочет ли он увидеть ее вновь, взглянуть на прекрасное лицо, в глубокие как небо глаза, ощутить аромат тела? Проснутся ли былые чувства вновь, или обманутые надежды обернутся черной всежигающей ненавистью?

Отбросив сомнения, он рывком перепрыгнул через ограду, прыжком достиг крыльца, приник к двери ухом. Ни звука. В глубине дома тишина, сквозь ставни не пробивается свет. Хозяева спят, или просто никого нет дома. А если никого нет, может, стоит уйти, не терять понапрасну время?

Отмахнувшись от трусливой мысли, Мычка случайно задел дверь. Скрипнуло, из открывшегося проема пахло теплом и уютom. Мычка мгновение смотрел, не веря в удачу, не дожидаясь, пока дверь затворится, шагнул внутрь. Не зря, не зря он решил пройти по деревне. Чутье не обмануло, приведя хозяина ко входу в нужный момент: ни раньше, ни позже. И не важно, почему дверь оказалась не заперта, забывчивость ли тому виной, или кто-то намерено не стал задвигать засов, ожидая ночных гостей.

Мычка прошел через сенцы, остановился, обратившись в слух. Если снаружи отвлекали посторонние звуки, то здесь, за надежными стенами, можно расслышать даже малейший шорох. Но в глубине по-прежнему тишина. Он тронул дверь, страстно желая лишь одного — чтобы петли оказались смазаны, иначе придется уходить, и отнюдь не вразвалочку.

Дверь отошла беззвучно. С облегченьем выдохнув, Мычка заглянул в дом. Небольшая комната: лавки, стол, кровать. В очаге тускло тлеют угли, отбрасывая вокруг багровые отсветы. Никого. Хотя, нет. На кровати, накрытый шкурой, лежит хозяин, вернее, хозяйка. Сердце застучало сильнее, а спина увлажнилась. Мычка замер, не зная, что делать. Девушка, хоть и не смотрит на дверь, но движение заметит наверняка. Или не заметит?

Мычка сделал крохотный шаг, затем еще, остановился, переводя дыхание. Девушка по-прежнему недвижима. Возможно, хозяйка дома просто задумалась, и вот-вот отвлечется, поведет взглядом, заметив незваного пришельца. А может все намного проще, и, утомленная делами, она просто спит? Мычка приблизился, остановился в шаге.

Так и есть, глаза закрыты, грудь равномерно поднимается и опускается, в такт дыханию. С тех пор, как они виделись последний раз, девушка ничуть не изменилась, наоборот, лишь похорошела. Волосы стали ярче, ресницы изогнулись, а губы припухли, словно бутон цветка, что вот-вот распустится, лишь только лепестков коснется первый солнечный луч. А каков запах! От чудесного аромата ее тела сводит скулы, в животе зажигается пламя, растекается по телу, отчего мышцы все сильнее дрожат, а руки тянутся, в безумном желании прикоснуться, обнять, прижать со всей силы, чтобы не отдать никому и никогда.

Хлопнула калитка, под тяжелыми шагами захрустел песок. Мычка застыл, вслушиваясь

в звуки. Шаги все ближе, вот хруст прервался, заскрипели половицы крыльца. В груди похолодело, мысли взвились стайкой испуганных птиц. Куда бежать, что делать? В тесной комнатухе не спрятаться. Окна заперты ставнями, и в оставшиеся мгновенья их не открыть. Метнуться в дверь? Но с кем он столкнется на выходе, и будет ли гость один, или за калиткой ожидают еще несколько человек?

Пометавшись, взгляд остановился на кровати. Крепкие резные ножки достаточно высоки, чтобы внизу разместился человек, сбоку, почти касаясь пола, свисает шкура. Не мешкая, Мычка рыбкой скользнул на пол, забился под кровать, а мгновением позже дверь распахнулась. Переводя дыхание, Мычка прислушался. Человек прошелся по комнате, уверенно и спокойно, как может лишь частый гость или близкий родственник, присел на кровать.

Мычка скосил глаза. Край шкуры низок, толком не рассмотреть, но и увиденного достаточно, чтобы понять — в гости пришел мужчина. Сапоги, дыхание, а главное — запах, тяжелый запах мужского пота. Мычка нахмурился, присутствие в доме чужака неприятно задело, но, вспомнив, как именно пробрался сюда он сам, закусил губу. Его не ждали, а вот чужака, судя по раздавшимся сверху звукам, ждали, и ждали сильно.

Прислушиваясь к доносящейся с кровати возни, Мычка ощутил озноб, щеки запылали, возникло сильнейшее желание провалиться сквозь землю, ужом скользнуть в щель меж половицами, только бы не слышать жаркого шепота и сладких стонов, что становились все громче. Вскоре к возне присоединилось ритмичное поскрипывание, и Мычка почувствовал, если немедленно не уйти, он сотворит нечто страшное, такое, о чем после будет сожалеть. Но это будет после, а сейчас...

Стиснув зубы, и зажмурившись, только бы не слышать невыносимых звуков, Мычка пополз, сдавая задом. Однако, ноги уперлись в преграду. Ощупав препятствие, Мычка убедился — не пройти. Остался лишь один выход. Мягко, едва шевелясь, Мычка сдвинулся вбок, перебирая всем телом, как гусеница, выдвинулся из-под кровати. В бок уперлось твердое. Сапоги! Рискавая быть обнаруженным, Мычка осторожно отодвинул сперва один сапог, затем другой, пополз дальше.

Под руку попала россыпь рыбных костей. Засохшие острые кончики впились в кожу. Кривясь и морщась, Мычка продолжал ползти, проклиная хозяев, что не удосужились вымести половицы. Дверь все ближе. Тело изгибается, двигаясь в непривычном и оттого особенно неудобном режиме. Мышцы немеют, а уши забивает доносящийся с кровати жаркий шепот вперемешку с деловитым сопеньем, отчего в голове мутится, а кровь вскипает с такой яростью, что мир погружается в красное.

С трудом соображая, Мычка выбрался в сенцы, оперся о стену, переводя дыхание, но звуки страсти настигли, проникли в уши, погнажи. Не в силах вынести кошмар, он выскочил наружу, с трудом преодолел забор, и побежал, сжимая голову с такой силой, словно череп вот-вот расколется, не в силах выдержать происходящего. Ноги запутались в брошенной сети. Мычка упал, но не стал выпутываться, пополз. Лишь когда силы оставили окончательно, он свернулся, обхватив руками плечи, застыл, придавленный отчаяньем, тяжелым и черным, как царящая вокруг ночь.

Слабый ветерок треплет волосы, от ледяного холода земли занемели ладони. В черепе слабо ворочаются мысли, бессильные и полные муки. Зачем он пошел в этот дом? Что хотел увидеть? Для чего разбередил давно зарубцевавшиеся раны? Почему не прислушался к мудрости наставника, прожившего и пережившего намного больше? Ведь не зря Филин

говорил: уходя — не возвращайся, даже если тебя ждут, если же не ждут — не возвращайся тем более.

Кто его здесь ждал, кто помнил? На что он рассчитывал, возвращаясь туда, где уже раз предали? Или, все дело в том, что со временем плохое забывается, отходит на задний план, а в памяти остается лишь светлое и хорошее? Мышцы сковало холодом, преодолевая сопротивление, рука поползла вверх, пальцы коснулись рукояти меча, обхватили, сдавив с такой силой, словно где-то там, в оружии, кроется заложенная учителем спасительная мудрость.

Легче не стало, но движение порождает жизнь, и вслед за одной рукой к оружию потянулась другая. Задвигались ноги, сперва вяло, как с трудом шевелится замерзшая за ночь бабочка, но затем все быстрее и истовее. Мычка замедленно встал, с силой втянул ноздрями воздух. Медленно, но верно, в тело вернулась жизнь, а в душу умиротворение. Не сложилось... что ж, не страшно. Он больше не будет мучиться, пытаюсь воскресить духов прошлого. Все пройдет, нужно лишь смело идти вперед, не боясь и не сожалея.

Отряхнувшись, и поправив оружие, Мычка двинулся назад, к дому, где, в ожидании путешествия, уже давно изнывает дальний родственник учителя — его будущий спутник.

ГЛАВА 5

Мычка подошел к дому, с ходу толкнул дверь. Не смотря на внешнюю решимость, в глубине души до конца тлела искра сомнений: что если хозяина не окажется дома, или, будучи не в настроении, он попросту не станет открывать? Однако, дверь легко распахнулась, и Мычка выдохнул. Хозяева дома, а это значит все идет, как надо. Дело за малым: представиться, озвучить волю Филина, подождать, пока хозяин подготовится, а лучше помочь, подсказать, что взять, а что оставить. Ведь не каждый день приходится собираться в дальнюю дорогу, и дельный совет бывалого путника будет не лишним.

То, что совсем недавно он сам не отходил от родной деревни дальше полудня пути, Мычку не смущало. Ведь главное — начать, даже если вовсе не собирался, и путешествие оказалось вынужденным. Ощущая себя опытным путешественником, Мычка разулся, не торопясь, спокойно, вошел в комнату, всячески подчеркивая степенность и достоинство.

Обычная обстановка, настолько привычная, что взгляд не задерживается, скользит в поисках главного: стол, лавки, топчан, скрючившаяся фигурка у очага, вход в соседнюю комнату... Глаза прошли по комнате раз, другой, заметались, не обнаружив фигуры хозяина, что, конечно же настолько высок и широкоплеч, что просто нельзя не заметить.

Ощувив досаду, Мычка невольно хмыкнул. Фигура у очага вздрогнула, шевельнулась. Раздался задущенный полу-вдох полу-воплъ.

— Кто ты, и что делаешь в моем доме?

Высокий, прерывающийся от волнения голос, мешковатая, не по размеру, одежда, бледный овал лица. Руки и ноги скрываются в ворохе шкур, но то, что доступно взгляду,

выглядит на удивление хрупким, словно хозяин долго и мучительно болел. Мычка поморщился. Он готовился говорить с охотником, а вместо него попался подросток. Как ни хочется, но придется объяснять, хотя бы для того, чтобы узнать, куда на ночь глядя делся его будущий спутник.

Стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно, Мычка произнес:

— Я Мычка, лесной охотник, пришел, чтобы пообщаться с Зимородком. Подскажи, где его найти?

Собеседник скрестил руки на груди, стараясь сделать это неспешно, но Мычка заметил, как дрожат пальцы, комкая шкуру на плечах.

— Откуда ты знаешь Зимородка, и что за дело?

Ощувив раздражение, но по-прежнему оставаясь подчеркнуто вежлив, Мычка произнес:

— Зимородка я не знаю, вернее, знаю, но лишь понаслышке. А что касается дела — тебе это будет не интересно. Так где же он, ушел на охоту, уплыл на рыбалку, или ненадолго отлучился и скоро будет? Скажи, и я более не буду докучать, уйду.

— Ты можешь уйти прямо сейчас, чем сильно меня обяжешь, — процедил собеседник, глядя подчеркнуто мимо гостя. — А Зимородку... я передам. Хотя вряд ли ему это будет интересно.

Раздражение прорвалось, Мычка подался вперед, схватив подростка за подбородок вздернул, прошипел:

— Я знаю, у вас не принято привечать гостей. Но, не перегибай. Мое терпение тоже не безгранично.

От резкого движения голова хозяина мотнулась, звякнув, отлетел гребень, до того уложенные в сложный узел, волосы растрепались, заструились по плечам черным ручьем. Огромные, наполненные страхом глаза взглянули бездонными черными колодцами, рот приоткрылся, обнажив ровные белые зубки. Острый вздернутый носик, изящные раковины ушей, тонкие, но удивительно чувственные губы... Девушка!

Мычка невольно отшатнулся, ошарашенный превращением, уставился, не зная, что сказать. Не смотря на заметную дрожь, девушка вздернула носик, бросила гневно:

— Да как ты посмел? Ты, ты... — Ее взгляд сместился. Глаза, и без того расширенные, увеличились еще. — Нечисть лесная!

Мычка чертыхнулся, закусил губу. Опять эти песни о лесной нечисти. И где они только понабрались? Каждый встречный, едва заметив его уши, начинает блажить на весь лес. Не исключение и эта, хоть и молодая, но в чем-то весьма симпатичная девчушка. Вот она открыла рот, набирая воздуха для крика, отчего грудь, до того едва заметная, приподнялась, выпятилась небольшими холмиками. Сейчас сюда сбежится если не вся деревня, то уж ближайшие соседи точно. И будет сложно растолковать, что он не хотел ничего плохого, да и зашел-то всего на чуток.

Рука метнулась вперед, пальцы плотно легли на рот, не позволяя вскрикнуть. Подавившись воздухом, девушка зашлась кашлем, задержалась, вырываясь. Пытаясь удержать, Мычка прижал хозяйку дома к стене, продолжая зажимать рот одной рукой, вторую поднес к губам, процедил:

— Да уймись ты!

Девушка несколько раз дернулась, промычав нечто невнятное, затихла. Удивленный подобным послушанием, Мычка пристально взглянул девушке в глаза, подозревая подвох, отвел руку, готовый в случае чего вернуть ладонь на место. Однако, девушка молчала. Ее

лицо приобрело озадаченное выражение, а глаза уставились в одну точку.

— Откуда это у тебя? — она коснулась безымянного пальца.

Мычка поднял руку, с некоторым удивлением воззрился на кольцо, о котором за прошедший день уже успел позабыть, произнес:

— Это Филина кольцо... — Осекшись, взглянул с подозрением, поинтересовался: — Тебе-то что за дело?

— Блестит красиво, — огрызнулась девушка.

Мычка покачал головой, сказал с удивлением:

— И что с того, что блестит? Толку-то все одно нет.

Девушка фыркнула, сказала с презрением:

— Что б ты понимал! Много таких вещей за жизнь-то видал, нет? То-то и оно.

Мычка опешил. Девушка мало того, что не проявляет страха, так еще и отчитывает. Столь вызывающее поведение не вызвало восторга, слишком юна и неопытна, чтобы командовать. С другой стороны, лучше так, чем безумная паника и полный ненависти истощенный визг. Скупно улыбнувшись, он произнес примирительно:

— Вообще-то оно мне без надобности. Подарил бы, да для дела нужно.

— Больно надо! — вновь фыркнула девушка. Однако тут же поинтересовалась: — А что за дело?

Мычка помялся, раздумывая, стоит ли говорить, прислушался, пытаюсь уловить шаги приближающегося хозяина, но так ничего и не услышав, сказал:

— Понимаешь, мне нужно найти человека по имени Зимородок. Его дальний родственник, Филин, попросил отвести парня в город, а чтобы не возникло сомнений, передал кольцо, по которому тот сможет понять, что я не вру.

Девушка сказала с высокомерной гримаской:

— Чтобы понять, что ты не врешь, никаких колец не надо. С такой простой рожей какие хитрости? Только с чего Филин взял, что я куда-то собираюсь идти?

Мычка открыл и закрыл рот. Эта девчушка и есть пресловутый родственник Филина? Нет, этого не может быть. Ведь учитель говорил, что... Мысли путались, лезли одна на другую, в попытке воссоздать слова наставника. Но, сколько Мычка не мучился, так и не смог вспомнить, чтобы Филин хоть раз обмолвился что за родственник живет в деревне по соседству: парень или девушка. Это он сам, потворствуя желанию, придумал спутника, в деталях воссоздал образ будущего друга, кем был вскоре стал, не мог не стать, тот, в ком течет кровь суровых воинов подземья. И вот теперь, когда мечты развеялись, он не знает что делать.

Мычка продолжал тарашиться на девушку, а перед внутренним взором стояло лицо Филина с насмешливо изогнутыми губами и озорной хитринкой в глазах. Даже после расставания, оставшись далеко позади, в затерянном среди леса домишке, наставник продолжал посмеиваться над учеником. Мычка бы не удивился, узнай, что именно в этот момент Филин держится за бока, с трудом сдерживая распирающий смех, и раз за разом прикладывает к глазам тряпицу, промокая набежавшие слезы восторга.

Словно понимая, что творится в душе у гостя, девушка поглядывала искоса, вкладывая в мимолетный взгляд столько яда, что Мычка, как ни противился нахлынувшему чувству беспомощности, ощущал себя последним глупцом. В наступающем сумраке паники мелькнуло светлое пятно воспоминаний. Последняя оговорка учителя. Мычка напрягся, вспоминая сказанное дословно. Паника ушла, страх отступил, вновь ощутив уверенность,

Мычка пристально взглянул на хозяйку дома.

Ощувив перемену, та занервничала, покосилась с великим подозрением, не понимая, почему губы гостя, только что кривившиеся от обиды и растерянности, вдруг разошлись в злорадной улыбке.

— Собирайся. — Мычка произнес это настолько холодно и отстраненно, что поразился сам себе. На всякий случай повторил чуть мягче: — Собирайся, и возьми с собой самое необходимое: вещи, оружие, еду. Остальное, как бы ни было жалко, оставь, потому как...

— Что-о? — Глаза Зимородка округлились. — Ты кем себя возомнил? Думаешь, если Филин тебе дал кольцо, то можешь мной как угодно распоряжаться? А ну пошел отсюда, пока соседей не позвала! Мигнуть не успеешь, как прибегут, да дурь повышибут.

Фыркая, как рассерженная лесная кошка, она наступала, сопровождая каждое слово резким жестом, так что, не смотря на превосходство в росте и силе, Мычка невольно пятился, как пятится бер, хозяин леса, от защищающей гнездо водяной крысы. Пытаясь успокоить взбешенную девушку, он забормотал:

— Постой, погоди... Разве, ты не хочешь вырваться из тесных стен дома?

— Не хочу.

— Ведь за околицей деревни лежит огромный удивительный мир!

— Мне и тут неплохо.

— Бескрайние просторы леса, неизвестные создания, незнакомые люди...

— Односельчанами сыта по горло, еще не хватало чужих.

Слова Зимородок звучали зло и хлестко, так что с каждым разом Мычка говорил все тише, сникал, девушка же наоборот, преисполнялась довольства, расцветала на глазах. Щеки порозовели, глазки мерцают жизнью, а губки приоткрылись и припухли, надолго приковывая взгляд.

Чувствуя, что проигрывает, Мычка воскликнул в муке:

— Но ведь в твоих жилах течет кровь великих воинов! Неужели тебе нравится жить в этой проклятой деревне, где от леса отгораживаются забором, а кроме ловли и заготовки рыбы нет других занятий?

Хозяйка дома помедлила с ответом. Ее лицо омрачилось, а в глазах метнулась глубоко упрятанная тоска. Затаив дыхание, Мычка с надеждой смотрел, как стремительно сменяются эмоции. Еще немного и она уступит. Вот уже брови сошлись на переносице, и губы искривились в горькой усмешке. Ну же, соглашайся!

Усилием воли Зимородок отбросила сомнения. Взгляд вновь стал снисходительным, а лицо надменным, когда она процедила:

— Я устала от бесплодной беседы. Ты просто смешон. Уходи, и уходя немедленно.

Мычка обескуражено развел руками, опустил голову на грудь. Он побежден, раздавлен. Еще немного, и возомнивший себя охотником, глупый юнец покинет дом, снедаемый стыдом и жалостью к себе. Чтобы больше никогда не показываться на глаза людям. Спина сгорблена, руки повисли безвольными плетями, а волосы упали на лицо, скрывая пылающие пятна щек.

Хозяйка ликует, празднует победу над дикарем. И это к лучшему. Увлеченная торжеством, она не замечает, как подобралось тело гостя, как из глаз ушла тоскливая муть, а взгляд стал холодным и оценивающим. Рывок. Короткий и быстрый. Стоящая напротив надменная девушка еще только начинает догадываться, что что-то пошло не так, но дело сделано... вернее, будет сделано спустя мгновенье.

Зажав рот, Мычка дернул хозяйку дома на себя, развернул спиной. Та сдавленно ойкнула, затрепыхалась, пытаясь вырваться. Однако успела лишь слабо дернуться. Кровать метнулась навстречу, лицо уткнулось в мягкое. Она замычала, попыталась укусить, но рука на удивление быстро исчезла, зато сверху немилосердно надавило, вжав в шкуры так, что стало тяжело дышать. Зимородок скрючила пальцы, махнула, рассчитывая попасть наглицу в глаза, но руки прижало к спине, запястья обожгло, сдавило чем-то мягким, но удивительно прочным.

Сопrotивляясь, она совсем забыла про ноги, а когда вспомнила, щиколотки оказались туго стянуты. Чувствуя себя спеленатой, как попавшая в паутину муха, Зимородок до хруста в шее вывернула голову, попыталась крикнуть. Но в тот момент, когда воздух почти вырвался из легких, рот забило чем-то на удивление гадостным, и вместо крика получилось лишь сдавленное мычанье. Она еще некоторое время дергалась, стараясь разорвать путы, но лишь выбилась из сил. От отчаянья и беспомощности на глаза навернулись слезы, потекли, унося страх и горечь.

Мычка отошел от кровати, где слабо шевелится спутанная по ногам и рукам хозяйка, с облегчением выдохнул. Короткая борьба со слабой женщиной вымотала больше чем продолжительная охота. Не смотря на строгий наказ учителя, он не чувствовал за собой полного права так обращаться с девушкой, это ослабляло решимость и отнимало душевные силы, и без того подвергнувшиеся тяжелому испытанию за сегодняшний вечер.

Он в растерянности осмотрелся, не зная, что делать. По-хорошему, сейчас нужно собрать вещи, хотя бы самые необходимые, и как можно скорее покинуть дом, пока какой-нибудь припозднившийся сосед не заглянул на огонек. Но, легко сказать — трудно сделать. В своем-то доме не всегда сразу найдешь нужное, хотя наперед известно где что лежит. В чужом же можно провести добрую часть ночи, не отыскав и половины необходимого.

Взгляд упал на стоящий в дальнем углу ларь. Повинуясь наитию, Мычка подошел к ящику, откинул крышку. Сложенные ровными квадратами рубахи и штаны тонкой кожи, несколько сыромятных ремней, украшенные узорами платки из неизвестного, но удивительно приятного на ощупь материала. Перебирая вещи, Мычка кивал, нужное отбирал в сторону, остальное складывал стопочкой. Как он изначально и предполагал, полезных вещей оказалось совсем мало, зато все прочее, бестолковое и аляпистое, высится огромной кучей.

Краем уха прислушиваясь к доносящемуся с кровати мычанью, что, с каждой отложенной вещью становится все громче и надрывнее, Мычка отыскал в одном из углов мешок, собрал отобранные вещи, остальное побросал в ларь, захлопнул крышку, после чего вздохнул с явным облегчением. Осталось совсем немного — добрать съестного. Конечно, у него еще осталось мясо, да и дичи в лесу никогда не поздно наловить... Но зачем ловить, если есть уже готовое?

Он двинулся к кладовке, отделенной от остальной комнаты тонкой перегородкой, некоторое время гремел горшками и мисками, затем появился, удерживая под мышкой заметно потяжелевший мешок. Оставив мешок возле кровати, Мычка вышел в сенцы, повозившись, вернулся с ворохом одежды и обуви.

Перевернув хозяйку в удобную для одевания позу, и получив за это злобный высверк глаз и очередную порцию мычания, Мычка принялся деловито примерять обувь. Зимородок дергалась, изгибала ноги, всячески мешая процессу, но Мычка ухитрился приладить обувку, так что она лишь замычала обиженно и горько.

С одеждой оказалось сложнее, на скрученные за спиной руки теплая рубаша не лезла, тем более не лезли на связанные ноги штаны. Мычка задумался. Оставлять девушку как есть, в тонкой рубаше и штанах, значит наверняка застудить, развязывать же — подвергать себя ненужному риску. Скорая на решения, хозяйка дома не упустит случая сбежать, и уж тогда, пылая мстью, неминуемо приведет с собой половину села. Представив озлобленную, толком не пришедшую в себя со сна толпу, Мычка передернул плечами. Что ж, если не получается по-хорошему...

Он мельком оглядел девушку, затем покосился на мешки, пробормотал задумчиво:

— Что-то больно всего много получается. Хоть и не хочется, но придется сделать так...

Он потянулся к перевязи, принялся распускать шнурки. Глядя на его действия, девушка замерла. С шорохом соскользнул плащ, скособочилась, упала перевязь. По мере того, как распускались тесемки, глаза девушки становились все больше. Когда, освободившись от оружия, Мычка вдруг приблизился, Зимородок жалобно заскулила, поползла, извиваясь всем телом. Но ее подхватило, вздернуло. Потолок и пол поменялись местами.

Пока, сотрясаясь всем телом, и тяжело дыша, хозяйка дома приходила в себя, вновь оказавшись на кровати, Мычка деловито укладывал перевязь, стараясь разместить оружие таким образом, чтобы ничего не потерялось, а в случае чего вовремя оказалось под рукой. Закончив, он вышел в сенцы, вернулся уже обутый, забросил на левое плечо перетянутые бечевой мешки, перевязь и плащ, постоял в раздумье.

— Ну вот и все. — Он скупно улыбнулся. — Думал, буду собираться дольше. Но у тебя порядок, так что получилось быстрее.

Чувствуя приближение неминуемого, Зимородок вновь замычала, затрепыхалась изо всех сил, но Мычка не обратил внимания. Присев, вершинник аккуратно подхватил хозяйку дома за талию, пристроил на плечо, и вышел из дома.

ГЛАВА 6

Пока шли по деревне, Мычка старался двигаться как можно тише. И хотя он удостоверился — привлечь внимание селян можно разве свалив на одну из ближайших к лесу изб дерево, или запалив сарай, привычка к осторожности брала свое.

Когда околица осталась за спиной, а вокруг темной стеной вознесся лес, Мычка перестал таиться, пошел шибче, не обращая внимания на хрустящие под ногами шишки и мелкие веточки. Если уж его не обнаружили в деревне — в лесу не найдут и подавно. Слабый ветерок, шныряющий меж деревенских изб, исчез, не в силах пробиться сквозь подлесок, но не смотря на полную неподвижность воздуха, теплее не стало. Поднявшись от земли, ночной холод сперва нежно хватал за пальцы, игриво покусывал кончики ушей, но, разохотившись, полез за шиворот и в рукава, так что мелкие волоски на теле вздыбились, а кожа покрылась крупными пупырышками.

Лежащий на плече сверток по началу брыкался и мычал, стараясь вывернуться всеми

силами, но со временем успокоился, затих. Ощущая плечом и рукой едва заметное дрожание пленницы, Мычка радовался, что перед выходом догадался завернуть ее в шкуры, ведь если он согревается за счет ходьбы и тяжелой ноши, Зимородок лишена и этой простенькой возможности.

Он несколько раз останавливался, складывал девушку на землю, отдыхал, восстанавливая силы, затем подхватывал спутницу и шел вновь. Однако, путешествие по ночному лесу не самый удачный способ перетаскивать тяжелый груз. Шаги становятся все короче, а ноша тяжелее, сердце же бьется так, что, кажется, еще немного и выпрыгнет из груди.

Шаг, другой. В ушах шумит, а перед глазами прыгают силуэты деревьев. Ноги налились тяжестью, ляжки мешков глубоко врезались в левое плечо, а правое и вовсе ничего не чувствует. Поначалу легкая, девушка с каждым шагом становится все тяжелее, давит, гнет к земле, и лишь сверхнапряжение всех мышц позволяет продолжать путь. Хотя... какой это путь? Если взглянуть со стороны, он ведь едва передвигается, с трудом переставляя ноги. Кому все это нужно, зачем?

Мычка остановился, покачнулся, чудом удержавшись на ногах. Мешки полетели на землю, девушка последовала следом лишь чуть-чуть медленнее. Донесся негодующий вспик. Мычка рухнул следом, застыл, ощущая невероятное блаженство. Отдыхая от напряжения, мышцы приятно ноют, в висках затихают молоточки, а снежное пятно, попавшееся как нельзя кстати, приятно холодит лицо, остужая пылающие щеки и лоб.

Где-то далеко, на самом пределе слуха, раздается исполненное ярости, требовательное мычанье. Наверное, нужно что-то сделать, но так не хочется. Лежать бы и лежать, растворяясь в ночной тиши, наслаждаясь отдыхом и прохладой. Но мычанье не прерывается, становится все громче, все раздраженнее, зудит над ухом надоедливой мошкой.

Мычка повернул голову, некоторое время смотрел на дергающийся, словно огромная гусеница, сверток, со вздохом поднялся, постоял, ощущая прикипевшие к плечам невидимые, но тяжелые камни. Двигаться не хочется, но... надо. Разожженный напряжением огонь в груди скоро погаснет, и на его место должен прийти огонь рукотворный, что согреет, отпугнет хищников, создаст посреди сурового леса пятнышко уюта и тепла. К тому же он теперь не один.

Кряхтя и морщась, Мычка принялся собирать веточки и сучья. Случайно, или руководствуясь чутьем, он остановился на возвышении, так что вокруг оказалось достаточно сухого хвороста. Непродолжительное усилие, и вот уже робкие язычки пламени скачут по былинкам, с остервенением вгрызаются в податливое дерево, матереют, набираются сил.

Замерший при первых потрескиваниях огня, сверток вновь зашуршал, задергался. Успев забыть о спутнице, Мычка охнул, принялся поспешно развязывать путы. Шкуры рассыпались, обнажив драгоценную сердцевину, сверкнули гневом глаза. Мычка залюбовался лицом девушки, в сером сумраке ночи ставшим загадочным и исполненным тайны. Однако, едва закрывающая рот повязка ослабла...

— Скотина, подлец, гнусный лесной червь!

Исполненный ярости и обиды вопль ударил по ушам, заметался под кронами. От неожиданности Мычка отшатнулся, едва не угодив в костер, однако кончики пальцев все же обожгло. Он зашипел, затряс рукой, охлаждая обожженное место.

— Так тебе и надо! — бросила Зимородок злорадно. — И это только начало.

Дуя на обожженные пальцы, Мычка поинтересовался:

— А что будет дальше?

Девушка хмыкнула, ответила с непередаваемым презрением:

— А дальше придут мои соплеменники.

— С чего бы?

Мычка удивился настолько натурально, что девушка поперхнулась, сверкнула глазами, подозревая подвох. Но спутник терпеливо ждал, и она усмехнулась, сказала едко:

— Сейчас ночь, свет виден далеко окрест. Соседям, что уже ищут меня, разбуженные криками, нужно лишь подойти на огонь. А ты настолько глуп, что развел костер, даже не задумавшись, чем это грозит.

С интересом глядя на спутницу, Мычка задумчиво произнес:

— Насколько я успел заметить, твои сородичи не большие любители соваться в лес. Одна изгородь вокруг деревни чего стоит.

Девушка фыркнула:

— А человеку в здравом рассудке и незачем ходить в лес. Но, учитывая обстоятельства, они конечно пойдут. Обязательно пойдут.

Последние слова она произнесла без особой уверенности, и Мычка лишь грустно улыбнулся. Его соплеменники пошли бы на поиски товарища, не взирая на время и погоду, даже если за всю жизнь до того не перекинулись и парой слов. Но в родной деревне Зимородок, судя по всему, дело обстояло вовсе не так. Хотя, быть может, это всего лишь кажимость, и вялые в обычное время, жители деревни поднимаются, как один, лишь только одному грозит опасность?

Мычка пожал плечами, сказал нейтрально:

— Что ж, наверное ты права. Думаю, стоит притушить огонь.

Он потянулся, принялся разгрести ветви. Зимородок на мгновение опешила. Успев хорошенько продрогнуть, она с жадностью впитывала волны тепла, для чего специально подползла как можно ближе к огню. И вот, едва стала согреваться, как этот дикарь всерьез собирается затушить пламя!

Добавив в голос как можно больше яда, она процедила:

— Трус! Ты готов мерзнуть, и... морозить меня, лишь бы не встретится с карающей дланью моих односельчан!

Мычка покивал, сказал с убеждением:

— Ты — молодец. Правильно сказала — огонь привлечет преследователей. Вот я и стараюсь, тушу... А холод — что холод? Лучше быть замерзшим, но живым.

В ночной тиши послышался далекий заунывный вой. Начавшись на низкой ноте, усилился, набрал мощь, но вскоре сошел на нет. При первых звуках Зимородок встрепенулась, завертела головой, в глазах метнулся страх.

— Что это? — произнесла она едва слышным шепотом.

— Где? — Мычка повертел головой, взглянул с непониманьем.

— Ну, этот жуткий вой?

Мычка вытащил из костра веточку, задумчиво покачав, резким движением воткнул в землю, затушив огонек, откликнулся:

— Собаки.

— Собаки? — Зимородок распахнула глаза. — Что ты несешь, нечисть? Как будто я собак не слыхала. Они рычат совсем по-другому.

— Собаки, — повторил Мычка нараспев, словно пробуя слово на вкус. — Только не

ваши, прикормленные, а настоящие, лесные.

Неотрывно следя за руками вершинника, что загасил очередную ветвь, и потянулся за следующей, девушка спросила с испугом:

— А эти собаки... опасны?

Мычка закатил глаза, некоторое время морщил лоб, сказал в раздумье:

— Кому как. К примеру беру, хозяину леса, они не страшны. Опять же, лосю. Он хоть и мирный, но сил столько, что лучше не трогать. Но если найдут охотника одиночку... — он бросил мимолетный взгляд на девушку, — или даже двух — нападут неминуемо. Особенно в темное время и без огня.

Сглотнув так громко, что Мычка вздрогнул, Зимородок прошипела:

— Так зачем ты, нечисть бестолковая, ветви гасишь?

Мычка уставился на спутницу, сказал с величайшим удивлением:

— Так ведь погоня на хвосте. Как не гасить?

Девушка задергалась так, что взметнулась хвоя, зашептала, едва сдерживая слезы:

— Развяжи руки, немедленно развяжи, вершинник проклятый! Развяжи, кому сказала.

Мычка помедлил, но девушка дергалась так отчаянно, что не выдержал, сжалился. Потянувшись, он дернул за тесьму, хитро завязанный узел распался, освобождая пленницу. Та немедленно кинулась сгребать ветви, бросать в костер, не обращая внимания на то, что руки затекли, и сучья большей части валяются из пальцев. Лишь когда пламя взметнулось в рост человека, отбросив тьму далеко вокруг, а от жара начали слезиться глаза и сворачиваться волосы, она успокоилась, замерла, протягивая к огню руки и неотрывно глядя в глубину костра.

Мычка искоса наблюдал за девушкой, но, сколько не пытался, не мог обнаружить сходства с наставником. Отбрасываемые пламенем, отблески непрерывно мечутся по лицу, отчего черты смазываются, двигаются в странном танце, не позволяя сосредоточиться, ухватить суть. Еще мгновение назад казалось — рядом сидит точная копия наставника: тот же разрез глаз, те же черные, как смоль, волосы, очертания губ, но вот пламя вспыхивает, и... наваждение исчезает. Напротив, созерцая бесконечный танец огня, застыла обычная девушка, и очарование момента сменяется запоздалым удивлением.

Что может быть общего у этой хрупкой взбалмошной девицы с наставником: выдержка, опыт, могучий дух? Губы кривятся в горькой усмешке, а из груди рвется тяжелый вздох. Если в жилах Зимородок и течет частичка крови подземника, то совсем небольшая, и этого не хватит, чтобы перекинуть даже тоненький мостик через пропасть, что лежит между суровым отшельником и капризной селянкой, бесконечная пропасть из воззрений, традиций, и жизненного уклада.

К удручающим мыслям добавилось чувство голода. Мычка потянулся к заплечному мешку, распустив тесьму, обнажил содержимое: горстка мяса, пучок пряных трав, сушеные ягоды. Желудок предвкушающе заурчал, а рот наполнился слюной. Мычка сдвинул мешок так, чтобы девушка могла дотянуться, произнес:

— Угощайся. Когда огонь погаснет, лучше, чтобы изнутри грела еда.

Зимородок повернула голову, взглянула с брезгливой гримаской.

— И не надейся, что я хоть пальцем прикоснусь к этой гадости.

Мычка вскинул брови, сказал с непониманием:

— Почему гадость? Зайчатина. Свежая, хорошо прожаренная, с травами и ягодой. Возьми, попробуй.

— Чтобы отравиться и умереть в мучениях? — Голос девушки наполнился ядом.

Мычка взял кусок мяса, понюхал, на всякий случай попробовал, сказал в недоумении:

— Почему отравиться?

— Откуда я знаю, почему ты хочешь моей смерти? — Зимородок дернула плечиком.

Добавила с нажимом: — Но то, что хочешь — точно! Вот и мясо специально заготовил, стоит только проглотить кусок...

— Я уже проглотил, и гораздо больше, чем кусок. — Мычка помахал наполовину сгрызенной заячьей лапкой.

Девушка фыркнула:

— Тебе, нечисти, может и ничего, хоть десять зайцев съешь, а мне и ломтика хватит.

— Зачем мне тебя травить? — воскликнул Мычка с раздраженьем. — Разве для того через лес пер, надрывался, чтобы после умертвить?

— А я откуда знаю? Может, это у вас, нечисти, так заведено!

Мычка вздохнул, сказал устало:

— Ладно, в будущем можешь не есть, что я готовлю. Но это бери смело.

Зимородок насторожилась, спросила с подозреньем:

— Это почему?

— Это Филин готовил. Уж он-то тебе точно зла не желал.

Девушка посмотрела на зайца, перевела взгляд на зажатую в руке спутника обглоданную лапку, вновь взглянула назад. Ее ноздри зашевелились, вбирая мясной дух, а губы задергались, словно это не Мычка, а она вгрызается в сочный ломоть. Поколебавшись, Зимородок отвернулась, хотя движение явно стоило большого труда, сказала глухо:

— Даже если ты не врешь, и это действительно готовил дядя, все равно не буду.

— Да почему, почему?! — подпрыгнув, завопил Мычка.

Он пристально всматривался в спутницу. Вот ее плечи поникли, голова наклонилась, руки в волнении треплют шкуру. Еще немного, и она откроется. А если не сможет, то он скажет сам, поможет, объяснит, что, как бы то ни было, он вытащил ее из деревни не по собственному желанию. Это воля Филина. А воле родни, пусть даже дальней, надлежит повиноваться. Он бы и сам рад пойти своей дорогой, вернуться в деревню, увидеть близких, но слово дано, и теперь им быть вместе до тех пор, пока наказ не будет выполнен. И будет легче, намного, намного легче, если они станут пусть и не друзьями, то хотя бы верными товарищами. Ведь путь далек, а дорога опасна.

Мычка уже открыл рот, готовый излить все, что накипело на душе, когда Зимородок вдруг подобралась, плечи вернулись на место, подбородок вздернулся, а губы искривились в знакомой насмешке. Смерив вершинника презрительным взглядом, она процедила:

— Довериться первому встречному вершиннику, силой увести племянницу из деревни... Прожив столько времени в лесу, Филин просто сошел с ума! Так что оставим разговор. Тем более, за мной скоро все равно придут, а ты, если не унесешь вовремя ноги, поплатишься за содеянное.

Голос прозвенел металлом, и Мычка выставил руки, отгородившись ладонями, сказал примирительно:

— Ладно, ладно. Будь по-твоему. Если не хочешь есть — хоть спать ложись, все к утру будешь бодрее.

Он отвязал один из мешков, набитый тряпьем под завязку, подвинул к девушке. Та покосилась на мешок, сказала едко:

— Ага, размечтался. По глазам вижу, только и ждешь, как засну. А у самого уже слюни текут.

Мычка невольно провел рукой по губам, сказал отстраненно:

— Все же лучше бы тебе выспаться. Путь нам предстоит не близкий и не легкий. Сил понадобится много.

— Мало того, что дурак, так еще и без памяти. Сколько раз повторять — придут за мной. Так что если и пойдешь — то один. Да и то вряд ли... Уж больно наши парни норовом круты.

Она замолчала в ожидании, напряженная, готовая излить очередную порцию яда. Но Мычка сидел недвижимо, глядя в огонь, да изредка подбрасывая веточку-другую, и девушка принялась копаться в мешке, извлекая и раскладывая перед собой вещи. Краем глаза он следил за спутницей, что сперва нехотя ковырялась в мешке, но вскоре увлеклась. Ее лицо разгладилось, взгляд потерял жесткость, а губы едва заметно зашевелились, будто девушка разговаривала сама с собой.

Однако вскоре Зимородок стала клевать носом, движения замедлились, а голова наклонилась к земле. В очередной раз повернув голову, Мычка обнаружил, что спутница лежит, обхватив плечи руками и подтянув ноги к груди, скрюченная, как впавшая в спячку личинка.

Посидев еще некоторое время, он встал, неслышно приблизился, собрав разбросанные шкуры, осторожно накрыл девушку. Проверив, чтобы не осталось щелей, куда может проникнуть холодное дыхание ночи и застудить девушку, он вернулся на место, уставился в огонь.

Пламя переливается, течет в бесконечном завораживающем танце, навевает умиротворение и сон. Мысли успокаиваются, замедляют бег. События вечера вытягиваются в ленту, вновь и вновь проходят перед внутренним взором. Сонная деревня, ленивый брех собак, исполненная подъема и бравады прогулка, заветный дом, прекрасное лицо незнакомки... Мычка поморщился, заерзал, старательно отмахиваясь оттого, что произошло дальше. Не смотря на предательство, образ незнакомки по-прежнему заставляет сердце биться чаще, и от произошедшего под покровом ночи, чему он стал невольным свидетелем, челюсти сжимаются в бессильной злобе, а в груди рождается глухой рык.

Воспоминание о встрече с будущей спутницей вызывало улыбку. Мычка лишь покачал головой. Сейчас, когда запал угас, осталось лишь удивляться — как он смог, как решился похитить девушку? Не побоявшись гнева соседей, утащил "жертву" на плече, словно бессловесный тюк. Конечно, наставник предупреждал, что не все пойдет гладко. Но чтобы дошло до такого...

Чувствуя, как слипаются глаза, Мычка подбросил веток, набросив на плечи плащ, прилег, устроившись так, чтобы хотя бы одним боком греть спутницу, и вскоре сон смежил веки.

ГЛАВА 7

Боль зародилась в руках холодным скользким комком, разошлась, сводя мышцы, вгрызаясь в косточки, покалывая острыми злыми иглами. Вздогнув, Мычка открыл глаза. Вокруг темно, лишь сверху, сквозь сплетение ветвей, сочится слабое сияние грядущего дня. Во сне шкуры свалились, и открытые участки тела промерзли едва не насквозь. Мычка замедленно повернул голову. От неудобного положения шея затекла и на малейшее движение отвечала звучным хрустом.

Оставив мучительные попытки, Мычка скосил глаза. Огонь догорел, оставив после себя лишь черное пятно костровища. Где-то там, скрытые от холода толстым слоем пепла, затаились горячие искры. Стоит лишь подбросить ветвей, как пламя возродится, вспыхнет, щедро одаря спасителя теплом и светом.

Вставать не хочется, однако холод вгрызается в тело, побуждая к действию. Полежав немного, Мычка рывком поднялся, но тут же опустился опять, пережидая головокружение. Пока перед глазами прыгали разноцветные мушки, Мычка на ощупь отыскал ветвь, принялся разламывать на мелкие кусочки. Пальцы слушались плохо, ветка раз за разом выпадала. Разозлившись, Мычка бросил занятие, принялся разминать ладони. Когда мышцы разогрелись, а по коже, приятно покалывая, разбежались мурашки, он вернулся к прерванному делу, и вскоре на месте пепелища уже плясало веселое пламя, потрескивая, и отстреливая в стороны мелкие злые искорки.

Прислушиваясь к ворчанию желудка, Мычка нащупал мешок с припасами, вытащил кусок побольше. Зубы ухватили, принялись измельчать, превращая застывшие волокна в мягкую вкусную кашу. Жуя, Мычка время от времени поглядывал на спутницу. Замерзнув, девушка завернулась в шкуры так, что совсем скрылась из виду.

Мычка ощутил смутное чувство вины. Племянница Филина вряд ли часто оставалась на ночь вне стен дома, и сон на голой земле, на чистом, но холодном воздухе, мог показаться мучительными и тяжелым. Испытывая непреодолимое желание облегчить девушке страдания, Мычка снял плащ, нагнулся, отыскивая наиболее незащищенные от холода места.

В фигуре спящей почудилось нечто странное, Мычка нахмурился, пытаясь поймать ускользающее ощущение. Не то полная неподвижность, удивительная даже для спящего человека, не то некая неестественность положения тела. Терзаемый смутным сомнением, он взялся за кончик шкуры, осторожно, опасаясь разбудить, откинул... Горстка палой хвои, спутанное переплетение веточек, скрученные в узел тряпицы — мусор, собранный в подобие фигуры.

Брови сошлись на переносице, а скулы вздулись. Сбежала! Перед глазами поплыло, а в груди заворочалось злое. Дурак! Бестолочь! Засоня! Как он мог, он, прирожденный охотник, не слышать шорох шагов и шумную возню рядом, пока девушка создавала имитацию самой себя? Куда она ушла? Как давно? Мычка слепо заметался по кругу, замычал, не в силах совладать с захлестнувшей волной отчаянья.

Что он будет делать, куда пойдет? Вернуться в деревню не сложно, ночью, с тяжелой ношей за плечами, он вряд ли ушел далеко. Но, что получилось один раз, вряд ли выйдет снова. Это раньше селяне жили без опаски, но теперь, после дерзкого похищения, будут настороже, а то и подадутся на поиски наглеца. Может быть они уже здесь, неподалеку, и вот-вот нападут?

Он остановился, словно налетел на стену, насторожился, до боли в глазах всматриваясь

в окружающие сумерки. От перенапряжения кажется, будто лес насыщен движением. Вон, замаячило что-то черное, не иначе человеческая фигура? А это что топорщится, слишком правильное, чтобы быть ветвью, никак рогатина притаившегося охотника? Перед глазами прыгают пятна, но вокруг мертвая тишина. Будь поблизости люди, наверняка бы выдали себя невольным скрипом ветвей или шорохом одежды.

Ночью глаза — враг охотника. Вспомнив старую мудрость, Мычка закрыл глаза, постоял, прислушиваясь. Ничего. Либо карающий отряд селян еще далеко, либо он переоценил жителей деревни. Привыкшие к неспешной жизни, рыбаки вряд ли понесутся спасать соплеменника. Тем более дом Зимородка стоит на отшибе, а к живущим в стороне и отношение соответствующее. Конечно, быть может он и не прав, а Зимородок всеобщая любимица, и по одному ее слову вся деревня, как один, поднимется на защиту. Но что-то подсказывает, что дело обстоит совсем не так.

Вспомнив происшествие с бером, неожиданно всплывшее в памяти, Мычка успокоился окончательно. Уж если никто не почесался, чтобы спасти детей, что говорить о большем? Вернувшись на место, он подкинул ветвей, задумался. Зудящее желание кинуться в погоню немедленно Мычка отбросил сразу. По ночному лесу бродят лишь глупцы, да те, над кем нависла смертельная опасность. Легко оставить глаза на острых сучьях, или провалиться в ловчую яму. А уж на сколько далеко слышно такого горе-путника, ломящегося сквозь невидимый кустарник, даже подумать страшно. Все остальные мысли, одна фантастичнее другой, оказались отброшены следом. Осталось лишь ждать.

И Мычка терпеливо выжидал, подбрасывая ветви, да изредка поглядывая в небо. Однако, быстрое в обычные дни, светило не спешило подниматься. Не в силах более сидеть, Мычка принялся собирать вещи. Но и это дело вскоре закончилось. Чувствуя, что еще немного, и его разорвет от переполняющей бурлящей силы, Мычка достал оружие, пытаясь найти успокоение в тренировке.

Сперва получалось плохо, руки двигались невпопад, а мысли то и дело возвращались к пропаже. Но вскоре тело разогрелось, движения стали плавней, и вот, как долгое время ранее, он двигается по кругу, перетекает из одной стойки в другую, сокрушая невидимых врагов, и наполняясь умиротворяющей безмятежностью силы.

Незаметно вошло солнце. В очередной раз взмахнув мечами, Мычка с удивлением заметил, что в десятке шагов различает ползущую по ветвям букашку. Костер выцвел, побледнел, ужавшись до небольшого огонька, последние щупальца тьмы стремительно исчезают, поспешно ныряя под валежины и втягиваясь в норы.

Втянув ноздрями еще холодный с ночи, но уже наполненный утренними запахами воздух, Мычка улыбнулся. Утро, даже самое пасмурное, всегда приносит радость, вызывая в самых потаенных уголках души непонятное, но удивительное сладкое чувство счастья. Вот и сейчас, он стоит, раскинув руки, словно стараясь обнять весь мир, ощущая непоколебимую уверенность, и со смешанным чувством любопытства и удивления вспоминает недавние страхи.

А немногим позже, когда сердце успокоилось, а мышцы отдохнули от тренировки, он уже одевался, собираясь в дорогу. Когда под сапогом, выбросив на прощанье веер искр, потух последний уголек, Мычка двинулся в путь. Осмотревшись, он лишний раз порадовался, что не поддался порыву и не сорвался затемно. В лес убегает четкая цепочка отпечатков ног. Девушка ушла в спешке, даже не потрудившись скрыть следы.

Мычка шел, внимательно глядя по сторонам, и лишь изредка смотрел под ноги, да и то

мельком. В набухшей влагой хвойной подстилке оттиски ног пролегли настолько четкие и глубоки, что сбиться со следа невозможно даже нарочно. След петляет, сворачивает то в одну, то в другую сторону, но вновь выравнивается. Мычка удивлялся, гадая, чем руководствовалась девушка, двигаясь в сплошной тьме: наитием, прирожденным чувством дороги, или, доверившись счастливой звезде, шла наобум?

Удивление усилилось тем больше, что беглянка двигалась в противоположную от деревни сторону. Сперва Мычка подозревал коварный план, вслушивался и всматривался, опасаясь ловушек и засад. Но время шло, направление не менялось, и вскоре он лишь грустно улыбался, представляя, как девушка выбивается из последних сил в страстной надежде вот-вот увидеть родную околицу, в столь же страстной, сколь и безнадежной.

Обогнув здоровенную кучу валежника, Мычка вздрогнул. Под кустом, наполовину зарывшись в ветви, лежит спутница. В груди похолодело. Мычка порывисто шагнул, несколько мгновений всматривался беглянке в лицо, ощущая, как на душе становится легко и радостно. Впалые щеки, темные, до синевы, круги под глазами, будто девушка не ела седмицу, почерневшие, искусанные губы. Но веки чуть заметно подрагивают, а голубенькая жилка на виске пульсирует в такт ударам сердца.

Ощущая сильнейшую радость, будто перед ним не едва знакомая девушка, а давнишний друг, Мычка осмотрел наспех возведенное сооружение. Разлапистые ветви, груды сухой хвои, притом, что рядом, всего в паре шагов, глубокие черные лужи от тающих снежников по соседству. Вряд ли Зимородок специально искала место ночлега, скорее, под гнетом усталости, просто легла, волею случая попав на самое удобное в обозримом пространстве место.

Мычка улыбнулся шире, узрев в случившемся добрый знак. Все же в жилах спутницы есть частица крови наставника. Просто, до поры до времени, эта частица дремлет, просыпаясь лишь в особо тяжелых обстоятельствах. Видят духи леса, она еще не раз проявит себя в нелегком, полном опасностей пути.

Не в силах безжалостно разбудить Зимородок сейчас, после бессонной ночи, Мычка лишь накрыл девушку плащом, отошел, раздумывая, чем заполнить свободное время. Рассудив, что до вечера беглянка вряд ли проснется, Мычка оставил вещи тут же, по соседству, развесив на ветвях повыше, чтобы мелкое зверье не растащило припасы, а сам отправился на охоту.

Поплутав, он обнаружил заячью лежку. Занятые брачными играми, зайцы сперва не обратили внимание на сухой щелчок и тихий короткий свист, так что Мычка успел подстрелить двоих, прежде чем остальные бросились врассыпную. Подобрав трофеи, Мычка побродил еще немного, после чего неспешно пошел назад, размышляя, как именно лучше приготовить добычу.

Слуха коснулся хруст ветвей. Обрадованный и удивленный, Мычка зашагал бодрее. Зимородок оказалась выносливее чем он предполагал, и уже встала, и сейчас наверняка собирается развести костер. А то с чего бы ветвям трещать с такой силой? Не иначе с непривычки выбрала сук потолще, и колотит по дереву, пытаясь расщепить на мелкие части.

Обогнув густые заросли царап-куста Мычка застыл. Волосы на загривке встали дыбом, а сердце ухнуло в пятки. В десятке шагов возится бурая громада. Бер! Огромный, угловатый, словно поросшая мхом древняя глыба, шерсть свалялась колтунами, отчего и без того жуткий, бер выглядит совсем страшно. Вот он привстал на задние лапы, потянулся, пытаясь подцепить висящие на кусте мешки. Ветви затрещали, прогнулись, не в силах противиться

чудовищной силе.

Мычка перевел взгляд и сердце застыло ледяным комом. Напротив, вжавшись спиной в дерево, застыла Зимородок: лицо побелело от ужаса, глаза прикипели к хозяину леса, губы двигаются, произнося нечто бессвязное. От страха девушку бьет крупная дрожь. Еще немного, и разум не выдержит, затопленный ужасом, подстегнет, заставит бежать не разбирая пути, только бы подальше от лютого зверя.

Увлеченный забавой, бер не видит девушку, но, стоит ей шевельнуться — смерть придет неминуемая и быстрая. Оголодавший с зимы, бер не откажется полакомиться свежим мясом, настигнет в два прыжка, ударит, разбрызгивая кровь, срывая мясо клочьями и ломая кости. Картина грядущего вспыхнула столь подробная и яркая, что Мычка захрипел, рванул ворот рубахи.

Неужели путешествие кончится, едва начавшись? Девушка, чью судьбу отдали ему в руки, умрет, а он сам, словно побитая собака, вернется к учителю, чтобы передать скорбную весть? Что скажет наставник? И как жить дальше с таким камнем на душе?

Мысли промелькнули яркой радугой, погасли. В груди пробудилось нечто темное и недоброе, подняло голову, взглянуло с угрозой. Губа поползла вверх, обнажая клыки, ноздри расширились, со свистом втянули воздух. Крадучись, Мычка двинулся вперед. Разум предупреждает, нашептывает, кричит, требуя немедленно прекратить самоубийственную попытку, бежать, пока есть возможность: изо всех сил, без памяти, без оглядки. Но внутри уже зародилась ярость, взвихрилась, закручиваясь в тугий узел неистовства и гнева. И разум отступил, затаился, испуганный бушующей в теле древней силой.

Шаг, еще один. Медленно, очень медленно, чтобы зверь не учуял, не повернулся, иначе и без того ничтожные шансы на победу пропадут вовсе. Ноги согнуты, а руки разведены. Сила распирает, рвется наружу, еще немного, и мышцы не выдержат напора, лопнут. Но в этой борьбе руки не оружие, даже на самом пике сил человек не противник хозяину леса. Об этом молчит разум, но знает тело. Схватка без оружия — смерть. И руки тянутся к плечам, туда, где, приподнимая плащ, рожками торчат рукояти мечей.

Тихий, едва слышный шорох металла, и руки враз становятся длиннее. Два тонких блестящих жала покачиваются в такт, отчего сердце наполняется уверенностью, а губы расползаются в недоброй ухмылке. Шаг, еще один. Бурый валун все ближе. Еще немного, и можно ударить, воспользовавшись неожиданностью, уязвить противника в чувствительные места. А там, кто знает, возможно бер просто покинет лагерь, испуганный внезапной болью. Так что останется лишь отпраздновать победу. Но это будет после, а пока нужно пройти еще немного. Шаг, еще один.

Бер заворчался, недовольно заворчал, замедленно повернул голову. Их взгляды встретились, человек и зверь застыли, оценивая друг друга. Огромный хозяин леса, хоть и отощавший за зиму, но по-прежнему невероятно могучий, и охотник, что, не смотря на блестящие полоски металла, лишь бледное отражение противника.

Бер оскалился, взревел, крутанулся с неожиданной для такой комплекции скоростью. Громадная пасть распахнулась, обдала смрадом, зубы сомкнулись с гулким стуком, едва не отхватив вершиннику часть лица. Но Мычка ждал. За мгновение до того, как челюсти должны были стиснуть голову, ломая кости и выдавливая мозг, он откатнулся, руки взметнулись крыльями, нанося ряд несильных, но болезненных ударов.

Брызнуло теплым, шкура хозяина леса обагрилась красным. Не ожидав отпора, бер отпрянул, замотал головой, будто приходя в себя после хорошей оплеухи. Но время

расслабления еще не настало: силы по-прежнему не равны, а раны, что больше напоминают царапины, лишь разъярили зверя. Бер напал вновь.

Мычка увернулся опять, и вновь, как и в первый раз, клинки угрожающе взвыли. Руки содрогнулись от удара, мечи словно наткнулись на камень, настолько крепка кость хозяина леса. Однако, удар не прошел даром, бер взвизгнул, отскочил, но лишь для того, чтобы броситься вновь. На этот раз Мычка увернулся с трудом, чудом избежав удара лапы, бросился на землю, перекатился, вскочил, слепо рубанув крест на крест. Хряснуло, на лицо брызнуло теплым, а уши заложило от рева ярости и боли.

Удар. Прыжок. Уворот. Мир вертится без остановки. В глазах плывет, а в висках стучат молоточки. Руки раз за разом взмахивают, стараясь попасть в мельтешащее рядом серое пятно. Воздух грозно завывает, вспарываемый отточенными клинками, давит тяжелым ревом беснующегося зверя. Удар. Прыжок. Удар. Мышцы стонут от напряжения, бросая тело то в одну, то в другую сторону. Вблизи, обдавая потоком воздуха, проносится нечто массивное. Уже не понять, то ли это по-прежнему бер, то ли рядом, рыча и размахивая лапами, прыгает жуткий лесной дух, вселившийся в плоть зверя чтобы испытать силу охотника.

Воздуха не хватает. В груди пылает всежигающее пламя, отчего ребра ходят ходуном, а рот раскрывается, как у выброшенной на берег рыбы. Лицо и руки покрыты красным, хвоя в десятке шагов вокруг испятнана кровью зверя, но бер как будто не замечает ран, словно опытный охотник, не обращающий внимания на оставленные острыми ветвями пустяковые царапины, как и прежде, раз за разом бросается вперед, в страстном желании раздавить врага, отнять жизнь у дерзкого, что посмел бросить вызов самому хозяину леса.

От сильнейшего удара немеет плечо, рукав стремительно напитывается теплым, тяжелеет, враз потерявшие силу, пальцы едва удерживают оружие. Еще немного, еще чуть-чуть! Выплескивая остатки сил, нужно продержаться, превозмочь, сцепив зубы, преодолеть подступающую слабость. Ведь неподалеку затаилась девушка, сжавшись от ужаса, ожидает окончания боя. Нужно победить, обязательно нужно. Даже если потом, истекая кровью, останется лишь умереть. Этот бой нужно выиграть.

Удар. Удар. Удар. Рев становится тише, а серое пятно замедляется, движется с трудом. Хотя, вероятно, это лишь иллюзия, вызванная запредельным усилием. По-прежнему кажется, что движения быстры, а реакция молниеносна, но на деле он едва шевелится, с трудом передвигая одеревеневшие ноги. И вновь удар, удар, удар.

Увлеченный вложенной в удар силой, Мычка подался вперед. Ноги наступили на мягкое. Он с трудом удержался чтобы не упасть, остановился, невидяще глядя в пространство. Мир перестал вращаться, и хотя в голове по-прежнему гудит, взгляд сфокусировался. Возле ног распростерся хозяин леса: шкура висит лохмотьями, многочисленные раны кровоточат, язык еще трепещет, а из горла рвется хрип, но глаза уже застилают пелена смерти.

Собрав силы, Мычка перехватил меч двумя руками, размахнулся, целя в то место, где, в прочнейшем панцире из ребер и мышц, находится уязвимое место. Руки тряхнуло, всхлипнув, дернулся бер. Безжалостное лезвие клинка пронзило сердце, навсегда успокоив хозяина леса.

Мир покачнулся, клинок вывалился из обессиливших пальцев. Мычка замедленно осел, уже не видя, как от дерева, размазывая слезы по лицу, в его сторону метнулась хрупкая фигурка. Картинка выцвела, звуки исчезли, и он провалился в черную пучину беспомощности.

ГЛАВА 8

Мычка открыл глаза. Сквозь сплетенье ветвей струятся потоки светила, там, где лучи касаются кожи, разливается приятное тепло. В стороне, невидимый, потрескивает огонь, доносится терпкий запах дерева и сгоревшей хвои. Не поворачивая головы, Мычка скосил глаза. Возле костра скукожилась Зимородок, обхватив себя руками за плечи, покачивается в такт неслышимой мелодии. В этот момент девушка показалась так хрупкой и беззащитной, что заныло сердце. Захотелось подойти, обнять, укрыв от опасностей окружающего мира, безжалостного и сурового.

Мычка пошевелился, привстал, опираясь на руки. Мышцы ощутимо ноют, в висках постреливает, но в целом, кажется, все в порядке. Вот только правая рука занемела так, что почти потеряла чувствительность. Он повел плечами, разгоняя кровь. Руку прострелило болью. Охнув, Мычка схватился за плечо, пальцы наткнулись на уродливый нарост, отдернулись. Он повернул голову, взглянул с опаской, боясь увидеть обрывки мышц и куски кости.

На плече прилепилась повязка. Бурая от засохшей крови, вся в зеленых прожилках, повязка напоминает растекшуюся от старости жабу. Мычка принюхался к едва уловимому запаху трав, потыкал пальцем. Повязка сидит удобно, не слишком туго, чтобы передавить сосуды, но и не сползает. От уложенных под ткань трав рану слегка пощипывает: ни гноя, ни сукровицы. Тот, кто накладывал повязку, явно знает толк в знахарстве.

Заслышав шорох, Зимородок вздрогнула, повернулась на звук. Мычка увидел, как на ее лице отразилась мгновенная радость, что тут же сменилась суровостью, а затем и пренебрежением. Девушка поднялась, подошла пружинящим шагом, сказала едко:

— Очнулся? Вот уж не думала, что выживешь.

— Зачем же рану перевязала? — Мычка улыбнулся.

Зимородок надула губки, фыркнула:

— Потому что дура! Кровь увидела, голову совсем потеряла. Кинулась спасать, будто без меня не обойдешься.

— А я обойдусь? — Мычка улыбнулся шире.

Девушка пожала плечами, сказала рассудительно:

— Тебе, нечисти лесной, хоть руку оторви, хоть голову — все одно новая вырастет. — Подумав, поправилась: — Нет, голова, наверное, все же не вырастет, а вот рука — точно.

Мычка вновь лег, прикрыл глаза. Не смотря на тяжелейшую схватку и ранение, настроение поднялось. Противник повержен, рядом заботливая спутница, если не обращать внимания на некоторую надменность и взбалмошность, лучше и не придумать.

Рядом шумно потопталось, засопело недовольно, послышалась негромкая возня. Мычка открыл глаза, некоторое время смотрел на спутницу, что успела отойти, и теперь усиленно копалась в мешке, сказал негромко:

— Припасы в другом мешке.

Девушка повернула голову, зыркнув исподлобья, бросила:

— Свою отраву ешь сам.

Мычка вновь привстал, сказал с участием:

— Но ведь ты голодна, смотри, какие круги под глазами.

Зимородок невольно протянула к лицу руки, принялась ощупывать кожу, но тут же отдернулась, сказала сурово:

— Ты на других-то не пеняй. За собой лучше смотри, чучело. А что голодна — не страшно, уж лучше потерпеть, да в деревне наестся, чем у лесной нежити взять.

— Это до какой деревни ты терпеть собралась? — спросил Мычка в великом удивлении.

Девушка сверкнула глазами, бросила сердито:

— До какой, до какой... вестимо, до своей! — Она поморщилась, отмахнулась. — И вообще, лежи себе, жизни радуйся. А меня не отвлекай. И так время сколько потеряла...

Она говорила что-то еще, но, настолько тихо и невнятно, что Мычка слышал лишь недовольное ворчанье. Закончив, она поднялась, тщательно отряхнула прилипшие веточки. С грустью глядя на спутницу, Мычка произнес просительно:

— Может все же возьмешь мяса, да трав? Ведь далеко же идти.

— И даже не проси... — Она осеклась, спросила с подозреньем: — Это почему далеко? Я ведь уже прошла большую часть пути.

Мычка вздохнул, сказал с глубокой печалью:

— Так ты не в ту сторону идешь.

Зимородок открыла и закрыла рот. Мычка с любопытством наблюдал, как на ее лице эмоции сменяют одна другую. Вот лицо приобрело задумчивое выражение, несколько мгновений, и брови сдвинулись, а глаза наполнились подозреньем, но вскоре ему на смену пришли растерянность и испуг. С дрожью, едва слышно, девушка прошептала:

— Но, как же так, ведь я точно запомнила дорогу...

Она закусила губу, заморгала, всеми силами стараясь избежать слез, что уже скопились в глазах, грозя прорвать запруду, заструиться по щекам, вызывая насмешку проклятого вершинника, что сидит, улыбаясь, будто вовсе не он затащил их неизвестно куда. А может вовсе и не затащил, может, это всего лишь жалкая попытка обмануть, убедить ее, что все не так как есть, а до деревни рукой подать, стоит лишь пройти сотню другую шагов?

Собравшись с духом, она произнесла как можно тверже:

— Ты лжешь. Я не могла ошибиться. А если даже и сбилась с дороги, то совсем немного. Не пытайся удержать меня, я вижу твою лживую сущность насквозь! Я уйду, и, надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Мычка покачал головой, удивляясь странному, но находящему в глубине души отклик, упрямству девушки, сказал, стараясь, чтобы прозвучало как можно мягче:

— Посмотри вокруг. Видишь заросли царап-куста? Его здесь едва ли не больше, чем всего остального вместе взятого. А теперь вспомни, растет ли он возле села?

Зимородок фыркнула:

— Я не вершинник, чтобы таращиться на всякие там кусты. Хотя... да, не припомню, чтобы где-то видела такие колючие ветки.

Мычка кивнул, сказал ободряюще:

— Хоть и не вершинник, а все же помнишь, молодец. А не видела потому, что возле деревни он не растет.

Зимородок помолчала. Похвала спутника оказалась приятна, словно прикосновение чьей-то невидимой, но ласковой и нежной руки. Ощущения оказались настолько непривычны, что она вздрогнула, на всякий случай грозно сдвинула брови, чтобы этот самовлюбленный наглец даже на миг не допустил мысль, что... Пытаясь за рассудительностью скрыть растерянность, она произнесла с нажимом:

— Даже если ты прав, вполне возможно, это просто такое странное место, где полно колючек. Все что нужно, пройтись вокруг, поискать, и наверняка я тут же наткнусь на потерянный путь.

Мычка помрачнел, сказал серьезно:

— Или на другого бера, что, разбуженный шумом битвы, спешит на помощь товарищу.

Зимородок ощутила, как от страха подогнулись ноги, а сердце забилося испуганным зайцем. Лес вокруг вдруг показался мрачным, наполнился опасностью. Взгляд раз за разом возвращается к мертвому хозяину леса, что, даже мертвый, внушает ужас и почтение чудовищными размерами. Если одна только лапа, с когтями, больше похожими на ножи охотников, полностью лишает смелости, парализует движения, что уж говорить про остальное?!

Взгляд сместился на спутника, что лежит неподалеку, с отвлеченным выраженьем лица и слабой улыбкой, удивительно спокойный и расслабленный, словно ничего не произошло. А ведь он совсем недавно победил бера! Она даже не слышала о том, чтобы кто-то убивал хозяина леса в равной схватке. А тут все произошло прямо на глазах. И хотя она мало что помнит, страх парализовал волю и почти лишил слуха и зрения, но результат налицо: всесильный бер мертв, а парень жив и здоров, отделавшись лишь небольшой царапиной, как ни в чем не бывало таращится на нее бесстыжими глазами.

Будет ли человек, что еще совсем недавно балансировал на грани между жизнью и смертью, лгать? Вряд ли. Но то человек обычный, привычный и понятный. Этот же и не человек вовсе, а не пойми что. Потому и бера победил, что не обычный.

Помявшись, Зимородок поинтересовалась:

— Так что же делать?

Мычка отметил, как лицо спутницы разгладилось, а из голоса исчезло высокомерие, но виду не подал, сказал с прежней серьезностью:

— То, на что благословил Филин. То, что в тайне хочет любой, но боится признаться — слишком многое придется менять, от многого отказаться.

— Что? — выдохнула Зимородок.

— Отправиться в далекое путешествие. Познать мир. Обменять родной, но тесный уголок, на бесконечные, полные неизведанного просторы. Позволить себе то, на что в обычных обстоятельствах просто не хватит духу.

Девушка стояла, словно зачарованная, вслушиваясь в слова, а Мычка говорил и говорил, боясь прерваться, чтобы едва проклюнувшийся росток доверия не увял, загубленный неверным словом. Наконец, он выдохся, замолчал, смежил веки, не желая спугнуть спутницу лихорадочным блеском глаз.

Лишенный эмоций, сухой голос неприятно резанул слух.

— Все это замечательно, и, возможно, ты бы преуспел, будь на моем месте кто-нибудь другой. Но я не верю ни единому твоему слову, и потому ухожу.

Зимородок развернулась, пошла скорым шагом, словно боясь, что собранной в кулак решимости не хватит надолго. Мычка смотрел девушке вслед до тех пор, пока силуэт не

скрылся за деревьями, но и после, когда серое пятно заплечного мешка растворилось в кустарнике, еще долго не мог отвести взгляд.

Мысли растворились, чувства улеглись. Ощущая странную опустошенность, какой не было даже после боя с бером, Мычка откинулся на спину, закрыл глаза, погрузившись в сонное оцепенение. Наказ наставника не выполнен, Зимородок ушла, а он лежит, не в силах двинуться. Наверное, следовало подскочить, броситься за девушкой, объяснить, убедить, вернуть. Возможно, не хватило всего чуть-чуть, одного-двух нужных слов, и еще не поздно все исправить, нужно лишь сделать еще одно усилие, в бесконечной череде бесплодных попыток.

Но нет сил и нет желания. А глубоко внутри, где обычно горит теплый огонек надежды, образовалась гулкая пустота. Пустота растекается по телу вязкой хмарью, высасывает силы, гасит малейшие желания, так что остается лишь пустая оболочка, без надежд, без чувств, без побуждений.

В мерное дыхание леса вкрался назойливый шум, сперва далекий, не громче комариного писка, вскоре усилился, разросся. Поначалу Мычка не обратил внимания, лишь чуть заметно дернулось ухо, развернувшись на звук, однако вскоре повернул голову, привстал, настороженно вглядываясь в заросли.

Из глубины леса приближается нечто неведомое. Громко трещат ветви, окрест замолкают птицы, испуганные неизвестной опасностью. Глаза прищурились, не мигая уставились на место, где появится враг, руки коснулись рукоятей мечей. Сердце гулко стучит, разгоняя по мышцам кровь, пальцы подрагивают, готовые сомкнуться на рукоятях и в мгновение ока выхватить клинки. Еще немного. Еще чуток. Ну же, ну!

Хрястнуло, взметнулась хвоя. Мычка закрыл глаза, замедленно выдохнул, поспешно опустил на землю, уронив голову на грудь, чтобы скрыть, как от радости заалели щеки, а губы растянулись в широкую приветливую улыбку. Из-за деревьев, продираясь сквозь кусты подобно рассерженному вепрю, выскочила Зимородок. Волосы взъерошены, на лице пламенеют свежие ссадины, одежда в мелких веточках и хвое.

Девушка всхрипнула, глянула дико, но, едва заметила Мычку, разительно изменилась: спина выпрямилась, носик горделиво задрался, лишь в глазах, упрятанный на самое дно, по-прежнему плещется страх. Она величаво приблизилась, стараясь идти с достоинством, сказала с ноткой сожаления:

— Я решила, что пойду с тобой.

Сделав над собой усилие, Мычка согнал улыбку, спросил с нарочитой простотой:

— Что-то стряслось?

Зимородок сделала неопределенный жест, и хотя глаза едва не вылезают из орбит, пытаясь посмотреть, что же происходит там, за спиной, откуда только что принеслась, как испуганная лань, сдержалась, не отрывая взгляда от собеседника, произнесла:

— Ничего особенного. Просто... я подумала, что, возможно, действительно стоит пройтись, посмотреть на мир. А то что-то подзасиделась я, ни шагу из деревни. А там из развлечений лишь рыбалка, да посиделки на скамьях. — Не замечая, что повторяет слова вершинника, она еще что-то говорила, затем прервалась, добавила с озабоченностью: — К тому же нужно позаботиться о тебе. Конечно, рана не глубока, но мало ли что. Нужно повязку сменить, травы подобрать...

Девушка замолчала, вперила взгляд в пространство. И хотя она всеми силами изображала безразличие, Мычка заметил, как пульсирует голубенькая жилка на виске и

сжимаются кулаки, комкая в пальцах клочки меховой опушки. Он кивнул, словно ничего и не произошло, сказал дружелюбно:

— Что ж, хорошо. Но, прежде чем выступить, предлагаю подкрепиться... — Он запнулся, хлопнул себя по лбу, сказал сокрушенно: — Как я мог забыть, ты же не ешь приготовленную вершинником пищу!

Зимородок сглотнула так громко, что с соседнего дерева шарахнулись птицы, сказала сердито:

— Я такого не говорила. Вернее, говорила, но то было совсем другое дело.

Мычка распахнул глаза, сказал с удивленьем:

— А что поменялось?

Девушка поморщилась, нехотя произнесла:

— Ну... тогда ты был чужим, не нашим.

— А сейчас свой? — ахнул Мычка.

Стремясь поскорее закончить неприятный разговор, Зимородок дернула плечиком, сказала с неудовольствием:

— Не свой, но уже и не чужой. В конце концов, не стал бы ты тащить меня на горбу из деревни, да после прыгать по лесу, чтобы просто отравить! — Она вздохнула, добавила с подчеркнутой кротостью: — Тем более, нельзя же быть настолько недоверчивой. Так и быть, положусь на твое слово.

Показывая, что разговор закончен, она отвернулась, двинулась к костру, обходя тушу бера по широкой дуге: тот хоть и мертв, но, мало ли что, лучше держаться подальше. Глядя в спину спутнице, выгнутую в горделивой осанке, Мычка лишь покачал головой. Едва начавшись, путешествие преподносит сюрприз за сюрпризом. И это только начало! Что же будет дальше?

Поднявшись, он подошел к беру, присел, провел рукой по шерсти, дотронулся до когтей. Бер страшен. Даже сейчас, поверженный, преступив порог смерти, хозяин леса настолько ужасен, что в груди холодеет, а ноги подкашиваются. Скажи кто еще день назад, что он не только выйдет один на один с хозяином леса, но и победит — вместе посмеялись бы шутке. Конечно, в племени ходили легенды о бесстрашных охотников, что когда-то ходили на бера в одиночку. Порой, некоторые, наслушавшись рассказов, пытались повторить такие подвиги, но ничем хорошим это не кончалось: тяжелые увечья, жуткие, безобразные шрамы, но чаще люди просто не возвращались домой, лишь спустя долгое время их растерзанные, обглоданные останки случайно находили товарищи, но чаще не находили совсем.

Как случилось, что он выжил в бою, и не просто выжил, а вышел победителем, отделавшись смехотворной царапиной на плече? Видать и впрямь дух удачи благоволит, одаривает милостью, по достоинству оценив намерение молодого охотника. Ведь, как известно, удача нисходит на смелых да решительных, обходя ленивых стороной. Ничем иным исход боя не объяснить.

Мелькнула шальная мысль: а не содержит ли подаренное наставником оружие скрытую магию? Но Мычка отмел предположение, как недостойное. Никакой магии! Лишь доблесть и мужество, смелость и отвага. Иначе, если продолжить мысль, он только придаток к насыщенной мощью, но бездушной железяке. Вооруженное жезлом силы ничтожество. Догадка показалась настолько неприятной, что Мычка поспешно вскочил, зашагал к костру, раз за разом повторяя про себя: только воля, только сила и ловкость, никакой магии!

ГЛАВА 9

— Почему ты не погасил огонь?

Зимородок задала вопрос отвлеченно, глядя в сторону, но тут же повернулась, взглянула пытливо.

Мычка замедлил шаг, не отрывая глаз от мрачных черных луж, испятнавших лес далеко вокруг, спросил:

— Какой огонь, о чем ты?

Зимородок смешно наморщила лоб, недовольная непонятливостью собеседника, сказала скороговоркой:

— Ну, в тот раз, когда ты меня только утащил из деревни. Ведь нас могли найти, и тебе бы не поздоровилось.

Пришла пора морщить лоб Мычке. Почесав затылок, он протянул задумчиво:

— Почему не погасил?..

— Ну да, почему? Только не говори, что не боялся. Ни за что не поверю. Должен был бояться, обязан! Хоть немного, хоть чуть-чуть.

Мычка пожал плечами, ответил честно:

— Наверное, ты права, боялся. И даже не чуть-чуть — сильно боялся.

— Так отчего ж не загасил? — Зимородок распахнула глаза, и даже затаила дыханье, с ожиданьем глядя на спутника. Не выдержав молчанья, воскликнула: — Или чего-то другого боялся еще больше? Не лги, скажи честно. Хотел загасить, а не загасил...

Пытаясь понять, куда клонить девушка, Мычка осторожно произнес:

— Возможно, я не объяснил тебе в тот раз...

— Я так и думала! — победно воскликнула Зимородок. — Будь ты один — обязательно бы погасил. Любой бы погасил. Но только не в компании с девушкой. Ты просто не мог позволить мне замерзнуть!

Она замолчала, ожидая подтверждения своих слов, немедленного и беспрекословного. Ошеломленный напором, Мычка с трудом удержал ускользящую мысль, осторожно продолжил:

— Ночью в деревне, стоя на одном краю, можно увидеть отблески пламени в окнах самых дальних домов. В лесу не так. Лишь отойдя за ближайšie деревья, ты попадаешь в густую тень, а немногим дальше начинается царство непроглядного сумрака. Нас могли найти лишь случайно наткнувшись на лагерь.

Ноздри девушки расширились, скулы вздулись. Мгновенье казалось, что она вот-вот набросится с кулаками. Однако, Зимородок сдержалась, рванулась вперед, расплескивая лужи и распиная веточки. Мычка украдкой вытер лоб, вздохнул, непонимающе глядя в спутнице в спину. И чего она разозлилась? Вроде бы не сказал ничего обидного, наоборот, подробно ответил на вопрос. Или все же недостаточно подробно, и нужно было копнуть глубже?

Впереди хлопнуло особенно громко, послышался испуганный визг. Мычка подхватился, зашпешил, терзаясь догадками — одна другой страшнее. Готовый биться с неведомым врагом, он оббежал мешающее обзору дерево, заметив жуткое, невольно вздрогнул, но, приглядевшись, лишь покачал головой.

В ближайшей луже, провалившись почти по грудь, копошится Зимородок: лицо облеплено грязью, в волосы набилась хвоя, с плеч бурыми нитями свисают прошлогодние травы. Раз за разом Зимородок пытается вылезти, ползет на сухое, сделав пальцы грабельками, цепляется, но яма коварна, ноги скользят по размокшей земле, а руки безуспешно хватаются за мелкие веточки, не находя опоры, скатываются вслед за хозяйкой.

Мычка присел, покрепче уперся ногами в корни дерева, дождавшись, когда Зимородок сделает очередную попытку, ухватил, потащил на себя, медленно но верно освобождая из цепкий объятий ямы. Лишившись добычи, западня обижено чавкнула, немного поволновалась, исходя пузырями грязи, но вскоре успокоилась, вновь обратилась безобидной лужей.

Зимородок отползла подальше, трясясь и всхлипывая, принялась счищать с себя комки грязи. Мычка попытался помочь, но натолкнувшись на исполненный ярости взгляд, отшатнулся. Скривив губы, девушка воскликнула, едва не плача:

— Не подходи. Это все ты виноват! Ты затащил меня неведомо куда. Сидела бы себе дома, в тепле и уюте. А из-за тебя я сейчас похожа... я даже не знаю, на что я похожа. На лесного духа, на утопца, на... на... на грязного противного вершинника!

Дождавшись, когда девушка замолчит, чтобы набрать воздуха для новой порции ругательств, Мычка торопливо произнес:

— Могу развести костер. Согреешься, заодно вещи просушишь. Идет?

Зимородок несколько мгновений злобно сверкала глазами, прожигая Мычку полным ненависти взглядом. Ее губы дергались, готовые высказать все, что представляет из себя "проклятый вершинник", но сделав над собой сверхусилие, девушка выдавила лишь короткое:

— Жги. И побыстрее!

Мычка кивнул, сбросив мешки и отстегнув перевязь, поспешно побежал за хворостом, не дожидаясь, пока Зимородок соберется с мыслями, чтобы продолжить перечисление его "достоинств".

Костер долго не хотел заниматься. Наполненные влагой, ветви курились дымком, шипели, исходя грязью и паром, но, побежденные терпеньем, все же занялись, окутались огнем. И вскоре костер уже пылал, распространяя вокруг волны тепла и удушливого дыма. Зимородок кашляла, вертела головой, спасаясь от едкого дыма, но от огня не отходила. Лишь достаточно согревшись, и перестав дрожать, она отодвинулась, сказала сухо:

— Отвернись.

Занятый размышлениями, Мычка не сразу понял, переспросил:

— Отвернуться, зачем?

— По башке тебе хочу дать, вот этой палкой, да, боюсь, сопротивляться будешь, — прошипела Зимородок зло. Мычка непонимающе сморгнул, и она добавила с надрывом: — Да переодеться я хочу, бестолочь! Неужели не понятно?

Мычка ужом развернулся, застыл, созерцая покрытую пышной шапкой прошлогодней травы одинокую кочку. Позади завозилось, донеслось недовольное шипенье и сдавленные ругательства. Выждав некоторое время, Мычка осторожно поинтересовался:

— Уже можно поворачиваться?

Позади посопело, донеслось недовольное:

— Вообще-то не за чем... Но, раз уж невтерпеж посмотреть, можешь повернуться.

Опасаясь очередной колкости, Мычка чуть дернул головой, взглянул искоса, но, не узрев опасности, развернулся полностью. Зимородок сидит у костра, скорчившись, и обхватив колени руками, похожая на взъерошенную птаху. Грязная одежда лежит поодаль, напоминая мокрую земляную кучу. Мычка в тайне порадовался, что не пожалел время, отыскал и взял в избе лишние вещи. Не будь с собой запаса, страшно представить, что бы Зимородок сейчас вытворяла.

Мычка раскрыл мешок, вытащил остатки мяса, положил горкой, сдвинув ближе к девушке. Та сперва воротила нос, демонстративно не замечала, но, увидев, как смачно Мычка жует, не выдержала, украдкой взяла кусочек, проглотила, почти не жуя, разохотившись, взяла еще и еще.

Глядя в огонь, Мычка произнес с мягким упреком:

— Лес не злой, но нужно быть начеку.

Зимородок буркнула нечто неразборчивое. Не удовлетворившись, повторила громче, но поперхнулась, зашлась в жесточайшем кашле. Мычка несколько раз стукнул девушку по спине, взглянул с вопросом. Но та лишь трясла головой и продолжала перхаться, однако, когда он вновь занес руку, дернула плечом, отсела. Прокашлявшись, и протирая глаза от слез, Зимородок пропищала с упреком:

— Это все ты, нечисть лесная. Захочешь слово доброе сказать, так им же и подавишься!

Сбитый с толку, Мычка воскликнул:

— Я-то тут при чем?

— А при том! — Зимородок сверкнула глазами. — Глаза твои бесстыжие. Как зыркнешь, так кусок в горло не лезет.

Глядя, как она забрасывает в рот очередной шмат мяса, Мычка лишь покачал головой, отвернулся. Зимородок сосредоточенно жевала, время от времени посверкивая в сторону спутника угольками глаз, наконец не выдержала, спросила с вызовом:

— Так что ты там о лесе говорил?

Мычка покосился на девушку, спросил с издевкой:

— А вновь подавиться не боишься?

— Не получится, уже доела! — злорадно бросила Зимородок. — Рассказывай, рассказывай, чего знаешь. А то еще одну такую лужу я точно не переживу.

Мычка помолчал, собираясь с мыслями, сказал:

— Я удивляюсь, что приходится рассказывать такие простые вещи. Вроде в одном лесу живем, одним воздухом дышим, но какая разница в понимании.

— Еще бы не было разницы! — ахнула Зимородок. — Ты — вершинник, а мы — людское племя.

— И в чем разница? — поинтересовался Мычка с усмешкой.

— Так очевидно же, неужели не понимаешь? — Зимородок прищурилась.

Мычка развел руками, сказал честно:

— Не понимаю. Если ты понимаешь — объясни, сделай милость.

Зимородок фыркнула, сказала свысока:

— Не понимаешь — вот тебе и разница. — Однако, Мычка смотрел вопросительно, и она продолжила: — У вас уши торчком, как у волков, у нас нет. У вас кожа бледная, что

просто ужас, у нас розовая. Что не понятного?

— И это все? — Мычка вздернул бровь.

— А тебе мало? — удивилась Зимородок.

— Острые уши, бледная кожа... Я вот волосы распущенными ношу, а ты заплетаешь.

Тоже за разницу считать? Опять же, у меня оружие имеется, у тебя нет. На одежду еще давай поглядим, у кого что и насколько отличается.

Зимородок нетерпеливо дернула плечиком, сказала:

— Ну это же совсем не то!

— А что то, что?

— Ну-у... я не знаю...

Зимородок скорчила недовольную гримаску, задумалась. Однако, по мере того, как шло время, ее лицо приобретало растерянность. Мычка продолжал буравить собеседницу взглядом, и она отмахнулась, сказала с досадой:

— Ну, не знаю я, не знаю! Доволен? — Заметив мелькнувшую улыбку, поспешно поправились: — Но что-то наверняка есть, не может не быть.

Мычка перестал улыбаться, сказал с грустью:

— В том и дело, что ничего эдакого нет. Что вы там о нас понапридумывали: что в зверей обращаемся, детей едим, порчу насылаем?

Прислушиваясь к словам, Зимородок с удивлением ощутила укол совести. Будто сорвавшиеся с губ вершинника слова горечи и досады были отчасти и ее виной. Она хотела по привычке фыркнуть, но почему-то сказала тихо:

— Наверное, это от страха...

Ощувив, что оправдывается, она поспешно захлопнула рот, но сказанное не воротись. Вершинник услышал, взглянул с таким удивлением, будто ему вдруг ответило полено или пень. Змей подколодный, гад ползучий, да как он смеет на нее так смотреть? На нее! От возмущения сперло дыхание, так что она невольно поперхнулась, а когда прокашлялась, спутник уже смотрел в огонь, словно и не было никакого разговора.

Мычка молчал долго, так долго, что Зимородок начала клевать носом, наконец тихо произнес:

— Вся разница — в отношении к миру. И мы и вы живем в лесу, только для одних это дом, для других угроза. Одни чувствуют себя с лесом единым целым, другие возводят заборы, отгораживаются стенами, садят на привязь свободолюбивых волков, чтобы те, озверев от неволи, охраняли их от неведомых опасностей. В этом основная и главная разница, остальное — следствие.

Зимородок вскинулась, хотела по привычке сказать нечто едкое, однако смолчала, не то в словах спутника почудилась некая непонятная, но могучая правда, не то тяготы пути отбили дальнейшее желание говорить, но вместо беседы потянуло в сон. С трудом удерживаясь, чтобы не брякнуться прямо тут, на землю, она протянула:

— Ты говори, говори, я слушаю. Вот только устроюсь поудобнее...

Мычка покивал, показывая, что слышит, но по-прежнему витая в мыслях, когда же очнулся, Зимородок уже спала, скрючившись в кучке извлеченных из мешка вещей. Мычка снял с себя плащ, накрыл девушку, со странным чувством удовлетворения и радости наблюдая, как, согреваясь, она вытягивается, распрямляет руки и ноги, до того крепко прижатые к телу.

Стало заметно темнее, от земли потянуло холодом — предвестником ночи. Мычка с

неудовольствием огляделся. Вокруг заполненные водой ямины — не лучшее для ночевки место. Однако что-либо менять уже поздно: костер разожжен, да и спутница давно спит. Все что нужно, это собрать побольше хвороста, пока не погасли последние лучи и вокруг хоть что-то видно. Иначе потом придется выползть из ближайшей ямы, как давеча Зимородок, и хорошо если так. Бывалые охотники сказывали, что в глубине леса встречается всякое, от чего лучше держаться подальше, так что стоит поторопиться. И хворосту, больше хворосту, чтобы было чем разжечь костер поярче, на случай, если это самое, всякое, вдруг решит заглянуть на огонек, чтобы познакомиться поближе с забредшими во владения незванными гостями.

Мычка сходил за хворостом раз, другой, и лишь когда окончательно стемнело, а вокруг, отгораживая от клубящейся тьмы, вознеслась небольшая преграда из сучьев и ветвей, успокоился, прилег, наблюдая за переливами пламени. По-хорошему, как учили опытные охотники, нужно сесть спиной к огню, чтобы, в случае опасности, не оказаться ослепшим, после яркого света пытаясь что-либо безуспешно различить в окружающем сумраке. Но мышцы ноют от усталости, а в глаза будто сыпанули песку. К тому же разболелась оставленная хозяином леса рана, так что всякое движение, даже самое слабое, вызывает в плече тупую саднящую боль.

Сознание поплыло. Пламя костра разрослось, заняло весь мир. В танцующих отблесках возникают и тают смутные фигуры, мерещатся жутки хари. Из тьмы, норовя зацепить корявыми когтями, тянутся мохнатые лапы, блестят алые капли зловещих глаз, слышится жуткий смех и таинственный шепот. Появляется и исчезает лик наставника, глаза полны осуждения, губы недовольно кривятся. Наставник исчезает, а на его место приходит спутница.

Девушка кружится в странном танце, манит. Глаза мерцают, как звезды, таинственные и зовущие. Губы приоткрыты, раз за разом мелькает язычок, розовый и влажный. С каждым шагом она все ближе. Глаза уже не просто мерцают — горят странным будоражающим пламенем, губы раскрываются, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, что сверкают, отражая пламя огня, становятся все ярче, острее, больше. Улыбка сменяется оскалом. Лик девушки искажается, течет, и вот уже не милое приятное лицо, а чудовищный лик хозяина леса. Смрадное дыхание забивает ноздри, жар опалает лицо, а из бездонного жерла глотки раздается угрожающее бульканье... Бульканье?!

Мычка дернулся всем телом, распахнул глаза. Совсем рядом, обдавая жаром, пылает огонь, отстреливает мелкие злые искры. Смутно удивившись, как пламя до сих пор не угасло, Мычка отодвинулся, повел взглядом. Сквозь ветви сочится слабый утренний свет. Ночь пролетела незаметно. Чувствуя ломоту во всем теле, будто и не спал вовсе, он с трудом сел, осмотрелся.

Неподалеку, возле одной из луж, что-то копошится, доносится невнятное бормотание и плеск. Мычка прищурился, вглядываясь сквозь дымку, невольно улыбнулся. Устроившись возле кромки воды, Зимородок полощет одежду. Руки так и мелькают, дергают, выскабливают, полощут, отчищая со шкур малейшие кусочки грязи. Вот она закончила, выпрямилась, подхватив под мышку ком белья, зашагала к огню. Приблизившись, девушка принялась развешивать одежду на ветви, загодя воткнутые полукругом возле огня. Подчеркнуто не замечая Мычку, Зимородок занималась делом. Лишь после того, как костер спрятался за стенкой из шкур, повернувшись вполоборота, она сказала с прохладцей:

— Долго спишь, для охотника.

ГЛАВА 10

В глаза словно сыпанули песка, тело ноет, будто он всю ночь таскал бревна. Мычка простонал:

— Куда уж дольше, едва лег...

Зимородок скорчила мордочку, сказала со смешком:

— Как же, как же. Я уж костер разожгла, себя в порядок привела, постирала, а ты все лежишь, не иначе выжидаешь чего... И я даже догадываюсь, чего именно.

Мычка отозвался эхом:

— Чего...

— Ждешь, пока пожрать приготовлю! — воскликнула Зимородок обвиняюще. — Да только не дождешься.

Не в силах спорить, Мычка отвернулся, отполз к ближайшей луже, упав в воду лицом, полежал, ощущая, как кожа начинает гореть, и одновременно исчезает усталость. Подняв голову, он хватанул воздуха, вновь опустил. Уши тут же заложило, череп заломило от холода, но Мычка мужественно держался, ожидая, пока выветрятся остатки сна. Когда боль стала нестерпимой, он вскинулся, взметнув волосами фонтан воды.

Сзади раздался полный негодования вопль. Прислушиваясь к приглушенным ругательствам, Мычка улыбнулся, легко вскочил. Ледяная вода взбодрила. Сердце забилося чаще, разгоняя по жилам застоявшуюся за ночь кровь. Разохотившись, Мычка сбросил рубаху, принялся черпать из лужи горстями, плескать на грудь, отчего кожа порозовела, а по спине разбежались мурашки. Ощувив, что полностью проснулся, он закончил, вернулся к костру, присел, подставляясь под благодатные волны тепла.

Зимородок отодвинулась, не желая смотреть на спутника, отвернула голову так сильно, что едва не вывихнула шею. Однако, нет-нет, да сверкала в сторону спутника взглядом, настолько яростным и недовольным, что Мычке казалось — кожи касаются чьи-то острые коготки. Не достигнув ожидаемой реакции, Зимородок как ни в чем небывало повернулась, сказала с приторной улыбочкой:

— А есть-то хочется, хочется, по глазам вижу.

Покачав головой, Мычка указал на мешок, сказал с осуждением:

— Вообще-то с утра не стоит набивать желудок, но раз уж невтерпеж, пошарь на дне, там остались кусочки.

Зимородок отшатнулась, сказала низким от ярости голосом:

— Это кому здесь невтерпеж, это мне-то невтерпеж?

Мычка пожал плечами.

— Конечно, кто мне о завтраке уши прожужжал? — Он скупно улыбнулся, добавил примирительно: — Да ты ешь, не бойся, я никому не скажу.

От бешенства Зимородок пошла пятнами, вскочила. Пальцы сжимаются в кулаки, глаза пылают, а губы дрожат так сильно, что, еще немного, и на наглеца обрушится шквал слов, да таких, что затопчут, вобьют в землю по уши, а после еще и пройдутся сверху, приминая оставшееся.

Словно не замечая происходящих со спутницей изменений, Мычка произнес рассудительно:

— Раз уж зашла речь, то на ночь тоже не стоит наедаться. А то потом храп, да разные прочие непотребства...

— Храп!?! — Глаза Зимородок, и без того расширенные, выпучились еще, она прошипела по-змеиному: — Хочешь сказать, я храплю?

Мычка с опаской покосился на спутницу, что от злости стала раздуваться, становиться больше, выше, страшнее. Подобно, как на глазах увеличивается жаба, стоит лишь нечаянно задеть. Она открыла рот, выгнулась, готовясь не то крикнуть, не то укусить, но в этот момент где-то неподалеку гулко ухнуло. Колыхнулась вода в ямках, с ветвей посыпалась хвоя, а чуть погодя, ослабленная расстоянием, в грудь мягко толкнула воздушная волна.

Зимородок рванулась, единым духом перемахнув костер и оказавшись за плечом у Мычки, прошептала с дрожью:

— Что это?

— Где? — Мычка повернул голову, встретился взглядом с полными испуга глазенками спутницы.

— Ну это, жуткое, там... — Из-за плеча высунулась рука, сделала неопределенный жест.

Мычка пожал плечами, сказал с запинкой:

— Наверное, тебе лучше знать.

Зимородок воскликнула удивленно:

— Мне-то откуда!.. — Поперхнулась, закончила шепотом: — Откуда мне знать?

На этот раз удивился Мычка.

— Разве не ты сказала — жуткое. Знать ведаешь о чем речь.

Немного успокоившись, Зимородок рассудительно произнесла:

— Я не знаю что это, но раз оно производит такие звуки, то просто не может не быть не жутким.

Девушка шептала прямо в ухо, ероша дыханьем волосы, отчего кожа немилосердно зудела. Но от ее тела, жаркого, как нагретый очаг, по спине разливается приятное тепло, и Мычка всеми силами крепился, не желая прерывать удовольствие невольным жестом или неуместным движением. Прислушиваясь к сердцебиению спутницы, осязаемому даже сквозь шкуру рубахи, Мычка успокаивающе произнес:

— Вряд ли там что-то особенное. Скорее... просто рухнувшее от старости дерево.

Зимородок шумно выдохнула, сказала с ноткой страха, но уже спокойнее:

— Видать, большое было дерево.

Мычка качнул головой, откликнулся эхом:

— Видать. Ну, если это действительно было дерево, то да, большое.

Девушка снова насторожилась, коснувшись было спины прохлады вновь сменилась жаром, прошептала с подозрением:

— А что, это может оказаться вовсе и не дерево?

— Может, — согласился Мычка.

Зимородок рассердилась, прошипела зло:

— Так что ж ты мне тогда голову морочишь! Какой ты охотник, если даже не можешь сказать, дерево это было, или не дерево?

Мычка покивал, сказал с раскаяньем:

— Ага, непутевый. Но ты не расстраивайся. Сейчас мы туда сходим, и все узнаем.

— Куда?! — Зимородок вновь перешла на шепот.

— В лес.

— Зачем? — простонала она, впад в полуобморочное состояние.

— Как зачем? Посмотрим, узнаем точно, дерево это, или не дерево. Тебе же интересно.

— Нет! — Зимородок подскочила, воскликнула с дрожью: — Мне не интересно.

Мычка вздохнул, сказал с изумлением:

— Разве? А мне вот очень даже интересно.

— И тебе не интересно, — отрубил Зимородок. — И вообще, засиделись мы. Давно пора выходить. Собирайся.

Она поднялась, хотя и с некоторой робостью, начала сдергивать одежду. Глядя, как она закидывает в мешок не успевшие обсохнуть шкуры, Мычка лишь покачал головой, но спорить не стал. Заплечные мешки заняли свои места, погасло залитое водой пламя, и вскоре под ногами уже чавкала раскисшая от влаги земля.

Путь лежит в сторону, откуда донесся звук. По началу Мычка хотел пройти напрямую, но, завидев, куда именно он направляется, Зимородок вцепилась клещом, так что пришлось сделать изрядный крюк, и лишь после, когда девушка перестала оглядывать и испуганно вздрагивать, они вернулись на прежний путь.

Лужи поредели, а затем и вовсе сошли на нет. Стало суше. Если до того ноги чавкали по грязи, то теперь под подошвами приятно похрустывает хвоя и мелкие веточки. Зимородок носится вокруг, с любопытством разглядывает желтые пятна едва распустившихся цветов, осторожно дотрагивается до игл царяп-куста, сбивает палочкой высохшие гроздья грибов-древожоров, с восторгом следя, как с треском разлетаются облачка грязно-желтых спор.

Сохраняя серьезное выражение лица, в душе Мычка ликовал. Именно так он и представлял далекое путешествие. Конечно, вместо скачущей девчушки, рядом должен был идти в ногу опытный воин, или даже не опытный, и не обязательно в ногу, но тот, на чье плечо в сложной ситуации можно положиться, кто не предаст и не дрогнет. Но почему-то нет чувства обиды на судьбу, и не так уж тяжел дополнительный заплечный мешок. Да и лишний раз повернуть голову, осматриваясь в поисках опасности, если подумать, не в тягость. Главное, что под ноги ложится дорога, взору открываются новые земли, и есть кому разделить радость пути, пусть даже это всего лишь взбалмошная девица, пугающаяся каждого шороха и в жизни не выходившая дальше околицы.

В букет лесных ароматов закралась неприятная нотка, помаячила, дразня непривычным запахом, но исчезла так быстро, что Мычка даже не успел толком насторожиться. Однако, вскоре запах вернулся, став крепче и мощнее. Мычка принялся, невольно замедлил шаг, пытаясь понять, где раньше встречал подобное.

Зимородок отметила заминку, повернув личико, прощелбетала с насмешкой:

— Не рановато для привала, прошли — всего ничего?

Мычка не ответил. Запах дразнит, щекочет ноздри, отзываясь на языке отвратительным привкусом, заставляет напрягать память, в безуспешных попытках понять природу явления. Видя, что спутник идет все медленнее, уставившись в пространство невидящим взглядом,

Зимородок остановилась. Улыбка исчезла, уступив место настороженности. Она подошла, спросила со скрытой тревогой:

— Что-то случилось?

Мычка спросил невпопад:

— Ты что-нибудь чувствуешь?

Зимородок принюхалась, поводила глазами, оглянулась на всякий случай, но лишь пожала плечами.

— Нет. А в чем дело?

— Запах. — Мычка пошевелил пальцами, пытаясь в жесте выразить ощущения, сказал с запинкой: — Чую запах, но не могу понять.

— Что не можешь? — Зимородок сделала круглые глаза.

— Не могу понять, чем пахнет.

Зимородок сморгнула, спросила с непониманием:

— А какая разница?

На этот раз с непониманием взглянул Мычка. В его глазах отразилось такое изумление, что спутница ощутила себя неловко. Он произнес замедленно:

— Чтобы избежать опасности, нужно ее заметить вовремя. В густом лесу меньше всего пользы от глаз. Когда ты узришь противника, скорее всего будет уже поздно. Чуть лучше слух, но и это не панацея. Не все шумят как бер, а затаившегося в засаде дикого кота не услышать вовсе.

— И что же делать, — испуганная серьезным голосом спутника, спросила Зимородок с дрожью.

Мычка улыбнулся, коснулся кончика носа.

— Нюх. Он загодя предупредит об опасности. Позволит понять — стоит ли идти дальше, или лучше повернуть.

Выпучив глаза, Зимородок протараторила скороговоркой:

— Предлагаю повернуть!

Мычка поморщился.

— Теперь от всего что не ясно шарахаться?

— Конечно, — ответила Зимородок с убеждением. — А как иначе?

Мычка покосился на девушку, сказал с неодобрением:

— Можно и иначе. С чего бы стал останавливаться?

Зимородок фыркнула, сказала колко:

— Вижу, тебе не хватило бера. Еще хочешь?

— При чем тут бер?

— Да при том! Едва живой остался, а опять лезешь непонятно куда.

Заговорщицки понизив голос, Мычка произнес:

— Так ведь не обязательно это опасность. Может там что полезное, ну, или вкусное.

— Жрун, — с отвращением процедила Зимородок. — Ради еды готов к демонам на рога идти.

— А если не еда? — произнес Мычка еще более заговорщицки.

— Что же?

— К примеру... к примеру... — Мычка задвигал бровями, пытаясь представить что-нибудь способное вызывать интерес спутницы. Тусклый блеск привлек взгляд. Подняв руку, Мычка узрел кольцо, сказал с радостью: — К примеру набитый кольцами да серьгами

сундук!

У Зимородок отвисла челюсть. По остекленевшему взгляду Мычка понял — подобное девушке в голову не приходило. Не выходя из ступора, Зимородок поинтересовалась, почему-то перейдя на шепот:

— А такое бывает?

Мычка ненадолго смутился, но тут же нашелся, сказал с пренебрежением:

— Да бывает, еще б не бывать. Сам натыкался... пару раз. Идешь себе, идешь — бац, сундук!

Глаза девушки загорелись, она спросила хриплым от возбуждения голосом:

— И что там, в сундуке?

Мычка отмахнулся.

— Разное барахло. Блестки там всякие, шитые рубахи. Ну и конечно кольца, кольца и серьги. Много колец. И еще больше серег.

Для верности, он развел руки, показывая сколько именно колец и серег. Заворожено следя за его руками, Зимородок прошептала:

— Так чего мы тогда ждем, пошли быстрее!

— Куда? — Мычка оторопел.

— К сундуку.

— К какому сундуку... А-аа, вон ты о чем. — Мычка помялся, сказал нехотя: — Ну, ты, это, шибко не настраивайся. Не обязательно, что будет именно сундук. В том смысле, что сундук-то будет точно, но за содержимое не ручаюсь. Хотя... не ручаюсь даже за сундук. Если только небольшой ларь отыщем. Или шкатулку. Да и та может оказаться пустой...

Зимородок прервала резким жестом, сказала с великой решимостью:

— Веди. И только попробуй свернуть в сторону!

Мычка почесал в затылке, но спорить не стал, двинулся по запаху, благо, тот уже не исчезал, а наоборот, становился все сильнее и сильнее, вытесняя прочие ароматы леса.

Подлесок загустел, идти стало заметно тяжелее. Мычка удивленно вертел головой, не понимая, отчего кустарник, растущий до того редкими пучками, здесь буквально налезает друг на друга. Создалось впечатление, будто кто-то целенаправленно засадил все вокруг саженцами, что впоследствии выросли, взматерели, отгородив часть леса оцетинившейся ветвями живой стеной. Осталось лишь радоваться, что местечко облюбовал невзрачный лиственник, окажись это царап-куст, можно было бы смело повернуть назад, даже не пытаясь протиснуться сквозь сплетенья усаженных шипами ветвей.

Зимородок шла рядом, плечо к плечу. Также раздвигала ветви, терпела болезненные прикосновения к коже мелких, но удивительно жестких листьев. Мычка мучился совестью, глядя на пламенеющие на щеках спутницы ссадины, каждый раз, когда на нежной коже девушки появлялась очередная багровая полоска, взрагивал, словно это ему сейчас стеганула по лбу коварная ветка. Мычка уже сожалел о глупой шутке. Ведь он и предположить не мог, что девушка клюнет на такую безвкусную ложь! А она поверила, положившись на честность спутника, позволила себя увлечь, и теперь пыхтит рядом, продираясь сквозь все новые и новые кусты, что, кажется, никогда не кончатся.

Уязвленный собственной низостью, несколько раз он порывался сказать, выложить всю правду. Пусть она разозлится, пусть накричит, но он будет чист перед совестью. Наконец, решившись, он открыл рот, но в этот момент Зимородок прошептала:

— Что это?

Всего в шаге от них лес кончился. Вернее, деревья просто расступились, образовав идеально круглую поляну, но настолько большую, что глаз с непривычки провалился в зависшую над поляной синюю каплю неба. Кустарник также закончился. Только что ветви стояли стеной, скрученные в невероятных хитросплетениях, и вот уже пустота. Каких-то полшага, и буйная поросль обрывается, будто наткнувшись на невидимую стену.

Но не это привлекло взор. Посреди поляны возвышается земляной холм, больше похожий на кочку, настолько аккуратный, ровный, без единой выемки или неровности. Холм приковывает взгляд, пугающими, невероятными для природы правильными очертаниями. И размер, каков размер! Холм огромен, вздымается выше самых высоких деревьев, и очень-очень крут. Бока начинаются в паре шагов от отбрасывающей растения незримой границы, пушистые от почерневшей травы, испятнанные пучками мелких кустиков, резко взмывают вверх, где закругляются, переходя в плоскую вершину.

ГЛАВА 11

Шепотом, настолько тихим, что Мычка с трудом уловил смысл, Зимородок выдохнула:
— А сундуки всегда находятся в таких... жутких местах?

Мычка хотел отшутиться, но язык примерз к гортани. Неожиданно всплыло воспоминание из детства. Слова. Обрывки рассказа. Зашедший в дом гость делился впечатлениями о дальней охоте. Тогда Мычка был еще слишком мал, лежал в кроватке, отгороженный ширмой, и не мог видеть лица охотника, но наполненный ужасом голос запомнил надолго. Со временем слова истаяли, расплылись, забылся и рассказ, вытесненный более насущными делами, коих у каждого ребенка намного больше чем у любого взрослого.

И сейчас, глядя на чудовищное порождение неведомых сил, Мычка вспомнил тот день, а в ушах вновь зазвучал испуганный шепот. Слова протаяли, выкристаллизовались в огненные руны, отчего в желудке похолодело, а волосы на загривке встали дыбом. "Ни за что, если случайно встретите творение древних мастеров, не подходите близко, и, тем более, не заходите вглубь! Снаружи это ничем не примечательный круглый холм, но внутри..." Дальше воспоминание обрывалось, отчего становилось лишь еще страшнее.

Удивительный холм пугает и завораживает одновременно. Безумно хочется подойти, прикоснуться, рассмотреть внимательнее, но сердце сжимается от страха перед неведомым, а ноги деревенеют. Если бы рядом не было спутницы, что сейчас смотрит на него со страстной надеждой, наверное, Мычка бы ушел, вернулся в лес, не смотря на сжигающее любопытство. Но Зимородок дышит в ухо, прижимается к боку, отчего плечи раздаются сами собой, а сердце стучит чаще.

Отбросив сомнения, Мычка стиснул зубы, шагнул вперед, будто в пропасть. Мгновение парализующего страха, когда не знаешь, что случится в следующий миг, и вот он уже стоит на полянке. Сердце трепещет испуганной мышью, по спине сбегает капли пота, но губы раздвигаются в победной усмешке. Он превозмог себя, шагнул в неизвестное, открыл

очередную ступеньку в бесконечной лестнице неведомого.

Позади зашуршало. Зимородок выскочила следом, прижалась, быстро-быстро дыша и испугано озираясь, прошептала в ухо:

— Почему-то мне страшно. Правда, странно? — Она нервно хихикнула.

И хотя на душе скребли кошки, Мычка приосанился, сказал легко:

— Если всего бояться, от каждого куста шархаться будешь.

Зимородок оглядела холм, сказала с уважением:

— Это все же побольше куста будет.

Они двинулись по кругу, стиснутые с одной стороны непролазной стеной леса, с другой боком холма. Зимородок поглядывала на холм с опаской, но не выдержала, коротко дотронулась, тут же отдернув руку, затем осмелела, принялась ощупывать земляной бок. Мычка смотрел с неодобрением. Его с детства учили, что, прежде чем трогать неизвестные предметы, стоит сперва присмотреться, изучить, мало ли какая опасность кроится в невзрачном на вид растении, мелком животном, тихом лесном озерце. Растение может оказаться ядовито, животное нападет, а скрытые от взора в темной воде озера холодные ключи сведут мышцы судорогой, утянут на дно.

Однако, вслух он ничего не сказал. Трусом выглядеть не хотелось, да и Зимородок успела порядком испачкать руки, сбила огромный пласт земли, и продолжала раз за разом тыкать кулачком в бок холма без каких-либо видимых для себя повреждений. Холм медленно поворачивается вокруг, одинаковый и чуждый в невероятном совершенстве форм. Завороженный величиим зрелища, Мычка не мог отдать себе отчет, зачем он идет по узкому, и явно опасному пространству.

Запах усилился, но источник по-прежнему не показывался на глаза, и Мычка уже отчаялся что-либо найти, когда Зимородок схватила его за плечо, порывисто выдохнула:

— Там!

Мычка взглянул в указанном направлении, ощутил неприятный холодок в груди. Край холма срезан, будто огромным ножом. Пока видна лишь грань, где шарообразность прерывается, отсеченная неведомой силой. И хотя взгляд еще не охватил картины в целом, что-то подсказывает — там, впереди, нечто намного более интересное, чем просто земляной скол.

— Пойдем, — Мычка взял спутницу за руку, — думаю, там кроется разгадка.

Зимородок поежилась, но руку не отняла, лишь спросила жалобно:

— Ты уверен, что нам действительно туда нужно? Может, пока не поздно...

Мычка улыбнулся, сказал ободряюще:

— Да мы только одним глазком. Если увидим... нет, даже почувствуем опасность, сразу же вернемся!

Зимородок сглотнула, и хотя на ее лице отразилось сильнейшее нежелание лезть в такое страшное, и явно очень опасное место, двинулась вперед, как бы невзначай продолжая удерживать Мычку за руку.

Холм повернулся еще, и они невольно замедлили шаг, а затем и вовсе остановились. Неведомая сила срезала землю на десяток шагов вглубь, обнажив каменное содержимое. Серый, искрошенный камень, источенный отверстиями, но удивительно монолитный. Скала! Земля лежит сверху тонким слоем, удерживаясь на ровной, как пятка, скале неведомым образом. Но не это привлекло взор. Посреди среза чернеет провал. Будто огромная нора неведомого зверя, сумевшего прорыть вход в неподатливой породе. Вот

только стенки норы не привычно округлые, а...

Мычка подался вперед, неотрывно глядя на обнажившийся камень. Идеально ровный свод, отвесно обрывающиеся стены. Не нора, вход! Принюхиваясь, ноздри потянули воздух. В носу запершило, по языку расползся неприятный привкус. Запах! Здесь он гораздо сильнее и гуще, чем где-либо еще. Мычка подошел ближе, остановился возле самого входа.

Пробитый неведомым существом, проход манит и пугает одновременно. В лишенной света, черной как ночь глубине бродят тени, доносится звук падающих капель, многократно отраженный в камне, кажется гулким и угрожающим. Взгляд скользнул в сторону, задержался на странных уродливых выростах. Огромные, искаженные временем и влагой куски металла, что-то смутно напоминающие: один сверху, почти под самым сводом, один у самой земли. На противоположной стене то же самое. Форма смутно знакома, но время покрыло металл ржой до такой степени, что первоначальное предназначение уже не понять.

Чуть дальше, возле стен, громоздятся рыже-черные груды. Мычка принюхался, покачал головой. А вот и источник запаха. Огромные кучи металла, раскисшие, изъеденные водой настолько, что лишь пристальный взгляд сможет различить в комьях грязи останки некогда благородного металла.

Прошуршали легкие шаги, остановились рядом. Из-за плеча раздалось испуганное:

— Надеюсь, ты... мы не пойдём туда?

Мычка повернул голову. Испуганные глаза, побледневшие щеки, кончик язычка то и дело высовывается, облизывает пересохшие от страха губы. До этого мгновенья он и думать не смел, вторгнуться в обитель тьмы и древних легенд. Но стоящая за плечом хрупкая девушка придает смелости, возбуждает задор, отчего хочется совершать нелепые действия и умопомрачительные поступки, лишь бы не упасть в глазах.

Мычка усмехнулся, сказал с деланным безразличием:

— Почему бы и нет?

Зимородок отскочила, как ошпаренная, прошипела зло:

— Совсем с ума сошел!

Мычка улыбнулся уголками губ, спросил с насмешкой:

— Боишься?

Зимородок пошла пятнами, воскликнула:

— Ничего я не боюсь! Просто, там... там... — Она запнулась, замолчала, мучительно подыскивая соответствующее слово, выпалила победно: — Там ничего не видно!

Мычка покивал, сказал в раздумье:

— Это ты верно заметила.

Зимородок бледно улыбнулась, спросила с заметным облегчением:

— Значит не пойдём?

Вместо ответа, Мычка сбросил заплечные мешки, пошарив, вытащил из одного кремень и трут, какую-то грязную тряпицу, затем подошел к стене кустарника, долго присматривался, пока не нашел подходящую ветвь. Коротко хрустнуло. Зимородок обеспокоено следила за его действиями, то и дело поглядывая в сторону пещеры: не мелькают ли в глубине жуткие чудища, не спешат ли полакомиться глупыми путниками?

Потянуло дымком, замерцали искры. Однако Мычка еще некоторое время сидел, прикрывая руками, и подкармливая огонек мелкими щепками, и лишь когда ветка запылала, поднялся, сказал с победным видом:

— Вот и все. Можно отправляться.

Зимородок отшатнулась, сказала скороговоркой:

— Я не пойду. — Заметив искажившую губы спутника усмешку, поспешно добавила: — Я устала и хочу отдохнуть. К тому же там наверняка скользко от грязи. Да. Именно так. Сколько и грязно. Я не хочу вновь стирать одежду, тем более, воды поблизости нет.

Подобный поворот событий не радовал, но факел уже всю пылал, и Мычка лишь пожал плечами.

— Хорошо.

Он развернулся, зашагал ко входу. Зимородок хмура смотрела вслед. Когда Мычка почти скрылся в проеме, не выдержала, выкрикнула со злой обидой:

— Ну и иди, смельчак несчастный. А я тогда тоже пойду, только не следом. Вот вернешься, узнаешь...

Она кричала вслед еще что-то обидное, но Мычка исчез, повалившись в зловещий зев пещеры, только свет факела сверкал тусклой блеской, с каждым мигом становясь все бледнее, пока совсем не угас. Зимородок в гневе отвернулась, не желая даже смотреть на наглеца, что посмел бросить ее одну. И ради чего, ради какой-то засыпанной грязью пещеры!

Кипящая в груди ярость требует выхода. Зимородок прошла враз вперед, раздувая ноздри и сжимая кулаки. Перед внутренним взором вставали картинки, одна слаще другой, как спустя немного времени, опомнившись, Мычка выметнется из пещеры, но спутницы не найдет. Зимородок злорадно ухмыльнулась, представив, как он будет метаться, звать, но ответом будет лишь молчанье. Он будет метаться до тех пор, пока, обессиленный, не упадет на землю, размазывая слезы по щекам и стенам от горя.

Однако время шло, а Мычка не появлялся. Зимородок все чаще поглядывала в сторону пещеры, наконец не выдержала, позвала чуть слышно. Но ответа не получила. Черное пятно провала насмешливо таращится, подобное пустой глазнице черепа. От пришедшего на ум сравнения стало не по себе. Зимородок втянула голову, замерла. Стена леса позади вдруг показалась угрожающей, а в ведущей внутрь холма черной дыре за клубились тени. словно где-то в глубине, сожрав сунувшегося в логово безумца, пробудились темные силы, но не удовлетворившись одной жертвой, потянули черные щупальца наружу, подгоняемые вековым голодом по горячей крови живых существ.

Горло стиснуло, страх сковал тело. Зимородок ощутила, как на голове зашевелились волосы. Внезапно почудилось, что из сплетения ветвей позади кто-то смотрит. Тяжелый взгляд, внимательный и страшный. Извернувшись ужом, она отпрыгнула, лихорадочно завертела головой, отыскивая источник паники. Страх все сильнее, глаза расширены так, что едва не вылазят из орбит, сердце колотится, грозя выскочить из груди, а ноги подгибаются от страха. Что затаилось в лесу, чего ему надо?

Внезапно в гуще ветвей хрустнуло, зашуршала хвоя, а с дерева с недовольным воплем сорвалась ворона. Зимородок вспикнула, спасаясь от рвущегося из леса неминуемого ужаса, опрометью бросилась в темный зев пещеры.

Мычка медленно брел по пещере, внимательно поглядывая по сторонам. Особого интереса покрытые потеками стены не представляли, но любопытство лучше страха, и раз за разом он продолжал всматриваться, хотя ничего нового не замечал. Под ногами хлюпает вода, порой, поскрипывает снег, почерневшими пятнами разбросанный тут и там, с потолка свисают многочисленные сосульки. Снаружи тепло, но здесь, в черной глубине, царство вечного холода. Там, где в монолитной породе вода проточила ходы, камень изукрашен

льдистыми узорами, но большая часть стен укрыта пушистой снежной шкурой.

Время от времени Мычка опускал факел, насторожено смотрел под ноги, страшась увидеть отпечатки лап хозяина леса, но обнаруживал лишь многочисленные отпечатки лап мелких хищников. В мертвой тишине слух ухватил далекое постукивание, будто кто-то быстро-быстро перебирает лапками. Мычка насторожился, прислушался. Глаза полезли на лоб, когда он понял, что звук усиливается и... движется по пятам. Свободная рука потянулась к оружию, коснувшись рукояти, замерла, но в следующий миг опала. Мычка с облегчением выдохнул, приветливо улыбнувшись ровно в тот момент, когда из тьмы выметнулась знакомая фигурка.

Успокаивая, он коснулся плеча девушки, сказал участливо:

— Испугалась?

Зимородок отстранилась, и хотя в глазах плещется испуг, сказала сердито:

— Утомилась. Ты тут бродишь, красоты разглядываешь, а я жди! К тому же там жарко.

А тут хорошо, прохладно.

Заметив, как она передернула плечами, конечно же от подземной свежести, а никак не от страха, Мычка покачал головой, сказал с сожалением:

— Пока похвастаться нечем. Из всех красот — грязь да сосульки. Но ничего, пройдемся еще, может что интересное отыщем.

Зимородок поморщилась, явно не одобряя идею дальнейшей прогулки, но вслух лишь произнесла:

— Как скажешь.

Грязь кончилась, покрылась слоем снега, исчезли натеки. Стены оделись плотной шубой из инея. Заинтересованный странными выступами, Мычка несколько раз останавливался, подходил ближе, даже несколько раз ковырнул ножом, но, бессильный пробить толстенный слой смерзшегося до плотности камня инея, отступал. Коридор плавно поворачивал то в одну, то в другую сторону. Несколько раз попадались узкие и извилистые свертки. Не желая заблудиться, Мычка оставлял тоннели без внимания, всякий раз выбирая основную дорогу. Дважды стены расходились, образуя большие комнаты, но вскоре сходились вновь, однако на третий раз комната оказалась столь велика, что сколько Мычка не всматривался, не смог увидеть даже намека на стены или свод.

Пока Мычка разглядывал свод, Зимородок пристально всматривалась вглубь пещеры, наконец она подняла руку, указывая на что-то впереди, сказала чуть слышно:

— Мне кажется, или там, во тьме, что-то есть?

Мычка перевел взгляд. Далеко впереди, в смутных отблесках факела, белеют странные конструкции. Покрытые инеем, как и все вокруг, царапают взгляд непривычными, ни на что не похожими формами. Заинтересовавшись увиденным, Мычка шагнул вперед, но в это мгновенье факел пыхнул, выбросив веер искр, потускнел.

Зимородок охнула, прошептала в ужасе:

— Если он погаснет, мы окажемся в полной тьме!

Мычка покачал головой, сказал, стараясь не показать сомненья:

— Ерунда, как дошли, так и вернемся. Смотри, сколько еще не сгоревшего дерева!

Однако, медленно но неумолимо огонь продолжал меркнуть. Зимородок покрылась мертвенной бледностью, прохрипела:

— Он гаснет! Он сейчас погаснет!

С досадой стиснув зубы, Мычка переводил взгляд то на смутные силуэты впереди, то на

меркнущее пламя. Пройти так далеко, наткнуться на неведомое и... уйти не солоно хлебавши, лишь потому, что проклятая палка не хочет гореть! Исполненный противоречивых чувств, он шагнул вперед, но Зимородок вцепилась клещом, повисла всем весом, не давая сдвинуться.

Мычка стиснул зубы, разрываясь между голосом разума, настойчиво советующим вернуться, и подталкивающим вперед азартом. В затухающем свете пламени неведомые конструкции потускнели, исчезли из вида, тьма надвинулась, а лицо спутницы приобрело жуткий мертвенный оттенок. Наконец, решившись, Мычка повернулся, с тяжелым вздохом двинулся назад, поначалу нехотя, но по мере того, как пламя тускнело, из полного жизни огня превращаясь в хилую искру, все быстрее и быстрее.

Рядом, тяжело дыша, и отстукивая зубами дробь, шла Зимородок. Вцепившись в руку, она тянула так, что Мычка едва успевал перебирать ноги. Единым духом они пронеслись через комнаты, миновали повороты, когда Зимородок воскликнула:

— Он вновь разгорается!

Все это время озабоченный тем, чтобы не упасть, и не уронить следом за собой спутницу, Мычка только сейчас обратил внимание, что стало заметно светлее. Огонь вновь разгорелся, набрал мощь, и, как и раньше, отбрасывал яркое пятно на десяток шагов вокруг.

— Наверное, просто попалось сырое место, — сказал Мычка без особой уверенности.

Зимородок только сердито покосилась. У девушки на лице крупными рунами было написано, все что она думает по поводу путешествий в гиблые места, затухающих без причины факелах и всяких самоуверенных вершинниках.

ГЛАВА 12

Когда впереди замерцало далекое пятно света, оба вздохнули с облегчением. Зимородок наконец отлепилась от руки, куда вцепилась, едва факел стал тухнуть, пошла подчеркнута независимо и легко, и вскоре исчезла в солнечных бликах. Мычка же впал в задумчивость, и чем ближе становился выход, тем больше замедлялись шаги. Неподалеку от входа он остановился, вперился в испятнанные красным металлические выворотни на стенах. Взгляд замедленно бродил с искореженных металлических наростов на лежащие тут же груды перемешанной с грязью ржи.

Внезапно Мычка хлопнул себя по лбу, да так хлестко, что под сводом заметалось гулкое эхо, выскочило наружу, спугнув парочку ворон и вызвав у Зимородка вскрик ужаса. Не дававшая покоя мысль, засевавшая зудящей занозой с самого момента захода внутрь холма, прорвалась воспоминанием. Похожие куски металла, только намного, намного меньше, он видел в деревне рыбаей в одном из сараев. Тогда он еще сильно удивился, ведь в его родной деревне подобное изготавливали исключительно из дерева. Торчащие из стен искуроченные обломки оказались не чем иным, как петлями, а источающие тяжелый запах красноватые груды возле — остатками врат.

Однако, радость от собственной догадливости быстро прошла, вытесненная священным ужасом. Кто были те существа, что смогли изготовить подобное? Откуда пришли в лес, и куда делись? И, главное, какой должны были обладать невероятной силой, чтобы добыть, собрать и возвести сооружение из такого количества металла? Голова закружилась от догадок, одна фантастичней другой. Перед внутренним взором замаячили жуткие фигуры гигантов, многорукие, многоногие, с налитыми силой мышцами и лицами искаженными гневом.

Припомнился и рассказ охотника. Отчего так дрожал голос, когда гость говорил об удивительной находке? Что встретил охотник в глубинах холма, потрясшее его, опытного путешественника, настолько, что всем и каждому заповедовал никогда не приближаться, и уж тем более не заходить вглубь наполненных холодом и тьмой коридоров? Помутился ли у охотника от тьмы и одиночества разум, и там, где были лишь пустота да снежные наносы, привиделись жуткие твари, или юные исследователи спустились недостаточно глубоко? А может дух удачи вновь проявил милость, и они совсем немного разминулись с гибельным существом глубин? Ведь не зря стал гаснуть огонь, ох не зря! На ровном месте пламя просто так не хиреет, не затухает без причин едва тронутая пеплом ветвь.

От размышлений оторвал возглас Зимородок. Не дождавшись спутника, она заглянула в зев пещеры, выкрикнула нетерпеливо:

— Долго ты собираешься таращиться на местные красоты? — Заметив, что Мычка поднял на нее глаза, насмешливо изогнула губы, добавила едко: — Нет, я вполне допускаю, что вершинники находят груды смердящей грязи достойными созерцания, но не мог бы ты поторопиться? У меня уже ноздри сводит от вони, а на языке такие ощущения, что и сказать стыдно.

Мычка последний раз осмотрел пещеру, бросил прощальный взгляд назад. Все же как некстати стал гаснуть огонь! Возможно, они не дошли до чего-то очень важного совсем немного. Лишь десяток шагов отделял их от некоего высшего знания, доступного немногим по настоящему смелым путешественникам. Хотя... кто знает. Быть может, не вернись они вовремя, кости неудачливых путников уже обгладывали бы какие-нибудь жуткие твари, или случилось бы еще что похуже. Что именно могло случиться хуже Мычка представить не смог, но вышел из пещеры почти не испытывая сожалений.

Заметив печать сомнений на лице спутника, Зимородок заволновалась, поинтересовалась вкрадчиво:

— Ведь мы не станем спускаться туда снова?

Мычка покачал головой, сказал со вздохом:

— Конечно, было бы не плохо, тем более, если запасти побольше ветвей... Но, нет.

Зимородок едва заметно выдохнула. Судя по напряженному выражения лица, она до последнего боялась, что, преисполнившись упрямства, спутник захочет повторить попытку, и, чего доброго, потащит следом ее. Страх давно испарился, захватив с собой часть воспоминаний, и Зимородок на полном серьезе считала, что к жуткой прогулке ее вынудил никто иной, как вершинник, не важно: обманом, или тайной лесной магией, но именно он. Иначе, с чего бы она сунулась в это гиблое место? По своему желанию? Да ни в жизнь!

— Вот и хорошо. Тем более, нам еще отсюда выбираться, а солнце уже садится.

В том, чтобы разбить лагерь прямо здесь, у входа, не было ничего зазорного, но от предложения Мычка воздержался, на миг представив, какой поднимется крик, стоит лишь заикнуться о подобной перспективе. Не желая делать крюк, Мычка несколько раз пытался

войти в лес, но деревья росли настолько плотно, а кустарник образовал такие хитросплетения, что он лишь разводил руками, отступая перед силой живой стены. Лишь вернувшись к месту входа, они смогли вырваться из замкнутого пространства, словно специально возведенного силой леса, чтобы отгородиться от смрадного дыхания пещеры, а то и от живущих в ее глубинах опасных обитателей.

Жесткие ветви, будто корявые руки лесных духов, хватали мешки, цеплялись за одежду, вырывая целые клочья шерсти, оставляли на открытых частях тела глубокие болезненные царапины. В одном особенно узком месте, где ветви сплелись на удивление сильно, Мычка едва не потерял перевязь, лишь активно размахивая ножом, и работая локтями, смог протиснуться. Когда кустарник наконец закончился, путники вздохнули с облегчением. Смахнув пот со лба, Мычка сказал с бледной улыбкой:

— Надеюсь, что рассказы Филина все же не окажутся преувеличением. Не хотелось бы всю дорогу пробиваться через такие заросли.

Зимородок, что, пробираясь через тернии, совсем выбилась из сил, лишь прохрипела:

— Что еще наговорил тебе сумасшедший подземник?

Поговорить о наставнике оказалось на удивление приятно. Всколыхнулись воспоминания, на сердце стало легко, а грудь невольно выпятилась, словно Филин находился не далеко, в затерянном среди леса домике, а стоял рядом, оценивающе поглядывая на ученика. Мычка сказал с улыбкой:

— Он рассказывал о многом. В частности о том, что дальше, на юг, где жгучие лучи солнца изливают на землю зной, а ветер гуляет свободно, лес редееет, сходит на нет.

Зимородок наконец отдышалась, сказала с отвлечением:

— Никогда не понимала этой его страсти к разговорам. Распинаться перед первым встречным, пусть даже это не нормальный человек, а такое же лесное страшилище.

— Он спас меня и учил, — сказал Мычка просто. — Да и жизнь в одиночестве накладывает отпечаток, заставляя искать общение.

Зимородок дернула плечиком, явно имея на этот счет другое мнение, но усталость взяла свое, и она лишь сказала кротко:

— Пусть будет так. Я совсем не против, чтобы лес наконец закончился. Сил нет прыгать по корням и уворачиваться от сучьев.

Обрадованный, что обошлось без привычных колкостей, Мычка предложил:

— Если устала, можем устроить привал прямо здесь.

Зимородок сердито сверкнула глазами. Вот что за бестолочь? Что значит "если"? Да она едва ноги передвигает! Щеки исцарапаны, во рту пересохло, а заплечный мешок тянет к земле так, будто кто-то напихал туда камней. И она даже догадывается кто, вернее, знает наверняка! Гад ползучий, дурак, наглец! Пялится, сверкает бесстыжими глазами. И ведь не упустит момента показать, какой он ловкий и сильный, совсем не устал, а вот она слабая да немощная, плетется позади, бесполезная обуза. Только не дождется проявлений слабости, скорее запросит пощады сам.

Собрав остатки сил, Зимородок вздернула подбородок, и хотя получилось не так красиво и легко, как хотелось бы, сказала с холодком:

— Хваленый лесной охотник оказался не столь уж выносливым, раз предлагает разбить лагерь в такую рань?

Мычка только вздохнул, сказал смиренно:

— Хорошо, хорошо. Пойдем. Только после мне в упрек не ставь, что спотыкаешься, и

ноги не держат.

Зимородок задохнулась от обиды, прошипела:

— Это меня-то ноги не держат?! Это я-то спотыкаюсь?

Она рванулась с места так быстро, что Мычка только ахнул, зашагала, уворачиваясь от деревьев и переступая через прыгающие под ноги корни. Однако, заданный темп оказался непосилен, и вскоре дыхание участилось, плечи поникли, а шаги замедлились настолько, что, остановившись она полностью, ситуация изменилась бы не на много. Обрадованный неожиданной прытью спутницы, Мычка поначалу шел ходко, но вскоре замедлил шаг, а потом и вовсе стал останавливаться, с деланным интересом рассматривать землю под ногами, чтобы только не оторваться и совсем не потерять девушку из вида.

Несколько раз он искательно заглядывал спутнице в глаза, ожидая лишь намека, готовый тут же устроить привал, но та лишь гордо отворачивалась, не замечая, что уже едва топчется, почти не сдвигаясь с места. Когда, потеряв терпение, Мычка был готов силой остановить спутницу, Зимородок вдруг оживилась, сказала с подъемом:

— Ну вот, не зря я мучилась. Наконец-то можно будет выспаться на нормальной кровати, под защитой стен. Как же я устала от этих ночевок на холодной мокрой земле!

Мычка оторопело уставился на девушку, но, заметив, как та усиленно шевелит ноздрями, невольно последовал примеру. В воздухе разлился слабый запах дыма. Мычка принялся, удивляясь, как не ощутил этого раньше. Похоже, он чересчур сконцентрировался на спутнице, и в результате упустил столь важный момент. Непростительная оплошность!

Закусив от досады губу, Мычка произнес с неловкостью:

— Полагаешь, впереди деревня?

Зимородок фыркнула:

— Конечно. Что же еще?

По-прежнему ощущая вину, Мычка ответил уклончиво:

— Мало ли... Дым может появляться по разным причинам.

— Например?

— Например пожар.

Мычка сказал, и осекся, боясь, что напугает девушку. Однако Зимородок лишь криво улыбнулась, сказала с непередаваемым презрением:

— Какой пожар? Ты посмотри вокруг, тут же вода повсюду!

Натянуто улыбнувшись, Мычка кивнул. И хотя было неприятно, что ему объясняют столь простые вещи, но... уж лучше насмешка девушки, чем жуткая безжалостная стихия. На счастье, ему не довелось видеть подобное, но редкие охотники, наблюдавшие ярость стихии, говорили — нет ничего ужаснее. Сплошная стена огня, высотой до неба, дикий всеокрушающий жар, где древние деревья-великаны вспыхивают как былинки, удушающий едкий дым. От лесного пожара не спрятаться, не скрыться. А после, когда огонь уляжется, на останки леса нельзя смотреть без слез: черные головни деревьев, седой пепел травы, и почерневшие, обугленные тела застигнутых стихией животных.

Одарив спутника высокомерным взглядом, Зимородок неторопливо двинулась вперед, ориентируясь на запах. Однако, чем сильнее ощущался дым, тем настороженнее становился Мычка. Что-то в происходящем вокруг явно не так. Запах дыма в пропитанном влагой лесу сам по себе уже вызывает множество вопросов. И если для привыкшей к дымному воздуху села девушки все кажется само собой разумеющимся, Мычка терзался сомнениями.

Сперва он не мог толком понять, что именно не так, но вскоре осознал, принялся вертеть головой. Зимородок посматривала снисходительно, но подчеркнуто не обращала внимания, занятая одним, как ей казалось, наиболее важным делом — достичь источника запаха. Что за люди разожгли костер, будут ли они рады пришельцам, пустят ли на порог — вопросов не возникало. Само собой будут, обязательно пустят. Как же иначе?

Мычка хмурился все сильнее, кусал губу, не находя искомого, наконец, не выдержал, преградил дорогу.

— Думаю, это плохая мысль.

Зимородок раскрыла глаза, взглянула с величайшим удивлением, будто дорогу преградила говорящая коряга, вкрадчиво поинтересовалась:

— Обидно, что не ты учуял?

Мычка дернул желваками, но стерпел, сказал нейтрально:

— Дело не в этом. Мне кажется, будет лучше сделать крюк.

— Зачем? — Глаза спутницы полезли на лоб.

Стараясь, чтобы слова прозвучали убедительно, Мычка сказал:

— Любые живущие группой животные оставляют следы.

Зимородок пожала плечами:

— Возможно. Что с того?

Мычка сказал чуть слышно:

— Я не вижу следов.

Девушка наклонила голову на один бок, затем на другой, сказала с сочувствием:

— Наверное, у вершинников это какая-то важная традиция, по поводу и без рассказывать о повадках зверей. Но, если ты не заметил, я устала, и хочу есть. По этому, придержи историю до лучших времен.

Мычка досадливо тряхнул головой, поспешно произнес:

— Ты не понимаешь. Люди — те же звери, только в отличие от своих диких собратьев оставляют вокруг мест проживания намного больше следов. Отгиски подошв, сломанные ветви, обрывки шкур... Этого добра в изобилии возле любой, даже самой захудалой деревеньки. Здесь же я не вижу вообще ничего!

Зимородок фыркнула:

— Плохо смотришь. — Заметив, как от сдерживаемого гнева побелели губы спутника, добавила примирительно: — А быть может здесь деревня наподобие моей, наши тоже за околицу не шибко выходят. — Увидев, что Мычка собирается возразить, закончила непреклонным тоном: — В любом случае, хочешь ты того или нет, я пойду дальше. Ну а сам можешь оставаться... если так боишься.

Не обращая более внимания на спутника, она зашагала дальше. Глядя ей в спину, Мычка ощутил сильнейшее желание догнать, и приложить заплечным мешком по дурной головушке. Или может пусть ее? Пускай идет, ищет приключений на свою... хм, голову. А он пойдет своим путем. В конце концов, сколько можно терпеть? Постоянные подколки по поводу и без, насмешливые взгляды, едкие слова. Он обещал быть всего лишь проводником, а не мальчиком для развлечений, и если это невозможно...

Мычка стоял, разрываясь от противоречивых чувств. Наконец, плюнул, с досадой выхватил лук, принялся шуровать в мешке, где, тщательно завернутая в шкуру, хранится тетива, дожидаясь своей очереди. Тихи скрип, мышцы напрягаются в мгновенном усилии, в пальцы больно вонзается нить. Миг, и лук распрямляется, но не до конца — на столько,

насколько позволяет тетива, застывшая меж металлических лапок тугой струной. Еще несколько мгновений, и левое предплечье надежно охватывает наруч. Все, можно идти. Даже если неугомонная девка права, и впереди действительно обычная деревня — ничего страшного. Короткая канитель с подготовкой не прошла даром, оружие, как всегда, успокоило, одновременно добавив решимости.

Вернув лук на место, Мычка проверил стрелы — легко ли вынимаются, не цепляются ли за колчан, забросил на плечо мешок и заспешил следом за спутницей, что уже успела скрыться из видимости. Догнав девушку, он пошел рядом и чуть впереди, не обращая внимания на исполненные торжества победные взгляды. Главное — доставить племянницу учителя до места целой и невредимой, а уж что она там себе думает, для него столь же важно, как токование глухарей на заре — забавно, но не интересно.

Деревья расступились, и два вздоха раздались одновременно, только, если голос Зимородка оказался наполнен разочарованием, то Мычка с трудом сдержал насмешку. Заросшая свежей зеленой травкой полянка, у дальнего края скособооченная изба. Бревна стен почернели от времени, словно лягушка бородавками, густо покрыты пятнами мха. Навес над крыльцом просел, источенный временем, едва держится. Крыша густо заросла кустарником, оцетинилась иголочками молодой листвы, что шуршит, покачивается в такт ветру, будто это и не ветки вовсе, а густая щетина на загривке диковинного зверя.

Зимородок продолжала расстроено вздыхать, когда Мычка ощутил, как мелкие волоски на теле встают дыбом, а в груди разрастается холодный ком. Ощущение неотвратимой беды захлестнуло. Рука рванулась к плечу спутницы, чтобы увлечь обратно в лес, однако, Зимородок отодвинулась, и пальцы ухватили пустоту. Сделать вторую попытку он не успел. Донесся отчетливый скрип. Дверь избы распахнулась, обнажив чернеющий провал беззубого рта. Мгновенье проем пустовал, и вот уже в дверях, соткавшись словно из ниоткуда, закутанный в шкуры, возник хозяин.

Сухая сгорбленная фигура, крючковатые пальцы рук, сморщенное, словно печеное яблоко, лишенное малейшей растительности лицо и огромные заполненные тьмой глазницы. Встретив взгляд жутких глаз, Мычка ощутил, как перехватило дыханье, мир качнулся, поплыл. Сопrotивляясь накатившей слабости, он прохрипел:

— Беги, беги пока не поздно!

ГЛАВА 13

Зимородок лишь только поворачивает голову, на хорошеньком личике застыло удивление, в глазах непонимание. Что произошло с товарищем, почему он вдруг покрылся медленной бледностью, не иначе — придумал какой-нибудь глупый розыгрыш, решив в очередной раз напугать. Губы растягиваются в глупой улыбке, но в глазах прячется страх — действительно ли шутка, не случилось ли и впрямь чего-то ужасного. Как заставить, объяснить, убедить дуреху, что нужно прямо сейчас, не мешкая, броситься в лес, пока еще

есть возможность? Как передать бушующее в груди чувство обреченности, то абсолютное знание, что рождается в темной звериной сути в страшные мгновенья опасности?

Поздно. Подчиняясь чуждой воле, девушка выгибается всем телом, нелепая, словно кукла, делает шаг, деревянно переставляя ноги. Рот распялен в крики, глаза лезут из орбит, но ни звука, ни жеста сопротивления, лишь изломанные ветви рук, и бесконечная покорность.

Мычка бросился следом, преодолевая слабость, побежал, полетел, а на деле едва сдвинулся. Невидимая стена упруго толкнула в грудь, отбросила. Он рванулся раз, другой, медленно но верно продавливая сопротивление незримых сил. Фигурка девушки удаляется, неспешно, но неотвратно двигаясь в сторону дома, туда, где на пороге темным изваянием застыл отшельник... маг, волхв, страшный лесной дух?

Не важно. Это потом, на досуге, можно будет поразмыслить, погадать, кого им послала судьба, но только не сейчас. Силы истаивают, ребра ходят ходуном, со свистом накачивая в грудь потоки воздуха. Рывок. Еще рывок. Фигура на пороге оживает. Глаза едва заметно смещаются, переходя с девушки на настырного спутника. Клубящаяся в глазницах тьма вспыхивает, губы искривляются в недоброй усмешке. Дрогнув, приходит в движение рука, поднимается, вытягиваясь по направлению к пришельцам. Узловатые пальцы-крючья растопыриваются, угрожающе топорщатся ногтями.

Что хочет сказать отшельник, подзывает, или наоборот, гонит прочь? Будь он один, давно бы покинул поляну сам, ушел, не оборачиваясь на жуткого хозяина избы. Но, он не один. Подчиненная чужой воле, девушка продолжает удаляться, с перекошенным от великой муки лицом. Пальцы-крючья дрогнули, сомкнулись, сжимая нечто видимое лишь одному отшельнику.

Горло перехватило. Мычка закашлялся, остановился, разрывая рубаху на груди и хватая ртом воздух. Жуткая, неведомая сила стиснула грудь, сдавила, выжимая остатки воздуха. Ребра затрещали, а мышцы скрутило судорогой. Воздуха, немного воздуха! Рот открывается и закрывается, зубы сталкиваются, прикусывая губы и язык, в груди жжет так, будто внутрь сыпанули раскаленных углей, но невидимые тиски не отпускают, продолжают давить, глухие к мольбам и стенаниям, выжимая до беспомощности, до кровавой пелены перед глазами, до смерти.

Мычка пошатнулся, упал на колени. Мир вокруг поплыл, погрузился в красное. Деревья смазались, исчез дом, осталось лишь лицо чудовищного отшельника: почерневшее, сморщенное, покрытое сетью морщин, с пульсирующей тьмой в глазах и насмешливо изогнутыми губами.

Медленно, словно во сне, рука поднялась, пальцы нашарили лук, сомкнулись. Миг, и вот уже ладонь привычно сжимает оружие. Вторая рука потянулась за стрелами, лапнула раз, другой, застыла, не находя искомого. Ну же, ну! Ведь стрелы должны быть там на месте. Пусть даже не стрелы. Всего лишь одна! Этого хватит, должно хватить. А если нет, то будет уже не важно, на повторный выстрел не хватит времени, да и сил не хватит тоже.

Ладонь защекотало мягкое. Наконец-то! Теперь осталось последнее... Стрела уперлась в тетиву, сгибаясь, недовольно заскрипел лук. В груди уже не просто жжет — пылает негасимое пламя, выжигая внутренности, превращая мозг в пепел. Руки дрожат, а мир погружается во тьму, выцветает, из кроваво-красного становясь черным. Но ненавистное лицо по-прежнему маячит, словно в насмешку, оставаясь четким и выпуклым, когда все остальное превратилось в клочья бесцветного тумана.

Тетива врезается в мясо, но пальцы не чувствуют боли. Щелчок. Оружие вздрагивает, дергается в руках, как живое. Тонкое древко уносится вперед. Миг, другой. Ничего не происходит. Попал ли он? Пущенная из последних сил, не ушла ли стрела впустую? Ненавистный лик по-прежнему маячит на пределе зрения, но выражение вдруг меняется. Провалы глазниц расширяются, губы распахиваются, обнажая почерневшие пеньки зубов. Лицо отшельника искажается болью, мертвеет, и... осыпается черным пеплом.

Попал... Сдавливающая тело сила исчезла, в грудь хлынул живительный поток воздуха. Ощущая бесконечное удовлетворение, Мычка закрыл глаза, завалился на спину, уносясь в пучину безвременья. А мгновеньем позже в дверном проеме мягко осел отшельник. Клубящаяся в глазницах тьма погасла, на лице застыло удивление, а руки сложились на груди, где, до половины погрузившись в плоть, застряло тонкое древко с белой опушкой оперенья.

Тишина и покой. Сквозь вязкое, заполнившее мир безмолвие пробивается далекий звук. Растекшаяся, заполнившая собой все вокруг, тьма ласкает, дарит мир и счастье. Можно никуда не идти, ничего делать, а главное — и не нужно. Это ли не блаженство? Как хорошо. Лишь одна деталь в заполненном тьме немом великолепии раздражает, зудит занозой. Странный нелепый звук, что, то отдаляется, уходит за пределы слышимости, то вновь усиливается, набирает мощь, звенит требовательной мошкой, побуждая к действию.

Веки замедленно поднялись. Над головой выгнулась бесконечная чаша небосвода, в лазурной вышине, раскинув крылья, повис орел, бледные перья облаков неспешной чередой бредут в неведомую даль, подгоняемые ветром-пастушком. Небо исчезло, закрытое черным, нелепо дергающимся пятном. Глаза дрогнули, сморгнули, фокусируясь на неведомом. Пятно обрело четкость, протаяло деталями: испуганные точки глаз с тянущимися к подбородку грязными дорожками, покрасневший бугорок носа, бледные пятна щек, и плямкающие в рваном ритме губы.

— Очнись, да очнись же, чурбан бесчувственный, нечисть лесная, очни-ись!

Тьма схлынула, унося спокойствие и тишь, в уши ворвался исполненный страха и паники голос, заметался в черепе, зазвенел обиженным колокольцем. Над головой, сотрясаясь от рыданий, нависла Зимородок, кулачки вцепились в отворот рубахи так, что побелели костяшки, глаза впились в лицо спутника, губы трясутся, как заклинание повторяя одно и то же.

Растянув губы в приветливой улыбке, Мычка шевельнулся, но в ребрах стрельнуло так, что улыбка мгновенно истаяла, превратившись в оскал боли. Ощущая, как каждое слово, словно горсть песка, неприятно дерет горло, Мычка произнес:

— Что-то случилось? По мне словно стадо лосей пронеслось.

— Случилось, что-то случилось? — голос девушки взлетел, застыл на трагической ноте. — Пока ты отдыхал, меня лишили воли, превратили в бревно, в пень, в... я даже не знаю во что! Насильно волокли в жуткую берлогу, чтобы надругаться, сожрать, выпить соки...

Прислушиваясь к постреливающей в боку боли, Мычка с любопытством поинтересовался:

— Так надругаться, или таки сожрать? Все ж разные вещи...

— Ты, ты! — Зимородок задохнулась от гнева, щеки пошли пятнами. — Да как ты смеешь? Вместо того, чтобы меня спасти, лег на отдых, чурбан неотесанный, гад подколотый!

Прерывая поток красноречия, Мычка выставил перед собой ладони, сказал примиряюще:

— С моей помощью, или без, все кончилось хорошо.

Зимородок выпятила нижнюю губу, сказала обиженно:

— Хорошо-то хорошо, да только не твоими молитвами. Этот жуткий волшебник, как и ты, одного поля ягода, когда я почти лишилась разума от страха, вдруг решил прилечь.

Мычка покосился в сторону дома, где, загораживая вход, застыл неведомый маг, сказал задумчиво:

— А может, он просто... умер?

Заметив, что спутник даже не посмотрел в ее сторону, Зимородок вновь впала в раздражение, сказала мстительно:

— Может и умер. И я даже догадываюсь почему! — На этот раз Мычка таки повернул голову, взглянул с удивлением и любопытством. Не дожидаясь, пока он вновь потеряет интерес, девушка выпалила: — Пока меня подтягивал, напредставлял такого, что сердце не выдержало. От радости он умер, старый похабник, от радости!

Мычка покачал головой, сказал в раздумье:

— А может все же от страха?

Зимородок округлила глаза, спросила с величайшим удивлением:

— Это как?

— Ну, как-как... Посмотрел на тебя, представил, что его ожидает, вот и умер. Предусмотрительный оказался.

Пока Зимородок морщила лоб, пытаюсь понять, похвалил ли спутник ее таким образом, или наоборот, унизил, Мычка замедленно поднялся. В голове зашумело, а ребра прострелило с такой силой, что он с трудом подавил стон, постоял, ожидая, пока мир перестанет раскачиваться. От боли кулаки сжались сами собой, ногти впились в твердое. Мычка поднял руку, лишь сейчас заметив, что по-прежнему сжимает лук.

Перед глазами вихрем пронеслось лицо Филина, насмешливо блеснули глаза. Мычка в очередной раз возблагодарил наставника за науку и прощальный подарок. Не будь с собой лука — не превозмог бы он отшельника. Ни могучие мышцы, ни отточенные навыки, ни даже покоящиеся за плечами клинки не помогли бы против жуткой волшбы. А если хорошо подумать, не помог бы и лук, будь лесной маг знаком с его устройством. Ведь он, даже не сходя с места, полностью подчинил одного, и едва не проломил ребра второму "гостю". Мог ведь и стрелу поймать, если бы знал, что именно надо ловить.

Мычка мстительно ухмыльнулся. Уже второй раз, второй раз он одерживает победу над могучим противником. Это ли не повод для гордости? Конечно, без оружия и полученных от Филина навыков этого бы не случилось. Но ведь и лучший меч бесполезен, если не лежит в умелой руке!

Он вновь взглянул на тело отшельника. Из груди, едва заметная, торчит стрела. Древка почти не видно, лишь белый клоч оперенья парит над грудью поверженного. Мычка лапнул колчан, пальцы нащупали охвостья: одно, второе... Стрел достаточно, но путь не близок, и, кто знает, что случится в будущем. Хватит ли запаса? Нужно обязательно вернуть стрелу. Вот только почему каждый следующий шаг короче предыдущего, а волосы на загривке вздыбливаются, словно, даже лишенное хозяина, жилище остается смертельно опасным? Или, это всего лишь остатки страха, а на деле никакой опасности нет, и можно спокойно подойти, забрать свое, а заодно пополнить припасы. Наверняка в доме мага есть что-то

съестное. Да и прочее, что больше не понадобится ушедшему в мир духов хозяину.

— Мычка!

Исполненный страха голос резанул по ушам. Мычка резко развернулся, готовый отразить новую напасть, но позади пусто, лишь спутница с побледневшим от пережитого лицом. Отпустив рукояти мечей, Мычка опустил руки, сказал с легким упреком:

— Почему ты кричишь, ведь все спокойно?

Зимородок сделала шаг, сказала с заметным напряжением:

— Мне как-то не по себе. Уйдем отсюда.

Мычка произнес успокаивающе:

— Нужно забрать стрелу. К тому же в доме может оказаться что-нибудь полезное.

Он уже хотел сделать шаг, но Зимородок подскочила, вцепилась в рукав, прошептала со страхом:

— Не ходи! Не ходи туда. Если мы войдем... то не выйдем.

Мычка покосился на девушку: в глазах плещется ужас, губы мелко дрожат, а кровь отхлынула от щек настолько, что кажется рядом не живая девушка — утопленница. Не испытывая особой уверенности, он попытался успокоить подругу, произнес:

— Что может быть страшного в обычном доме?

Та помотала головой, сказала чуть слышно:

— Не знаю. Но... пусть с ним, с тем что внутри. Даже самые красивые серьги не стоят, чтобы за них умереть.

Мычка лишь покачал головой. Чтобы сказать такое, девушка действительно должна испугаться не на шутку. И, даже если на самом деле дом безопасен, а все их страхи — следствие пережитого, наверное, лучше махнуть рукой. Не стоит лишний раз пугать спутницу и испытывать судьбу. Они уйдут, не потревожив опустевшее логово отшельника, а стрела останется в груди почившего хозяина, в качестве прощального подарка.

— Хорошо, уйдем отсюда.

Мычка повернулся, осторожно повлек девушку в сторону леса. Зимородок не сопротивлялась, лишь раз за разом оглядывалась, вздрагивая всем телом, когда под ногами с громким треском ломался сухой сучок, или звонко щелкали отведенные руками спутника, а затем опущенные, ветви кустов.

Поначалу шли ходко, подстегиваемые засевшими в теле остатками страха. Желая уйти от страшного места как можно дальше, двигались, почти не ощущая усталости. Однако, силы все же истощились. Зимородок замедлила шаг, стала чаще цепляться за кустарник, где подолгу стояла, не в силах выпутаться, а Мычка ощутил, как все тяжелее поднимать ноги, чтобы не запнуться о торчащие там и тут узловатые корневища. К тому же наступил вечер. До поры до времени прятавшаяся в яминах, скрывающаяся за валежинами, тьма выступила, словно вода в половодье, затопила лес, отчего видимость разом сократилась вдвое, затем вчетверо, а некоторое время спустя уже с трудом угадывались и очертания стоящих совсем рядом деревьев.

— Думаю, нам стоит разбить лагерь.

Голос прозвучал непривычно глухой и хриплый. Испугавшись, что спутница не услышит, Мычка прокашлялся, собираясь повторить, но Зимородок словно того и ждала: осела кулем наземь. Мычка заподозрил, что девушка до последнего крепилась, не желая проявлять слабость и просить об отдыхе, но догадку проверять не стал: слишком насыщенным выдался день, чтобы тратить остатки сил на пустые разговоры.

Пользуясь последними лучами солнца, Мычка мельком осмотрелся. Место оказалось удачным: высокое, сухое, без источников дополнительного холода — остатков сугробов, без луж, к тому же с изобилием валежника. И вскоре на сложенных шалашиком ветвях уже плясали веселые огоньки, создавая уют и распространяя вокруг волны тепла.

Наскоро поужинали. Зимородок без возражений съела предложенный кусок мяса из оставшихся запасов, и тут же провалилась в сон. Мычка еще некоторое время бодрствовал, героически преодолевая сильнейшее желание последовать примеру спутницы, однако не преуспел. Растратив за день большую часть сил, тело властно требовало отдыха. Глаза закрылись, земля мягко толкнула в бок. Лес погрузился в сонное оцепенение, нарушаемое лишь потрескиванием пламени, что охраняло покой путников недремлющим оком, неторопливо подъедая подложенные с запасом толстые вкусные сучья.

ГЛАВА 14

— Мясо, мясо, мясо... Сколько можно питаться этой дрянью? У меня уже желудок сводит!

Недоеденный мясной огрызок полетел в костер, а Зимородок отвернулась, надув губы, недовольно засопела.

Мычка развел руками, сказал с искренним удивлением:

— Если не есть мясо, то чем питаться?

Зимородок словно только этого и ждала, развернувшись, сверкнула глазами, выкрикнула:

— Рыбой! Рыбой нужно питаться, а не этими твоими заячьими лапками, к тому же совсем старыми.

Мычка покивал, сказал с пониманием:

— Не хочешь старое? Правильно делаешь. Я тоже засохшее не люблю. Сегодня наловлю новых, а может даже птицу подстрелю.

Зимородок вновь надулась, сказала капризно:

— Не хочу я новых, и птицу не хочу. У меня от перьев в носу першит, и пальцы чешутся!

Ощувив раздражение, Мычка сдвинул брови, сказал:

— Где я тебе посреди леса найду рыбу?

— Уж попробуйся. — Зимородок сложила руки на груди, поинтересовалась насмешливо: — Кто тут у нас великий охотник?

Раздражение разрослось, усилилось. Мычка ощутил сильнейшее желание подхватить спутницу, и посадить в громадный муравейник по соседству. Конечно, пока еще холодно, и суровые обитатели муравейника толком не проснулись, окопавшись в теплой уютной глубине. Но и тех немногих, снующих сверху в качестве разведчиков, более чем достаточно, чтобы надолго сбить спесь с бесцеремонной девчонки.

Похоже, кровожадные мысли как-то отразились в лице, потому как Зимородок

попятилась, в глазах мелькнул испуг. С усилием отбросив сладостные мечты, Мычка согнал с лица злорадную ухмылку, сказал примирительно:

— Хорошо. Сейчас даже самые мелкие речушки полны воды, а озера напитываются многочисленными ручьями. ПопадетсЯ подходящее — будет тебе рыба.

Зимородок подпрыгнула, засобиралась, довольная хоть маленькой, но победой. Как говорят — вода камень точит. Понемногу, потихоньку, она обуздает дикаря, заставит выполнять малейшие капризы, а то возомнил о себе невесть что. Не иначе, считает, что он здесь главный. Наивный! Они двигаются вперед ровно до тех пор, пока это устраивает ее. Будет настроение — свернут в сторону, а захочется, так и вовсе пойдут назад. Другой вопрос, что пока не особо и хочется. Необременительная прогулка по красивым местам. Почему бы и нет? Ведь вернуться никогда не поздно.

Поглядывая на Зимородок, что едва не мурлыкала от удовольствия, Мычка копался в мешке, подсчитывая, как скоро придется отправиться на охоту. Мясо хоть и осталось, но уже подсохло и неприятно пахнет, так что, не позднее чем завтра с утра, а возможно и сегодня, следует поймать зайца, или пару-тройку глухарей. Остатки прямой травы, перетянутый нитью небольшой пучок, почернел и свернулся. Рука лапнула ушедший на самое дно бурдюк, всколыхнула. Донесся едва слышный бульк.

Мычка покачал головой. В суматохе последних дней он совсем упустил из внимания этот вопрос, вспоминая о необходимости пополнить припасы ближе к ночи, когда сил хватало лишь на то, чтобы натаскать хворосту да запалить костер. Зимородок также не удосуживалась вспомнить. Мычка подозревал, что, прожив всю жизнь в лесу, девушка должна хоть что-то знать о съедобных растениях. Однако, спутница не делала никаких попыток отыскать что-нибудь съестное, и он не переставал удивляться, насколько далеко простирается упрямство девушки. Оставаться голодной, чтобы не "облегчить" похитителю жизнь даже в малом... он бы так не смог.

Затоптав костер, двинулись в путь. Зимородок, как обычно, шла чуть позади, предоставляя спутнику, в случае чего, встретить опасность первым. К тому же сзади оказалось намного сподручнее разглядывать ползущего по ветке огромного жука, или нюхать едва раскрывшиеся, но уже одуряющее благоухающие, огницы. Мычка догадывался, чем занимается спутница, но не подгонял. Пусть Зимородок идет сама, хоть и медленно, но все же лучше, чем стоять, ожидая, пока девушка перестанет дуться, обидевшись по очередному пустяковому поводу, или, того хуже, тащить упряму на горбу. Далеко он не уйдет, зато сил потратит в досталь, к тому же, лишенная развлечений, Зимородок запросто проест плешь, с удовольствием предавшись излюбленному занятию. Разве только завязать девушке рот, но и тогда будет не легче.

Время от времени Мычка глубоко втягивал ноздрями воздух, стараясь уловить присутствие поблизости речушки или озерца. Но, насыщенный влажными испарениями, воздух сбивал с толку, и Мычка лишь упрямо наклонял голову, продолжая двигаться в прежнем направлении.

Солнце поднялось в зенит, стало заметно теплее. Закурились дымком лужи, зажурчали ручьями редкие шапки снега, подмерзшая за ночь, почва раскисла, смачно зачавкала под ногами, норовя стащить сапоги, чтобы забраться внутрь, сладострастно растечься по стопе серо-черной слизи. Привыкший к подобному, Мычка обходил особо топкие места, а если оступался, быстро и легко выдергивал ноги, так что жижА лишь обиженно чавкала, оставшись без желанной добычи. Зимородок везло меньше. Увлеченная красотами, она то и

дело оступалась, проваливалась в скрытые хвоей лужицы, а под конец, не удержавшись, завалилась, распластавшись всем телом.

Глядя, как девушка барахтается, пытаюсь подняться, Мычка двинулся на помощь, но Зимородок поспешно подхватила, принялась соскребать с одежды налипшие черные куски. И хотя глаза у девушки подозрительно блестели, а губы обиженно выпятились, она удержалась от проявления чувств. Содрав с себя основную грязь, Зимородок холодно поинтересовалась:

— Мы остановились на привал, или ты просто решил отдохнуть? — Заметив, что Мычка открыл рот для ответа, добавила с приторной заботливостью: — Нет-нет, что я спрашиваю? Конечно же ты устал. Отдохни, присядь, а лучше — приляг. А я, хоть и полна сил, постою, не рассыплюсь. Ведь надо же дать великому охотнику отдых.

Мычка захлопнул рот, так что лязгнули зубы, молча двинулся дальше. Посетившая с утра мысль о муравейнике казалась все более привлекательной. Распалаясь в мечтах, он принялся невольно вертеть головой, приглядывая муравьиную постройку побольше, однако от сладостных фантазий отвлек запах. Мычка потряс головой, отбрасывая неуместные мысли, принялся. Ноздрей коснулся тонкий, но удивительно стойкий запах древесного сока и... влаги.

Древесный сок интереса не вызвал. В это время, когда лес пробуждается ото сна, а по стволам, подгоняемая мощной системой корней, начинает циркулировать древесная кровь, подобный запах не редкость, а вот влага... Забыв о едком выпаде, Мычка повернулся к спутнице, поинтересовался:

— Ты ничего не чувствуешь? — Заметив, как, готовясь к колкому ответу, Зимородок сморщила мордочку, поспешно уточнил: — Влага. Я чувствую запах влаги. Быть может речушка, или даже озерцо. Не ощущаешь?

Зимородок застыла. Ее лицо изменилось, из презрительного, став настороженным и отстраненным. Мгновенье она смешно морщила нос и шевелила ноздрями, наконец покачала головой, сказала с сожаленьем:

— Я ничего не чувствую. Но ничто не мешает нам проверить. Заодно узнаем, насколько у тебя хорошее обоняние.

Последние слова она произнесла с вернувшимся сарказмом, но Мычка уже не слушал, весело хрустел веточками, деловито удаляясь в нужном направлении. Зимородок некоторое время буравила спину спутника гневным взглядом, но тот не оборачивался. Прошептав нечто невразумительное, но явно нелицеприятное в адрес "нахальных вершинников", она засемила следом.

Запах влаги разрастается, набирает мощь, но вместе с ним усиливается и аромат древесного сока. Раз за разом втягивая воздух, Мычка пытался понять, откуда взялся аромат "древесной крови". Конечно, за долгое время зимней спячки деревья получили множество ран, часть ветвей сломали звери, другие, не выдержав тяжести снега, обломились сами, и теперь лесные великаны блестят каплями смолы, поспешно заживляя многочисленные увечья. Но это естественно, и пряный, чуть горьковатый запах смолы равномерно разлит по всему лесу. Однако здесь аромат на удивление силен, и с каждым шагом лишь крепчает, что не может не тревожить.

Мычка морщился, с подозрением оглядывался вокруг, пытаюсь обнаружить источник запаха. Зимородок наконец обратила внимание на странное поведение спутника, поинтересовалась:

— Что ты все кривишься?

Мычка покачал головой, сказал коротко:

— Запах. Мне не нравится запах.

Принюхиваясь, Зимородок поводила носом, пожала плечами.

— Ничего не чувствую, запах как запах.

Мычка покосился на прилипшие к груди и животу спутницы многочисленные комочки грязи и мелкие веточки, произнес с насмешкой:

— Не удивительно.

Перехватив взгляд спутника, девушка ахнула, прошипела с угрозой:

— Ты на что, нечисть лесная, намекаешь? Хочешь сказать, это от меня запах? Да ты... ты!.. — Она задохнулась от ярости и обиды, не в силах продолжать.

Мычка тоскливо заозирался, подыскивая, куда бы деться, пока тлеющее в глубине желание породнить спутницу с муравьями не переросло в нечто более страшное. Заметив неподалеку просвет, он поспешно двинулся вперед, пробормотав с облегчением:

— А вот и рыба.

Позади зашуршало, послышался негодующий вопль, но Мычка не обратил внимания. Перепрыгнув глубокую ямину с чернеющим влажным оком на дне, и проломившись сквозь кустарник, он выметнулся на открытое пространство и... застыл. Следом, ругаясь и шумя, как три бера разом, выскочила Зимородок, остановилась рядом, готовая высказать все-все, что думает о ненавистных дикарях, но лишь вздохнула, очарованная открывшимся видом.

Деревья расступились, раздались в сторону, открыв залитую солнцем просторную поляну. Над головой нависает синяя чаша небес, по краям зеленый пушок подлеска, а вместо травы — сине-зеленое зеркало. Озеро! Над водой реют стрекозы, меж колосющихся у берега травин снуют жуки-водомерки, а дальше, на свободном от ряски и водорослей месте, гоняет рябь веселый ветерок.

Завизжав от восторга, Зимородок кинулась вперед, забежала в воду, вздымая тучи брызг и ликующе размахивая руками, не в силах сдерживаться, замолотила ладошками, отчего гревшиеся неподалеку лягушки в панике брызнули в стороны. Мычка неспешно приблизился, не доходя до воды шаг, остановился. Ноздри начали раздуваться, а взгляд двинулся вокруг, пока не прикипел к дальнему берегу. Нахмурившись, Мычка приложил руку козырьком ко лбу, некоторое время всматривался, после чего сказал негромко:

— Не могла бы ты некоторое время не шуметь. — Увлечшись занятием, девушка не услышала, и он повторил громче.

Зимородок развернулась, вскинув глаза, сказала с удивлением:

— Что случилось?

— Пока ничего, но может случиться. По этому прекрати шуметь и выйди из воды.

Девушка хотела возразить, и уже открыла рот для колкого ответа, но Мычка выглядел непривычно напряженным, и она послушалась, вышла на берег, отвернулась, надув губки и что-то недовольно шепча. Убедившись, что спутница не смотрит, Мычка с облегчением выдохнул. Стоило лишь придать лицу соответствующее выражение, как взбалмошная родственница Филина унялась, не пришлось даже прибегать к многострадальному муравейнику. Размышляя, что стоит лучше отработать соответствующее надвигающейся опасности убедительное выражение лица и голос, Мычка двинулся вдоль берега, бросив лишь короткое:

— Я скоро.

Зимородок ответила яростным высверком глаз, но смолчала. Довольный результатом, в кои-то веки удалость утихомирить спутницу столь легко, Мычка пошел вдоль края озерца, дыша полной грудью. В лесу, закрытый от очищающих лучей солнца, без доступа вольного ветерка, воздух казался ощутимо тяжелее. Здесь, на открытом пространстве, дышалось легко и свободно, и Мычка лишь порадовался, что уступил спутнице. Благодаря упорству Зимородок можно насладиться свежим воздухом, полюбоваться бездонным озером небес, после крошева отгороженных ветвями голубых осколков кажущимся бесконечным, помыться. Причем, не как обычно, поплескав на грудь из ручейка или лужи, а по настоящему, с головой. Выстирать и просушить одежду. Под прямыми лучами солнца шкуры просохнут намного быстрее, чем если проделать тоже самое в лесу.

Предавшись мыслям, Мычка ушел в себя, отстранился от окружающего мира мерцающей завесой мечтаний. Резкая боль рывком вырвала из мира грез. Ойкнув, Мычка схватился за ногу, зашипел, потирая больное место. Убедившись, что нога в порядке, он поднял глаза и ощутил, как волосы на загривке встали дыбом. В шаге впереди вздымается черно-зеленая каша из травы, грязи и ветвей. Земля перемешана с зеленью, будто здесь рылось стало диких вепрей. Но если бы только земля. Небольшие деревца расщеплены, а местами перемолоты в мелкое крошево, деревья побольше лежат, сбитые неведомой силой: ветви обломаны, на стволах глубокие прорехи. Уцелели лишь самые старые и массивные деревья, но и те не обошлись без повреждений: содранная кора, вырванные с мясом ветви. Из рассечений выступил сок, загустел под солнцем, превратившись в блестящие желтоватые шарики, источающие густой аромат смолы.

Мычка втянул ноздрями воздух, понимая кивнул. Так вот откуда шел запах. Не удивительно. Даже на фоне расцветающего весеннего леса, такое количество разом растекшегося сока не могло остаться незамеченным. Мычка дотронулся до ближайшего ствола, провел по коре, ощущая, как пальцы липнут, погружаются в смолу. Судя по клейким, тянущимся нитям, и свежей, не успевшей обсохнуть листве, деревья повалили совсем недавно, день — два назад, не больше. Вот только что, или кто это сделал?

Он двинулся вперед, мягко переступая через стволы, дотрагиваясь до ветвей и насторожено осматриваясь. Ни следов топора, если бы разрушения устроили люди, ни набросанных куч ветвей, какие бывают после ураганного ветра. Деревья поодаль целехоньки, ни сломанной веточки, ни оборванных листьев. Взгляд раз за разом возвращается к глубоким узким царапинам, разбросанным по ветвям и стволам тут и там. Одна, две, а то и несколько сразу. Очень похоже на царапины, что оставляют когти хищников, только намного, намного глубже.

Представив, какого должно быть размера оставившее такие отметины животное, Мычка похолодел, невольно сглотнул, освежая враз пересохшее горло. Мышцы напряглись, готовые драться или нападать, глаза прищурились, отыскивая силуэт врага, а уши развернулись, улавливая малейшие сигналы опасности. Мгновенье, другое. Но, нет. Вокруг лишь тишина и покой. Умиротворяюще шелестит ветер, ласково касается кожи солнышко. Никого. Мычка замедленно выдохнул, ощущая, как разглаживаются вздыбленные страхом волосинки, а в животе тает холодный ком, двинулся назад, продолжая смотреть и слушать.

Вернувшись, он застал Зимородок в прежнем положении. Девушка так и не сдвинулась с места, только вместо обиженной гримаски лицо лучится радостью. Спасаясь от яркого солнца, веки прищурены, отчего по углам глаз залегли веселые лучики морщинок, губы растянулись в полуулыбке, а изо рта, облизывая губы, то и дело выглядывает кончик язычка,

розовый и мокрый.

Взгляда не видно, густые ресницы скрывают глаза, но Зимородок наверняка давно следит за спутником, однако предпочитает подчеркнуто не замечать. Под ногой громко хрустнула веточка. Зимородок замедленно повернула голову, сказала с ленцой:

— Ах, это ты. Что интересного выходил?

Мычка помолчал, раздумывая, стоит ли говорить о находке. Подчеркнутое пренебрежение спутницы раздражало, отбивая всякую охоту делиться увиденным, но, чувство долга пересилило. Не выказывая недовольства, он кротко произнес:

— Пойдем, покажу кое-что.

Зимородок дернула плечиком, сказала с ноткой недовольства:

— Ну вот опять. Куда-то идти, что-то смотреть... Мне и тут отлично сидится. — Однако Мычка смотрел выжидательно, и она встала, сказала со вздохом: — Ну хорошо, хорошо. Пойдем. Может там и впрямь что-то достойное внимания.

Дойдя до завала, Мычка отступил, застыл в ожиданье. Зимородок подошла, без интереса мазнув взглядом по рассыпанным впереди деревьям, сказала с нетерпением:

— Ну, и где интересное?

Мычка повел рукой, сдержано произнес:

— Вот, впереди. Да и повсюду вокруг. Разве это не интересно?

Зимородок проследила за его рукой, пожала плечами.

— Если ты имеешь в виду сломанные деревья — нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ГЛАВА 15

Мычка распахнул глаза, спросил с запинкой:

— Как, разве тебе не интересно?

Зимородок закатила глаза, сказала сердито:

— Мне — нет. Да и что тут может быть интересного: сломанные деревья, вырванные кусты?

Ощувив, что над ним издеваются, Мычка насупился, сказал сердито:

— В кустах и деревьях действительно нет ничего интересного. Но, тебя не удивляет, что, вместо того, чтобы преспокойно стоять, они тут вповалку, да еще и с жуткими царапинами по всем стволам?

При упоминании царапин Зимородок нахмурилась, но мгновением позже брови вернулись на место.

— Знаешь, вот совершенно не интересно.

— Наверное, не интересно и почему это произошло? — окончательно раздраженный, бросил Мычка зло.

— Ни капельки.

Не понимая, как подобное вообще возможно, он возопил с возмущением:

— Да почему же, почему?!

Зимородок широко и открыто улыбнулась, как улыбаются маленькие дети, сказала нараспев:

— Ты здесь был? Был. Вернулся? Вернулся. И хотя вовсе не понятно, для чего приволок сюда меня, совершенно точно ясно одно — опасности нет. А раз нет — то и ломать голову не за чем. Лежат деревья — и пусть себе. В общем, ты займись чем хотел — костер разожги, рыбы налови, а я пока помоюсь... конечно, если ты не против. Хотя... если даже против — помоюсь все равно.

Зимородок деловито оглядела озерцо, направилась к небольшой заводи по соседству, окаймленной пышно разросшимся ивняком. Миг, и фигурка скрылась за ветвями, а немногим позже донесся плеск и довольное фырканье.

Ошарашенный, Мычка стоял молча. Услышанное не укладывается в голове. Как можно постоянно плевать в товарища, строить мелкие пакости, дуться и обижаться при малейшем поводе и без, и... столь безоглядно доверять? Что это, тонкая насмешка, безнадежная глупость, или что-то иное? В груди теснятся противоречивые чувства, в ушах вновь и вновь звучат слова, но, не смотря на сомнения, внутри зарождается нечто теплое и радостное, отчего хочется кричать и прыгать, нечто, заставляющее выпячивать грудь и раздвигать плечи.

Сердце стучит сильнее, а препятствия выглядят мелкими и незначительными, от такой, казалось бы простой и несущественной мелочи, как высказанное женщиной признание в доверии. Ведь она сказала напрямую, возможно, даже не поняв, что именно произнесла, и насколько пошатнула любовно пестуемую собственную независимость и силу. От буйной, всесметающей радости закружилась голова, губы растянулись в широченной улыбке. В этот момент он простил ей все прошлые придирки и будущие на седмицу вперед. Захотелось сделать подруге что-то приятное, чем-то отблагодарить за короткое, но удивительно глубокое чувство радости.

Не переставая улыбаться, он сбросил заплечные мешки, развязал тесьму, и полез в глубь, туда, где на самом дне, скрытая под прочими вещами, припрятанная на крайний случай, покоится леса и несколько костяных крючков. Краем уха прислушиваясь к фырканью и плеску, Мычка быстро сложил шалашик из хвороста, благо обломанных ветвей и обрывков коры вокруг оказалось в избытке, развел огонь, после чего выбрал из засохшего старого ствола несколько особенно толстых личинок и направился к озеру.

Крючок с приманкой без всплеска ушел под воду. Потянулось томительное ожидание. Время от времени Мычка теребил лесу, то подтягивая, то забрасывая подальше, вспоминая, как именно занимались этим охотники племени. Ветви прогорели, так что пришлось подложить новые, а леса так ни разу и не дернулась. Мычка то и дело поглядывал в сторону кустов, опасаясь, что спутница шумом отпугивает рыбу, для верности, даже отошел на несколько шагов.

Погруженный в занятие, он пропустил момент, когда плеск затих, и очнулся лишь когда к костру, мокрая и освеженная, вышла Зимородок. Он сперва лишь вскользь мазнул взглядом, но вскоре не выдержал, повернулся, залюбовавшись спутницей, что, искупавшись, и смыв грязь, как будто похорошела. Блестя каплями влаги и лучась улыбкой, Зимородок подошла к огню, разложила на веточки мокрое белье, после чего неспешно извлекла из заплечного мешка гребень и занялась волосами.

Мычка отвернулся, насадил свежую личинку, а когда повернулся вновь, ахнул. Волосы подруги преобразились. С головы исчезла привычно спутанная, набитая веточками и хвоей копна, расчесанные и подсохшие, волосы заструились по плечам иссиня-черными струями, удивительно гармонируя с изящными, вразлет, бровями и черными угольками глаз. Заметив внимание спутника, девушка вздернула подбородок, раздвинула плечи и чуть выпятила грудь, замерла, предоставив возможность оценить красоту момента.

Наконец, лукаво улыбнувшись, она отошла, а Мычка все смотрел, безуспешно пытаясь вернуть взгляд к лесе, что вроде бы начала слабо подергиваться. Однако шею словно заклинило, и лишь спустя некоторое время, сделав над собой усилие, он повернул голову. Но и после, когда глаза прикипели к поверхности озера, незримая сила упрямо тянула, разворачивая взгляд в прежнем направлении.

Привлекая внимание, леса натянулась, задергалась сильнее, вырываясь из пальцев. Мычка спохватился, потянул, вспоминая, как учили: отпустить, если натяжка слишком сильна и леса грозит порваться, но едва добыча даст слабину, остановится на недолгий отдых, тут же тянуть.

Руки дрожат от нетерпения, дыхание прервалось, чтобы, не дай лесные духи, не спугнуть долгожданную добычу. Но пальцы продолжают работу, равномерно сдвигаются, как ножки паука, что плетет сеть, тщательно и неторопливо, без скачков и остановок, движимый лишь инстинктом и голодом — лучшими помощниками в этом мире.

Поверхность воды пошла рябью, вздыбилась мелкими волнами, что тут же устремились к берегам, словно спасаясь от поднимающейся со дна рыбины. Захваченный азартом, Мычка выбирал и останавливался, дергал и ослаблял, чтобы миг спустя вновь потянуть, приближая сладостный миг. Как вдруг натяжение исчезло. Мычка зарычал от досады, рванул, в тлеющей надежде, что измученная борьбой, добыча сменила направление, но вытянул лишь обрывок снасти.

— Не ловится?

Задорный голос спутницы лишь подлил масла в огонь, усилив и без того растущее раздражение. Мычка с трудом сдержался, чтобы не брякнуть в ответ что-нибудь злое, подходящее моменту. Не в силах смотреть на озеро, как будто смеющееся над неудачливым рыболовом, он вскочил, но не успел сделать и шага, как вода неподалеку взбурлила, плеснул фонтанчик брызг. Не веря в удачу, Мычка замер. Неужели его усилия не пропали даром, и добыча, судя по всему весьма крупная рыбина, сейчас всплывет? Глаза хищно прищурились, неотрывно следя за водой, рука потянулась к сапогу, где в удобном кармашке ожидает своего времени надежный охотничий нож.

Ну же, ну, всплывай, хотя бы ненадолго! Он столько ждал, что без раздумий прыгнет в воду, не побоявшись вымокнуть, лишь бы вытащить добычу. Давай, всплывай!

Вода заволновалась сильнее, в глубине замерцало нечто темное, вздыбился фонтан брызг. Мычка нахмурился. Что-то пошло не так. Слишком высоки волны, чересчур крупны вздымающиеся гроздя пузырей. Обычная рыбина, пусть даже вымахавшая в рост человека, не может настолько... настолько... Мысль запуталась, оборвалась, вытесненная поднимающимся из глубин холодным ужасом, а мгновенье спустя озеро встало на дыбы.

Взметнулся фонтан брызг, словно в воду упал обломок скалы, капли ударили с силой, забарабанили по рукам, лицу, груди, мгновенно промочив одежду. По ушам стеганул исполненный ярости рев. В расширенных от ужаса глазах отразилась жуткий облик, нелепая харя, чудовищное переплетение изломанных линий, рвущееся из озера на берег.

Позади ойкнуло, тоненько заверещало, а спустя мгновение Мычка истошно заорал:

— Беги! Беги что есть сил!

Он ужом развернулся, скакнул так, что разом долетел до костра, перемахнув добрый пяток не малого размера стволов. Вновь заревело. Звук отдался болью в черепе. В спину ударил тугой кулак из воздуха и воды, бросил наземь. По щеке царапнул сучок, от удара о пень занемело плечо. Но ужас заставил забыть о боли, подбросил, метнул следом за улепетьвающей гигантскими скачками Зимородок. Пальцы сомкнулись, успев ухватить один из заплечных мешков, ноги заработали, подкидывая и бросая тело так, словно он стал легче раза в два, и втрое сильнее.

Зимородок с разбегу вломилась в лес, затрещала, прорываясь сквозь кусты так легко, будто это и не кусты вовсе, а так, травка. Мычка понесся следом, мертвея от одной только мысли, что вот сейчас подошва скользнет, сорвется с влажной листвы, или, неудачно ступив на ветку, подвернется нога, и то неведомое, смертельно опасное, что преследует по пятам, догонит, втопчет, превращая тело в набитую костным крошечком кровавую кашу, примется пожирать еще живого.

От диких мыслей сил как будто прибавилось, ноги понесли шибче, хотя мгновение назад казалось — быстрее некуда. Однако выяснилось — есть куда. Еще как есть! Не мешай деревья, можно было бы задать такого стрекача... Однако, деревья никуда не делись, и пришлось лавировать, чтобы со всего маха не впечататься в корявые стволы лесных великанов, совсем не мягкие, чтобы безболезненно биться головой, или еще чем похуже.

Позади ревет, от насадного топота сотрясается земля, жалобно трещат деревья, сминаемые непреодолимой силой невиданной твари. Однако грохот постепенно удаляется, взрывания все тише, а земля подрагивает едва-едва, и вскоре остается лишь хруст хвои под ногами да грохот бьющихся на пределе ритма сердец.

— Все, не могу больше, — коротко выдохнула Зимородок, рухнула, хватая ртом воздух и насадно дыша.

Испытывая непреодолимое желание присоединиться, Мычка остановился, принялся ходить кругами, успокаивая дыхание и настороженно поводя ушами: шум затих, но тишина может оказаться обманчивой! Однако, замаявшись в конец, вскоре прекратил бессмысленные попытки, присел рядом.

— Что... что это было? — слатывая, и прерываясь на вздох, сипло спросила Зимородок.

— Не знаю. — Мычка глубоко вздохнул, переведя дух, повторил: — Не знаю...

— Но ведь ты охотник. Разве существуют неизвестные тебе животные?

В голосе девушки вновь промелькнули доверительные нотки, с какими ребенок обращается к взрослому, что намного больше, умнее, и конечно же знает все-все. Ощувив, как в груди распускается теплый бутон, Мычка улыбнулся, ответил растеряно:

— До сегодняшнего дня я тоже так думал, но... мир полон сюрпризов.

Зимородок нахмурилась, сказала с ноткой недовольства:

— Не нравятся мне такие сюрпризы. — Помолчав, добавила с грустью: — А рыбы так и не поели.

Мычка вымученно улыбнулся, сказал натянуто весело:

— Ничего, другое озерцо отыщем. — Зимородок глянула так, что он прикусил язык, добавил поспешно: — В том смысле, что нормальное озеро, не такое.

Преисполнившись сарказма, девушка произнесла:

— Интересно, как собираешься различать?

Мычка расплылся в улыбке, сказал самодовольно:

— А как я это отличил? По обстановке, по следам. Я ж тебе не зря на поваленные деревья показывал, ой не зря.

Зимородок недоверчиво процедила:

— Что-то я не помню, чтобы кто-то о чудовищах говорил. А! Поняла. Один небезызвестный охотник решил сделать сюрприз, и приготовить к ужину некую необычную тварь. Да что-то не заладилось.

Мычка ощутил раздражение, бросил зло:

— Если бы ты проявила хоть каплю рассудка, задалась вопросом, что же там на самом деле произошло, предложила отойти от озера, так, на всякий случай. Не пришлось бы скакать, теряя вещи!

Сделав невинное лицо, Зимородок произнесла с великой кротостью:

— Вопросы? Какие вопросы может задать глупая девушка, если ее спутник настолько могуч, умен и опытен, что в единоличном порядке решает: куда ей идти, когда спать и что есть?

Мычка закусил губу. И хотя внутри все бунтовало, требуя излить недовольство в обличающих словах, разум холодно и насмешливо подтвердил — так и есть. Не он ли, пусть и с соизволения Филина, но все же силком уволок девушку из родного дома, не он ли требовал вставать с утра и ложиться за полночь, стараясь за каждый переход пройти как можно больше, не из-за него ли за последние дни она подверглась такому количеству опасностей, коих не пережила за всю предыдущую жизнь?

С неловкостью отводя глаза, он произнес примирительно:

— Тварь отстала, но мы ушли недостаточно далеко. Пойдем, пройдем еще немного, конечно... если у тебя остались силы.

На удивление, девушка не стала спорить, со стоном поднялась, двинулась, с трудом переставляя ноги. Ощущая вину, Мычка пошел рядом, предупредительно отводя ветви и поддерживая за руку, если на пути попадались кочки или ямины с крутыми обрывистыми боками.

Зимородок шла молча, уткнувшись взглядом в землю, без привычных едких замечаний и насмешливого блеска глаз. То и дело поглядывая на девушку, и не получая ответных знаков внимания, Мычка в конец измучился совестью, и, скрепив сердце, остановился на отдых, не смотря на солнце, что по-прежнему висело над головой, и до вечерних сумерек осталось еще очень и очень долго.

Разведя костер, и разложив вокруг лишние вещи, Мычка отправился на охоту, рассчитывая, что к возвращению спутница придет в себя. Так и получилось. Когда он вернулся, с парочкой жирных зайцев под мышками, первое, что бросилось в глаза — недовольное лицо Зимородок. Мычка ощутил, как отлегло от сердца. Недовольство подруги стало уже привычным, чем-то неотъемлемым, вроде вечернего звона комаров, или ночной сырости, и хотя по-прежнему раздражало, воспринималось уже как нечто само собой разумеющееся.

Распотрошив тушки, и насадив мясные кусочки на воткнутые вокруг костра веточки, Мычка присел под дерево, устало прикрыл глаза, не желая лишний раз тревожить девушку. Однако, Зимородок явно не рассчитывала молчать. Сперва раздалось недовольное сопенье, затем что-то зашуршало, треснуло, послышался исполненный раздраженья голос.

— И за что мне это наказание? Мало, что осталась без вещей, так еще и мешок с припасами потеряли.

Мычка открыл глаза, повертел головой, отыскивая мешок, обнаружив, пристально осмотрел, сказал мягко:

— Возможно, ты не заметила, но мешок на месте, и, если мне не изменяет зрение, без единой прорехи.

Зимородок произнесла едко:

— Я что-то сказала о съестном? Потерялся мешок с моими припасами! Гребень, одежда, украшения... Вернее, что я говорю? Он вовсе не потерялся, нет. Кто-то, не будем указывать пальцем, оставил его специально, вместо жизненно необходимого, захватив никому не нужную ерунду!

Улыбнувшись уголком рта, к девушке явно вернулось расположение духа, Мычка произнес примирительно:

— Я схватил первое, что попало под руку. Разбираться не было времени.

Зимородок поджала губы, повторила упрямо:

— Если бы времени не было на самом деле, о мешках бы и речи не шло, но ты все же взял один, и это один, по какой-то удивительно случайности, оказался вовсе не тем, что нужно.

— Предлагаешь вернуться? — Насмешливо прищурился глазами, Мычка взглянул на собеседницу. — Сейчас, погоди немного, дожарится мясо, и можем выдвигаться — спасать твой мешок.

ГЛАВА 16

Зимородок обиженно засопела, отвернулась, но вскоре повернулась вновь, сказала рассудительно:

— Ты же охотник, как ты мог не понять, что в озере живет такое... такое... — она запнулась, всплеснула руками, подыскивая подходящее сравнение, — страшилище! Ведь я там чистила белье, и даже купалась. А если бы тварь выскочила немного раньше, и поперла не абы куда, а напрямик в мою сторону?

Не желая обострять беседу, Мычка не стал напоминать, что тварь оказалась настолько велика, что, куда бы ни поперла, в итоге кончилось бы одним, сказал мягко:

— Сколько бы ни было опыта, как бы умен не был охотник, рано или поздно он наткнется на что-то, с чем не встречался ранее. На нечто необычное, странное, неведомое.

— Но ведь ты говорил, все звери похожи повадками! — перебила Зимородок скороговоркой. — Одни больше, другие меньше, но похожи. И всегда можно сделать предположение, предсказать, просчитать? Ты же говорил, ведь говорил же!

Мычка кивнул.

— Говорил. И не отказываюсь от сказанного.

— Тогда почему не использовал знание в этот раз? Почему не подумал, не сделал выводов?

Мычка взглянул испытывающе, сказал с усмешкой:

— Почему же не использовал, использовал, оттого мы с тобой сейчас живы, а не лежим разрозненными кусками в желудке чудовища. Да и выводы никуда не делись. И в ближайшем будущем это позволит нам не тратить силы попусту.

Зимородок произнесла с сарказмом:

— О своих подвигах расскажешь в другой раз, кому попроще и подоверчивее. А про будущее можно и послушать. Конечно, маловероятно, но... вдруг что умное?

Собираясь с мыслями, Мычка подбросил дров, по-очереди повернул палочки, чтобы мясо обжарилось равномерно и не подгорело, сказал:

— Понимаешь, этой твари... ее не должно там быть.

Зимородок поморщилась, на лице промелькнуло такое неприкрытое недоверие, что Мычка сказал обиженно:

— Не хочешь слушать — не слушай, но и рассказывать не проси.

Девушка сказала с притворным удивлением:

— С чего взял? Видишь, сижу — слушаю, не перебиваю даже. Ты говори, говори, глядишь, и усну потихоньку. Все польза будет.

Пропустив колкость мимо ушей, Мычка продолжил:

— Лес вокруг густой, заросли плотные, из прорех только волчьих тропы, а из следов — отпечатки птичьих лап. Да и озерцо мелкое, неглубокое: ни щелей, ни отнорков.

Зимородок ухватила ближайшую палочку, где кусочки мяса успели потемнеть, покрылись хрустящей корочкой, поднесла к носу, желая лишь понюхать, но как-то так вышло, что зубы сами ухватили, разорвали на мелкие кусочки. Давясь и чавкая, словно здоровенный кабан, Зимородок сказала с набитым ртом:

— Ты рассказывай, рассказывай, внимания не обращай. Только объясни, какая связь между тварью, лесом и... о чем ты там еще говорил?

Задумчиво глядя, как девушка поспешно жует, давясь и мыча от удовольствия, Мычка произнес:

— Вот ты сейчас зайца трескаешь. Сколько потребуется, чтобы наесться?

Ошарашенная вопросом, Зимородок застыла, отвесила челюсть, но ощутив, что тщательно разжеванный и готовый к глотку кусок сейчас вывалится на землю, поспешно захлопнула рот. Глядя, как от невозможности ответить на наглость лицо спутницы пошло пятнами, Мычка усмехнулся, поспешил успокоить:

— Да ты ешь, ешь. Это я так, в качестве сравнения пример привел. Допустим, наешься одним, хотя, как ты лопаешь, понадобится минимум два, если не больше. Ну ладно, будем считать от малого, так — червячка заморить, так что пусть будет один.

Если взять зверя покрупнее, к примеру меня, а лучше бера, то ему зайца уже не хватит, не хватит даже двух. Потребуется олененок, а лучше молодой лось. И таких лосей ему нужно одного в седмицу... ладно — в две. Надо все ж таки и меру знать, а то никаких лосей не напасешься.

Зимородок наконец справилась с куском. Громко сглотнув, она произнесла низким от негодования голосом:

— Это ты сейчас что хотел сказать, что я много ем? А раз много ем, значит я толстая? И задница у меня колышется, и бока отвисают, ты это хотел сказать, нечисть лесная?

Рванувшись к костру, Мычка мгновенно выхватил палочку с самым крупными и сочными кусками, столь же быстро сунул в руки собеседнице и пододвинул к лицу, так что соблазнительный мясной кусок краешком вдвинулся девушке меж губ, изогнутых в гневном оскале. От неожиданности Зимородок сомкнула зубы, откусив изрядный кус. Потеряв возможность говорить, она зло сверкнула глазами, но не выплюнула, начала жевать.

Избавленный от необходимости отвечать на обвинения, Мычка продолжил:

— Я это говорю к тому, что всем надо есть. И чем животное здоровее, тем ест больше. Это я не про тебя сейчас. Так вот тварь, что на нас напала, больше самого большого бера раз в десять, если не в двадцать пять, и есть должна соответственно: часто и много.

Довольный, что закончил такую длинную и сложную мысль, Мычка с удовлетворением выдохнул, замолчал, ожидая вопросов. Дожевав, Зимородок произнесла с отвращением:

— Что за народ пошел, нет, чтобы объяснить в трех словах, будет бубнить, пока солнце не сядет. У вас в племени все такие?

Мычка нахмурился, сказал уязвлено:

— Не все, но к делу это отношения не имеет. Объясняю совсем просто, для тех, кто в погребе. Каждому надо жрать, и жрать вдоволь. Хотя бы изредка. Если еды нет, или мало, то сил не остается, сперва на развлечения, а потом и на охоту. Нечем такому страшилищу тут питаться, не хватит ему ни лосей, ни беров. Сдохнет с голоду. Вернее, должно было уже давно сдохнуть, прежде чем до таких размеров вымахало.

Мычка в досаде сплюнул, отвернулся к огню. Однако, пламенная речь не прошла даром. Под впечатлением от услышанного, Зимородок испуганно сжалась, и даже перестала жевать, спросила чуть опасливо:

— И что это значит? — Заметив, как гневно сверкнули глаза спутника, поспешно поправилась: — В том смысле, чем это поможет нам?

По-прежнему хмуро, но уже гораздо мягче, Мычка произнес:

— Поможет тем, что я могу с уверенностью сказать: встреч с подобными тварями можно не опасаться.

Зимородок выдохнула, расплывшись в улыбке, вновь зачавкала кусочком. Глядя, как подруга справляется с остатками зайца, Мычка ободряюще улыбался, хотя внутри, прикрытый ворохом умных слов, по-прежнему тлел уголек сомнений. Как-то ведь это существо очутилось посреди леса, и если появилось одно, что помешает появиться остальным? Другой вопрос, когда это произойдет, и произойдет ли вообще, но для обсуждения таких вещей нужен собеседник более уравновешенный, чем тот, что сейчас сладострастно поглощает зайца, восстанавливая силы и заедая недавно пережитый страх.

Задумавшись, Мычка неторопливо жевал мясо, стягивая с палочки, по одному забрасывая в рот кусок за куском. Опомнился он лишь когда, потянувшись за очередной палочкой, рука нащупала пустоту. Мычка охнул, невольно скосил глаза, ожидая наткнуться на осуждающий взгляд Зимородок, но та спала. Переживания и усталость сделали свое дело, а ранний ужин лишь подвел черту, мягко сопроводив девушку в здоровый, восстанавливающий силы сон.

Дневной свет еще не погас, позволяя завершить необходимые дела. Поразмыслив, Мычка взялся за оставшегося зайца, и вскоре тот последовал примеру товарища, упокоившись в виде аккуратно нарезанных кусочков на воткнутых вокруг костра палочках. Закончив с пищей, Мычка зачерпнул горсть жухлой хвои, тщательно обтер руки, после чего прилег, закрыл глаза. Однако сон не шел, глаза сами собой открылись, а взгляд заскользил

вокруг, не задерживаясь на чем-то одном.

На глаза попался заплочный мешок. В черепе сверкнула бледная искорка воспоминаний, зазудила занозой. Мычка несколько мгновений сидел, мучительно пытаюсь понять причину беспокойства. Воспоминание ослепило, заставило вскочить, рвануть ляжки мешка. Чувствуя, как холодеют ноги, а в груди расплзается противное тянущее чувство потери, Мычка запустил в мешок руку, зашарил, затаив дыхание. Спутанный клубок тетивы, бурдюк, мягкий ворс шкуры... Есть!

От сердца отлегло. С великим облегчением Мычка вытащил руку, взглянул на зажатый в пальцах желтоватый сверток. Он замедленно вдохнул и выдохнул, успокаивая дрожь. Иначе, чем великой удачей такое не назовешь. Убегая от твари, он не думал ни о вещах, ни о, тем более, карте. Пальцы ухватили мешок случайно, почти помимо воли. А ведь он мог пробежать стороной, или схватить тот, другой мешок, с бесполезными вещами Зимородок. И вместо того, чтобы лежать сейчас, разглядывая снующих по дереву мурашей, шел бы в сторону озера, в слабой надежде, что чудовище не втоптало припасы в землю, привалив для верности стволами древних великанов в два обхвата толщины.

Мычка осторожно развернул свиток. Взгляд разбежался по заполненному значками пространству полотна, выхватывая из общей массы отдельные части. Десятки, если не сотни значков. Не то дома, не то бревна или кусочков скал. Конечно, он уже видел эту картинку, и даже смутно что-то запомнил, но определить, какой именно дом нужен, без карты не представлялось бы возможным. Путешествие бы потеряло всякий смысл, а он окончательно подорвал к себе доверие спутницы, и без того не радующее избытком.

Значки, значки... весь лист исчеркан обозначениями. Если проявить фантазию, можно в невнятных квадратиках увидеть домишки, а в бледных прерывистых линиях — окружающие дворики заборы. Однако, как странно. Дома располагаются не хаотично, как духи на душу положат, а в строгой симметрии. Если смотреть мелкими сегментами, то дома располагаются рядом — едва не слипаются, задевая друг-друга краями, но, стоит взять покрупнее, и плотный строй распадается, бьется на небольшие кучки, разделенные равномерными прослойками, не то оврагами, не то особо толстыми стенами.

Мычка задумался, пытаюсь представить, как должен выглядеть город на самом деле, но перед внутренним взором вырисовывалось только чудовищное нагромождение из изб и сараев, и он лишь вздохнул, вновь взглянул на карту. Конечно, карта удивительно сама по себе, но намного интереснее процесс создания. Ведь дома изображены не сбоку. Судя по пропорциям и масштабу, такое можно нарисовать лишь будучи очень, очень высоко, намного выше крыш, или даже самых высоких деревьев.

Фантазия вновь заработала, подсовывая догадки, одна сказочней другой. Вот художник завис над городом, окруженный стайкой птиц, от каждой, прикрепленный за лапку, тянется тонкий поводок, не позволяя человеку упасть. А вот птицы исчезли, сменившись диковиной шкурой, что недвижимо застыла в небесах, управляемая неведомой магией.

Отрезвляюще всколыхнулось воспоминание, отдалось в черепе голосом наставника. Улыбка поблекла, а из груди вырвался невольный вздох. Гора. Филин упоминал, что рядом, почти над самым городом, расположена высокая скала. Даже здесь, на карте, если взглянуть в верхнюю часть, стоит пометка. Будь он внимательнее, не пришлось бы ломать голову, изобретая безумные фантазии.

Стало заметно темнее. Поразмышляв еще немного, Мычка спрятал карту, поднялся. Мясо испеклось, насытило воздух вокруг сладковатым запахом. Вдохнув поглубже, Мычка

невольно сглотнул слюну, но возникшее желание подкрепиться отшел с негодованием. Выдернув из земли палочки, прямо так, целиком, не снимая мясных кусочков обернул листьями, сверху обмотал шкурой, а получившийся узелок спрятал под ветвями. Осмотревшись, он подгреб хворост поближе, заменил сгоревшие сучья свежими, и лишь когда пламя вновь разгорелось, лег с чувством выполненного долга.

Лес заметно изменился. Мрачный сосняк поредел, ели потеснились, уступив место лиственным собратьям, отчего вокруг стало светлее и просторнее. Мычка с удивлением и любопытством посматривал на доселе не виданные деревья и кустарники с усыпавшими ветви широкими зелеными пластинками, вместо привычных тонких острых иголочек. Большую часть деревьев он знал, и даже изредка встречал неподалеку от родной деревни, но некоторые видел впервые.

Изменился и запах. Исчезла затхлость, воздух наполнился пряными ароматами от растущих тут и там цветов, с крупными, нескромно-яркими бутонами всевозможной расцветки. Серое покрывало хвои запестрело островками травы. Островки ширились, разрастались, заполняя все свободное пространство, топорщились влажной зеленью. Мычка ступал осторожно, хмурился. За разросшимися стеблями не видно земли, небольшие ямины и узловатые корни деревьев превращаются в коварные ловушки. Легко не заметить, запнуться, растянувшись во весь рост под насмешливое фырканье спутницы, а то и вовсе повредить ногу, или напороться на сук.

Опасаясь, что спутнице придется тяжелее, Мычка то и дело поглядывал в сторону Зимородок, готовый поддержать, помочь, если возникнет необходимость. Но девушку подобные вопросы не заботили вовсе. Широко улыбаясь, Зимородок вдыхала воздух полной грудью, наслаждаясь путешествием, вертела головой, с любопытством поглядывая вокруг, а под ноги смотрела, лишь заметив особо яркий цветок или маслянисто поблескивающую шляпку гриба, от времени не успевшего потускнеть и скукожиться.

В очередной раз втянув ноздрями воздух, Зимородок произнесла с подъемом:

— До чего же здесь хорошо! Я и не думала, что лес может быть таким приветливым.

Обойдя по широкой дуге подозрительно сильно разросшуюся травяную кочку, Мычка покачал головой, сказал в раздумье:

— Приветливый? Может быть. Но и непознанный, а оттого опасный.

Зимородок скосила глаза, сказала со смешком:

— Не узнаю нашего великого охотника. Куда делась самоуверенность, где безрассудная смелость? Ведь ты же просто оплот выдающихся качеств и достойных черт!

Мычка пожал плечами.

— Никогда не отличался самоуверенностью и уж тем более безрассудством. Не лучшие для охотника качества.

Зимородок скривилась, сказала недоверчиво:

— Это с каких пор?

— Всегда так было, — произнес Мычка с достоинством.

Девушка прищурилась, спросила с ехидцей:

— А "всегда" это до того, как ты искромсал несчастного бера в клочья, или уже после?

— Это был выдающийся случай, — ответил Мычка кротко.

Зимородок покивала, сказала с преувеличенной серьезностью:

— Конечно, конечно. Кто бы спорил. А случай, когда некто настигнул бедного отшельника стрелами, тоже был выдающийся?

Мычка нахмурился, сказал сдержано:

— Не наштиговал. Там была всего одна стрела. К тому же этот "бедный" отшельник едва не утянул тебя в свое логово, а меня не задушил.

Зимородок фыркнула.

— Естественно. Что ты еще можешь сказать. Убил, ограбил, а потом, оказывается, что тот еще и сам виноват.

— Кого ограбил? — У Мычки отвисла челюсть.

— Отшельника! — ответила Зимородок с вызовом. — Или не помнишь, как в избу рвался?

Не ожидав подобных нападков, Мычка произнес ошарашено:

— Но ведь я... мы даже близко не подошли.

Зимородок подбоченилась, сказала снисходительно:

— Потому и не подошли, что со мной был. Так бы точно все вверх дном перевернул, землю перекопал, и хозяина выпотрошил — вдруг тот что ценное сглотнул?

Мычка вздохнул, порой Зимородок становилась вовсе несносной, сказал устало:

— Я вообще не хотел туда идти. Только кое-кого понесло в гости наведаться, покушать вкусно, да поспать мягко.

Зимородок вспыхнула, сказала с обидой:

— Ну и топал бы дальше! Зачем следом пошел?

Мычка всплеснул руками.

— Так ведь обидел бы!

— А может не обидел?! — передразнивая, ответила Зимородок в тон. — Может это он от ревности, или от испуга? Головой двинулся, вот и попер во всех подряд магией шмалять.

Мычка усмехнулся, сказал злорадно:

— Приревновал, еще бы. Краса немытая из леса выбралась, раззявив рот в кладовку понеслась. Тут не тот что отшельник, любой двинется.

Зимородок побледнела, воскликнула срывающимся от ярости голосом:

— Это я-то не мытая, я? На себя глянь! Ты давно в лужу смотрел, рожа вершинничья, нечисть проклятая?! Ты вообще в жизни мылся, кроме как под дождем? Да от тебя потом разит — мошкара наземь сыплется, беры разбегаются, черви расползаются! Дикарь, дурак, вершинник!!!

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

Лес изменился, поредел. Все чаще появляются прогалины и лужайки, сперва небольшие, полностью заросшие травой и кустарником, но, чем дальше, тем прорех в прежде непрерывном теле леса становится больше. Разрывы множатся, растут, сливаются словно быстро прибывающие лужицы во время сильного дождя. Открытое пространство, манящее и страшное одновременно, ширится, накатывает жаром, давит пронзительной синевой и лес отступает, теснимый напористым и чуждым, чему нет названия.

Исчезли щетинящиеся хвоей великаны, сменились лиственными родственниками, жизнерадостными и исполненными жизни. Если раньше каждое дерево билось за жизнь, тянулось, что есть мочи, стремясь выйти из-под сени собратьев, ухватить частичку света, то здесь совсем не так. Небольшие рощицы, жалкие остатки былой мощи, шелестят листвой, купаются в горячих лучах щедрого светила. Деревья растут вширь, тянут ветви далеко вокруг, растопыряются, не ограниченные ничем.

Изменился и воздух. Влага ушла, сменилась непривычной сухостью. Ветер свободно гонит небесные потоки, переливает, закручивает вихриками. В ноздрях свербит от сладковатого запаха пыльцы. Другие существа, иные звуки. Пищат, переливаются трели невиданных птиц, скрипят, скрежещут удивительные букашки, под ногами, в траве, шныряют мелкие зверьки.

От непривычного жара пот катит градом, не спасают даже легкая рубашка и штаны — одежда мгновенно намокает, неприятно липнет к телу. Бурдюк с водой, до того не покидавший заплечного мешка, висит на поясе, жажда, редкий гость в лесу, здесь постоянный спутник: горло дерет, гортань пересыхает, а губы трескаются. Язык ворочается с трудом, и для того, чтобы произнести что-то внятное, нужно плеснуть воды, чуть-чуть, немного, но плеснуть, иначе лишь сухое сипенье и невнятный шепот.

В памяти всплывает лик наставника, взгляд суров и прохладен, но, нет-нет, да в глубине глаз блеснет ободряющая искра. Все верно, все правильно. И хотя до завершения задания еще далеко, часть пути пройдена, и не самая простая часть. Филин довольно кивает, истаивает в дымке, на его месте возникают лица родных и знакомых, мутные, едва различимые за пеленой времени и пространства. Они машут руками, что-то говорят, но голосов не слышно, а лица смазываются и не различить, что шлют вслед заблудшему сыну: недовольство ли, упрек, или благословенье и счастливое напутствие.

— Я сейчас, только присяду ненадолго, что-то с ногой.

Зимородок обессилено опустилась на землю, застыла, раскинув руки и распахнув рот. Мычка смахнул пот со лба, устало обернулся. В десятке шагов позади, там, где заканчивается тень и прохлада рощицы, иссушенная небесным огнем почва. Поднимаясь от земли, дрожит горячий воздух, закручиваются вихрики пыльцы. Жуткая, небывалая картина. И хотя высокие, в пояс, сочные травы как будто даже рады зною, а скрытая от глаз под густым зеленым покровом, жизнь не замирает ни на мгновенье, здесь намного, намного лучше. Листва над головой умиротворяюще шелестит, защищая от немилосердных лучей, воздух влажен, а идущая от земли прохлада настолько желанна, что хочется броситься ничком, и впитывать холод подземных вод всем телом, испытывая бесконечное, невероятное блаженство.

Ноги угодливо подкосились, тело потянулось к земле, но невероятным усилием воли Мычка преодолел искушение. Это Зимородок может расслабиться, не обременяя себя заботами о грядущем, ему же надлежит сделать еще кое-что. Опасных зверей в рощице

скорее всего нет, людей — тем более, но, как говорится, лучше перебдеть...

Мычка снял заплечный мешок, сбросил перевязь, скинул рубаху, оставшись в одних штанах, двинулся в глубь рощицы. Без ноши стало значительно легче. По-хорошему, стоило бы снять и штаны, но не хочется выслушивать едкие шуточки Зимородок, если она вдруг решит прогуляться следом.

Трава приятно холодит подошвы, с зеленого купола над головой накрапывают мелкие капельки не то влаги, не то древесного сока, отчего хочется от души тряхнуть ствол, чтобы окатило так, словно в разгар хорошего дождя. Спасаясь от палящих лучей, под сенью деревьев звенит мелкая мошкара, липнет к телу, щекоча и покалывая. Порой, подлетают кровожадные слепни, но быстро уносятся, предпочитая тепло открытых пространств расслабляющей прохладе тени.

Под ногой чавкнуло. Не веря в удачу, Мычка опустил глаза, всмотрелся пристально. За разросшейся зеленью травы не видно землю, но и без того можно сказать — вода близко. Он зашагал дальше, с трудом сдерживая нетерпение. Зачавкало громче. Насытившись влагой, земля проминается под ногой, подается, не в силах сопротивляться нажатию. А если повернуть голову, можно заметить, как оставшиеся от ног глубокие оттиски заполняются водой.

Ноздри ощутили влагу, а воображение нарисовало картину задолго до того, как кустарник расступился, обнажая крупную лужу с прозрачной, как слеза, водой. Едва ступив в лужу, ноги занемели от холода, а стоило лишь плеснуть воды в рот — зубы заломило. Ключ! Чистейшая, насыщенная холодом глубин, водяная струйка, нашедшая брешь в земляном панцире. В этом краю палящего солнца и пересохших ручьев — редкостная удача.

Не раздумывая ни мгновенья, Мычка сперва опустился на колени, принялся черпать воду, забрасывая горстями в рот и мыча от удовольствия, а когда жажда перестала мучить, лег, разбросал руки, отдавшись наслаждению забытого, но невероятно приятного ощущения холода.

Когда грудь сковало ледяным обручем, а конечности застыли настолько, что едва двигались, Мычка выбрался из лужи, направился назад, спеша порадовать спутницу хорошей новостью. Однако, Зимородок лежала на прежнем месте с закрытыми глазами, не то погрузившись в оцепенение, не то просто уснув, и на шум шагов не обратила никакого внимания. Поразмыслив, Мычка решил не тревожить девушку. Подхватив заплечный мешок и рубаху, он вернулся к источнику. Наполнив бурдюк так, что тот раздулся, как насосавшийся крови комар, Мычка приступил к стирке.

Рубаха, затем штаны — все удостоилось тщательного внимания. Мычка скреб и выжимал, используя в качестве скребка собственные ногти и горсть мелких камушков, затем полоскал и снова скреб. Вода потемнела, приобрела неприятный запах и цвет, но Мычка продолжал занятие. Когда, удовлетворенный результатом, он вышел из воды, на месте источника колыхалась зловонная черная лужа.

Не дожидаясь, пока вещи высохнут, Мычка оделся, двинулся назад. Вернувшись, он наткнулся на внимательный взгляд девушки, что успела прийти в себя, и теперь сидела нахохлившись, и опасно озираясь.

Осмотрев лучащееся довольством лицо спутника, она спросила с подозреньем:

— Что-то ты чересчур радостный. Не иначе — пакость какую сотворил.

Мычка улыбнулся, сказал бодро:

— Жизнь прекрасна. Не вижу повода для грусти.

— А я не вижу для радости, — огрызнулась Зимородок.

Мычка пожал плечами, сказал рассудительно:

— Было бы желанье. В одном и том же событии можно найти как плохие, так и хорошие стороны.

Зимородок поморщилась, буркнула:

— Интересно, какие хорошие стороны можно найти в бесцельном шатании под палящим солнцем по пересохшим от жара полям?

Мычка покачал головой, сказал с подъемом:

— Мы узнали много нового, побывали там, куда наши соплеменники и не мечтали попасть. А что до солнца — не такое уж оно и палящее, а поля сухие. Филин рассказывал, что есть гораздо более жуткие места, где солнце иссушает, а жар таков, что трескается кожа, где вместо деревьев и трав — бесконечный песок.

Зимородок отмахнулась, промямлила:

— У меня уже и так все иссохло, а что не иссохло — растрескалось. А про песок даже думать не хочу. Какой песок, если воды ни капли?

Мычка ухмыльнулся, подняв бурдюк повыше, потрянул, прислушиваясь к бульканью, сказал в раздумье:

— Не так, чтобы совсем ни капли. Но, ты права. Воду нужно беречь.

Он не успел опустить бурдюк, как Зимородок оказалась рядом, вырвала из рук, откупорив, припала к горлышку. Мычка с улыбкой смотрел, как спутница пьет, трясясь от жадности, спешит восполнить запасы влаги в теле, раздувается, как лягушка. Наконец она отняла бурдюк от губ, замерла, тяжело дыша и осоловело глядя вокруг. Перехватив исполненный радости взгляд спутника, спросила с удивлением:

— Я выпила больше половины, почему не остановил?

Мычка сказал с улыбкой:

— А мне не жалко.

Зимородок покачала головой, сказала с мягким упреком:

— Не спорю, мне приятно такое слышать, но... не слишком ли это расточительно?

Мычка улыбнулся шире.

— Возможно это и так, но... почему бы и не сделать себе послабление?

Зимородок благодарно улыбнулась, вновь припала к бурдюку, но вскоре прервалась, сказала с чувством:

— А ты умеешь удивить, проявить чувство, понимание. И хотя обычно ведешь себя как безмозглый дикарь...

Кивая в такт словам, Мычка сказал с прежней улыбкой:

— Да ты пей, пей... там еще много.

Зимородок поперхнулась, спросила с удивлением:

— Что значит много, и где это "там"?

— Там, в роще. Я набрел на ключ и теперь у нас в досталь воды.

Щеки девушки запыхали, прерывающимся от возмущения голосом, она спросила:

— Здесь неподалеку ключ, а ты едва не насильно вливаешь в меня воду?

Улыбка потускнела, Мычка сказал с грустью:

— Ты хотела пить...

— Я думала, это последняя вода!

— А в чем разница? — Мычка развел руками.

— В чем разница? В чем разница!? — Зимородок задохнулась, заверещала тоненько и зло: — Болван лесной, дикарь неотесанный! Я думала, ты от всего сердца, не хотела обижать, пила — давилась, а ты, ты...

Зимородок метнула бурдюк с такой силой, что Мычка едва успел перехватить, с трудом избежав неприятного шлепка по лицу, бросилась вглубь рощицы. Прислушиваясь к затихающему треску кустов, Мычка пожал плечами, спрятал изрядно полегчавший бурдюк в заплечный мешок, после чего лег, с наслаждением предавшись долгожданному отдыху.

Накатила дремота, мир отодвинулся, и хотя звуки по-прежнему слышны, доносятся словно через толстое одеяло. Вот неподалеку хлестнула ветка, отведенная, и раньше времени отпущенная неумелой рукой, раздался обиженный вскрик. Невольно представив недовольное лицо спутницы, Мычка улыбнулся, но глаза открывать не стал. Прошуршали легкие шаги, затихли рядом. Над головой посопело, брызнуло мелкими капельками. Вновь зашуршало, но уже чуть дальше, завозилось деловито. Послышалось чавканье.

Когда слух привык, и почти перестал различать сопенье и плямканье, чавк прекратился. Вновь зашуршало, но уже гораздо ближе. В бок толкнуло, заерзало, устраиваясь удобнее, вздохнуло тяжело. Краем уха Мычка прислушивался, с любопытством ожидая продолжения, но кроме умиротворенного сопенья ничего не услышал. Бок нагрелся, будто рядом нагребли неостывших угольев, от тепла и забытого ощущения уюта потянуло в сон.

Мычка проснулся с неясным ощущением тревоги. Что-то изменилось вокруг. Вот только что? Мгновенье он лежал недвижимо, вслушиваясь в малейшие звуки, затем приоткрыл глаза, немного, совсем чуть-чуть. Кто бы ни находился рядом — зверь, или человек, ему вовсе ни к чему знать, что охотник проснулся. Ничего. Все те же деревья, трава, разве тени несколько сдвинулись, следуя движению солнца, да примолкли птицы. Ага, птицы! Вот и разгадка. Конечно, здесь не лес, и, вполне вероятно, в это время птицы не поют, но расслабляться все же не стоит.

Мычка поднялся, накинул перевязь, стянул и забросил на плечо мешок, и лишь тогда, ощутив себя увереннее, вздохнул с облегчением. Даже если неподалеку кто-то есть, и этот кто-то не слишком дружелюбен, это уже не важно: перевязь привычно сдавливает плечи, ноги крепко стоят на земле, а сон сделал свое дело — усталости как ни бывало.

Взгляд перешел на спутницу. Зимородок лежит разметавшись, лицо расслаблено, на губах легкая улыбка. Мычка поколебался, стоит ли будить спутницу, что наверняка не успела восстановить силы, однако осторожность взяла свое. Он подошел ближе, коснулся плеча.

— Просыпайся.

Веки дрогнули, поднялись, открывая затянутые пеленой сна глаза. Зимородок некоторое время смотрела прямо перед собой, наконец в глазах протаяло узнавание, она вздохнула, спросила с зевком:

— Что случилось?

Мычка улыбнулся, но голос прозвучал строго:

— Пора двигаться дальше.

Зимородок потянулась, так что хрустнули суставы, сказала обиженно:

— Почему бы еще не поспать? Ведь мы никуда не торопимся.

— Уже торопимся.

Готовый к потоку колкостей, Мычка заготовил подходящий ответ, но, против ожидания, Зимородок не стала спорить, поднялась, взъерошенная и сонная, как разбуженная посреди ночи птаха, протянула жалобно:

— Дай хоть попить. У меня от этой жары опять в горле пересохло. Да и помыться не мешает.

— Пойдем мимо источника, там и попьешь и умоешься.

Не допуская возражений, Мычка взял девушку за руку, повлек за собой. Вялая со сна, Зимородок покорно пошла следом, не в силах сопротивляться, чем вызвала у спутника вздох облегчения. Однако Мычка зря радовался. Зимородок не сопротивлялась, но и не спешила помогать, клевала носом, подолгу перетаптывалась возле малейшей ямки, не в силах решить, как именно преодолеть столь сложное препятствие, словно специально цеплялась одеждой за кусты, а когда ветви царапали кожу, всхлипывала и ныла.

Мычка издергался, переводя девушку через ямки и спасая от коварных ветвей, сказал с досадой:

— Не могла бы ты идти хоть чуточку быстрее?

— Куда еще быстрее, я и так несусь, как лань, — произнесла Зимородок с обидой.

Желая подстегнуть подругу, Мычка сказал, придав голосу тревоги:

— Все же попробуй, соберись с силами. Мне кажется... мы здесь не одни.

Зимородок остановилась так резко, словно налетела на дерево. Глаза распахнулись, мгновенно очистившись от сна, а голос зазвучал с вызовом.

— Что значит не одни?

Мычка помолчал, подбирая слова, сказал с запинкой:

— По-моему, где-то неподалеку люди.

Зимородок воскликнула с возмущением:

— И ты все это время молчал?!

Голос девушки заметался под кронами, унесся вглубь рощи. Мычка нахмурился, сказал с досадой:

— Не хотел тебя пугать. И будь добра, не кричи так. У меня все в порядке со слухом.

Зимородок скрестила руки на груди, сказала с великолепным презрением:

— Со слухом может и в порядке, да только со смелостью не заладилось. Это ж надо, после стольких дней пути нам попадаются люди, а он, словно речная крыса, спешит прошмыгнуть незаметно!

Мычка покачал головой, сказал с осуждением:

— Я уже говорил о смелости и безрассудстве, только, похоже, впустую. Но дело не в этом. Ни я, ни ты не знаем этих людей, не ведаем чем живут, какие исповедуют обычаи.

Зимородок фыркнула.

— Какая разница? Все что нам нужно — поесть, помыться, да поговорить. — Она запнулась, поправилась: — Вернее, нужно мне. Тебе, похоже, вообще ничего не нужно, раз боишься лишней раз людям на глаза показаться.

Мычка прищурился, сказал замедленно, роняя слова, как камни:

— Помню, зашел я в одну деревню. Я погибал от голода и едва стоял на ногах, что не помешало местным устроить на меня охоту и почти убить. Если бы не некий отшельник, волею случая отыскавший мое остывающее тело, мы бы сейчас не разговаривали.

Зимородок с неудовольствием произнесла:

— Не пытайся меня разжалобить. Все равно никогда не узнаю, что произошло у вас с местными на самом деле, а ты не скажешь.

Мычка пожал плечами, сказал невесело:

— Ответ не настолько сложен, чтобы не догадаться самой.

Зимородок кивнула, сказала злорадно:

— Не дура, поняла. Только мне как-то все равно, какого цвета твоя кожа и форма ушей. А уж за других не отвечаю. — Ощувив, что перегибает, добавила примирительно: — А вообще, если так боишься, прикрой голову, вымажи лицо землей. Впрочем, последнее не обязательно, ладно бы еще мылся почаще, а так...

Она махнула рукой, стремительно пошла вперед, легко огибая кусты и перепрыгивая ямки, что еще совсем недавно представлялись непреодолимыми препятствиями.

ГЛАВА 2

Не доходя до источника, ухо уловило не характерные для безлюдной рощи звуки. Мычка вслушался до боли в ушах, но производимые Зимородок хруст и шуршанье заглушали все вокруг. Пытаясь догнать девушку, Мычка ускорил шаг, однако, та словно почуяла, пошла шибче. Он закусил губу, бросился следом, ухватил за руку, но в этот момент кусты разошлись, взорам открылась лужица ключа и... три мужские фигуры.

Мычка резко остановился, потянул спутницу, но та вырвалась, сделала несколько шагов, сказала с подъемом:

— Приветствую. За столько дней ни единой живой души... Если бы вы знали, как я рада!

Мужики разом повернулись и улыбка девушки поблекла, а глаза испуганно расширились. Небритые лица с густыми шапками спутанных волос, рты перекошены в недобрых улыбках, глаза заинтересованно обшаривают неожиданных гостей. Тела курчавятся густым волосом, прикрыты рубахами без рукавов, да короткими, до колен, штанами. На потемневшей от загара коже заметны многочисленные светлые пятнышки — старые шрамы. У каждого в кулаке тяжелая палка, а у того, что в центре, повыше, и пошире в плечах чем остальные, за пояс заткнут нож — длинный и кривой.

Один из мужиков распялил губы в улыбке, ощерив гнилые пеньки зубов, глумливо произнес:

— Ба! Кто тут у нас?

— Вот уж удача, так удача — парень с девкой! — брякнул в тон второй.

— И явно не местных, — с усмешкой добавил третий. — Откуда идем, и куда путь держим?

От шарящих по телу жадных взглядов Зимородок пошла пятнами, а когда один из мужиков сдвинулся на полшага, ойкнула, спряталась за спину к Мычке. Оказавшись в перекрестье недобрых взглядов, Мычка ощутил, как неприятно заныло в груди, но виду не подал, сказал приветливо:

— Идем издали, здесь проходом. Беспокойства не учиним, но и от помощи не откажемся.

— Помощь, какая помощь? — удивился первый.

— Чем могут помочь трое захудалых бродяг? — жалобно протянул второй.

— К тому же столь серьезному парню, — насмешливо добавил третий.

Ощущая, как в предчувствии нехорошего холодеет в желудке, Мычка произнес с прежним радушием:

— Мы ищем город. Город под огромной скалой. Говорят, он где-то в этих местах. Если вы знаете путь, подскажите. Наша благодарность будет безмерна.

Мужики переглянулись, лица разом расплылись в улыбках, но в глазах... Лучше бы они не улыбались. Первый прорычал:

— Раз говорят, значит так и есть.

— А город — да, где ж ему быть, как не здесь, — эхом откликнулся второй.

— Совсем рядом — рукой подать, — с прежней ухмылкой добавил третий.

Мычка ощутил, как Зимородок высунулась из-за спины, но раньше, чем успел удержать, брякнула:

— Какое счастье. Надеюсь, вас не затруднит указать дорогу, или даже проводить?

Мычка закусил губу, рванул девушку за руку, так что она ойкнула от боли, сказал поспешно:

— Нет-нет, моя спутница пошутила. Мы не можем себе позволить тратить ваше время, так что пройдем сами. Можете даже не указывать дорогу, мы уже все поняли и пошли, пошли...

Он сделал движение в сторону, собираясь обойти мужиков, но те резко сдвинулись, отрезая дорогу. Тот, что повыше и пошире в плечах, наконец перестал улыбаться, сказал серьезно:

— Не торопись. Путь не близок, а ноша тяжела. Зачем таскать груз? Оставь лишнее, дойдешь быстро и легко.

— Точно. Девку оставь, намного быстрее справишься, — поддакнул второй.

Третий добавил с ухмылкой:

— Да и перевязь тоже. Зачем тебе это железо?

Главарь покивал, сказал с преувеличенным миролюбием:

— Край здесь мирный, оружие ни к чему. Видишь, мы тоже почти без оружия. Так только, самую малость.

Радуясь удачной шутке, мужики заржали в голос. Мычка мрачно осматривал мужиков, ощущая, как позади, влипнув в спину, всем телом трясется спутница. Дождавшись, когда веселье утихнет, он произнес задумчиво:

— А ведь верно говорите. Край и вправду мирный. Раньше-то я сомневался, а как вас встретил — уверился, точно мирный. Да и девка, если по правде, замедляет: то поесть, то поспать, то пос... гм, отягощает в общем.

Мужики слушали оторопело, и с каждым словом изумление в лицах росло. Наконец первый не выдержал, спросил осторожно:

— Так ты согласен?

— Оставишь девку и перевязь? — поинтересовался второй.

— И так и пойдешь, облапошен... к-хм, облегченный?! — воскликнул третий.

Мычка развел руками, сказал с великой скорбью:

— Рад бы, да не могу.

— Почему? — разом воскликнули три глотки.

Мычка помялся, сказал неохотно:

— Есть у меня правило — не отягощать жизнь людям. Вот оставлю я вам перевязь, девку свалю на шею. Это ж выходит со своих плеч трудности переложу на чужие. Не правильно это, не честно.

Мужики возмущенно затараторили, перебивая друг-друга.

— Да нам ведь плевое дело!

— Ты ж один, видно ж мучаешься. А для нас, троих — легче лекого!

— Поможем, не бойсь. Или мы не мужики?!

Мычка тяжело вздыхал, прислушиваясь, как за спиной уже не дрожит — бьется от ужаса подруга, кивал, его лицо становилось все темнее и несчастнее, наконец не выдержал, сказал с великой мукой:

— Благодарю. Вы люди чистой души. Другим бы не выдержал, точно отдал, вам же... не могу.

Понурившись, он двинулся вперед, прямо на мужиков, не забыв захватить спутницу. Ощувив на запястье железные тиски пальцев, та охнула, засемила следом, опустив голову как можно ниже, только бы не встретится взглядом с ужасными бродягами. Оторопев от неслыханной наглости, мужики пораскрывали рты, и Мычка беспрепятственно прошел мимо.

Первый мужик почесал в затылке, сказал с сомнением:

— Так это, отпустим?

Второй пожал плечами, отозвался в замешательстве:

— Ну, вишь как получается-то...

Побагровев, и жутко выкатив глаза, главарь заревел:

— Вы чего несете, пни лесные? Кого собрались отпускать!? А ну быстро: бабу схватить, а этому зубы выбить, да язык вырезать, а то шибко разговорчивый.

Мужики спохватились, рванулись следом, угрожающе перекосив рожи и занося дубинки для удара. Топот отразился в черепе угрожающим грохотом, оборвал натянутую до предела нить ожидания. Мычка крутанулся, толкнул девушку, добавляя скорости, отчего Зимородок с жалобным воплем унеслась вперед, с треском вломила в кусты. Руки взлетели, рванули рукояти мечей. Клинки с шорохом выскользнули из ножен, вспыхнув на солнце, застыли, изящные и смертоносные, как зубы ядовитой змеи.

Распаленные предстоящей схваткой, мужики не обратили на мечи внимания, а быть может не разглядели в хрупком парне достойного противника, рванули вперед, подгоняемые наказом старшего. Распяленные рты, вытаращенные бездумные глаза, и наглая, непоколебимая уверенность — сейчас бой закончится, мальчишка отправится к духам, ну а девчонка... девчонка принесет немало приятных мгновений.

В груди за клубилось темное, наполнило тело дерзкой злой силой, но, вместе с тем, возникло ощущение нереальности, несправедности происходящего. Ведь он не сделал этим людям ничего плохого, да и они, если подумать, просто пошутили, не умно, без должного изящества, но это всего лишь слова. Стоит ли такое грядущей крови, не лучше ли остановиться, разойтись, пока не стало слишком поздно?

Мычка отступил, сказал скороговоркой, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Остановитесь, вы поступаете не правильно.

Ближайший мужик хохотнул, взмахнув палкой, воскликнул:

— Еще как правильно!

Мычка легко ушел от удара. Судя по удалому уханью, и тому, как повело противника

вслед за оружием, бродяга больше уповал на силу, чем какие-либо навыки.

— Нельзя проливать кровь людей, лишь потому, что они случайно оказались рядом! — прорычал Мычка, отступая на шаг.

— Еще как можно! — хмыкнул второй, примериваясь, как бы половчее достать противника в голову.

Враги напирают, довольные и уверенные в себе. Противник один, значительно уже в плечах, и почти не вооружен. Можно ли считать за оружие эти тонкие полоски металла? В глазах насмешка и похоть. И хотя ему есть что сказать, слова бессильны. Противники глухи к уговорам.

Чувствуя, что боя не избежать, Мычка отступил еще на шаг, воскликнул с мукой:

— Что же вы за люди, если понимаете только голос силы?!

Главарь, что успел приблизиться, и теперь кружил рядом, норовя зайти сзади, произнес с насмешкой:

— Уж какие есть. Предлагали тебе по-хорошему — не захотел. Теперь пожинай.

Надежда угасла, челюсти сомкнулись с такой силой, что противно закрипели зубы. Рядом, поигрывая дубьем от избытка сил, кружат враги. И не важно, что они отличаются лишь самой малостью, внутри это звери, вышедшие на охоту опасные хищники, а он — добыча. Неужели Филин был прав, и в этом мире по-другому невозможно? Перед внутренним взором возникло лицо наставника, суровое и скорбное одновременно. Губы беззвучно шевельнулись, но под черепом громом раскатилось одно только слово — бейся!

Плотина рухнула. Сдерживаемая до последнего момента, сила потекла по жилам, наполнила мышцы огнем. Чувства обострились, рассудок отодвинулся в тень, уступая место древним как мир инстинктам. Восприятие расширилось. Мелкие, и до того маловажные детали выдвинулись, обрели объем и значение. Время замедлилось.

Ближайший противник размахивается, собирая для удара силу, достаточную чтобы вместе с врагом снести ближайшее деревце. Глупец. Взмах, точное движение. Клинок взблескивает на солнце, рассекает воздух, коротко и легко. Со стороны кажется, будто металл коснулся кожи мягко, играючи. Но это конец. Вернее, начало — первый шаг в мир духов. Небольшая царапина, легкий росчерк. Противник еще не понимает что произошло, но рядом уже соткалась черная тень смерти, оскалилась в довольной ухмылке.

Прыжок в сторону, уворот. Дубинка проносится возле головы, обдав кожу холодным ветерком опасности. Рывок. В отблесках солнца клинок чертит огненный символ, что сменяется багрянцем. Кровь разлетается веером, орошая ближайšie кусты и землю алой горячей капелью. В расширенных глазах врага полыхает ужас и отражение падающего на землю предплечья, с намертво зажатой в холодеющих пальцах дубиной.

Остался последний противник. Короткий, на пределе скорости, взгляд назад. Один, размахивая культей и тоненько подвывая, кружится на месте, второй уже на земле, слабеющими пальцами зажимает рану на шее, откуда вместе с кровью толчками выплескивается жизнь. Не опасны. Взгляд возвращается назад, влипает во врага, что по-прежнему напирает, но уже без прежней уверенности. Глаза противника то и дело возвращаются к товарищам, что выбыли из боя так внезапно и непредсказуемо. Еще есть шанс, бросить оружие прямо сейчас, и бежать что есть сил. Возможно, странный парень с длинными светлыми волосами и небесной голубизной в газах не погонится, оставит жизнь.

Но... нет. Гордость не позволяет, а быть может разум излишне неповоротлив, а мысли неторопливы, чтобы принять решение вовремя. Уже не важно. Рывок вперед. Мечи сходятся

крестом, на мгновение замедляются, и... проскальзывают дальше, преодолев сопротивление плоти. Кровь взматывается фонтанчиком, на лицо брызгает теплым. Лишившись головы, тело некоторое время стоит неподвижно, миг, другой, и вот оно замедленно валится, обращаясь бессмысленной грудой мяса.

Мычка отер лицо, оглядел место битвы: кровь, обрубки конечностей, недвижимые тела. Мужик, что зажимал горло, лежит без движения, глаза остекленели, с шеи уже не течет, крови не осталось. Другой едва шевелится, кожа на лице побледнела, губы шепчут невнятное, двигаясь все медленнее, из культи густой стружкой течет красное, смешиваясь с водой источника, расплывается мутным пятном. Нужно бы помочь, перетянуть рану, а лучше — прижечь, но тело не движется, словно кто-то внутри, холодный и бездушный, не дает позволения.

С трудом преодолев оцепенелость, Мычка порывисто подался вперед, присел рядом. Сперва медленно, со скрипом, как тяжелые жернова, но все быстрее и быстрее зашевелились мысли: как обработать рану, чем перетянуть, сколько понадобится для разведения костра? Заметив движение, мужик ненадолго пришел в себя, дернулся всем телом. Заметив плеснувший в глазах страх, Мычка произнес:

— Не бойся, я помогу. Нужно остановить кровь.

— Нет, нет, не подходи!

Тот не поверил, задвигался, пытаясь отползти, но лишь расплескал грязь. Губы еще некоторое время шевелились, что-то шептали, но изо рта пошла кровавая пена. Дернувшись, мужик застыл. Руки коснулось мокрое, потекло по пальцам. Мычка опустил глаза. Рубаха погибшего с одного боку покраснела, напиталась кровью. Похоже, в пылу боя, он даже не заметил, как проткнул противнику ребра. Легкие наполнились кровью, и бродяга захлебнулся.

Хрустнуло, послышались сдавленные всхлипывания. Мычка поднял глаза. Из-за куста выглядывает Зимородок, лицо белее снега, от глаз, через щеки, пролегли мокрые дорожки, руки дрожат, а каждый вздох сотрясает тело сильнейшими спазмами. Не в силах оторваться, девушка смотрит на останки, что еще совсем недавно были живыми людьми.

Мычка покачал головой, встал, двинулся к спутнице. Заметив движение, та вздрогнула, попятилась, закрываясь руками. Ее затрясло сильнее, а всхлипы слились воедино, прорвались рыданиями.

— Не подходи, не подходи!

Девушка развернулась, бросилась бежать, однако споткнулась, распласталась на земле, но не остановилась, поползла, словно ящерка, что пытается уйти от неминуемой и ужасной угрозы. С тяжелым вздохом Мычка поднялся, вложил клинки в ножны, двинулся за подругой. Мелькнула расчетливая мысль, пока металл не потемнел, надо бы протереть кровь, очистить клинок от грязи, мелькнула и исчезла, не в силах пробить нарастающее оцепенение.

Мычка догнал девушку, поднял, прижал к груди, не взирая на сопротивление и вопли. Та сперва дергалась, пыталась бежать, раз за разом повторяя невнятные слова, но вскоре утихла, замерла, лишь время от времени по ее телу пробегала дрожь, выплескивая остатки пережитого ужаса.

Мычка гладил ее по волосам, баюкая, словно маленького ребенка, шептал что-то успокаивающее. Но мысли витали далеко, покинув реальный мир, устремились в мир иллюзий и мечты, и не желали возвращаться, избегая даже малейшего напоминания о

произошедшем. Но и там, в области грез, где все заполнено призрачным маревом, а в блистающей дымке мелькают неведомые образы, не нашлось покоя. Белая мгла окрасилась пурпуром, то и дело рвалась искажаясь в мучительных пароксизмах, а за белесой дымкой, в возникающих ненадолго разрывах, проглядывал лик наставника. Суровый и неподвижный, наставник пронзал взглядом ученика насквозь, но глубоко в глазах затаилась скорбь и понимание, словно Филин сожалел о возложенной на хрупкие плечи ученика тяжелой ноше.

ГЛАВА 3

За всю вторую половину дня не перекинулись и парой слов. Зимородок кривила губы, и время от времени всхлипывала, а глаза подозрительно поблескивали, однако, замечая на себе взгляд спутника, лишь виновато пожимала плечами, да лезла вытаскивать несуществующую соринку. На краю зрения, за рошицами, то и дело мелькали группы домишек, но по молчаливому согласию оба делали вид, что не замечают жилья. Узрев вдаль очертания изб, Зимородок поспешно отворачивалась, а Мычка каменел лицом.

Когда в дрожащей дымке курящегося от жара воздуха исчезла очередная группка изб, Зимородок осторожно произнесла:

— Может, все же зайдем, узнаем, что да как? — Перехватив мрачный взгляд спутника, поспешно добавила: — Но если что не так — сразу убежим!

Мычка молчал долго, так что Зимородок уже отчаялась услышать ответ, наконец обронил тяжко:

— У меня из головы не идут те трое, и... слова Филина.

Обрадованная ответом, Зимородок спросила с интересом:

— А что Филин, он что-то говорил?

— Он много говорил. — Мычка вздохнул. — Да только я не верил. Вернее, не особо задумывался. Рассказы о невиданных землях и суровых народах тогда казались не более чем сказкой, что навсегда останется уделом фантазий. И даже если все существует на самом деле, уж меня-то это не коснется. Видят духи леса, как же я ошибался.

Зимородок сочувственно посопела, сказала осторожно:

— Может, все не так уж и плохо, а те люди... Ну, не повезло, попались случайно. Ведь, знаешь сам, в семье не без урода. А остальные — люди как люди, ни плохие, ни хорошие. Или даже не так — остальные хорошие, просто, не повезло.

Мычка взглянул на спутницу, спросил горько:

— Настолько не повезло, что вот так, сразу, наткнулись на единственную на весь край троицу уродов?

Не найдя что ответить, Зимородок выдохнула эхом:

— Не повезло... — Но тут же поперхнулась, понимая, как нелепо и жалко выглядят слова оправдания.

Мычка вздохнул, продолжил с болью:

— Нет, Филин был прав. Его слова казались нелепыми, страшными в безмятежности древних лесов, где иди день на пролет — не встретишь живой души, а если встретишь, охотник охотнику друг, товарищ и брат, поможет, подскажет, поделится пищей и пригласит к костру. Хотя, конечно, бывали и исключения.

Мычка метнул короткий обжигающий взгляд на спутницу. Зимородок ощутила, как к щекам прилила кровь, хотела ответить колкостью, но сдержалась, произнесла кротко:

— Под этим крылись лишь недоверие и опаска.

Мычка кивнул.

— Пожалуй. И хотя кончилось все не так уж хорошо, признаю, отчасти виноват сам, нужно было уйти сразу.

Стремясь сменить неприятную тему, Зимородок спросила:

— А что же Филин? Продолжай, пожалуйста. Все же мы родственники, хотя ничего хорошего я от него не помню.

Мычка произнес в раздумье:

— Филин казался странным. Но теперь я понимаю, это оттого, что он видел иную жизнь, жил по другим, не известным в лесу правилам. Я не знаю ваших отношений, но, думаю, Филин бы отдал многое, чтобы тебе было хорошо, и он отдал.

Зимородок покачала головой, сказала недовольно:

— Не знаю, не знаю. Конечно, может ты и прав, но... — Она осеклась, спросила с удивлением: — А что он отдал?

Мычка усмехнулся, сказал невесело:

— Я долго не мог понять, зачем отшельнику потребовалось возиться с полумертвым парнем, тащить, выхаживать, учить? Сначала казалось, это естественное побуждение — помочь ближнему. Потом, узнав наставника получше, я понял, что неправ. Слишком много видел Филин в предыдущей жизни, слишком много пережил, чтобы придавать значение жизни незнакомца. Признаюсь честно, меня это возмутило до глубины души. Однако, он меня спас и учил, так что со временем я смирился.

Глаза Зимородок заблестели любопытством, она спросила с придыханьем:

— А что потом? Что ты думал потом?

— Потом я решил, что это от одиночества. Как бы ни был силен человек, ему не выжить одному. И дело не в хищных зверях и трудностях с пропитанием, хотя и это важно. Но человек не бер, и хоть иногда нужно с кем-то поделиться мыслями, послушать рассказ охотника, или просто побыть рядом. Однако, я ошибся и на этот раз.

Мычка замолчал, ушел в себя. Зимородок шла, приплясывая от нетерпения, наконец не выдержала, спросила вкрадчиво:

— И в чем оказалась правда?

Заметив, как щеки спутница порозовели, как заблестели глаза, Мычка улыбнулся краешком губ. Не то из-за пережитого, не то просто настало время, но сказанное не пропало даром. Воздвигнутая при первом знакомстве девушкой стена недоверия, хоть и не исчезла полностью, но заметно пошатнулась, пошла трещинами.

— Под конец я решил, что наставник не хочет, чтобы наработанные годами воинские умения пропали, желает передать мастерство как нельзя кстати подвернувшемуся ученику. Но я ошибся снова.

Зимородок всплеснула руками, произнесла с придыханием:

— Невероятно. Я еще никогда не слышала столь увлекательной истории. Так ты пришел

к какому-то выводу, или до сих пор пребываешь в неведении?

Мычка улыбнулся шире, кивнул.

— Я не был до конца уверен, но события сегодняшнего дня позволили понять наверняка. Филин ушел в лес, но его душа осталась где-то там, на далеких просторах. Он принял решение навсегда порвать с прошлым, но не желал подобной судьбы тебе.

— Он сам тебе сказал? — Зимородок нахмурилась.

Мычка покачал головой, сказал мягко:

— Нет, он вообще говорил мало и не всегда понятно. Лишь теперь до меня начинается кое-что доходить, но далеко не все.

— Так что же со мной? — напомнила Зимородок.

— Он не хотел, чтобы ты провела жизнь в глухом уголке леса, но и не хотел заниматься этим сам, и потому нашел помощника.

— Тебя? — Зимородок ахнула.

— Меня. — Мычка кивнул. — Он спас меня, тем самым заручившись невольным согласием, научил искусству боя, обезопасив от случайной гибели.

— Тебя? — повторила Зимородок чуть слышно.

Мычка вновь кивнул.

— Меня. Но тебя в первую очередь.

Зимородок долго молчала, спросила в раздумье:

— И что же получается, ты мой... хранитель?

Мычка повел плечами, так что хрустнули косточки, сказал с подъемом:

— Хранитель и проводник. Я обещал наставнику, что доведу тебя до указанного места, чего бы это ни стоило.

Зимородок вскинула глаза, взглянула пытливо.

— И ты собираешься следовать слову?

— Конечно. — Мычка развел руками. — Как же иначе?

Зимородок прищурилась, спросила с едва заметной язвинкой:

— А если что-то пойдет не так, скажем, нам встретятся непреодолимые препятствия, или... буду не согласна я?

Мычка сказал серьезно:

— Придется преодолеть. А насчет последнего... Вообще-то я не припомню, чтобы ты хоть раз была согласна.

Зимородок закусила губу, а Мычка улыбнулся, зашагал бодрее, ощущая, как на сердце становится легко, а из тела уходит напряжение, не отпускавшее с того самого момента, как закончился жуткий бой у источника.

Ближе к вечеру впереди обозначились силуэты домиков, но, на этот раз, Мычка не стал менять направление, двинулся напрямик к селу, чем вызвал немалое удивление спутницы. Предположив, что, утомленный дорогой, Мычка просто не заметил изб, девушка произнесла негромко:

— Впереди деревня, и если мы не свернем...

— Мы не свернем.

В голосе спутника прозвучала столь непоколебимая уверенность, что Зимородок вздрогнула, спросила с испугом:

— Ты что-то задумал?

Мычка пожал плечами, сказал просто:

— Ничего особенного: найти кров, пищу, посмотреть чем живут люди. Ну и, главное, спросить путь.

Глаза Зимородок расширились от испуга, но в голосе прозвучала страстная надежда:

— Кров над головой, чистая постель, неужели это возможно! — Она запнулась, закусив губу, взглянула виновато.

Не обратив внимания на прорвавшиеся эмоции спутницы, Мычка сказал серьезно:

— За сегодня нам на глаза попались две или три деревушки. Думаю, дальше будет не меньше. Раньше или позже, но к людям придется выйти. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что идем в верном направлении. Должен же хоть кто-то знать о городе под скалой.

Зимородок сказала с опаской:

— А если, здесь живут такие же... ну, как те, что попались у источника?

Мычка шевельнул плечами, убеждаясь, что перевязь с оружием никуда не делась, сказал чуть слышно, но с такой суровостью, что у спутницы по спине разбежались мурашки:

— Придется поискать ночлег в другом месте.

Зимородок втянула голову в плечи. Стало неудобно, мысль о ночлеге вдруг показалась не настолько привлекательной, да и далекие силуэты домиков как-то разом растеряли очарование, наполнились опасностью и угрозой. Перед внутренним взором промелькнуло утреннее, ужасное. И хотя, перепугавшись, она зрела происходящее лишь мельком, увиденное запало в память надолго. Лицо спутника, обычно спокойное, порой виноватое, часто улыбочное, окаменевшее, словно маска мертвеца, лишь пульсирующая в глазах жуткая ярость, да короткие, быстрые движения, превращающие живых, полных сил мужчин, в безжизненные, брызжущие кровью куски мяса.

Похоже, дядя оказался достаточно мудр, подобрав ей в спутники не одного из соплеменников, преисполненных высокомерия и спеси, ленивых парней, а лесного дикаря. Вершинник прост и бесхитростен, часто не понимает остроумные шутки, но в вопросах жизни и смерти десятку соплеменников она предпочтет одного его. Хотя, конечно, на будущее стоит быть осмотрительнее. Если уж он, не моргнув, раскрыл троих здоровяков-незнакомцев, что станет с ней, хрупкой девушкой, если очередная колкая шутка не понравится спутнику: отрежет язык, оставит одну, посадит голышом в муравейник?!

Оценив застывшее на лице спутницы сомнение по-своему, Мычка потрепал девушку по плечу, сказал ободряюще:

— Думаю, все будет хорошо. Ну не может вся деревня состоять из одних злодеев! В конце концов, даже в вашем замечательном селе убить меня решились всего четверо, хотя народу добрых полсотни.

Зимородок вскинула глаза, от услышанного ее повело, но Мычка уже бодро топал вперед, стремительно удаляясь, так что пришлось бежать следом, чтобы в наползающих сумерках не потерять товарища из виду. Зимородок догнала, пошла рядом, поглядывая то на спутника, то на приближающиеся огни деревни. Заметив, что Мычка хмурит брови, раз за разом осматриваясь, поинтересовалась:

— Что-то не так?

Тот потер лоб, сказал в раздумье:

— Вероятно, наблюдение не к месту, но трава здесь на удивление однообразна. Ты не находишь?

Зимородок некоторое время осматривалась, пожала плечами.

— Возможно. И что с того?

Услышав в голосе девушки напряжение, Мычка улыбнулся, сказал успокаивающе:

— Ничего. Просто, складывается ощущение, что ее специально растят. Взгляни, травинки — одна к одной.

Зимородок мгновенно успокоилась и лишь покачала головой. В тот момент, когда на них вот-вот набросятся жители деревни, чтобы схватить, связать, и потащить в укромное место, жарко дыша и сладострастно облапывая за все что только можно... Ее спутник приглядывается к какой-то там травке. Подумать только! Высаживают ее, или не высаживают? Да наплевать! Гораздо важнее — окажется ли в селе подходящее место для ночлега, или придется, как всегда, тащиться в ближайшую рошу, вдыхать едкий дым костра, чтобы хоть как-то отогнать крылатых кровопийц, отдавливать бока о камушки и ветки, а ближе к утру стучать зубами от холода, и вытряхивать из одежды напозвших за ночь жуков да гусениц.

Домики приблизились, разрослись, из смешных темных букашек превратившись в полноценные избы. Послышался брех собак и приглушенные разговоры невидимых во тьме селян. Миновали Одину избу, другую. Мычка остановился, покрутив головой, сказал неуверенно:

— Пожалуй, стоит постучать в один из домов. Надеюсь, хозяева не спят, или легли совсем недавно, и не будут слишком недовольны.

— Погоди, — Зимородок коснулась его за плечо, — вон идет человек. Спросим сперва у него. Может и не придется будить людей попусту. Эй, любезный!

Идущая навстречу тень вздрогнула, отступила. Похоже, незнакомец шел задумавшись, и испугался резкого звука, однако, заметив, что ничего страшного не происходит, сделал пару шагов вперед, остановился в ожидании.

Замедленно, не делая резких движений, Зимородок подошла, сказала с улыбкой:

— Не бойся. Мы, хоть и не местные, но мирные.

Незнакомец оказался молодым парнем. Хмыкнув, он произнес преувеличенно весело:

— Кто-то боится? Тебе показалось, красавица.

Зимородок кивнула, сказала примирительно:

— Вижу, ошиблась. Темно, так что не обессудь. Скажи, есть ли здесь где переночевать и подкрепиться?

Парень развел руками.

— Есть, еще бы не быть. Вон, чуток дальше, сразу за теми избами.

— А что там? — осторожно поинтересовался Мычка, стараясь говорить как можно дружелюбнее.

Парень хоть и храбрится, но, судя по подергиванию рук и ломающемуся неровному голосу, явно трусит. Одно неверное движение, и разговорчивый незнакомец задаст стрекача, и хорошо, если не за подмогой. Отбивайся потом от толпы услужливых местных, что вместо крова и еды наперебой начнут предлагать крепкие увесистые дубинки.

— Что-что, известно что. Корчма старого Дерюги, — парень фыркнул, словно в жизни не слышал вопроса глупее. — Неужели не слышали?

Зимородок оттерла Мычку в сторону, так что парень наконец перестал испуганно коситься на торчащие над плечами вершинника рукояти мечей, промурлыкала:

— Конечно слышали! Все слышали о, как ты сказал? корчме Дерюги... Вот только бывать не доводилось. Окажи любезность, проводи, чтобы мы ненароком не заплутали, в другой дом не сунулись.

Польщенный, парень расплылся в улыбке, но взглянув девушке через плечо, вновь нахмурился, буркнул:

— Провел бы, да тороплюсь. Идите, куда указал, не заблудитесь, тут совсем рядом.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, парень свернул в сторону, юркнул за ближайший забор и исчез из виду. Мычка почесал в затылке, сказал задумчиво:

— Вроде бы до разговора он никуда не торопился.

Зимородок повернулась, сказала сердито:

— Такого как ты ночью встретишь — враз заторопишься. Ты зачем спрашивать начал, поговорить захотелось?

Мычка пожал плечами, сказал с неловкостью:

— Да как-то не подумал, что такой страшный.

— Такой-такой. И даже еще страшнее, — обвиняюще бросила Зимородок. — Так что, будь добр, постарайся не распускать язык. У нас появилась отличная возможность нормально отдохнуть, и я не хочу бежать в лес лишь потому, что кто-то с перепугу схватится за нож, а ты начнешь защищаться.

— А что плохого в том, чтобы защищаться? — протянул Мычка озадаченно.

— Если ты сможешь убедить местных, что разбросанные вокруг кровавые ошметки их товарищей были до нашего прихода — ничего, — едко ответила Зимородок. — Только мне отчего-то кажется, они не поверят.

ГЛАВА 4

Как и предупреждал парнишка, найти корчму отказалось не сложно. Крепкое массивное здание, гораздо больше и основательнее окружающих хижин, оказалось на перекрестье сходящихся со всей деревушки путей явно не случайно. Густой черный дым из трубы, невнятный шум голосов и явственный запах пищи окончательно развеяли сомнения. Прислушиваясь к доносящемуся гомону, Мычка сказал с улыбкой:

— Похоже, местные не так уж плохи. Возвести специальный дом, чтобы приятно провести время за беседой, трапезой, а если негде, или далеко идти, то и заночевать, могли только очень хорошие люди.

Принюхиваясь к сочащимся сквозь ставни ароматам, и приплясывая от нетерпения, Зимородок произнесла:

— Пойдем быстрее, а то я от голода сейчас забор начну грызть. — Добавила с запинкой: — А о местных поговорим после, если до того мнение не изменится.

Она устремилась ко входу, толкнула дверь. По ушам ударил гул голосов, а ноздри забило волной запахов. От чада и спертого воздуха запершило в горле так, что выступили слезы, Зимородок невольно закашлялась, с испугом огляделась. Мрачное помещение с почерневшими стенами и закопченным потолком, большая часть пространства заставлена массивными столами с приземистыми тяжелыми скамьями. Чуть свободнее возле дальней

стены с широким проемом, откуда тянет жаром, и катятся волны одуряющего запаха пищи.

Комната погружена в полутьму, отблески тлеющих в очаге углей слабы и дальние углы тонут во мраке. Корчма полна людей, но во тьме не разглядеть фигур, а лица — словно бледные пятна, лишь время от времени влажно поблескивают глаза, отчего кажется, что за столами не люди, а жуткие лесные духи.

В спину легонько толкнуло. Зимородок испуганно дернулась, поспешно посторонилась, дождавшись, когда спутник выдвинется вперед, засемила следом. Отыскав взглядом свободное место, Мычка направился к столу, стараясь не задевать посетителей, тем более, что некоторые едва сидят, покачиваясь, словно от сильного ветра. Его провожали настороженными взглядами, но, едва Мычка поворачивал голову, все тут же отводили глаза, словно вовсе и не интересовались припозднившимся посетителем.

Остановившись у свободного места, Мычка спросил дружелюбно:

— Можно присесть?

Сидящий за столом плюгавый мужичок произнес нечто невнятное, другие двое не прореагировали вовсе, продолжили сидеть недвижимо, уткнувшись лицами в тарелки. Пожав плечами, Мычка присел, бросив взгляд на спутницу, сделал приглашающий жест. Зимородок поморщилась. Даже клубящийся в комнате дым и недостаток света не скрывают вьевшиеся в дерево столешницы темные разводы. Тщательно стряхнув крошки со скамьи, она села, с брезгливой гримаской отодвинула в сторону полную обглоданных костей миску, приняв горделивую позу, застыла.

Пока Мычка вертел головой, высматривая, у кого бы узнать местные правила, из проема в стене выдвинулся тучный мужик в засаленном кожаном переднике. Окинув зал внимательным взглядом, он безошибочно вычленил новых посетителей, направился напрямиком к столу.

— Что будете заказывать? — рявкнул так неожиданно и громко, что Зимородок ойкнула, подпрыгнула на месте.

Мычка развел руками, сказал просительно:

— Мы здесь впервые. Объясни, что это за место.

Мужик не выказал удивления, прорычал:

— Это корчма Дерюги, стало быть, меня. Здесь едят, пьют и спят. Конечно, если есть чем заплатить. Надеюсь, у вас есть?

Не переставая улыбаться, Мычка произнес:

— Заплатить. Я не понимаю о чем ты.

Дерюга нахмурился, взглянув на Зимородка, рявкнул:

— Твой парень прикидывается, или и в правду дурак?

Заметив, как, не смотря на улыбку, закаменело лицо спутника, Зимородок поспешно произнесла:

— Не обращай внимания. Седьмицу назад ему сук на голову упал. С тех пор заговаривается.

Хозяин корчмы кивнул, сказал с жалостью:

— То-то я смотрю — лыбится без причины. Теперь понятно. — Он пошерудил в кармане передника, извлек горсть плоских металлических кружков, сунув под нос вершиннику, произнес: — Деньги, деньжата, монетки... есть такое? Иначе ни еды, ни крова, и лучше выметайтесь сразу. И так места нет.

Зимородок спала с лица, однако Мычка вдруг просиял, полез в заплечный мешок.

Пошарив, он извлек кружочек, подобный тем, что показал хозяин, только заметно крупнее, и совсем другого, не зеленоватого, а темно-желтого цвета, протянул.

— Пойдет?

Дерюга лапнул монетку, его глаза расширились, а голос разом просел.

— Конечно! — Сплотнув, он просипел в странном возбуждении: — Сейчас все будет: поесть, выпить, ну и конечно комната. Ведь вы не пойдете дальше на ночь глядя.

Хозяин корчмы исчез. Зимородок наклонилась ближе, потрясенно прошептала:

— Ты откуда это взял?!

Мычка отмахнулся.

— Когда у тебя дома рылся в сундуке, случайно под руку попало. Хотел оставить, но чуток взял, а теперь, гляди-ка, пригодилось.

Зимородок ахнула, схватилась за голову, прошипела сдавленно:

— Чурбан лесной, ты вообще представляешь, сколько ты ему сейчас дал?! Да за эту монету таких три корчмы можно выменять, вместе с хозяином, припасами и всеми посетителями вместе взятыми!

Мычка сморгнул, силясь понять, чем вызвал ярость спутницы, но в этот миг вернулся хозяин, притащив здоровенное блюдо, и мысли исчезли, вытесненные проснувшимся аппетитом. Хозяин опустил блюдо на стол, бесцеремонно столкнув прочие миски на самый край, тут же исчез, но вскоре вернулся с двумя пузатыми глиняными кувшинами с блестящими черными крышками и парой глиняных же чарок. Выложив принесенное на стол, он промурлыкал:

— Кушайте, наслаждайтесь. Если что понадобится — зовите.

Осмотрев стол, Мычка ощутил, как рот наполняется слюной, а желудок голодно завывает. Засыпанные зеленью ломти горячего мяса, глубокие миски парующие обжигающей похлебкой, ранее не виданные, но вкусные на вид корнеплоды и здоровенный кусок чего-то серого, ноздреватого.

Глаза разбежались, не в силах выбрать. Мысль еще только обозначилась, а руки уже подтянули ближайшую миску, ухватили кусок побольше, забросили в рот. Рядом хрустит и чавкает Зимородок. Изредка, перехватив насмешливый взгляд, спохватывается, начинает есть с достоинством, но вскоре забывает, принимается чавкать и хрустеть еще громче.

Выплюнув очередную кость, Мычка скептически осмотрел опустевшую тарелку, отодвинул, придвинул следующую. Миска с похлебкой. Жидкость чуть подостыла, подернулась пленочкой жира, но внутри по-прежнему обжигающе горяча. Ложка так и замелькала, не успевая двигаться ото рта к миске и обратно. Взгляд остановился на ноздреватой массы, что при помощи подруги уменьшилась едва не вдвое. Мычка оторвал кусочек, принялся, осторожно положил на язык, и вскоре уже упоенно жевал, заедая очередную порцию похлебки.

И мясо и похlebка оказались насыщены терпкой приправой, и вскоре Мычка ощутил сильнейшую жажду. Взгляд упал на кувшины, стоящие там, где и поставил хозяин. Плюгавый мужичок с мутным взглядом, косился на кувшины с явным вожделением, но трогать не решался. Мычка взял ближайший, потянул за крышку. Хряснуло, крышечка с натугой вышла. К запахам пота и дыма примешался кисло-сладкий аромат. Похоже, хозяин откупорил для ценных гостей одно из своих лучших вин. Мычка плеснул в чарку, плотнул, скривился, ощущая, как по рту разливается жидкий огонь, проникает в глотку, заполняет желудок, поджигая все на пути, идет дальше.

Подобное он уже пробовал в деревне. Тогда изделие охотников показалось гораздо менее приятным, правда, это было давно, и, возможно, вкусы успели поменяться. Он опорожнил чарку, но больше наливать не стал, памятуя, насколько вино коварно. Если где-нибудь в лесу, вдали от людей, еще можно напиться до беспамятства, то терять бдительность в незнакомом селе явно не стоит.

Зимородок, однако, успела хлебнуть, и явно не один раз. Глядя, как у спутницы покраснели щеки, а глаза непривычно заблестели, Мычка покачал головой, спрятал непечатый кувшин, а открытый с остатками вина протянул плюгавому соседу, со словами:

— Испей, не откажи в милости.

Заметив придвигающийся кувшин, тот мигом вышел из оцепенелости, схватив подарок, буркнул:

— Уж не откажу, не бойся.

Запрокинув кувшин, мужичок стал глотать столь жадно, будто не пил несколько дней. Глядя, как ходит вверх-вниз кадык соседа, Мычка с удовлетворением кивнул. Зимородок же покосилась с недовольством, спросила злым шепотом:

— Зачем отдал? Если не хочешь сам, не значит, что другим не надо.

Мычка коснулся заплечного мешка, сказал укоряюще:

— У нас есть еще, но, не думаю, что это хорошая мысль. Вино коварно. Посмотри на них, — он кивнул на дремлющих соседей по столу, — эти люди спят, одурманенные напитком. Если произойдет что-то нехорошее, они даже не заметят.

Зимородок наморщила носик, фыркнула:

— Было бы чего бояться. В глухом лесу, среди диких зверей, еще понятно. Но здесь...

Мычка лишь вздохнул, убеждаясь, что убрал вино вовремя. Еще немного, и Зимородок начнет лезть с разговорами к местным, вон как покраснелась, глазенками так и сверкает, а там и до драки не далеко. Конечно, можно и подраться, уже почти цикл, как он не схлестывался в хорошей кулачной забаве, но отчего-то кажется, что местные не поймут. Да и Зимородок не одобрит, когда, вместо желанной чистой постели, очнется посреди леса, замерзшая и вымазанная в грязи.

Он завертел головой, отыскивая корчмаря. Тот возник, словно этого и ждал, спросил с приторной улыбкой:

— Еще мяса, вина?

— Благодарю, не нужно. — Мычка покачал головой. — Наверное, мы все же отправимся спать. Конечно, если я не ослышался, и у тебя действительно есть комнаты.

Корчмарь всплеснул руками, отчего его огромный живот колыхнулся, воскликнул:

— Конечно есть, как не быть! Вот только... — он на мгновение запнулся, — все комнаты заняты. Все, кроме одной. Но смею вас уверить — лучшей! Там есть окошко, ларь, и отличная большая кровать.

Зимородок кивала в такт словам, но едва услышала последнее, вспыхнула, воскликнула с негодованием:

— Как одна? Что значит одна? Нам нужны две!

Корчмарь хлопнул рот так, что клацнули зубы, взглянул с непониманием, перевел глаза на Мычку. В его глазах удивление мешалось с подозрительностью. Заметив, как лицо корчмаря твердеет, а в глазах зажигаются нехорошие огоньки, Мычка примирительно улыбнулся. Вспомнив, как именно в его деревне обозначали перебравших вина, он кивнул в сторону девушки, незаметно пощелкал себя средним пальцем по краешку челюсти, не особо

надеясь, что Дерюга поймет.

Однако жест оказался универсален, и корчмарь понимающе закивал, расплылся в улыбке, пробормотал:

— Конечно, конечно. Все, как пожелаете. Раз нужны две — будут две.

Мычка с облегчением выдохнул, поднялся, заодно подхватив спутницу, произнес:

— Что ж, веди. Сил нет, как спать хочется.

Корчмарь двинулся вперед, дойдя до дальнего угла, отворил дверь, застыл в ожидании. Крепче ухватив девушку за руку, Мычка пошел следом, не обращая внимания на нахмуренные брови и недовольное сопенье спутницы. Перед дверью Мычка обернулся, мельком оглядел помещение, перехватив несколько внимательных взглядов, что, впрочем, тут же исчезли, потеряв всякий интерес.

Дверь захлопнулась, отрезая от шума и запахов помещенья. Одновременно стало темно. Прислушиваясь к тяжелым шагам хозяина корчмы, Мычка пошел следом. Вот шаги затихли, что-то протяжно скрипнуло.

— А вот и ваша комната. Заходите. Тут несколько темновато, но внутри окно, так что света хватит.

Мычка осторожно обошел Дерюгу, больше похожего на сгусток тьмы, вошел в помещение. Дверь захлопнулась. Послышалось приглушенное — "доброй ночи", заскрипели удаляющиеся шаги, хлопнуло вторично и все стихло.

Рядом засопело, донеслось недовольное:

— Ты это все специально подстроил! Думаешь, я не видела, как вы переглядывались с корчмарем?

— Я лягу на полу, — произнес Мычка отстраненно.

Зимородок помолчала, не ожидав столь простого решения, сказала неуверенно:

— Какая разница, все одно подглядывать будешь.

Дождавшись, когда глаза привыкнут, и смогут различить хотя бы общие очертания интерьера, Мычка осмотрел комнатку. Небольшая, три на четыре шага, комнатка не поражает богатством: кровать у одной стены, ларь, а по совместительству стол, у противоположной. Мелкое, затянутое помутневшим от старости звериным пузырем окошко почти не пропускает свет, и огни в окнах ближайших изб кажутся далекими и бледными, словно звезды.

Зимородок скользнула к постели, проворчала:

— Отвернись.

Мычка послушно повернулся. В ожидании, пока за спиной затихнет шуршание, взгляд мазнул по двери, вверх, затем вниз, не обнаружив на пути препятствий, прошелся вновь и вновь. Мычка произнес в раздумье:

— Похоже, здесь и впрямь живут хорошие люди.

— Это почему? — донеслось сонное.

— У двери нет засова.

Шорох за спиной затих, Зимородок воскликнула в изумлении:

— То есть как нет, совсем?

Мычка пожал плечами.

— Ну да. А зачем, если к двери кроме постояльцев никто не притронется?

— Что значит никто? — пискнула Зимородок в возмущении. — А если сквозняком распахнет, а я тут голая?

Позади отчаянно заскрипело, громко зашуршало одеяло, будто и впрямь дверь вот-вот распахнется, и в комнату ввалится развеселая толпа постояльцев, приметя с пристрастием и интересом пялить глаза.

— Ты закончила? — Мычка нетерпеливо передернул плечами. — Вообще-то я бы тоже прилег.

Из-за спины донеслось задушенное, будто Зимородок не просто завернулась в одеяло, но и забила под кровать:

— Да. Но только чур, ложись на пол. Ты обещал!

Для верности Мычка постоял еще немного, чтобы уж точно не увидеть даже кусочка обнаженного тела, что без ведома хозяйки, неким удивительным образом, случайно высунулось из-под одеяла, после чего повернулся, принялся раздеваться. Он не стал открывать ларь, а просто сложил вещи сверху, сперва перевязь, затем заплечный мешок.

Со вздохом облегченья Мычка опустился на пол, подложив рубаху под спину, а штаны, в качестве подушки, под голову, поерзав, и устроившись удобнее, затих. Навалилась усталость, натруженные дорогой, приятно занули мышцы. Однако сон не шел. Непривычная, после свободы леса, теснота комнаты давит, порождая смутные опасения и невнятное беспокойство.

Мычка прислушался. Сверху доносится равномерное сопенье, Зимородок уже спит. Приглушенные стенами, слышны разговоры оставшихся в зале людей, откуда-то издали доносится частый брех собак и заунывная песня. Он еще некоторое время прислушивался, но вскоре глаза закрылись, звуки истончились, и мир исчез, погрузившись в мягкую долгожданную черноту.

ГЛАВА 5

Тихий скрип царапнул острым коготком, отчего уши разом дернулись, повернулись к источнику звука. Сон мгновенно слетел, как уносятся остатки утреннего тумана под порывом свежего ветерка. Не открывая глаз, Мычка прислушался до ломоты в черепе. Тишина. Ни звука. Словно шорох почудился. Может и так, вот только откуда взялось ощущение, что в комнате появился кто-то еще?

Мычка приоткрыл глаза, принюхался. Ноздрей коснулся запах лука и специй, мощный, будто к лицу поднесли тарелку с пищей. Похоже, ночной гость перед визитом не удосужился прополоскать рот. Вновь скрипнуло. Визитер явно пытается ступать как можно тише, но получается плохо. Возможно, если бы в комнатке остановились обычные люди, от подобного шума никто и не почесался, но только не вершинник.

Темное пятно в проеме качнулось, сдвинулось, сперва на шажок, затем еще. Мычка смутно удивился, что гость до сих пор не отдал ему ногу. Шажок. Еще шажок. Фигура нависла над ларем, руки протянулись к вещам, зашуршала ткань. Мычка с облегченьем выдохнул. Визитер оказался обычным воришкой, и заглянул всего лишь проверить

содержимое мешка, не имея за душой более жестоких намерений.

Мягко, стараясь не шуметь, Мычка поднял руку, примерившись, цапнул незнакомца за ляжку. Тот вспикнул, шарахнулся к выходу, однако запнулся, вылетев в коридор, с грохотом приложился об стену. Судя по звуку, удар получился не слабым, однако страх оказался сильнее, и визитер рванул к выходу, жалобно поскуливая и жутко топоча. Хлопнуло, где-то в отдаленье приглушенно зазвенело, и все стихло.

Полежав некоторое время, но так больше ничего и не услышав, Мычка поднялся, проверил вещи, не унес ли чего с перепугу незадачливый грабитель, после чего тщательно притворил дверь и улегся обратно. Не смотря на произведенный гостем изрядный шум, Зимородок даже не почесалась, дышала размеренно и тихо. Похоже, шума не слышали и снаружи, по крайней мере никто не пришел поинтересоваться. Подождав еще немного, Мычка уснул вновь.

Вновь заскрипело. Мычка мгновенно пробудился, готовый к новым неожиданностям, однако, услышав протяжный, с завыванием, зевок, успокоился. Руководствуясь старой привычкой, глаза Мычка не открыл, но судя по пробивающемуся через веки свету утро давно наступило. Зевок повторился, заскрипела постель. Обдав щеку воздухом, рядом опустилась нога, за ней вторая. Мычка чуть приоткрыл веки, скосил глаза. Перед глазами, подсвеченная льющимся из окна светом, возникла стопа, пальцы смешно торчат в стороны, сквозь бледно-розовую кожу видны голубенькие жилки.

Мычка улыбнулся, закрыл глаза вновь. И как раз вовремя, потому что мгновенье спустя Зимородок встала. От мысли, насколько интересный вид открывается из его положения, Мычка едва не распахнул глаза, но, представив, что случится, если спутница это увидит, зажмурился покрепче, а для верности еще и нахмурился.

Сверху завозилось. Судя по слабому касанию воздуха и скрипу половиц, девушка шагнула. Однако, мгновенье спустя донесся испуганный вспик, постель хрястнула, будто сверху бросили нечто тяжелое, раздался негодующий шепот:

— Вот ведь разлегся, демон лесной! Напугал едва не до икотки.

С трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос, Мычка произнес:

— С добрым утром.

Ответом стал задушенный всхлип, Зимородок произнесла с ужасом:

— Так ты не спишь?

— Возможно бы и спал, если бы кое-кто не начал топтаться по голове, — ответил Мычка с усмешкой.

Зимородок сказала виновато:

— Я не заметила. — Опомнившись, сменила тон, воскликнула обвиняюще: — Да ты подсматривал!

Мысленно приготовившись к утомительной беседе, Мычка произнес ровно:

— Не подсматривал.

Зимородок фыркнула:

— Как же, ври больше! Подсматривал, не мог не подсматривать!

— Это почему? — удивился Мычка.

— Любой бы на твоём месте подсмотрел, — заявила Зимородок с непоколебимой уверенностью.

— А я, представь, не подсматривал! — произнес Мычка упрямо.

Зимородок помолчала, сказала упавшим голосом:

— Но, почему? Разве я такая страшная?

Мычка поперхнулся, некоторое время собирался с ответом, наконец вздохнул, сказал примирительно:

— Ладно, ты права, я подсматривал.

Зимородок запрыгала в кровати так, что взметнулась пыль, заорала победно:

— Я же говорила, говорила! А еще врал. У, нечисть лесная.

Мычка лишь вздохнул, поднялся подчеркнуто неторопливо, позволяя подруге получше спрятаться в одеяло, выглянул в окно. За мутным пузырем ничего толком не разглядеть, смутные тени да яркие пятна света, остальное лишь угадывается, почти не выделяясь на фоне почерневшей от времени пленки.

Рука наткнулась на мягкое, пальцы невольно сгребли, поднесли к глазам, в тот же миг раздался негодующий вопль:

— И не лапай мою одежду! И без того мятая. А после твоих пальцев станет и вовсе непотребной.

Мычка сгреб рубаху и штаны, не глядя, бросил через плечо, сказал отстраненно:

— Пойду, осмотрюсь. А ты одевайся и выходи. Если не будешь тележиться, авось к завтраку поспеешь.

Он двинулся к выходу, отворил дверь. Позади завозилось, донеслось наставительное:

— Будешь заказывать еду — меня подожди, а то подсунут черствое. Тебе-то без разницы, а я подавлюсь. И больше не давай этому пройдохе-хозяину монет, он и так нам до конца жизни должен. В смысле, мне должен. Вы оба должны!

Мычка поспешно шагнул наружу, захлопнул дверь. Звук как ножом отрезало. Он с облегчением вздохнул, повел плечами. Порой Зимородок становилась настолько несносной, что хотелось бросить все, плюнуть на данное наставнику слово и бежать не оглядываясь, лишь бы не слышать занудных наставлений. Причем, ладно в лесу, там хоть можно пригрозить муравейником, или припугнуть бером, но здесь, в деревне...

Отмахнувшись от неприятных мыслей, Мычка прошел через коридор, мимо ряда одинаковых дверей, судя по всему ведущих в такие же комнатухи для гостей, отворил ведущую в зал дверь. С вечера зал не особо изменился, разве поубавилось посетителей, да стало ощутимо светлее. Огибая столы, и перешагивая тела перебравших с вечера гостей, мирно дремлющих возле лавок, Мычка вышел наружу.

Ноги ступили на твердое, взбили облачка пыли. У дверей лишнее травы серое пятно, земля вытоптана до состояния камня. Похоже, заведение Дерюги пользуется популярностью. Что не удивительно. Село гораздо больше, чем родное, как по размеру, так и по количеству домов.

Мычка повертел головой. Домов много, но стоят не абы как, рядками, а между — пустой промежуток. В памяти всплыл диковинное слово — улица. Мычка повторил про себя пару раз, покатал на языке, кивнул с одобрением. Умно и удобно. Люди позаботились, чтобы оставить свободное пространство для подвоза материала, да и для прохожих.

Осмотревшись, он вернулся в корчму, после жарких солнечных лучей ощутив приятную прохладу помещения. Навстречу шагнул хозяин, расплывшись в улыбке, поинтересовался:

— Хорошо ли спалось?

Мычка кивнул.

— Неплохо. Вот только...

— Что?

Дерюга задал вопрос чересчур поспешно, а глаза забегали. Мычка улыбнулся, махнул рукой.

— Шумновато, да в дверь кто-то среди ночи долбился, не иначе — комнаты попутал.

Дерюга задумался, сказал отстраненно:

— Да-да, бывает, гости перебирают с вином, вот и... — Он шагнул в сторону, но, словно что-то вспомнив, тут же вернулся, спросил с великим радушием: — Может завтрак? Для столь щедрых гостей только самое лучшее.

Вспомнив наставления Зимородок, Мычка произнес с расстановкой:

— Вчера я впотьмах спутал монеты, так что... почему бы и позавтракать, раз оплачено?

Лицо хозяина вытянулось, похоже, за завтрак он рассчитывал получить еще столько же, если не больше, однако спорить не стал, лишь произнес с кривой улыбкой:

— Конечно, конечно. Сейчас все будет.

Мычка проводил Дерюгу взглядом, заметив, как недобро сверкнули глаза хозяина корчмы, однако значения не придал. Сев за ближайший стол, прямо напротив входа, он замер в ожидании. На фоне потемневших стен дверной проем с распахнутой настежь дверью кажется входом в неведомый мир. Вот, совсем рядом, задымленные балки потолка, грязные половицы, серые брусья стены, но стоит сделать шаг, попадаешь в наполненный сочной зеленью, пышущий зноем мир с белоснежными шапочками облаков и пронзительным синим небом.

Замечтавшись, Мычка пропустил момент, как оказался не один, а когда повернул голову, наткнулся на вопрошающий взгляд спутницы.

— Надеюсь, прежде чем попусту таращиться на улицу, ты успел заказать завтрак?

Мычка кивнул, произнес отвлеченно:

— Сколько живу, не перестаю удивляться, насколько мир прекрасен.

Зимородок заглянула в глаза спутнику, перевела взгляд в проем, вновь вернула, спросила с подозрением:

— Никак, девку красивую увидел?

Мычка вздохнул, сказал с чувством:

— Небо, облака, роща... Вроде бы одни и те же, но всякий раз видятся по-разному. Если смотреть из леса — одно, стоя посреди поля — совсем другое, а отсюда, из темного зева корчмы — то и вовсе иначе.

Зимородок некоторое время сверлила Мычку недовольным взглядом, затем улыбнулась, сказала понимающе:

— Это у тебя с голодухи. Я, когда в животе урчит, тоже начинаю цветочками любоваться, чтобы отвлечься. Ничего, сейчас принесут завтрак, поешь, и все наладится.

Зашуршали шаги. На столешнице возникли миски — то же, что и вчера: мясо, похлебка, горстка овощей и ноздреватый ломоть. Мычка пододвинул миску, принялся с аппетитом есть, Зимородок же долго принюхивалась, тыкала мясо пальцем, наконец, откусила кусочек, проворчала с недовольным видом:

— Так и думала, что черствое подсунет. Мог бы и подогреть.

Мычка пожал плечами, сказал с подъемом:

— А по мне, так неплохо, твердовато в меру, а то, что холодное... так и не хочется горячего с утра. Особенно понравилось это, только не могу понять, из чего сделано. — Он подбросил на ладони ноздреватый кусочек.

Зимородок покосилась на спутника, наморщила лоб, словно что-то вспоминая, сказала с

запинкой:

— Кажется, это называется хлеб, а готовят из травы.

Мычка забросил кусочек в рот, сказал, будто пробуя на вкус:

— Хлеб... Какое необычное слово! — Спросил пытливо: — Скажи, откуда ты все знаешь?

Ковыряясь в мясе, Зимородок буркнула:

— Что все?

— Ну, о деньгах, о хлебе? И ведь наверняка это далеко не все.

Зимородок с отвращением отодвинула мясо, отщипнув кусочек хлеба, сказала задумчиво:

— Я не всегда жила в лесу. Давным-давно меня привезли в деревню рыбарей.

— Филин? — выпалил Мычка осененный догадкой.

Зимородок кивнула.

— Да, только тогда его звали иначе, и он был гораздо моложе.

Пытливо заглянув девушке в глаза, Мычка поинтересовался:

— А где ты... вы жили до того?

Зимородок помрачнела, глаза заволокло пеленой, а взгляд ушел вглубь, будто девушка созерцала не почерневшую стену напротив, а нечто давно минувшее, невидимое для окружающих. Она произнесла чуть слышно:

— Это было очень давно, и я почти ничего не помню. Высокие здания, просторные улицы, смех и разговоры. Лица размыты, а образы тусклы. Потом крики, шум, долгое путешествие через лес, и, наконец, деревня.

Не желая обидеть подругу неловким словом, Мычка спросил мягко:

— Ты сказала, Филин привез тебя. Почему вы живете порознь?

Зимородок вздохнула.

— Сперва жили вместе. Та изба, где ты меня нашел — его рук дело. Однако, местные дядю жаловали не особо, а он отвечал взаимностью. — Она помолчала, добавила с горькой улыбкой: — Тебе это должно быть понятно лучше, чем кому-либо. Ведь и с теми и с другим ты имел дело.

Мычка передернул плечами, представив, что пришлось бы жить в поселении рыбарей, сказал поспешно:

— Я понял. Он ушел. Но почему не забрал тебя?

Зимородок пожала плечами.

— А зачем? Ушел он недалеко, да и не на совсем. Заходил, проводывал. Сперва часто, потом, правда, все реже. К тому же ко мне деревенские относились гораздо спокойней, не обижали, даже помогали по мелочи.

Мычка произнес с пониманием:

— Наверное, тяжело жить среди чужих.

— Не сладко. — Девушка кивнула.

— Тогда почему ты не согласилась идти со мной?

Зимородок поджала губы, сказала едко:

— Ты ввалился посреди ночи, напугал, начал плести небылицы.

Мычка вздернул бровь, спросил недоверчиво:

— И это все причины?

Зимородок сдвинула брови, сказала недовольно:

— Не все. Но, я привыкла жить, как живу, сроднилась с местными, хоть и ограниченными, но в чем-то милыми людьми. И бросать все, бежать сломя голову неизвестно куда, с незнакомым парнем, пусть даже посланным дядей... Такой поворот событий, уж извини, тогда не показался мне привлекательным.

— А сейчас? — Мычка улыбнулся. — Сейчас кажется?

Зимородок произнесла в раздумье:

— Порой, когда все хорошо, я рада, что ты утащил меня насильно. Сидела бы сейчас в избе, чистила опостылевшую рыбу... — Заметив как Мычка расплылся в улыбке, добавила сердито: — Но, порой, хочется тебя убить!

— И что останавливает? — поинтересовался Мычка лукаво.

— То и останавливает, что леса не знаю. Куда я одна в чаще сунусь?

Мычка сказал мягко:

— Но здесь не чаща.

— Вот и подумаю! — бросила Зимородок с вызовом. — Может и подамся куда. Только до села побольше дойдем, а лучше — до города.

Мычка произнес с убеждением:

— Лучше до города. А еще лучше до города, что возле горы.

Зимородок сердито сверкнула глазами, но промолчала, взялась за похлебку. Мычка же поднялся, исчез за ведущими в комнаты дверьми. Когда ложка заскребла по дну, Зимородок со вздохом отодвинула тарелку, потянулась за миской с овощами. Крепенький в пупырышках огурчик смачно захрустел на зубах: один, второй. Над ухом негромко кашлянуло. От неожиданности Зимородок охнула, втянув вместе с воздухом огрызки огурца, зашла в жестоком кашле.

По спине пару раз несильно хлопнуло, послышалось задумчивое:

— И куда торопишься, боишься, отберут?

Зимородок крутанулась, взглянула гневно. Мычка стоит тут же, укоризненно качает головой, в глазах осуждение. Проклятый дикарь! Мало того, что напугал, так еще глумится. Дождлся, паразит, пока она набьет рот огурцами, кашлянул ни раньше, ни позже. Негодяй, наглец, вершинник! Научился красться, как лесной кот, и пользуется вволю, честных людей пугает.

Видя, что спутница угрожающе вращает глазами, и не собирается отвечать, Мычка назидательно произнес:

— На миг оставить нельзя: или в лужу залезет, или обожрется так, что глаза вылазят и из ушей торчит. Пойдем, пока последних посетителей корчмарю не разогнала, вон, уже косятся.

ГЛАВА 6

Зимородок испуганно присела, зажав рот руками и уронив глаза в пол, выскочила наружу. Мычка задумчиво проводил девушку глазами, одновременно провел рукой над

плечом, проверяя, все ли на месте: рукояти мечей, охвостья стрел, лапка лука, поправил лямку заплечного мешка.

— Уже уходите?

Мычка неторопливо повернулся. Рядом стоит корчмарь, в одной руке обрубок кости, в другой здоровенный тесак, губы раздвинуты в улыбке, но в глазах нет радушия, скорее наоборот. Будь они посреди леса, Мычка бы поостерегся стоять так близко, а лучше и вовсе обошел. Окинув взглядом хозяина корчмы, он произнес с деланным радушием:

— Погостили, пора и честь знать. Благодарю за кров, за угощение.

Дерюга поморщился. Гость заплатил, и заплатил с лихвой, и благодарить за подобное мог либо откровенный дурак, либо искусный насмешник, что, в общем, одинаково противно. Однако, роль корчмаря быть радушным, к богатым посетителям — радушным вдвойне. Дерюга всплеснул руками, воскликнул сокрушенно:

— Всего-то и переночевали, никак торопитесь?

Мычка развел руками, ответил:

— Не скажу, что торопимся, но и задерживаться не спешим.

Корчмарь покивал, сказал со вздохом:

— Что ж, понимаю, дела, дела... — Он отступил на шаг, но, словно только вспомнив, хлопнул себя по лбу, воскликнул: — Так может чем помочь, подсказать что? Ведь вы не местные. А на чужбине, в местах незнакомых, и простой совет пригодится.

Дерюга не вызывал теплых чувств, как и желанья беседовать по душам, но расспросить о дороге стоило, тем более, возможность представилась сама собой. Помедлив, Мычка произнес:

— Не слыхал ли ты о большом городе?

Корчмарь сморгнул, сказал в раздумье:

— Мож и слыхал. А что за город?

Мычка развел руками, произнес с досадой:

— В том и дело, что названья не ведаю. Знаю лишь, что на юге.

Дерюга ухмыльнулся, сказал с усмешкой:

— На юге много чего есть, особенно, ели долго идти. Ты путем скажи, что за город, кто живет? Может там колдун какой обитает, или дева прекрасная. Чем знаменит?

Мычка растеряно смотрел на корчмаря, лихорадочно вспоминая рассказы Филина. Хоть что-нибудь, хоть малейшую зацепку! Корчмарь явно не при мамке рос, видно, что бывалый, может и впрямь укажет путь. Воспоминание вспыхнуло молнией. Конечно, как он мог забыть! Мычка выдохнул, сказал победно:

— Ты прав. Есть нечто, что отличает город от прочих, но это ни колдун и не дева. Гора. Огромная гора над городом, видная за много. Не слыхал?

Глядя, как Дерюга морщит лоб, Мычка затаил дыхание. Неужели духи удачи потворствуют по-прежнему, и судьба свела с тем единственным человеком в округе, кто знает путь? Ну же, ну!

Перехватив исполненный надежды взгляд гостя, корчмарь расплылся в улыбке, сказал с подъемом:

— Да кто ж о нем не слыхал? Слыхал вестимо.

Ощувив ликование, Мычка спросил, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос:

— Насколько далеко? А, главное, куда путь держать?

Дерюга пожал плечами.

— Не далеко, но и не близко. Быстрее пойдешь — быстрее отыщешь. А путь у нас один. Сразу за деревней начинается дорога. Туда и иди. Разве что крюк придется сделать. Она ведь не напрямки, стороной идет.

Мычка вздохнул с облегчением, махнул рукой.

— Была бы дорога. А крюк шибко большой?

— Седьмицы две, не меньше. Есть путь и покороче, но... — корчмарь замялся, замолчал.

— Что за путь? — Мычка взглянул заинтересованно.

Дерюга произнес уклончиво:

— Разное говорят. Одни мертвяками пугают, другие разбойниками. Но, как по мне, сказки все: лес потемней, зверья побольше, трава погуще, вот и вся разница. — Перехватив исполненный сомнения взгляд собеседника, Дерюга прервался, сказал поспешно: — Да ты не думай, я не уговариваю. Иди, где все. Там и почище, и посветлее. А что две седмицы коту под хвост, так кто их считает, седмицы эти? Рано или поздно дойдешь.

Покинув корчму, Мычка оглянулся, отыскивая взглядом подругу. Зимородок ждала неподалеку, спрятавшись от солнца в тени забора, с отвлеченным видом сидела на пеньке, однако, едва Мычка приблизился, тут же вздернула носик, обиженно отвернулась.

— А у меня хорошие новости, — встав напротив, произнес Мычка с подъемом.

— Напоследок прикончил корчмаря? — поинтересовалась Зимородок едко. — Надеюсь, монету не забыл?

Мычка покачал головой, сказал с укоризной:

— Корчмарь, хоть видом страшен, но широкой души человек.

Зимородок распахнула глаза, сказала ехидно:

— Да ты что! Никак выменял у тебя последние деньги взамен черствой буханки?

— Не угадала. Рассказал, как добраться до города что возле горы.

Зимородок помрачнела, произнесла с сомнением:

— Не нравится мне этот корчмарь. Я бы ему не доверяла. Еще заманит куда.

Мычка пожал плечами.

— А он в спутники и не набивался. Сказал в двух словах, куда идти и как долго. Да еще и два пути указал.

— Зачем два? — Зимородок взглянула непонимающе.

Мычка произнес назидательно:

— Затем, что человек хороший. Увидел, что не местные, решил помочь.

Зимородок покачала головой, на ее лице явственно читалось недоверие ко всяким там корчмарям, что, едва завидев незнакомое лицо, спешат предостеречь, помочь, соломку подстелить... Да только как бы бока от той соломки после не отвалились. Не став более спорить, она спросила:

— Надеюсь, припасов тебе этот добрый человек выдал?

— А как же! — Мычка похлопал по раздувшимся бокам мешка — Хлеба дал, мяса. Ну и так, по мелочи.

Пока шли по селу, Мычка вертел головой, с интересом присматриваясь к особенностям быта местных. Вот, до половины зарывшись в грязь, развалился боров, уши чуть заметно подрагивают, пятак испачкан черным, блаженно похрюкивает; собака лениво грызет старую, пожелтевшую от времени кость; важно выступают гуси, поводят головами, свысока

поглядывая на попадающуюся по дороге живность.

У домов, в гороженных частоколом дворах, возятся ребятишки, в тени, у заборов, степенно сидят старики, поглядывают на прохожих, провожая исполненными осуждения взглядами. Земля под ногами испятнана глубокими ямками от копыт, словно в село сдуру забрался лось, и долго топтался, не находя обратной дороги.

Проследив за взглядом спутника, Зимородок произнесла со смешком:

— Что, охотник, и здесь следы разбираешь?

Мычка развел руками, сказал покаянно:

— Сам понимаю, что глупо, но перестать не могу. К тому же, здесь много интересного. Эти многочисленные ямки от копыт, или, вон, смотри, странные полосы, будто кто-то волочил за собой полено, вернее, сразу два. Хотя, явно что-то другое, от бревна след гораздо кривее, да и ветки оставляют царапины.

Зимородок сказала с улыбкой:

— Я даже немного завидую. Тебе столькому еще предстоит удивиться. Конечно, я тоже помню далеко не все, но могу сказать с уверенностью, что ямки оставили коровы, а эти ровные полосы — следы от телег. Кстати, а вот и коровы, а немного дальше, там, за домом, телега. Видишь?

Мычка с величайшим удивлением рассматривал телегу — деревянный короб с приделанными снизу кругляшами, любовался диковинными животными, снова и снова убеждаясь — не зря, ох не зря покинул лес. В родном селе, пусть и жилось легко и припеваючи, но он бы не узрел и десятой доли того, что пришлось встретить в пути, а что еще доведется!

Деревня закончилась, последние разрозненные домишки остались позади. Дорога сошла на нет, сузилась до размеров тропки, пошла петлять, словно заяц. Зимородок поинтересовалась:

— Ты что-то говорил о дороге, их две?

Мычка покивал, ответил:

— Верно. По крайней мере, корчмарь сказал именно так. Собственно, все просто, один из путей не очень удобен, а второй излишне долог.

Зимородок покачала головой, сказала с ехидцей:

— Хорош выбор, ничего не скажешь.

Мычка улыбнулся, поправился:

— Давай по-другому: первый путь короче, второй удобнее.

Зимородок улыбнулась в ответ.

— Так гораздо лучше. По крайней мере, звучит не так пугающе. И что мы выберем?

— Сперва я выбрал короткий. Местные там не ходят: то им трава высокая, то тень густая. Но нам не привыкать. Потом остановился на втором.

— Это почему? — Зимородок удивленно вздернула брови.

Мычка помялся, сказал нехотя:

— Там попроще, посветлее, да и ты...

— Что я? — Собеседница насторожилась.

— Ты привыкла к удобствам, а там удобнее. Будешь меньше зудеть, — произнес Мычка, поджав губы.

Зимородок набычилась, глаза сверкнули угрозой.

— Это я привыкла к удобствам? К каким удобствам? Бесконечная грязь, от которой

чесется тело, стаи зудящих комаров, жуткий холод с утра — ты это называешь удобствами? — Она некоторое время прожигала спутника яростным взглядом, затем поинтересовалась спокойнее: — Первый путь... он на сколько короче?

— По словам корчмаря — седмицы на две.

Зимородок изменилась в лице, выдохнула с ужасом:

— На две? На две! Ты хочешь, чтобы я лишних две седмицы таскалась по жаре, дышала пылью и сбивала ноги в кровь? Ты этого хочешь?!

Мычка отступил, выставив перед собой ладони, сказал защищаясь:

— Да как скажешь. Короткий, так короткий. Все быстрее дойдем.

Зимородок надула губы, бросила обвиняюще:

— Это ты потому так легко согласился, что хочешь от меня отделаться побыстрее! Вот сейчас подумаю, и решу, что лучше длинный.

Мычка поиграл бровями, сказал с неопределенным выражением:

— Это да, длинный, оно конечно лучше. Кто ж спорит-то?

Ухмыляясь, он двинулся вперед. Зимородок некоторое время буравила спину спутника взглядом, пытаясь понять, что тот имел в виду, наверняка очередную пакость! но, так ничего и не придумала, засеменила следом, на всякий случай придав лицу оскорбленное выражение.

На очередном повороте Мычка свернул, двинулся в сторону темнеющей неподалеку рощи. Зимородок некоторое время вертела головой, пытаясь увидеть знак, или хотя бы след, указывающие на некую дорогу, но, в итоге, бросила тщетные попытки, предоставив спутнику самому отыскивать едва заметные наметки. Взялся ее вести, вот и пусть ищет! Тем более, кому еще заниматься подобным вздором, вроде разглядывания невнятных отпечатков чьих-то ног, как не охотнику?

Мычка двигался легко, изредка поглядывая по сторонам, однако, сердце нет-нет, да екало: что если корчмарь обманул, или ошибся, и они идут вовсе не в ту сторону, удаляясь от места назначения? Конечно, не сложно вернуться, переспросить, а то и вовсе двинуться своим путем, но, раз зародившись, надежда не отпускает, требует искать дальше. Опять же, неудобно перед спутницей. Ладно бы промолчал, но дернуло же покрасоваться, перья распустить. Теперь выход один — идти до конца.

Роща приблизилась, вознеслась зеленой стеной. Опушенные листвою ветви растопырились, отгоняя непрошенных гостей: ни дорог, ни тропок. Мычка нахмурился. Если уж здесь, рядом с деревней, нет даже намека на проход, откуда возьмется дальше? Взгляд метнулся в одну сторону, вернулся, вновь устремился вдаль. В сочной зелени листвы что-то показалось неверным. Ощувив, как в предвкушении забилося сердце, Мычка прошел несколько шагов.

А вот и искомое. Иссеченный молнией здоровенный обломок ствола, почерневший, изъеденный жуками-древоточцами, но по-прежнему возвышающийся, словно бессменный страж. А прямоком возле ствола — прореха. Пушистый, как перья глухаря, подлесок раздвигается, образует неширокий проход. Случись кто рядом, не знающий о тропе, не заметит, пройдет мимо.

Уткнувшись в спину Мычке, Зимородок очнулась, завертела головой, заметив зев прохода, округлила глаза.

— Это она и есть, тропка?

Мычка кивнул, сказа довольноно:

— Она самая. Конечно, если я ничего не напутал. Хотя, не думаю, не так уж много здесь дорог.

Зимородок передернула плечами, сказала с опаской:

— Странная какая дорога, из ниоткуда начинается, в никуда ведет.

— Действительно, начинается странно. Ну а куда ведет, скоро узнаем, — отозвался Мычка бодро.

Он сделал шаг, другой, и вскоре растворился в зелени, Зимородок бросилась следом, не желая оставаться одна даже на миг. Случай у источника накрепко засел в памяти, и меньше всего ей хотелось при следующей подобной встрече оказаться одной. Конечно, вершинник непонятлив, а зачастую просто невыносим, но уж лучше он со своими странными понятиями о чести, чем местные молодчики без стыда и совести, с горящими похотью глазами.

Сперва шли гуськом, кусты по сторонам хоть и не теснили плеч, но двоих не пропускали. Однако вскоре кусты разошлись, тропа расширилась. Зимородок догнала, пошла вровень, опасливо посматривая по сторонам, однако быстро разохотилась, заинтересовавшись какой-то мелочью, забежала вперед, да так и пошла, опережая на десяток-другой шагов.

Мычка хотел одернуть, но передумал. Уж лучше так, скачущая поодаль с улыбкой и фырканьем, чем плетущаяся позади, с надутыми от обиды губами и укором в глазах. Тем более, что может случиться в лесу, да еще посреди тропы? Зверь с человеком пересекаться не любит, а что касается случайных путников... Вряд ли кто попадет. Конечно, если верить словам Дерюги. Но не верить резона нет, тем более, что повода усомниться в советах корчмаря пока не возникло.

Тропинка расширилась еще, настолько, что, будь их трое, шли бы плечо в плечо, не задевая ветвей. Кустарник по краям зазел яркими пятнами цветов, воздух наполнился тягучим сладковатым запахом. Повизгивая от удовольствия, Зимородок шла, уткнувшись лицом в листву, принюхиваясь, срывала наиболее крупные соцветья. И Мычка почти перестал замечать восторженные вздохи и восклицанья спутницы, когда очередной вскрик заставил насторожиться.

Зимородок скрылась за поворотом, а спустя мгновение донесся возглас удивленья.

— Кто-то потерял мешок!

Мычка насторожился, крикнул в ответ:

— Какой еще мешок?

— Заплечный. Да какой большой! Сейчас посмотрю что там, только узел развяжу. Такой тугой...

Здоровенный заплечный мешок посреди леса на забытой тропинке? В груди шевельнулись подозрения. Мучимый нехорошим предчувствием, Мычка ускорил шаг, воскликнул:

— Не трогай. Не прикасайся к нему!

В ответ донеслось звонкое:

— Да тут совсем немного осталось. Сейчас узелок распушу.

Голос прервался, а мгновение спустя по ушам стеганул визг, послышался невнятный скрип и шорох листьев. Ругая себя последними словами, Мычка рванулся следом, оставив поворот за спиной, выметнулся на прямой отрезок. В глаза бросился аккуратно прислоненный к дереву мешок, а над ним... На высоте двух ростов, дергаясь всем телом и истошно вереща, зависла Зимородок, лицо искажено ужасом, руки болтаются, ноги

перехвачены кожаной петлей. Петля уходит вверх, перегибается через могучую ветвь и исчезает в листве.

— Сейчас!

Мычка рванулся на помощь. Шуршанье листьев под подошвами сменилось оглушительным треском. Земля ушла из-под ног. С коротким воплем он низринулся в черное жерло провала.

ГЛАВА 7

Темно. Голова раскалывается, в висках стучат молоточки, во рту привкус земли. В ступнях пульсирует тупая боль, а плечи сдавливают, будто кто-то накрепко обмотал веревкой. С трудом справляясь с дурнотой, Мычка попытался сдвинуться, однако не преуспел, лишь дернулся, отчего в боку закололо, а перед глазами поплыли красные круги.

Превозмогая дурноту, Мычка повел глазами. Ничего, лишь откуда-то сверху струится слабый свет. Вокруг земля, белые пятна плесени и корявые пальцы корней. Слабо шевелятся бледные тела личинок, поспешно вбуравливаясь в почву, подальше от беспокойного соседа. Мелкими каплями сочится вода.

Мычка со свистом выдохнул, в досаде закусил губу. Попасться в ловчую яму, как бездумное животное, худшего позора для охотника не может и быть. Хорошо, что сейчас его не видят соплеменники. Сгорел бы со стыда, вбурился в землю следом за личинками, только бы избежать насмешливых взглядов. И ведь еще легко отделался. Поставивший ловушку охотник не стал, или попросту забыл воткнуть в дно заостренный кол, как обычно делают. Иначе путешествие уже бы закончилось сколь мучительной, столь и позорной смертью.

Дурак, болван, бестолочь! Кем нужно быть, чтобы не смотреть под ноги в таком странном и подозрительном месте. Еще удивительно, как в яму не угодила Зимородок. Видать, лазая по кустам, обошла ловушку стороной. Но рачительный хозяин подстраховался, и поставил еще одну, и в итоге попали оба, один по дурости, вторая по неумному любопытству. Однако, если он с удобством сидит в яме, то девушка болтается вниз головой, а в таком положении лучше не оставаться.

Мычка поднял голову, напрягся, ожидая услышать знакомые интонации. Слух уловил приглушенный голос, но не привычный, высокий и мелодичный, как разговаривала Зимородок: хриплый и низкий, с нотками затаенной угрозы.

— Веревку ослабь, да девку опусти. Видишь, посинела совсем.

Невидимый собеседник отозвался с сомнением:

— А может пусть еще чутка повисит? Ну, чтобы после не вспомнила, что делали.

Первый бросил зло:

— Еще немного, и она вообще ничего не вспомнит. Сдохнет, как есть, или с ума двинется. Много ли с такой проку? Ни продать, ни выменять.

Послышался звук шагов, что-то хрустнуло, зашуршало, раздался жалобный стон. Мычка

дернулся, закрипел зубами. Где-то там, наверху, мучают подругу, а он, хоть и рядом, но может лишь прислушиваться, бессильный помочь.

— А может оприходуем, пока в себя не пришла? Смотри, ничего так фигурка, — вновь прозвучал второй голос.

Первый усмехнулся, сказал сухо:

— За девственниц платят больше. Готов уступить свою долю в качестве разницы? — оприходуй.

Второй воскликнул обиженно:

— Так что там от моей доли останется? Получится — зря работал!

Первый процедил:

— Не хочешь? Так закрой рот и делай дело!

Послышалась возня, Зимородок охнула, попыталась что-то сказать, но, судя по сменившему речь недовольному мычанию, рот быстро заткнули. Мир поплыл, глаза залило красным, а в груди зародился низкий, угрожающий рык. Руки потянулись к оружию, но узкие стенки западни не позволили, сдавили в жестоких объятьях: ни разомкнуть, ни выскользнуть. В бессилии сделать хоть что-либо, Мычка уткнулся лбом в стенку, принялся дышать глубоко и часто, сбрасывая излишки силы, что, не находя выхода, вот-вот разорвет, расплескает по стенкам колодца.

Шуршанье и возня прекратилась, послышался исполненный довольства голос:

— Ну вот и все, никуда не денется. Связал так, что и бер не вырвется. — Помолчав, добавил с придыханьем: — Послушай, а если она вовсе не девственница? Может, проверим, и если не впервой, то...

Первый отозвался с насмешкой:

— А если впервой, от соблазна удержишься?

Второй застонал, сказал с мукой:

— Что за жизнь! В кои веки девка рядом, и вокруг ни души, а все без толку.

— Почему не души? Вон, в яме ее спутник сидит, если шею не свернул при падении.

Послышался шорох, свет поблек, а на голову посыпалась пыль и мелкие веточки.

— Слышь, паря, ты там живой?

Раздался смешок, в голову больно клюнуло. Мычка лишь стиснул зубы, про себя обещая насмешнику страшные кары, но виду не подал.

— Ну что там, — послышалось раздраженное, — живой?

Над головой завозилось, раздалось насмешливое:

— Живой, только виду не подает. Хотя... может и сдох. Демон его знает, отсель не видать. Вроде не шевелится.

— Пусть его, пойдём, — бросил первый со сдержанным нетерпением. — Не наша забота.

— Может добить, че он там мучается? — злорадно отозвался второй.

В голосе первого прорезались металлические нотки.

— С Дерюгой потом сам будешь объясняться, если окажется, что парень живой был потребен?

— Да на что он ему? — усмехнулся голос над головой, однако без особой уверенности. — Если только плоть потешить, так за Дерюгой такого не водится.

Стало светлее, послышались удаляющиеся шаги. Голоса стали тише, неразборчивее. Несколько раз слабо вскрикнула Зимородок, но вскоре звуки истончились, а затем и вовсе

пропали, поглощенные извечным дыханьем леса.

Земля приятно холодит лоб, успокаивающе пахнет сыростью, но череп раскалывается, а в груди нестерпимо жжет от мучительного чувства вины. Провалиться в яму, не защитить подругу, а главное, довериться разбойнику, что под видом корчмаря проворачивает темные делишки! От затопившего разум стыда хочется выть, настолько все нелепо и неправильно. Ведь можно было догадаться гораздо раньше, сперва ночью, когда неведомый воришка зашел "на огонек", и не куда-то, а именно к ним, рассчитывая на богатый куш. Можно было заподозрить и с утра, когда корчмарь с преувеличенным интересом узнавал — хорошо ли спалось, уточняя — не закралось ли у гостей сомнений. И уж совсем несообразной казалась щедрость, с какой владелец корчмы принялся разьяснять особенности предстоящего пути.

Не заподозрил, не насторожился, предпочел пребывать в приятных иллюзиях. А ведь уже ни раз находился на волосок от гибели. Сколько можно биться об одну и ту же стену, сколько еще придется мучиться последствиями доверчивости, бесхитростно полагая, что люди действительно хотят помочь, подсказать, предостеречь от опасностей? Наверное, уже никогда. Замшелые стены ловчей ямы станут последним, что он увидит в жизни. Даже Дерюга, что вскоре придет за добычей, останется незримым, ударит сверху копьем, избавив себя от укора в прощальном взгляде жертвы.

Может это и к лучшему? Не умеющий вовремя заметить ловчую яму охотник, не способный защитить спутницу хранитель, оставивший семью без помощи сын. Быть может это духи, что раз за разом пытаются остановить, прервать бесполезное существование ушедшего из родных земель отщепенца? А он упорно выворачивается, избегает гибели, продолжая бессмысленное путешествие в неведомые земли, следуя чужой воли.

Мысли разлетелись, накатило безразличие. Образы отдалились и поблекли, взамен пришло холодное равнодушие. Не может, не должно живое существо сдаваться, пока бьется сердце, пока остается хоть малейшая надежда, так его учили. Но если старейшины ошибались? Если на самом деле все не так, а жизнь пуста и бессмысленна. Существование мириадом существ, что двигаются, едят, оставляют потомство, чтобы мгновенье спустя исчезнуть, и больше не появиться никогда, зачем оно, для чего?

Перед глазами мелькнула былинка, закачалась, привлекая внимание. Взгляд сфокусировался. Маленькая, зеленоватая гусеница зависла на блестящей тонкой нити. Только что она ползала там, наверху, где множество света и пищи, а сейчас низринулась в темные сырые глубины. Вот она висит недвижимо, испуганная неожиданным падением. А вот зашевелилась, принялась двигать лапками-крючками. Тело изгибается, сокращаются лапки, вытягивая хозяйку обратно к солнцу. Не взирая на расстояния, ведь до теплых лучей и лакомых листьев бесконечность, крохотное существо ползет, поднимается все выше и выше. Мгновенье назад она была на уровне подбородка, а теперь поднялась до глаз, полезла выше, так что вскоре придется задирать голову, иначе не увидеть.

Грудь замедленно поднялась и опала, холод отступил, а губы поползли в стороны. От крохотного, полупрозрачного существа, что карабкается вверх, спеша выбраться из темной и неуютной сырости, повеяло такой мощью жизни, что поселившийся в груди мертвенный холод содрогнулся, истаял бестелесным облачком. Сердце застучало сильнее, по жилам, возвращая к жизни, понеслись потоки крови, бодря и будоража. Мычка запрокинул голову, рассмеялся в голос. Духи дали знак, и он понял. Жизнь не окончена. И даже если его путь вскоре оборвется, то не здесь и не сейчас.

Пальцы согнулись ковшиком, загребли землю раз, другой. Перепревшая, насыщенная

влагой и остатками растений, почва подается легко. Конечно, намного лучше и сподручнее использовать засапожный нож, но места недостаточно, ни согнуться, ни поднять ногу. Возможно потом, позже, когда осыплется внешний слой земли, станет проще, но пока руки раз за разом вгрызаются в землю, словно челюсти оголодавшего волка выкусывают огромные куски из исходящей кровью, еще трепещущей плоти жертвы.

Утомившись, Мычка остановился, недолго передохнул, прислушиваясь к доносящимся сверху шумам, вновь принялся за работу. Пальцы скребут, отрывают кусочки земли, ноги перетаптываются, уминают скопившуюся россыпь. Ощувив, что стало достаточно просторно, Мычка покрутился, присел, одновременно вытянув руки вниз. Кончики пальцев ощутили рифленую поверхность рукояти ножа. Ниже. Еще ниже! Колени уперлись в землю, плечо ноет, а суставы хрустят, растягиваемые изо всех сил. Пальцы тянутся дальше, еще дальше. Есть!

Со вздохом облегчения Мычка выпрямился, устало улыбнулся. Руки крепки, но нож крепче, к тому же, зажатое в ладони, оружие придает уверенность. Дело пошло быстрее. Теперь, распоротая отточенным острием, земля осыпалась целыми пластами. Вскоре места образовалось настолько много, что стало возможно поворачиваться, не задевая плечами землю, а немного позже и сесть. Мычка то и дело вскидывал глаза, отмечая, как сулящий свободу светлый круг приближается, светлеет. Запахи становятся ярче, а звуки отчетливее.

Из правой, нож перешел в левую руку, затем обратно, но, не смотря на все ухищрения, движения становятся все медленнее, а удары слабее. Наконец, в очередной раз погрузив оружие в землю, пальцы соскользнули, не в силах далее удерживать рукоять. Обливаясь потом, и тяжело дыша, Мычка сел, дав зарок, отдохнуть совсем немного и тут же продолжить. Но усталость оказалась сильнее.

С края ямы, осев под собственным весом, скатился пласт земли, забарабанил по голове. Вздвогнув, Мычка открыл глаза, мгновенье непонимающе озирался, затем вспомнил, досадливо дернул плечом. Стало заметно темнее, забывшись, он проспал почти весь день. Охотник налегке за день может пройти по лесу очень много, остается надеяться, что невидимые ловцы людей не охотники, да и плененная девушка волей-неволей создаст дополнительные сложности, замедлит движение. Хотя и в продолжительном сне есть свои преимущества. Силы вернулись, и теперь можно заняться делом с удвоенным рвением.

Рука потянулась к ножу, но в этот момент голодно взвыл желудок. Поразмыслив, Мычка оставил нож в покое, раскрыл заплечный мешок. При падении горшок разбился, оставив лишь горсть острых черепков да крепкий запах вина, но остальное не пострадало.

Мясо захрустело на зубах песчинками, скатилось по пищеводу неприятным сухим комом. Но Мычка не обратил внимания. Слипшиеся, пропитанные вином и землей кусочки показались вкуснее самых изысканных яств. Закончив с ужином, Мычка встал. Мешок занял привычное место, нож вновь лег в ладонь. Примерившись, откуда лучше начать, Мычка с неудовольствием отметил, что почти ничего не видит. Он вскинул глаза. Круг над головой заметно потускнел, но все еще выделяется ярким пятном, низ же затопило тьмой. Пока она плещется на уровне пояса, но вскоре поднимется выше, поглотит, выплеснется из ямы, сливаясь с бесконечной чернотой праматери ночи.

Мычка вздохнул, но лишь пожал плечами. В его положении тьма не помеха, в земляную стену не промахнуться, а чтобы притоптать осыпающуюся горку не нужны глаза. Перехватив нож удобнее, он завел руку для удара, как вдруг слуха коснулся звук. Уши невольно наострились, а рука замерла. Ритмичный звук на пределе слуха, словно кто-то шаркает

ногами. Не поверив, Мычка опустил нож, вслушался что есть сил. Звук все сильнее, громче. Кто-то действительно приближается. Но кто? Случайный путник? Мало вероятно. Дорогой пользуются не часто. Да и не разгуливают путники ночами по лесам. Зверь? Нет, шагает явно человек, и шагает уверенно, не таясь.

Сердце екнуло, а руки затряслись. Неужели удача вновь улыбнулась, послав спасение в виде странствующего охотника? Само собой, опытный охотник заметит яму, но станет ли проверять, не обойдет ли стороной, продолжив прерванный путь? От волнения пересохло в горле. Нужно крикнуть, привлечь внимание. Отбросив гордость и стыд, воззвать о помощи. Ведь на чаше весов не только его жизнь, но и жизнь спутницы.

Набрав воздуха, грудь раздулась, рот приоткрылся для крика. Догадка пронзила молнией, перехватив горло железной лапой. Желваки вздулись, а пальцы сжали рукоять ножа так, что хрустнули суставы. Глупец! Как же слаба человеческая природа, что даже в безвыходной ситуации тешит себя иллюзиями. К яме, похлопывая ладонью по рукояти тесака, приближается никто иной, как хозяин. Проверить ловушку, и, в случае успеха, забрать причитающееся. Достойный повод для ночной прогулки.

Мысли спугались, понеслись вихрем, сталкиваясь и разлетаясь. Одна идея сменяет другую, за ней теснится следующая. Что делать, попытаться метнуть нож? Но во тьме, из столь неудобной позиции, бросок не получится удачным. Расчехлить лук, наложить стрелу? Но тетива в заплечном мешке, времени не хватит даже на то, чтобы нащупать упакованный на самое дно клубок. Достать меч, ударить хоть кончиком. Но яма глубока, а мелкий порез на ноги лишь взъярит корчмаря.

Шаги приблизились, со стенок посыпалась мелкое крошево, забарабанило по голове земляным дождем. Еще немного, и последует удар, что оборвет бесплотные мучения. Разум вскипел, не в силах изобрести достойный выход из ситуации, откуда выхода нет. Отчаянье плеснуло волной, накатило оцепенение. Закрыв глаза, Мычка осел, ткнулся головой в землю, застыл, не двигаясь, и почти не дыша.

Шорох прекратился, донеслось тяжелое дыхание, будто кто-то навис над ямой. Тишину разорвал грубый голос:

— Эй, есть кто живой?

Увесистый камень ударил в спину, заставив поморщиться от боли, за ним последовали еще пару поменьше. Клацнуло, зашуршало. Где-то сверху занялся огонек, разросся, осветив ловчую яму до самого дна. Послышалось сопенье. Похоже, ночной гость пристально рассматривал добычу.

— Слышь, паря, хорош прикидываться! — В голову ударил камушек, другой. Голос хмыкнул, проворчал в раздумье: — Неужели убился? Вроде, не шибко и высоко. Ну да ладно, не придется руки марать.

Вновь посыпалась земля. Мычка уже приготовился к очередному удару в голову, но вместо этого что-то мягко шлепнулось, вскользь коснувшись бока. Пользуясь отблесками пылающего над ямой факела, Мычка скосил глаза. Толстенная веревка и крюк. Веревка дернулась раз, другой, пошла вверх, крюк ушел следом, вновь вернулся. Очень медленно и осторожно Мычка сдвинулся, не намного, совсем на чуток, но этого хватило, крюк зацепил перевязь и край рубахи.

Сверху победно воскликнуло, потянуло. Крюк дернулся. Мычка с трудом сдержал крик. Металлическое острие прошло по ребрам, оставив глубокую царапину. Заскрипели ремни перевязи, веревка натянулось. Его трянуло, неумолимо потянуло вверх. Мычка расслабился,

вспоминая, как в подобных случаях ведут себя тела животных. Голова упала на грудь, а руки повисли плетями. Лицо безмятежно, как и должно быть у мертвеца, голова бессильно болтается, лишь в черепе огненными рунами бьется заполошенная мысль — только бы выдержала перевязь!

В плечо больно ударил земляной выступ, крепкие грубые пальцы перехватили за руки, бросили в сторону от ямы. В живот болезненно ткнулись камушки, зубы лязгнули, едва не прикусив язык, но ощущения не вызвали привычного отклика, притупленные взметнувшимся в груди черным вихрем ярости.

Позади затопало. Невидимый спаситель приблизился, остановился рядом, тяжело дыша и отдуваясь. Пальцы ухватили за плечо, рванули. Небо и земля поменялись местами. Подсвеченное воткнутое в землю факелом, во тьме возникло знакомое лицо, ни чуть не изменившееся с последней встречи в корчме. Их взгляды пересеклись, заледеневшие, как небо в зимний полдень, глаза охотника, и тусклые, как отблеск потертых монет в задымленной полутьме трапезной, корчмаря.

Дерюга вздрогнул, в глазах метнулся страх, но тут же исчез. Недобро ухмыльнувшись, корчмарь замедленно произнес:

— Значит все же прикидывался...

ГЛАВА 8

Не двигаясь, и не отрывая взгляда о корчмаря, Мычка холодно поинтересовался:

— Куда увели девушку?

Дерюга окинул оценивающим взглядом собеседника: хрупкая стать, узкие плечи, тонкие черты лица — противником тут и не пахнет, произнес с усмешкой:

— Тебя сейчас должно волновать другое.

— Что же? — Мычка приподнял бровь, ловя малейшее движение корчмаря.

— Собственная жизнь. Вернее... — Дерюга оскалился, — смерть.

— Хочешь меня убить? — произнес Мычка ровно. — Позволь узнать за что.

Дерюга хохотнул, сказал с презрением:

— Ты, парень хоть и смелый, но дурак. Торговля намного прибыльней, чем сдача комнат и кормежка посетителей... Если понимаешь, о чем я.

Сердце колотится молотом, мышцы переполнены силой настолько, что еще немного — не выдержат, разорвутся на мелкие клочки. Противник могуч и внимателен. Губы шевелятся, глотка извлекает звуки, но глаза смотрят не мигая, прикипев к добыче. Рука помахивает тяжелым тесаком, расслабленно и игриво, но сразу за запястьем начинается переплетение могучих мышц. Миг, и железная игрушка превратится в жестокое орудие, рванется вперед, чтобы рассечь, раскрошить, прервать жизнь случайного свидетеля.

Медленно, только бы не выдать охватившее тело напряжение, губы шевельнулись.

— И за все время ни одной неудачи?

Дерюга пожал плечами.

— Я осторожен. Кто годится на продажу — не возвращается. Кто не годится... не возвращается также. Впрочем, нужно заканчивать. Заболтался я с тобой.

Рука взметнулась, заноса тесак для удара. Тускло сверкнуло лезвие, рванулось, целя точно в голову, чтобы закончить за один удар. И одновременно опали невидимые путы. За спиной оружие, что может замедлить, не позволив вовремя совершить движение, и тело рвется изо всех сил, выплескиваясь в движении. Небо и земля меняются местами, и почти сразу же почва сотрясается от могучего удара — тесак достиг земли. Успев занеметь от напряжения, рука разворачивается, поворачивая клинок влипшего в ладонь ножа назад и немного вверх. Вновь рывок. Назад, в прежнее положение. Молниеносный высверк металла. И, разогнанный изо всех сил, нож погружается в плоть до рукояти.

Корчмарь охнул, невольно выпустив тесак, выпрямился. Мычка взлетел следом, с силой ударил по руке, что вновь потянулась к рукояти, выбросил руки вперед, вкладывая в толчок накопленную ярость. Дерюга отступил, нелепо взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, несколько мгновений балансировал, но край ямы не выдержал, обвалился, увлекая за собой незадачливого хозяина.

Раздувая ноздри, и тяжело дыша, Мычка прошелся взад вперед, прислушиваясь, как из мышц уходит напряжение, а в глубине оседает, сворачивается тугими кольцами змея ярости. Послышался шорох, донесся полурык-полустон. Выхватив факел, Мычка подошел к краю ямы, взглянул вниз. Покатые валуны плеч, побагровевшее от напряжения и ярости лицо, свирепый высверк глаз. Дерюга настолько велик, что заполнил собой все пространство ямы, стоит, не в силах шевельнуться.

— Быстр, паскудник. — Слова прозвучали тяжело и глухо, словно каждый вздох давался корчмарю с трудом.

— Все хотят жить. — Мычка пожал плечами. — Или ты привык, что жертвы сдаются без боя?

Корчмарь не ответил, сказал тускло:

— У меня в боку нож, а руки зажаты стенками ямы... Дай спокойно подохнуть. Уходи.

Мычка кивнул, сказал одобрительно:

— Решил принять смерть достойно? Похвальное решение. Но у меня пара вопросов. По этому... поговорим.

— Пацан, — выдохнул Дерюга презрительно, — удача вскружила голову? Пошел отсюда, нам не о чем говорить.

Мычка ощерил зубы, выдохнул зловеще:

— Ты, видно, привык убивать лишь беззащитных женщин и беспомощных стариков. Да вышла промашка. Не распознал достойного противника.

Ответом стал смех, больше похожий на карканье ворона. Отсмеявшись, Дерюга бросил презрительно:

— Достойный противник? Пацан, я убивал людей задолго до того, как ты появился на свет, и это были вовсе не старики! Тебе улыбнулась удача. Что ж, радуйся, да только, сделай милость, уходи, не звени над ухом, никаких ответов ты не дождешься.

Мычка поиграл желваками, сказал сдавленно:

— Может ты и прав, и это всего лишь слепая удача. Но это не имеет значения. Значение имеет другое. Нас было двое, и теперь меня мучает любопытство. Если ты понимаешь, о чем я.

Дерюга ухмыльнулся.

— О девке забудь. Даже если каким-то чудом нападешь на след, это ничего не изменит. Ее отдадут в надежные руки, упрячут за крепкие стены, куда оборванцам, вроде тебя, путь заказан.

Кровь бросилась в лицо, мир закачался, грозя расколоться на куски, разлететься алыми брызгами, однако, сделав над собой усилие, Мычка сдержался, невозмутимо произнес:

— Может быть, а может и нет. Я считаю, попытаться стоит, даже если исход предопределен. Скажи, куда ее увели, и я сразу уйду. И не упорствуй, у меня не так много времени.

Дерюга скривился в ухмылке.

— Я скоро сдохну. В голове мутится, а язык ворочается с трудом. Чем ты можешь меня напугать, чучело?

Мычка отвел глаза, помолчав, произнес отстраненно:

— Знаешь, лес полон самых разных животных: мелкие, бесформенные, с трудом различимые даже на ярком свету, и огромные, величественные, красивые настолько, что не оторвать глаз. Но больше всего меня восхищают муравьи. Удивительная слаженность, с какой они прокладывают тропы, возводят дом, или нападают на вторгшегося в пределы противника. Их смелость вызывает восхищение, ведь часто противник настолько велик — не охватить и взглядом.

Дерюга нахмурился, спросил с подозреньем:

— К чему эти побасенки?

Мычка наклонился, так что лицо корчмаря прорисовалась во всей неприглядности, произнес с мягкой улыбкой:

— Как думаешь, что произойдет, если муравейник со всеми жильцами вдруг провалится в некую ловчую яму, где в тишине и спокойствии отдыхает от трудов известный корчмарь?

Лицо Дерюги закаменело. В глазах метнулось жуткое понимание, словно когда-то давно корчмарь уже видел нечто подобное, если не сказать больше. Ощувив, что вновь впадает в ярость, Мычка оборвал мысль, не стал углубляться в страшную догадку.

С огромным трудом, будто челюсти сжимают невидимые руки, Дерюга прорычал:

— Что ж, убеждать ты умеешь. Девку увели в городок по соседству. Сразу за рощей начинается тропа, по ней и пойдешь, не заблудишься.

Ощувив, как с плеч свалилась непомерная тяжесть, Мычка поспешно спросил:

— Город велик, где именно искать?

— Терем, где живет местный правитель. На женской половине.

Мычка кивнул, поспешно поднялся, бросив на прощанье:

— Благодарю. Ты сдержал слово, сдержу слово и я. Прощай.

— Погоди, — хрипло воскликнул Дерюга. — Погоди... Я не хочу подыхать здесь один, от голода и диких зверей.

Мычка прищурился, произнес с прохладцей:

— Предлагаешь тебя вытащить?

Корчмарь помотал головой, сказал тихо:

— Я хоть и злодей, но не дурак. Вижу, у тебя за плечом лук. Окажи честь, не пожалей стрелы. Только... чтобы сразу, без мучений.

Мычка мгновенье смотрел на корчмаря. Лицо осунулось, щеки побледнели, в глазах мольба и надежда. Не говоря ни слова, Мычка вынул лук, сбросив заплечный мешок,

запустил руку внутрь. Клубок обнаружился сразу. Сгибаясь, скрипнул лук, стрела заняла место.

Все это время Дерюга не отрывал от него глаз, смотрел не мигая, лишь лицо становилось все бледнее. Заметив, что приготовления окончены, он прошептал:

— Только... без мучений, прошу.

Не отворачивая лица, он закрыл глаза, застыл, лишь на виске, выдавая сильнейшее напряжение, яростно и бессильно забились голубая жилка. Мычка вздернул лук. Зажав пальцами тетиву, резко отвел руку. Миг, и стрела сорвалась. Голова Дерюги дернулась, упала на бок. В глазнице, погрузившись наполовину, застыло оперенное древко.

Лук занял свое место, мешок вернулся на плечо, а рука ухватила факел. Мычка развернулся, деревянно шагая, двинулся по тропе, за заполнившей душу болью и пустотой, не замечая текущей по рассеченному тетивой предплечью крови.

Достигнув края роши, Мычка остановился в раздумье. От похитителей отделяет день пути. Если идти всю ночь, можно изрядно сократить расстояние, а то и нагнать, свалившись, как снег на голову. Но это если повезет. В темное время, даже с факелом в руке, шибко не разбежишься. Следы почти не видны, зато сам, как на ладони. Это днем факел — тускла искра, пройдешь рядом — не заметишь, ночью даже самый слабый свет виден издали. Голодное зверье не замедлит приблизиться, а то, чего доброго, нагрянут лихие люди, коих, как оказалось, в здешних местах ни чуть не меньше, чем в лесу хищников.

Забежать наперед бредущего по дороге одинокого путника, сделать засаду — что может быть проще? От брошенного невидимой рукой камня не спасут мечи, засевающий в придорожных кустах, скрытый во тьме лучник легко убьет сколь угодно умелого воина. И даже если все сложится удачно, в конце наверняка ожидает схватка. Вряд ли похитители так, запросто, отдадут "товар". Придется драться. Да только пользы от такой драки, когда от усталости дрожат ноги, а в глазах двоится, не особенно много.

Приняв решение, Мычка свернул в сторону. Достаточно удалившись от тропы, он приглядел место поудобнее, нарвав с кустов молодой поросли, соорудил подобие кровати, куда и улегся, предварительно затушив факел. Выбросив россыпь искр и недовольно зашипев, огонь погас, тьма накрыла непроницаемым пологом. Тщательно укутавшись в плащ, Мычка закрыл глаза, постарался расслабить мышцы, но еще долго ворочался, не в силах уснуть. Перед внутренним взором мелькало лицо корчмаря, а в ушах отдавался жалобный голос спутницы. Небо начало светлеть, когда Мычка наконец забылся тревожным сном, но и там, в зыбком царстве духов, волнения дня продолжали преследовать, отчего лицо скорбно кривилось, а из груди раздавался исполненный горечи стон.

Солнечный луч мягкой лапой уперся в лицо, осторожно прошелся по щеке, опасно коснулся носа, после чего, подумав, со всей дури ткнул в глаз. Мычка замотал головой, недовольно поморщился, отвернулся, пытаясь скрыться от докучливого гостя, и, одновременно, вернуться в сон. Но мир грез поблек, подернулся рябью и испарился, вытесненный всепобеждающим светом дня.

Мычка потянулся, открыв глаза, повернул голову, отыскивая спутницу. Воспоминание ударило обухом, едва не выбив из глаз искры, перед внутренним взором пронесся вчерашний день: яма, похищение спутницы, Дерюга... Проспал! Застонав от досады, Мычка вскочил, завертел головой, пытаясь понять насколько сильно проспал. Над головой колышется зеленое море ветвей, почти не пропускает света, мерцающие осколки неба слишком малы, чтобы посчитать точно, но понятно и так — проспал изрядно.

Из груди потоком рвутся ругательства, но бичевать себя — удел слабых духом, сильные побеждают молча. Отбросив ненужные мысли, Мычка сосредоточился на сборах, лишь брови сошлись над переносицей, да закаменели желваки. Стряхнуть с рубахи напоздших за ночь жуков, не забыть — забросить мешок за спину, проверить перевязь — не ослабли ли ремни, легко ли выходит из ножен оружие. Все в порядке. Можно выходить. Вот только сосет под ложечкой, да голодно взрывает желудок. Но это не страшно, позавтракать можно и на ходу.

Роща осталась за спиной. Где-то там, под сенью деревьев, в яме вырытой для других, но ставшей могилой хозяину, покоится Дерюга. Злодей в жизни, но достойный в смерти муж, чей пример надолго останется в памяти. Его рассудят духи. Что до тех, кто сейчас двигается впереди, таща на поводу плененную девушку... Духи рассудят и их, но чуть позже. Сейчас об этом лучше не думать. Лучше не думать вообще. Так будет проще и быстрее. Тем более, желания — желаньями, а уж как выйдет на деле не знает ни кто.

Под ноги ложится тропка, взгляд неотрывно следует всем изгибам, отмечая малейшие следы. Вот один из похитителей оступился, трава еще не успела выпрямиться, в мягкой от небольшой лужи по соседству земле остался отпечаток подошвы. А вот в горстке пыли обозначились следы Зимородок: отпечатки мельче мужских, шаги короче. А это и вовсе непонятно что. В другое время стоило бы остановиться, рассмотреть, подумать, но не сейчас. И ноги вновь попирают пыльную плоть земли, направляясь к неведомым горизонтам бесконечной знойной степи, миг за мигом, вздох за вздохом, шаг за шагом.

Двигаясь по тропе, Мычка неспешно жевал мясо, доставая из заплечного мешка, и забрасывая в рот кусочек за кусочком. Горсть вяленых кусков, взятая у корчмаря перед уходом, оказалась как нельзя кстати. Тугие волокна, уплотнившись от тщательной сушки, требовали усиленного пережевывания, отвлекая от невеселых мыслей. Солнце медленно вползло на небосвод, пока не утвердилось на самой вершине, изливая все более плотные потоки жгучего зноя.

Бурдюк с водой заметно полегчал. Отхлебнув в очередной раз, Мычка покачал головой, упрятал емкость на самое дно мешка, подальше от соблазна. От жажды он не умрет. Не смотря на невыносимый жар, на пути то и дело встречаются рощицы и опушенные густым кустарником небольшие группки деревьев. Найти сырое место, сделать углубление, и вскоре на дне ямки выступит влага, а если подождать подольше, можно легко наполнить бурдюк. Вот только время поджидает, так что придется потерпеть. К тому же, если подумать, пить не так уж и хочется.

Мычка вернулся мыслью назад, когда они с Зимородок впервые вышли из леса. Жар открытых пространств показался невыносим, солнце обжигает, а от бурдюка почти не отрывались, восполняя стремительно улетающую из тела воду. Однако, сейчас он идет среди полей, под палящими лучами, не ощущая жажды, и чувствует себя совсем неплохо.

Мычка мельком осмотрел себя. Кожа на руках заметно потемнела, приобрела коричневатый оттенок. Если бы не штаны и рубаха, он бы давно стал таким же, как барахтающиеся в пыли дети, виденные в прошлом селе — темно-коричневый, не отличимый от местных. Если же взъерошить волосы, чтобы не выглядывали кончики ушей, никто и не заподозрит в нем вершинника.

Мысль показалась интересной. Мычка остановился, снял перевязь, мешок, после чего скинул рубаху и штаны, оставшись в набедренной повязке. Стало заметно легче. Под напором ветерка влага испарилась, кожа высохла и лишь свернутое под мышкой белье

напоминает о недавних мучениях: струящихся по спине соленых ручейках и пропитанных потом, липнущих к коже шкурах.

Время от времени Мычка вскидывал глаза, всматривался в трепещущее марево воздуха. И хотя видимость не шла ни в какое сравнение с лесом, подавляя поистине безграничным, непостижимым уму простором, оком всякий раз оказывался пуст. Мычка вновь ронял глаза, продолжал шагать, медленно но неумолимо приближаясь к цели. Подошвы сапог гулко ударяют в землю, горло пересохло, а в глазах время от времени плывет, но это не имеет значения. Не важно, придется ли идти день, или седмицу, но, рано или поздно, он достигнет цели, отыщет девушку, что успела стать намного больше, чем просто спутницей, и вместе они двинутся в далекий загадочный город, раскинувшийся в неведомых краях, у подножия высокой горы.

Иногда вдалеке виднелись домишки, предвестники сел, но Мычка продолжал упорно идти дальше. Лишь единожды, когда избы возникли совсем рядом, он зашел в деревню. Напившись вволю, и пополнив запасы воды, он сердечно поблагодарил пожилую женщину, что не поленилась вынести незнакомцу наполненную до краев здоровенную бадью, после чего зашагал вновь.

Дорога расширилась, стали попадаться люди, бредущие, как навстречу, так и в ту же сторону. Изредка встречались телеги, доверху груженные мешками, с сонными мужичками на передках, и такими же сонными быками в упряжке. Мычка сторонился, провожал удивительные конструкции взглядом.

Солнце покатило в закат. Жара начала спадать, стало ощутимо прохладнее. Мычка оделся и сразу ощутил себя спокойнее. Рубаха и штаны вернулись на свое место, разом придав уверенности, и избавив от удивления во взглядах прохожих. Небо потемнело, могучие космы далеких облаков зажглись алым. Следы на дороге поблекли, начали растворяться в растущих тенях. Мычка задумался: устроиться на ночлег прямо сейчас, или двигаться, пока видно хоть что-то, когда, в очередной раз оторвавшись от земли, взгляд уперся в преграду.

Мычка сморгнул, оторвавшись от размышлений, взгляделся в непонятное. Глаза прищурились, ноги замедлили шаг, а губы растянулись в улыбке. Впереди, неподалеку, вознеслась деревянная стена. Посреди стены окаймленный вратами проем, куда ныряет дорога. В проеме, если приглядеться, виднеются непривычных очертаний дома, едва заметные, движутся букашки людей.

Город, о котором говорил Дерюга. Тот самый, куда силой увели подругу. Осталось лишь войти, и отыскать Зимородок, а там будет видно. Улыбка истаяла, губы сжались в тонкую полоску. Ускорив шаг, Мычка направился к вратам.

ГЛАВА 9

У ворот, прислонившись к стене, развалился воин, на лице скука, пальцы поигрывают рукоятью ножа, взгляд лениво шарит по прохожим, перескакивает с одного на другого, на

одних задерживается, других же пропускает сразу. Ощувив на себе внимание стража, Мычка прикрыл глаза, напустил на лицо безразличие.

— Эй, а ну-ка подойди. Тебе говорю!

Словно вынырнув из глубоких раздумий, Мычка замедленно повернул голову, взглянул с вопросом. Страж кивнул, поманив пальцем, поднимаясь навстречу. Мычка покосился на ворота. Проем совсем рядом, лишь один прыжок отделяет от входа в город, а там народу столько, что даже будь воин о ста глаз, не увидит, не найдет. С другой стороны, лишнее внимание ни к чему. Вдруг стражу всего лишь захотелось поговорить.

Внутренне напрягшись, готовый в любой момент сигануть в сторону, Мычка приблизился с прежним отстраненным видом, поинтересовался:

— В чем дело?

Страж пробежался взглядом с головы до ног, надолго задержавшись на плечах, где, выпирая из-под плаща, топорщатся рукояти мечей и дуга лука, сказал с подозреньем:

— Не многовато оружия для одного?

Мычка замедленно повернул голову, распахнул глаза, будто только сейчас обнаружил за спиной целый арсенал, сказал с досадой:

— И это по-твоему много? Был бы ты охотником — знал бы, сколько оружия нужно в лесу. Это тебе не город. Если с оружием что-то случится — замену не найти.

Воин покивал, сказал с недоверием:

— Что-то я не слышал, чтобы охотники таскали с собой охапками мечи.

Мычка закусил губу, столь нагло врать еще не приходилось, однако, страж смотрит требовательно, и он вздохнул, понизив голос, доверительно произнес:

— Ты прав, в охотничьем деле мечи ни к чему. Но кроме зверей в лесу рыщут намного более опасные существа.

Воин подобрался, спросил, невольно понизив голос:

— Что еще за существа?

Не выдавая охватившего ликования, Мычка произнес с мукой:

— Лихие люди. И ведь ладно бы забирали добычу, их можно понять — каждый промышляет, как может, но ведь норовят отнять и жизнь.

В лице собеседника испуг вновь сменился унынием, похоже, страж ожидал чего-то более интересного. На глазах теряя интерес, он бросил:

— Это да, лихие люди, они всегда...

Страж вернулся на место, а Мычка прошмыгнул во ворота, довольный, что не пошел на поводу у страха, а разобрался с вопросом, как и подобает настоящему мужчине — глаза в глаза. Мелькнула мысль, что надо бы поинтересоваться у воина — не видал ли двоих мужчин и девушку, но, поразмыслив, лишь махнул рукой. Даже если страж видел, то вряд ли вспомнит, слишком много людей проходит через ворота, к тому же похитители могли пройти ночью, или даже прошлым вечером, когда у входа стоял совсем другой человек.

Отбросив неуместные сожаления, Мычка осмотрелся. Ноги замедлили шаг, а дыханье прервалось. Так вот он какой, город! Вокруг возвышаются дома, не привычные покосившиеся избы, обычные для любого села, а аккуратные, из тщательно подогнанных бревен, крепкие, как молодые грибочки. Стены в узорах, в окнах резные рамы, рисунок затейлив, глаз не сразу разберется в хитросплетениях канавок и завитков.

Не смотря на вечер вокруг полно люду. От ярких нарядов пестрит в глазах. Таких как он, в шкурах, почти не видно. Одежда большинства поражает яркостью и изяществом. Что же до

материала, совершенно не ясно из чего сделана, хотя на вид мягка и удобна. Кто-то торопливо бежит по делам, нагруженный мешками, кто-то вальяжно прогуливается. Есть и те, что заывают звонкими голосами, разложив на деревянных скамьях всякую всячину. Некоторые вещи знакомы по обиходу, другие когда-то попадались на глаза, о назначении прочих можно лишь догадываться.

Земля под ногами непривычно плотная, утоптанная до состояния камня, а может камень и есть. Если приглядеться, в пыли сверкает золотистое крошево песка, не иначе — специально разбросанного, чтобы не разводить грязь во время дождя. Мычка брел по улице, не переставая удивляться. Вот набитая снедью телега, от запаха пищи сводит живот: все свежее, ароматное. А вон прошагали десяток воинов, лица суровы, доспехи поскрипывают, вызывая зависть качеством исполнения и подгонки. А это что такое, тоже дом? И впрямь, но какой огромный, в два поверха! Над крыльцом изящный козырек, на крыше небольшие башенки, не то для лучшего обзора, не то в качестве украшения.

Из распахнутых настежь дверей доносится приглушенный говор, тянет вином и мясом. Неужели корчма? Да не одна — несколько! Мычка двигался вдоль улицы, потрясенный лавиной впечатлений. Он и помыслить не мог, что в одном месте может оказаться так много всего и сразу. Солнце спускается все ниже, вскоре сумрак заволочет улицы. Но, нет. Из окошек льется слабый свет, над вывесками таверн призывно загорелись смоляные факелы, то здесь то там у людей в руках вспыхивают тонкие лучинки, ненадолго освещая все вокруг.

Глядя на баловников, Мычка лишь качал головой. И как не бояться? Конечно, здорово, что ночь не властна, намного приятнее идти до дому в отблесках огня, чем пробираться по стеночке на ощупь. Но огонь в неумелых руках — зверь опасный. Устроить пожар — раз плюнуть. Дома вокруг деревянные, бревна иссушены жарой. Как не бояться?

Сбивая с мысли голодно заворчал желудок. Струящиеся отовсюду аппетитные запахи распалили голод, заставили чаще сглатывать слюну. Безумно захотелось есть. Едва глаза останавливались на вывеске корчмы, а ноздри наполнялись ароматами, ноги сворачивали ко входу, и лишь величайшим напряжением Мычка удерживался, чтобы не зайти в гостеприимно распахнутые двери. Даже мысль о взимаемой с посетителей плате останавливала слабо. Превозмогая муки голода, Мычка упорно двигался дальше, и лишь отойдя от заведения подальше чувствовал облегченье. Вот только не надолго. Возле очередной корчмы все повторилось вновь.

Однако желудок все же победил. Узрев очередную корчму, Мычка махнул рукой, двинулся в раскрытые створки дверей, словно в объятья желанной женщины. Ароматы пищи и дымок обволокли плотной пеленой, проникли в нос и рот. Уши наполнились гулом разговоров. Голова закружилась, а в глазах поплыло. С трудом протиснувшись мимо забитых людьми столов, Мычка бухнулся на свободное место, ощущая себя словно после доброй чарки крепкого хмеля, коим иногда, в редкие дни праздников, угощал дед.

Радуюсь, что во всеобщей толчее остался незамеченным, Мычка вытащил из мешка остатки мяса, набив рот, в блаженстве откинулся на стену, прислушиваясь, как по языку растекается сладостное ощущение, через глотку проваливается в желудок, а оттуда расходится по телу волнами тепла и силы.

Гул голосов сливается в монотонный шум, что успокаивает, навеивает сон, даже резкие крики, или исполненные угрозы обращения подвыпивших посетителей друг к другу не заставляют открыть глаз, лишь уши лениво поворачиваются в сторону шума, оценивая степень опасности. В гудении разговоров негромкая беседа за соседним столом привлекла

внимание: не то глубоким, как из бочки, голосом одного из собеседников, не то чем-то еще. Мычка чуть повернул голову, продолжая жевать мясо, и по-прежнему не открывая глаз, вслушался в слова.

— Наместник-то наш совсем заелся, сундуки от злата ломаются, а ему все мало, — прогудел певый.

— Небось врут, — лениво отозвался второй. — Знаешь ведь — в чужих руках и обух, хе-хе, толще.

Первый громко рыгнул, прогудел:

— Это верно. Да только тут не далеко от истины. Наместник, это тебе не шваль подзаборная. По статусу положено деньгу иметь.

В ответ донеслось едкое:

— Никак завидуешь?

Первый всхрапнул, сказал запальчиво:

— Чему завидовать? У самого хватает — девать некуда! Сундуком больше, сундуком меньше, не велика печаль.

— Оно и видно, — бросил второй насмешливо. — По злачным местам высиживаешь, добрые заведенья пропускаешь. Явно от избытка добра.

Первый громко забулькал, судя по силе и долгости звука осушив не меньше кувшина, произнес сурово:

— Говорю тебе, ерунда это, пыль! — Помолчав, добавил с придыханьем: — Я другому завидую. Все бы отдал, чтобы хоть глазком взглянуть на женскую половину. Говорят, у него не то тридцать, не то пятьдесят жен!

Второй хмыкнул, проблеял со смешком:

— Глазок-то не отвалится, тридцать баб оприходовать?

— Пятьдесят! Говорю тебе — пять десятков девок, не меньше. И все в самом соку!

Челюсти перестали двигаться, а рука остановилась на полпути ко рту. Сон как рукой сняло. Мычка заерзал, лишь величайшим усилием воли удержавшись, чтобы не вскочить, не заорать дурниной, не выколотить из мужиков подробности прямо здесь и сейчас, используя в качестве убеждения все, даже самые нелицеприятные средства. Сердце затрепыхалось раненой птицей, в висках заломило от невыносимого желания что-то делать и куда-то бежать. Но он удержался. Стиснув челюсти так, что скрипнули зубы, Мычка чуть развернулся, по-прежнему не открывая глаз, вслушался, что есть сил.

Меж тем мужик продолжал вещать, от выпитого вина распаяясь все больше.

— А еще говорят, что если какая-то девица не понравится, на следующий день исчезает, а ее место занимает новая, еще лучше да краше.

— И откуда же она берется? — давясь от смеха просипел второй. — Что-то я не замечал возле терема наместника толпу вождедеющих баб. Наоборот, сторонкой обходят.

Первый цыкнул, брякнул громким шепотом:

— Ходят слухи, что из захожих набирают. А то и вовсе издалека. Да не по своей воле, насильно! Потому и исчезают предыдущие, чтобы некому было языком трепать, честное имя наместника порочить. Но, только чур, я тебе этого не говорил.

Мычка похолодел. Догадка обернулась жуткой правдой. Неужто и впрямь Зимородок приволокли, чтобы обменять у местного правителя на монеты. Превратить в одну из многих, чей удел ублажать наместника. Как там говорил Дерюга — прибыльная торговля? Вот значит что имелось в виду. Но это же немыслимо, невероятно, не подвластно разуму! Можно

обменять пищу, дом, животное, но... человека!? Хотя, после того, что намеревался сделать с ним корчмарь, да и не с ним одним, если подумать, можно допустить всякое. Когда-то он сам, умирая от голода и холода, пришел в деревню рыбарей, в твердой уверенности, что все люди братья, постучал в первую попавшуюся дверь. Да только с тех пор многое изменилось.

— Эй, парниша!

Суровый голос отвлек от размышлений. Мычка вздрогнул, поспешно открыл глаза. Рядом, нависая массивной тушей, застыл корчмарь, руки комкают передник, губы растянуты в подобии улыбки, но в лице подозрение.

Мычка сморгнул, спросил с запинкой:

— В чем дело?

Корчмарь сдержано произнес:

— Хочешь чего заказать — не тяни. Ежели нет — выметайся. Спать в другом месте будешь.

Под суровым взглядом корчмаря рука невольно потянулась к заплечному мешку, пальцы коснулись тесьмы, принялись теревить. Где-то там, на дне, должны оставаться забавные металлические кругляши. Стоит вынуть один, как лицо корчмаря тут же расплывется в улыбке, на столе появятся блюда, а в одной из комнат найдется место для ночлега. Однако почему так скверно на душе, а пальцы движутся все медленнее, не в силах справиться с простеньким узелком? Не потому ли, что эти монеты не его? Случайно захваченные вместе с прочими вещами в доме Зимородок, монеты принадлежат ей. И то, что он сейчас собирается потратить на себя, без спроса хозяйки, чем-то очень напоминает действия встреченных у источника бродяг, вызывая глубоко внутри стойкое отвращение. Конечно, он никого не принуждает, к тому же, если бы не он, монеты до сих пор лежали в сундуке никому ненужным хламом... но все же, все же.

Убрав руку от мешка, Мычка поднялся, взглянул на корчмаря столь холодно, что тот отшатнулся, однако произнес подчеркнуто мягко:

— Я не местный, в вашем городе впервые. Хочу взглянуть на терем наместника. Говорят он очень красив. Сделай милость, подскажи путь.

Корчмарь набычился, холодный взгляд и подчеркнутая вежливость гостя не пришлись по нраву, однако, покосившись на торчащие из-за плеч рукояти мечей, снизошел до ответа, буркнул:

— Нечего там смотреть. Терем, как терем. Но, коли приспичило... Толай по главной дороге. Как пройдешь рынок — сверни направо.

— А дальше?

— А дальше увидишь, мимо не пройдешь, — фыркнул Корчмарь. Развернувшись, чтобы уходить, бросил неприязненно: — Раньше выйдешь, раньше дойдешь.

Поблагодарив кивком, Мычка покинул корчму. Улица встретила липким сумраком. Огоньки окон и факелы таверн мерцают бледными пятнами, выхватывая из тьмы то украшенный орнаментом участок стены, то серое пятно дорожной пыли, но лишь дразнят глаза. Шаг в сторону, и мир погружается в черноту. Отвлеченные светом, глаза бессильны различить детали. Видны лишь серые громады зданий, все прочее теряется из виду, расплываясь мутной хмарью.

Мычка зашагал вдоль улицы, поспешно отводя взгляд, лишь только поблизости появлялся очередной огонек, и вскоре глаза привыкли. Сперва обозначились сами здания, затем заборы, а вскоре протаяли и прочие мелочи. Мычка поглядывал по сторонам,

раздумывая, стоит ли идти к терему прямо сейчас, или, отыскав уютное место, подождать до утра. Судя по всему наместник не простой человек, и вряд ли впустит запоздалого посетителя. К тому же вполне может случиться — терем стерегут, а уж ночью тем более. Это в родной деревне такое и в голову не могло прийти, охранять дом: зачем, от кого? Здесь же подобное в порядке вещей. И, если вспомнить Дерюгу, да и не только его, вопросы исчезают.

Взгляд зацепился за верхушку ближайшего дома: здоровенный, как и прочие рядом, в два поверха, высокая двускатная крыша чернеет провалами окошек. Отсюда, с земли, провалы как будто невелики, но если прикинуть расстояние — самое то, чтобы пролезть, тем более, если не особо широк в плечах. Мычка воровато оглянулся. Поблизости никого. Однако, если чего-то не видно, не значит, что этого нет. Мимолетный взгляд из соседского окошка, лежащий без движения выпивоха, случайный прохожий, что не поленятся рассказать хозяину дома о неожиданном "госте". Нет, нужно действовать наверняка.

Огораживающий дом забор высок, жерди подогнаны плотно: ни протиснуться, ни даже взглянуть что там, внутри. Не хотелось бы сигать не глядя. Что это, неподалеку, неужели щель? Мычка двинулся вперед, и вскоре убедился, глаза не подвели. Меж заборами двух домов открылся узкий дурнопахнувший переулочек — то что надо! Оглянувшись еще раз, Мычка вдвинулся в щель. Под ногами зачавкало, запах стал сильнее. Стараясь не думать, по чему сейчас ступают подошвы сапог, Мычка прошел несколько шагов, подпрыгнул, ухватившись за край забора, подтянулся.

Короткий взгляд во двор: кусты, садовые принадлежности. А это что, напротив? Небольшой сарай, почти вровень с забором, примыкает задней стеной к дому. Словно специально поставленный как раз для таких случаев. Мычка сгруппировался, ощущая себя лесным котом на охоте, застыл, вслушиваясь в черноту двора. Ничего. Тело напряглось, готовясь к рывку. Миг, другой. Ноги резко отталкиваются, с силой бросая вперед. Только бы выдержала крыша!

В ступни мягко ударило, скрипнуло негромко. Не останавливаясь, Мычка прыгнул еще, подскочил, ухватившись за нижнюю часть оконца. Рывок. И вот он уже внутри. Сердце колотится, грозя перебудить грохотом всю улицу, слух напряжен до предела, каждое мгновение ожидая уловить крик тревоги, но губы растягиваются в победную ухмылку. Не услышали. И хотя он изрядно нашумел, вряд ли кто-то обратил внимания на негромкий хруст. Здесь не лес. Люди не вслушиваются в малейший шорох, спокойно спят за крепкими стенами, привыкнув к уличному шуму и не боясь нападения диких зверей.

На чердаке темно. Если снаружи помогает хотя бы слабый отблеск звезд, то здесь, в помещении, остается лишь догадываться, да шарить на ощупь. Вот какие-то шкуры, а здесь груда деревянных вещей, не то стулья, не то еще что. Дальше рядками выстроены глиняные горшки, судя по шершавым бокам и острым сколам. Решив лишний раз не искушать судьбу, и не бродить по заполненному хламом чердаку, где запнуться и загреметь на весь дом — пара пустяков, Мычка снял лук, колчан со стрелами, осторожно стянул перевязь, после чего улегся, предварительно бросив на пол найденные тут же шкуры.

Прислушиваясь к доносящимся через окошко звукам, вдыхая запах пыли, Мычка ощутил, как погружается в воспоминания детства, когда вот так же, как и сейчас, он забирался на чердак. Забравшись поглубже в забытый, пропыленный хлам, воображал невероятные приключения, порой, заигрываясь настолько, что спохватывался, лишь когда раздавался строгий голос матери, зовущей детей к ужину.

Так, с улыбкой на лице, и теплыми воспоминаниями детства, он и уснул.

ГЛАВА 10

Пыль забила в нос, защекотала. Рот приоткрылся, грудь поднялась, набирая воздуха. Однако, за миг до того, как могучий чих разорвал тишину, Мычка вспомнил где находится, зажал рот рукой. Грудь содрогнулась, воздух тугой струей ударил в ладонь, отразившись от преграды, вернулся, встряхнув, словно по хребту приложили мешком с вяленным мясом. Очумело тряс головой, Мычка сел, повел плечами, разминая затекшие с ночи мышцы, зевнул с привыканием.

В свете солнца чердак преобразился, придававшая тайны тьма исчезла, лишённые загадки, вещи проявились во всей своей пыльной обыденности: побитые личинками шкуры, сломанная утварь, горки растрескавшейся от времени посуды. Однако, Мычка лишь пожал плечами. Время воспоминаний прошло, наступающее утро не оставило для грез места.

Пошарив в мешке, он обнаружил несколько кусочков мяса, принялся с удовольствием жевать. Подслушанный разговор в таверне уже не казался столь убедителен. Мало ли что нафантазировали набравшиеся гуляки. Есть ли у наместника наложницы? Мычка несколько раз повторил про себя новое слово, поморщился: неблагозвучное и неприятное. Хотя, быть может это с непривычки? А если и есть, действительно ли девушек приводят насильно? Ведь наместник, насколько он успел понять, богатый человек, и в этом мире, где людей оценивают не по смелости и чести, а по количеству тусклых кругляшей в сундуках, многие должны быть хотят стать его... наложницами.

Мычка сплюнул. Слово раздражало, скрипело, словно песок на зубах. Догадываясь, что на самом деле вызывает недовольство, Мычка постарался отрешиться от чувств, вновь задумался. Он многого не знает в этом новом мире, где живут странные люди по непривычным правилам. Возможно и с наложницами не все так гладко. Но даже если все услышанное правда... Город велик, наверняка наместник не единственный богатый человек. Не случилось ли, что Зимородок отдали кому-то другому, не менее важному и богатому? Как узнать, к кому обратиться? Будет ли вообще кто-то разговаривать с ним, вышедшим из леса дикарем, каким видится всякому встречному незнакомый юноша в грубых шкурах с пронзительно голубыми глазами и космой нечесаных волос?

Мычка закусил губу. От потока мыслей голова раскалилась, заломило в висках. Куда бежать? Что делать? Вчерашняя мысль посетить терем наместника вдруг показалась нелепой и смешной. Что он там будет делать, о чем говорить? Если важный человек скрывает нечто, как сможет он, случайных прохожий, вызнать тщательно оберегаемую тайну?

Перед глазами всплыло лицо наставника: взгляд холоден, губы кривятся в усмешке. Образ возник столь явственно, что Мычка замер, некоторое время сидел недвижимо. Руки потянулись к перевязи, коснувшись рукоятей, облапили, стиснули изо всех сил, ожидая помощи от единственного, что неизменно в этом странном меняющемся мире.

Мысли улеглись, волнение испарилось, сменившись уверенностью. Мычка глубоко

вздыхнул, замедленно отнял руки от оружия, страшись потерять возникшие словно из ниоткуда удивительные спокойствие и твердость. Что бы ни случилось, каким бы глупым не показалось, нельзя поддаваться слабости, и, тем более, нельзя отступить от цели. Он сделает, что задумал, не важно как, но сделает. И если окажется, что наместник не причем, он продолжит поиски, методично и расчетливо, шаг за шагом, пока не отыщет искомое. Главное, не падать духом.

Успокоившись окончательно, он принялся перебирать одежду. Очистив штаны от грязи и вытряхнув из рубахи пыль, перешел к оружию. Перевязь в порядке, ремни кое-где потерлись, но по-прежнему крепки. Клинки чисты, ни пятнышка, поблескивают тускло и угрожающе. Лук цел, тетива в мешке, не отсырела и по-прежнему готова к употреблению, хотя, можно бы и заменить. А вот стрелы...

Перевернув колчан, Мычка с сожалением проследил за россыпью обломков. Тонкие дровяные не выдержали падения в яму, и большая часть сломалась. Удивительно, как не треснул лук! С помощью ногтей и лезвия меча Мычка вынул металлические оглавки, спрятал в заплочный мешок, а оставшиеся стрелы вернул в колчан. Неспешно одевшись, затянул перевязь, закрепил лук и колчан, подхватив мешок, приник к окошку, осторожно выглянул.

Не обнаружив во дворе ни единой души, Мычка взглянул вниз, хмыкнул. Прямо под забором изрядная куча рыжего от ржи металла щетинится изогнутыми кончиками. Спрыгни он впотьмах с забора, мало того, что грохотом поднял бы весь дом, так еще и без ног остался. Еще раз оглянувшись, Мычка скользнул в окно. В ноги ударило твердое. Короткий разбег. Пространство двора смазывается, искрой вспыхивает искореженная куча металла. И вот он вновь в переулке. Запах бьет по ноздрям с утроенной силой. Не то солнце разогрело скопившиеся на земле отбросы, не то добросовестные жители за ночь успели добавить еще, но Мычка выскочил на улицу, как ошпаренный, стремительно зашагал, стараясь уйти от источника запаха как можно скорее.

Дома, дома, дома. Всюду, куда ни кинь взгляд: слева, справа, позади. Мычка не переставал изумляться, откуда набралось столько народу в одном месте. Конечно, понятно, что сперва появились несколько домишек, потом возникли еще и еще, село строилось, разрасталось. Но ведь всему есть пределы. А сколько они едят? Ведь это просто прорва мяса и зелени! Правда, Зимородок говорила, что тут научились готовить из травы, как она тогда сказала — хлеб? Но все равно верится с трудом. Хотя, сомнения — сомненьями, а глаза не врут, вокруг люди, здоровые и сытые. Значит как-то живут.

Улица раздалась, здания потеснились, отступили в стороны. Мычка замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. В глазах зарябило от цветов, а в ушах загудело от гомона. Все видимое пространство впереди заставлено прилавками с товарами, высокими и низкими, широкими и в руку длиной. Часть открыты, другие под прикрытием навеса, кое-где виднеется потемневшее от времени дерево, но большая часть новенькие, едва срублены.

Возле каждого прилавка хозяин, а то и два, машут руками, расхваливают товар на все голоса. Народу вокруг столько — не продохнуть, кто-то ругается во весь голос, кто-то примеряет красоты, а иные ходят с брезгливым видом, презрительно поглядывая по сторонам. Так вот он каков, рынок! Открыв рот от изумления, Мычка медленно двинулся меж рядов, вслушиваясь, осматриваясь, принохиваясь.

Взгляд теряется в лабиринте рядов, ноздри щекочут сотни ароматов, а в ушах гудит от шума. Однако, хаос вокруг творится лишь на первый, поверхностный взгляд. Стоит немного обвыкнуться, как отличия возникают, словно по волшебству. Однородный до того, рынок

распадется на части. Вон там лотки полнятся мясом, маслянисто блестят сочные куски плоти, сложенные горкой, мертво таращатся застывшими глазами головы коров и свиней, с деловитым гудением закручиваются вихрики мух.

А оттуда разносится сладкий запах удивительных растений. Крупные, в голову размером, и совсем мелкие, с ноготь, россыпью и по одному, ярко-красные, медово-желтые, синие, как полуденное небо плоды. Тут же торгуют грибами: мохнатые, яркие рыжики и крепкие, ядреные боровики, пятнистые шляпки опят и блеклые кустики грибов-палочников.

Мычка ускорил шаг, стараясь как можно быстрее проскользнуть через рынок, не в силах смотреть на все это вкусное великолепие. Вызывающие обильное слюноотделение и недовольное ворчанье желудка лотки остались позади, сменились столами с одеждой. Рубахи и штаны, платки и сарафаны. Все разных расцветок, форм, и даже материала. Мычка смотрел с изумлением, трогал, принюхивался, не переставая удивляться качеству материала, что мягок, приятен на ощупь, и прозрачен на просвет. Конечно, в лесу от такой рубахи враз останутся клочья, но в городе, где отовсюду не торчат жесткие ветви кустарника, а под ноги не выпрыгивают узловатые щупальца корней, лучше не придумать.

Мимо рядов с кожаными изделиями Мычка прошел, не замедляя шага, все то же, что и в родной деревне, только намного больше, да качество выделки чуток получше, но дальше... Глаза расширились, а рот невольно открылся, когда впереди заблестало металлом. Забыв обо всем, Мычка шел мимо рядов, словно замороженный глядя на выставленные красоты. Мечи и топоры, ножи и дубины. Всевозможных форм и размеров: обоюдоострые и заточенные лишь с одной стороны, идеально прямые и изогнутые. Кистени с тяжелыми шипастыми шарами на цепях, витиеватые кастеты, и еще много невиданного, удивительного настолько, что и не сразу догадаешься как ухватиться.

Рынок остался позади, утих гомон, исчезла тяжелая взвесь запахов, отброшенная налетевшим ветерком, но Мычка продолжал двигаться, как в тумане. Перед глазами, в облаке искристых брызг, плавают оружие, дразнит изящными обводами, манит хищным блеском клинка, далекое и недоступное. Едва не налетев на идущего навстречу мужичка, что опасливо шарахнулся, Мычка встряхнулся, с усилием отбросил мысли.

В десятке шагов впереди улицу пересекает другая, чуть поуже, но дома заметно богаче: брусья стен мощнее, заборы крепче, а во двориках раскинули ветви-руки могучие деревья, что значит место не берегли, строили на широкую руку, оставляя вокруг дома больше земли, со всем, что росло изначально. Местами ветви разлапились настолько, что полностью закрывают крышу и часть верхнего этажа, днем спасая хозяев от полуденной жары, а ночью умиротворяя нежным шепотом листвы.

Вспомнив наставления корчмаря, Мычка двинулся вперед, достигнув улицы, свернул направо. Ноги невольно замедлились, а брови взлетели на лоб. В дальней части улицы высится здание, гораздо больше и массивнее прочих, и на поверх выше! Тут же еще несколько, похожих очертаниями, но поменьше. Вокруг возвышается стена, скрывая от взоров внутренний двор, однако, ворота распахнуты, можно рассмотреть снующих внутри людей.

Мычка закусил губу. Похоже, наместник и впрямь человек непростой. И совершить задуманное будет сложнее, чем представлялось. Мычка нахмурился, упрямо нагнув голову, двинулся к воротам. Терем приблизился, став еще больше и внушительнее, навис деревянной громадой. Три поверха, пять зданий, десятки комнат. Как найти нужную? Куда, а, главное, как пробраться, чтоб взглянуть хотя бы глазком — действительно ли наместник в тайне

обзавелся наложницами, или все не более чем досужие выдумки завистливых горожан?

Через ворота входят и выходят люди, все, как на подбор, плечистые, высокие, в доспехах и при оружии, лица суровы, взгляды тяжелы. Не зашибли б ненароком. Мычка остановился возле врат, потоптавшись, робко вошел, озираясь по сторонам.

— Парень, тебе чего?

Сразу за воротами длинный дом, на крыльце трое воинов. Двое о чем-то негромко переговариваются, третий повернулся вполоборота, смотрит пристально.

Мычка замедленно приблизился, сказал с запинкой:

— Мне бы наместника увидеть.

Теперь уже три пары глаз взглянули с неприкрытым удивлением. Тот, что задал вопрос, ухмыльнулся, сказал с издевкой:

— Да ты что! Вот прям так сразу и наместника? А может еще золотишка в придачу, не желаешь?

Мычка помотал головой, сказал твердо:

— Золото мне ни к чему, мне наместник нужен.

Один из мужчин, рыжий, с тяжелой нижней челюстью и побитым шрамиками лбом, сказал с угрозой:

— Сам за ворота выйдешь, или помочь?

Внутри похолодело, но Мычка лишь прищурился, сказал с насмешкой:

— Да, вроде, выходить не собираюсь. Только пришел, если кому не по глазам.

Мужик побагровел, подался вперед, но стоящий рядом, не то товарищ, не то просто знакомый, высокий, с цепким взглядом водянистых глаз, придержал за плечо, сказал с укоризной:

— Рудый, тебе еще мальчишек по улице гонять! Уймись, стыда не оберешься. — Взглянув на Мычку, произнес холодно: — Парень, иди по добру. Наместник сегодня не принимает.

Рудый оскалится, добавил с насмешкой:

— А бродяг в обносках, вроде тебя, не принимает вообще.

Подчеркнуто не замечая рыжего, Мычка сухо произнес:

— Одежда доступна каждому, достоинство — удел немногих. — Добавил, обращаясь к остальным: — Как я могу поговорить с наместником, если не сейчас, и не в этих... обносках?

Воин, что обратился первым, и с тех пор молчал, оскалится в белоснежной улыбке, воскликнул весело:

— Вот неугомонная душа! Сказали тебе — не будет он говорить, хоть в перья ты нарядись, хоть в рубаху расписную.

Чувствуя, как земля уходит из-под ног, но не желая сдаваться, Мычка спросил в отчаянье:

— Но разве может такое быть? Или... наместник не разговаривает вообще?

Парень гоготнул, бросил со смешком:

— Разговаривает, еще как разговаривает, но не абы с кем. Вот если бы ты был каким купцом, одним из старейшин города, или сотником стражи... ну, пусть даже десятником, иногда он снисходит и до них, тогда пожалуйста. А без того — даже не думай.

Ощувив, как вновь затеплился угасший уголек надежды, Мычка вкрадчиво произнес:

— Чтобы получить звание старейшины, нужно долго прожить на одном месте. У купца

должно быть много денег. Но... что необходимо, чтобы стать десятником?

— Как минимум попасть в сражу, — терпеливо произнес высокий. — Ты узнал все что хотел?

Мычка расплылся в улыбке, сказал с подъемом:

— Благодарю за подробные объяснения... А, как попасть в стражу?

Из-за проема дверей, где уже некоторое время стояли несколько воинов, с интересом прислушиваясь к беседе, донесся смешок. Рудый, что уже успел успокоиться, нехорошо оскалился, сказал обманчиво мягко:

— Хочешь попасть в стражу? Легко! Только сперва небольшая формальность.

— Рудый... — Высокий поморщился.

Тот развел руками, сказал со злой улыбкой:

— Никакого позора. Он сам напросился. — Он перевел взгляд на Мычку, сказал свистящим шепотом: — Конечно, если не боишься.

Мычка расправил плечи, сделал шаг вперед, и хотя от нехорошего предчувствия сжалось сердце, сказал просто:

— Я готов.

— Рудый. — Высокий поморщился, будто хлебнул горечи, сказал укоризненно: — Мальчишка, хоть и повешал на себя оружия, хорошо, если знает с какой стороны за меч браться. Он же тебе на один зуб, даже разогреться толком не успеешь. А тем кто рядом потом рубахи чистить. Ведь не можешь же аккуратно.

Рудый сделал невинное лицо, сказал радостно:

— Я и не полезу. Вон, пусть из парней кто выйдет, все одно глаза лупят попусту.

Высокий покачал головой, не глядя на Мычку, произнес:

— Парень, пока есть возможность, шел бы ты...

Мычка упрямо тряхнул головой, так что волосы взметнулись, взблеснув на солнце, сказал тверже:

— Я готов. В чем заключается испытание?

Высокий вздохнул, махнув рукой, сошел с крыльца, встал неподалеку, подчеркнуто глядя в сторону. Зато рыжий оскалился, впечатав кулак в ладонь, сказал со злой радостью:

— Ну вот и славно. А испытание простое. Против тебя выйдет один из наших. Ты должен остаться на ногах. — Заметив, как лицо Мычки разгладилось, он нехорошо прищурился, добавил без улыбки: — Но это обычная проверка. Ты же у нас случай особый. Оружие, вижу, неплохое, да и вид бывалый. Так что кулачным боем не обойтись.

Мычка понимающе кивнул, повторил с ноткой нетерпения:

— Я готов.

ГЛАВА 11

Рудый бросил одному из вышедших:

— Щербень, выходи, видишь, новичка надо, ха-ха, проверить.

Названный Щербнем плечистый, приземистый парень, с коротким ежиком волос и широкой щербинкой меж передними зубами, вышел из-за спин товарищей, поинтересовался с понимающей улыбкой:

— Проверять быстро, или растянуть удовольствие?

Рудый ухмыльнулся.

— Растяни. Не зря же мы пришлого слушали, время теряли. Да и народу понабежало, глядишь, кому настроение поднимешь.

Народу заметно прибавилось. Из дома появились еще с пяток воинов. Кто-то выглянул из окошка, кто-то просто повернул голову, смотрел с вялым любопытством. Щербень лапнул рукоять, потащил меч из ножен, не отрывая от соперника презрительного взгляда. Шелестуло, тускло сверкнул клинок, крутанулся, с гулом разрубив воздух.

Мычка сбросил заплечный мешок, потянулся к мечам. Не дожидаясь, пока соперник вооружиться, Щербень перекосил рожу, угрожающе качнулся вперед. Мычка не пошевелился, лишь улыбнулся краешком губ. Слишком грубо, чрезмерно напористо. Так не начинают бой, тем более, если времени в избытке, а противник незнаком. Мечи прыгнули в руки, пальцы стиснули рукояти, ощутив успокаивающую потертость кожаных ремней, взгляд ушел с лица соперника, привычно спустившись на уровень груди. Что бы соперник ни сделал, сперва шелохнется корпус, совсем немного, всего чуток, но этого хватит.

Противник ухмыльнулся, рванулся, целя в живот, но на этот раз уже по настоящему. Вспыхнуло пламя клинков, звякнуло коротко и зло. Донесся шепоток удивления, а Щербень оторопело уставился на меч, что вдруг разом оказался в пыли под ногами. Косясь на Мычку, он осторожно поднял меч, встал наизготовку.

Мычка чуть пригнулся, замер в ожидании. Щербень потемнел лицом, в глазах зажглись нехорошие огоньки, не иначе заподозрил — противник не из легких. Шушуканье и разговоры зрителей отдалились, отошли на задний план, окружающее истаяло, подернулось дымкой, остался лишь соперник. Нельзя отвлекаться, пропустить даже малейшее касание. Ведь правил ему так и не сказали, и вполне может случиться, единственная капля крови склонит чашу весов не в его пользу.

Удар. Клинки соприкасаются, высекая россыпь мелких злых искр, разлетаются, чтобы встретиться вновь. Еще удар. Противник стал осторожнее, на рожон не прет. Но это не имеет значения. Один клинок против двух не выстоит, лишь потеряет время. Или он решил взять измором? Пожалуй, пора заканчивать.

Мычка взмахнул руками, двинулся танцующим шагом, так что клинки взвихрились, замелькали, как крылья. Щербень отшатнулся, попятился, с трудом успевая парировать. Удар. Удар. Удар. Один из клинков шаркнул по груди, прочертив в коже доспеха глубокую борозду. Другой ужалил незримо, отчего кожа на предплечье разошлась, набухла красным. Щербень побледнел, в глазах метнулся страх. Отбросив осторожность, он взревел, кинулся занося руку для сильнейшего удара, что сокрушит врага, разрубит, вобьет в землю по ноздри.

Пригнувшись, Мычка бросился вперед и чуть в сторону, нырнул, уходя от удара, чтобы мгновенье спустя появиться сзади, хлестнул обеими руками, метя в незащищенный затылок. Ушей коснулся исторгнутый десятком глоток вздох. Но, за долю мгновенья до удара, руки повернули мечи, одновременно ослабляя силу, и вместо того, чтобы начисто срезать голову, клинки лишь звучно шлепнули соперника по затылку.

Щербень с грохотом завалился на землю, некоторое время пытался встать, но лишь

скреб пальцами пыль, да слепо ворочал глазами, оглушенный и беспомощный. Мычка поднял глаза. Меньшая часть воинов смотрели на поверженного, кто с сожалением, а кто и со злорадством, взгляды же остальных прикипели к гостю. Мычка ощутил на себе десятки шустрых жуков, что деловито обшаривают руки, топчутся по лицу, щекочут лапками кожу, еще не решив, вспорхнуть ли, полетев по своим делам, либо вонзить крючья челюстей.

Отыскав глазами рыжего, Мычка взглянул с вопросом. Рудый стоит на прежнем месте, скрестив руки на груди, на лице безразличие, однако желваки вздулись, а глаза мерцают недобрым огнем. Медленно-медленно воин повернув голову, их взгляды пересеклись. Разум подсказывает, что лучше бы опустить глаза, а то и вовсе повернуться, ведь прямой взгляд везде расценивается, как вызов. Нужно ли показывать силу, обретая врагов прямо с порога? Ведь цель совсем в другом. Лучше остаться незаметным, словно мелкая лесная мышь, так легче достичь цели, не привлекая ненужного внимания. Вот только что-то глубоко внутри не дает отвернуться. Темная и древняя, как мир, сила не желает покориться, вздыбливает шерсть, скалит незримые клыки, не желая признавать превосходство чужака.

Ощувив вызов, Рудый задышал чаще, губа приподнялась, обнажая зубы, плечи раздалились. Однако, высокий воин, что до последнего мгновенья словно бы не обращал внимания на происходящее, громко произнес:

— А парень неплохо владеет оружием! Одеть, обуть, подучить немного... Глядишь, что путнее и получится. Что скажете?

Произнесенные в полной тишине, слова будто сломали некую преграду. Воины заулыбались, слышались шутки, кто-то принялся помогать Щербню, кто-то наоборот, ушел, разочарованный, что веселье закончилось. Его обступили, принялись хлопать по плечам, одобрительно похохатывать. Мычка сперва напрягся, но, не ощутив вражды, расслабился, заулыбался в ответ. Откликаясь на просьбы, охотно показывал оружие, и позволял щупать "невиданные лохмотья", как обозвали местные его рубаху и штаны.

Внезапно шум прекратился, будто у всех вокруг поотнимались языки, лица посерьезнели. Воины начали поспешно расходиться, словно получив неслышимую команду. Мычка сперва не понял что происходит, а когда повернулся, прямо на него, от крыльца самого большого здания двигались трое мужчин.

По краям двое могучих воинов в кожаных, с металлическими бляхами, доспехах с головы до ног, меж ними пожилой мужчина в красивых блестящих одеждах. Воины больше похожи на каменных истуканов, до того недвижимы лица и неспешны движения, но в глазах, скрытый внешним безразличием, таится вызов. Движения пожилого мужчины, напротив, резки и сбивчивы, походка быстра, а в лице напряжение, взгляд устремлен в пространство, будто прямо сейчас решает некую сложную задачу.

Рассматривая незнакомцев, Мычка ненадолго замешкался, а когда собрался с мыслями, ощутил пару тяжелых взглядов. Воины разом положили руки на оружие, сделали шаг вперед. Мычка невольно попятился, настолько велики и могучи. Однако в этот момент пожилой мужчина вынырнул из раздумий.

— В чем дело? — резкий, как карканье ворона, окрик резанул по ушам.

Мычка скосил глаза. Все, кто еще миг назад с интересом обсуждал бой, исчезли, остался лишь он, по-прежнему не пришедший в себя Щербень, подпирающий спиной стену, да высокий воин, что удерживал Рудого. Высокий воин вдруг шагнул вперед, склонив голову, сказал почтительно:

— Все в порядке.

— Это кто? — Пожилой взглянул требовательно. — Что за бродяга?

— Новичок. — Высокий сделал незаметный жест, призывая Мычку отойти. —

Проверяли на пригодность.

Под недружелюбными взглядами стражей Мычка поспешно отскочил, влип в стену рядом с Щербнем. Пожилой покивал, сказал в раздумье:

— Я к Мартыну. Если не вернусь засветло, отправь людей навстречу. Что-то беспокойно стало в городе ночами.

Он вновь ушел в себя, двинулся дальше, судя по отрешенному взгляду, начисто забыв о существовании Мычки. Проводив троицу внимательным взглядом, высокий повернулся к Мычке, сказал:

— Ну все, можешь располагаться. Это казарма, твой будущий дом. Одежку выдадут новую, оружие тоже, свое отдашь на хранение. — Перехватив удивленный взгляд собеседника, сказал с нажимом: — Я понимаю, свой меч дороже девки, но есть определенные правила, так что придется потерпеть. По крайней мере по началу. А там посмотрим.

Мычка внимательно выслушал, кивнул, однако, не в силах противиться зудящему любопытству, спросил:

— А этот, с кем ты говорил... он кто?

Собеседник чуть заметно усмехнулся, сказал:

— А это и есть наместник. — Заметив, как дернулся Мычка, добавил ледяным голосом: — Надеюсь, у тебя хватит ума не бежать следом, чтобы задать вопрос. Те двое не чета Щербню, сморгнуть не успеешь — в землю по уши вколотят.

Мычка поежился. Навыки — навыками, но таких чудовищ никаким мечом не одолеть, разве уронить на голову дерево, или заманить в ловчую яму, присыпать камнями, а потом еще попрыгать сверху для верности. В очередной раз возблагодарив духов удачи, что судьба сразу не вывела на наместника, Мычка двинулся в здание, но, спохватился, поинтересовался:

— Ты что-то говорил об одежде. С кого спрашивать?

Высокий лишь покачал головой, поманив пальцем, двинулся ко входу. С трудом скрывая охватившую радость, Мычка поспешил следом, в дом со звучным названием "казарма". Помещение заставлено лежаками, возле каждого объемистый ларь, со вбитых в стены крюков свисает оружие. В дальнем углу сгрудились воины, что-то негромко обсуждают.

Привлекая внимание, высокий кашлянул. На звук повернулись разом несколько голов. Высокий кивнул, указал взглядом на Мычку и вышел, не говоря ни слова. Один из воинов поднялся, вразвалочку подошел: округлое мятое лицо, заплывшие жиром глазки, на пузе рубаха вздувается холмиком, а ремень на штанах натянулся так, что того и гляди треснет. Окинув Мычку взглядом, воин произнес с зевком:

— И откуда вас таких берут, задохликов? Ладно, посмотрим что есть. Рубаха какая может и отыщется, но штанов по размеру не обещаю, сапог тем более. Пойдем, покажу что тут где. А чтобы время попусту не терять, сказывай, как Щербня одолел. Он, конечно, так себе боец, но и ты, как погляжу, не гигант...

Рухнув на лежак, Мычка ощутил небывалое облегчение. Тело наполнено приятной усталостью, ноги гудят от напряжения, а в голове кружатся образы, сталкиваются, рассыпаются разноцветным крошечком. Перед глазами вспыхивают лица, в ушах звучат голоса, а в пальцах еще не угасло ощущение от новой одежды: шероховатая кожа рубахи,

выпуклые пластинки железных блях, новое и непривычное облачение, а если точнее, доспех.

За один день он узнал больше, чем за предыдущий десяток седмиц. Некоторые вещи оказались похожи на привычный деревенский быт, разве под другими названиями, но многое стало диковинкой. Огромный, обнесенный стеной двор с десятком построек, здоровенные железные замки на дверях, а главное, разное достоинство людей, когда в некоторые места вход открыт всем, в другие лишь некоторым, а в иные может зайти только наместник, да пара приближенных лиц.

Хранилище оружия и доспехов, куда его привел разговорчивый проводник, отгороженный хозяйственной постройкой пятак с деревянными чучелами — место тренировок охраны, источающая ароматы трапезная, да и сам дом наместника — высоченный терем с витиеватыми башенками на крышах, все поражало размерами, вызывая неподдельный интерес и легкий трепет.

Да и сами стражи — подтянутые, крепкие ребята в ладных доспехах, в меру веселые, дружные, как одна большая семья, вызывали восхищение и страстное желание присоединиться, стать одним из них, на равных выполнять работу, будь то вечерний обход или ночное дежурство. Безумно захотелось ощутить успешнее забыться чувство локтя, когда, на пару с товарищем, приступая к опасному делу, знаешь, случись что, он поможет, протянет руку помощи в тяжелый момент, а то и примет на себя удар, спасая от неминуемой гибели.

Как обычно, в моменты задумчивости, рука привычно потянулась к плечу. Не обнаружив оружия, пальцы беспомощно пошевелились, двинулись дальше, пока не наткнулись на ларь. Ощупав препятствие и обнаружив щель, зацепили, потянули наверх, проникли под крышку. Когда рука ушла под крышку по локоть, ладонь коснулась мягкого, поглаживая, прошлась раз, другой. Получив одежду, Мычка не выбросил старую, аккуратно свернув, спрятал в ларь, и теперь, ощупывая свалявшиеся ворсинки шкуры, ощутил умиротворение. В этом новом и пугающем мире поношенные шкуры — единственное, что связывает с прошлым. Хватает одного касания, чтобы успокоиться, почувствовать поддержку затерянной в далеком лесу, но не ставшей менее родной деревни.

Вспомнились родные и близкие. Как там они, все ли в порядке? Ведь последовав указу наставника, он так и не зашел в деревню, и теперь уходит все дальше, погружаясь в пучины неизведанного мира. Будь он сейчас с ними, скажи, где был, что видел, и, главное, кем стал, они бы порадовались. Старшие бы взглянули с уважением, ровесники с завистью, а девушки...

Улыбка сползла с губ, а брови сошлись над переносицей. Будь он один, происходящее показалось бы мечтой наяву: город, достойная работа, новенькие доспехи... Но, он не один, и все достижения меркнут, оборачиваются ступеньками тяжелого пути, где награда не почести и сундуки с монетами, а сдержанное слово и гордость за себя.

Мычка открыл глаза. В казарме темно, лишь в окна пробиваются далекие отблески огней. На лежаках застыли фигуры стражей. Напротив, закрыв голову руками, спит Щербень, чуть дальше полный парень Вишена, сегодняшний проводник, за ними прикорнул приятель Рудого, чье имя он так и не узнал. В будущем эти достойные парни могли бы стать соратниками, а впоследствии и друзьями. Могли бы, но...

Отбросив тяжелые мысли, Мычка поднялся, посидел, вслушиваясь в приглушенное дыханье спящих. Тихо, лишь изредка скрипнет лежак, да всхрапнет один из стражей, но, словно испугавшись произведенного шума, тут же замолчит, перевернется на другой бок. Мягко, стараясь не шуметь, Мычка поднялся, сделал шаг. Новая одежда не разношена,

сковывает движения, к тому же выделанные из толстой кожи элементы доспеха трутся друг о друга, скрипят при ходьбе.

Мгновенно поразмыслив, Мычка вернулся, поспешно разделся, после чего решительно распахнул ларь. Привычная одежда придала сил. Мычка ощутил уверенность, расправил плечи. Мелькнула мысль, что, застань его кто в таком наряде, явно не похвалят, а то еще и доложат десятнику. Но Мычка лишь тряхнул головой, отгоняя ненужные сомнения, крадучись двинулся ко входу.

Дверь распахнулась без звука, мягко затворилась за спиной. Уши наполнились шорохами, а в глазах заплясали многочисленные огоньки: окна домов, факелы стражей, даже тусклый свет звезд после тьмы помещения показался ярким. Мычка втянул голову в плечи, поспешно скользнул вдоль стены, и лишь оказавшись за углом, в густой тени деревьев, вздохнул с облегчением.

Здания и деревья создают нагромождение теней, где легко затеряться, не спеша пройтись по владениям наместника, рассмотреть внимательнее, прикинуть, а то и заглянуть в места, куда не пускают днем. Мычка двинулся вперед, избегая открытых и освещенных мест. Не прошла даром и дневная ознакомительная прогулка. Разговорчивый проводник подробно объяснил где именно стоят дозорные, и теперь Мычка двигался без страха, зная наверняка, где можно пройти не таясь, а какие места лучше обойти стороной, даже если вокруг кромешная тьма. Ведь в черноте ночи стража не разглядеть, а застывшего в неподвижности так и вовсе не услышать. К тому же удача слишком переменчива, чтобы рисковать без нужды, понапрасну растрачивая драгоценное расположение духов.

Мычка принялся, повел головой в сторону темнеющего слева здания, не заинтересовавшись, скользнул дальше. Не узнать трапезную сложно и с закрытыми глазами, даже после наступления темноты запах окружает здание плотной стеной. А это арсенал. Дальше хозяйственные постройки. Мычка крался неслышимой тенью, стелился, проскальзывая открытые места словно уж, заслышав малейший звук, надолго затаивался, а при приближении людей влипал в ближайшую стену, или обхватывал древесный ствол, становясь невидимым для ослабленных светом факелов глаз дозорных.

Дом наместника возвышается черной скалой, гребень крыши вздымается к небесам, так что требуется задрать голову, чтобы узреть верхотуру. Многие окна темны, но в некоторых по-прежнему горит свет, мелькают неясные силуэты, доносятся приглушенные голоса. Что ж, вот и цель прогулки. И хотя вход стерегут стражи, а Вишена строго-настрога запретил даже думать, чтобы зайти в покои наместника, правила придется нарушить.

ГЛАВА 12

Мычка пошел кругом, держась от дома на достаточном расстоянии, чтобы видеть детали, и не попасть под брошенный из окна случайный взгляд. На первом поверхе вряд ли размещается что-то важное, а вот на втором, и, тем более, третьем... Глаза прошлись по

стене, поднялись до крыши, затем опустились, прикипели ко второму поверху, где, выступая над ровной поверхностью бревен, встроен балкон, в дальней части смутно чернеет проем входа. То что нужно. Осталось лишь как-то добраться.

Взгляд прошелся по стене, туда — обратно, остановился на углу, где срезы бревен сходятся, образуя подобие лесенки. Выждав подходящий момент, Мычка метнулся к дому, подбежав, на мгновенье застыл, выжидая, не раздастся ли гневный окрик, полез, быстро перебирая конечностями. Смутно удивившись, как могли не стесать бревна, оставив столь удобный для любого ловкого человека путь, Мычка зацепился за кромку балкона, рывком закинув ногу, повисел, приноравливаясь, затем переместил и остальное. Полежав, пока в ушах успокоиться грохот сердца, он мягко поднялся, держась стены, двинулся к проходу.

Тьма накрыла пеленой, заставив напрочь обоняние и слух. Ступая как можно мягче, чтобы, попадись скрипящая половица, успеть убрать ногу, Мычка двинулся по коридору, для верности касаясь пальцами стен. Ноги ступают в мягкое, ни скрипа, ни шороха, толстый ковер поглощает звуки. Ладонь скользит по стене, вторая выставлена перед собой. Мало ли. Врезаться лбом в невидимый во тьме выступ мало приятного, а уж опрокинуть какую-нибудь металлическую фигуру, или чем тут украшают дом? хуже некуда. Есть еще вероятность наткнуться на стража, от особой исполнительности задремавшего на посту, но об этом лучше не думать. Как лучше не думать и о том, что, не надеясь на людей, наместник может дополнить охрану собаками. А уж этим ни тьма, ни тишина не помеха: учуют, отыщут и разорвут в клочья.

Ведущие в покои двери: одна, другая... Сколько их тут? И все заперты. Внутри мертвая тишина, сколько ни прислушивайся. Если бы кто-то был, пусть и спящий, случайный стон, скрип лежака, негромкий храп выдали бы хозяев. Но ни звука, ни даже запаха. Выбрав одну из дверей, Мычка попытался открыть, навалился всем телом, но не преуспел, как и со следующей, как и с той, что за ней.

Глаза привыкли к тьме, или стало светлее? А вот и разгадка. Впереди коридор резко сворачивает. Что там: бдительный страж, или забытый кем-то факел? Опустившись на корточки, Мычка осторожно выглянул из-за угла. Впереди короткий отрезок, шагов в пять, и вновь поворот. Шаг, другой. И вновь на корточки, чтобы, если за поворотом кто-то есть, не оказаться лицом к лицу, успеть спрятаться.

И вновь никого. Точно такой же коридор, с той лишь разницей, что, воткнутые в подставки, в стенах торчат пару масляных ламп, чадят тусклыми огоньками, выбрасывая больше копоти чем света. Прислушиваясь к слабым отзвуком голосов, Мычка пошел вперед. Дверь, дверь, а вот и лестница. Можно спуститься, а можно и подняться. Гораздо лучше, чем прыгать по стенам с немалым риском быть замеченным, или обвалиться под ноги стражам.

И здесь двери заперты. Не больно-то доверяет наместник своим людям, что даже в собственном доме держит комнаты на запорах. Ан нет! Местные комнаты уже заняты. Слева доносится раскатистый храп, справа кто-то шепчет, не иначе перед сном возносит благодарность духам. Здесь тишина, но через щель несет столь мощным ароматом специй и вина, что понятно без слов — хозяин отдыхает после обильного возлияния.

Негромкий разговор привлек внимание. Мычка остановился возле двери, некоторое время прислушивался, но вскоре потерял интерес, отошел. Размеренная беседа об урожае, ценах на мясо и заботах купцов может и заинтересовала бы в другое время, но не сейчас. Дойдя до конца коридора, и удостоверившись, что искомого нет, Мычка двинулся назад.

Неожиданно одна из дверей впереди скрипнула, начала отворяться. Мычка в панике

обернулся. Спрятаться некуда, коридор пуст. Можно убежать назад, вжаться в стену, и хорошо, если человек пойдет в другую сторону, а если нет? Мысли пронеслись вихрем, в черепе вскипело от напряжения, но тело решило по-своему. Повинуясь наитию, Мычка рванулся вперед, едва касаясь ногами пола, пронесся мимо двери, ушел за поворот. А мгновенье спустя позади хлопнуло, кто-то громко откашлялся, послышались тяжелые шаги, будто по коридору идет некто очень грузный.

Мычка приготовился бежать дальше, но шаги затихли. Похоже, человек шел на другой этаж и воспользовался лестницей. Успокаиваясь, Мычка приложил руку ко лбу, несколько раз глубоко вздохнул. Сердце с грохотом колотится о ребра, рубаха промокла от пота. Поиск дается не легко. Такого напряжения он не испытывал даже выслеживая волчью стаю.

Успокоившись, Мычка вернулся, принялся подниматься. Одна ступенька, вторая. До конца пролета осталось три ступеньки, когда позади кашлянуло. Сердце екнуло, а ноги подогнулись. Чувствуя, как от лица отливает кровь, Мычка повернулся. Сверху, у входа, спиной к лестнице замер страж, подсвеченная лампадой фигура недвижима, лишь чуть заметно поднимаются и опускаются, в такт дыханию, плечи. С трудом двигая пережатыми от ужаса ногами, Мычка сделал шагок назад, затем еще один, каждое мгновенье ожидая жуткого хруста под ступней. Одна ступенька, вторая.

Словно ощутив нечто, страж заволновался, дернул головой, начал поворачиваться. В панике Мычка скакнул, преодолев последние ступеньки одним огромным прыжком, унесся за спасительный угол. Оперевшись о стену, съехал на пол, закрыл глаза. От перенапряжения накатила дурнота. Нет, все-таки насколько проще было в лесу! Живя в суровых условиях, среди диких зверей, он и не знал, что можно пугаться так сильно.

Что ж, значит подняться по лестнице не удастся. Придется как-то по другому. Так, а это еще что? В глубине дома зародились шорохи, перестук шагов, послышались приглушенные голоса. Мычка поспешно вскочил. Двое поднимаются по лестнице, разговаривая в голос. На повороте замешкались. Может, пройдут мимо?

— От этих разговоров уже башка трещит... Кстати, у меня завалилась баклажка — другая, хе-хе, лекарства. Пойдем, угощу. Думаю и тебе лишним не будет.

— Не откажусь. Вот только сверток проверю.

— Да брось! Кто в здравом уме сюда полезет?

— Ясно, что никто. Но, как говорится, лучше перебдеть. Мне служба пока дорога. К тому же Вышата сказал, что кто-то по двору рыскал. Ты иди, я быстро обернусь.

Голоса затихли. Невидимые собеседники разошлись. Шаркая и бормоча, один удалился в глубину коридора, а вот второй... Мычка подскочил, попятился. Поворот, еще один. Шаги следуют по пятам. Свет померк, может тьма задержит не в меру ретивого стража? Нет. Шаги замедлились, но с упорством достойным лучшего применения преследователь продолжал топтать.

Мычка выдвинулся на балкон, принялся отступать, пока не оказался возле комнатухи. Спрятаться, отступить в тень. Может страж не пойдет до конца, ограничившись осмотром балкона? Нет, рисковать нельзя. Мычка упал на руки, протиснувшись под ограждением, повис, вцепившись в край. А спустя мгновенье на балконе появился страж, зайдя в комнату, пошуршал, по всей видимости ощупывая стены. Мычка с облегчением выдохнул, хорош бы он сейчас был, поленись перебраться в свое нынешнее место.

Страж вернулся, не торопясь прошелся взад вперед, остановился, облокотившись на перила, задумчиво вперился в пространство. Мычка стиснул зубы, желая любителю ночного

воздуха скоропостижной и мучительной смерти. Бывало, приходилось висеть, но чтобы настолько неудобно! Медленно но верно пальцы слабеют, начинают разгибаться. Вот потеряли чувствительность мизинцы, почти распрямились безымянные. Еще немного, и приключение закончится самым неприятным образом.

Скрип удаляющихся шагов отдался в ушах сладкой музыкой. Мычка закинул ноги, передвинулся, ощущая спиной спасительную твердь. Уверенности в благополучном исходе дела заметно поубавилось, но отступить сейчас, значит повторить тоже самое в дальнейшем, а как говаривали охотники, собираясь в дальний путь за дичью: нет хуже, чем свернуть на полпути.

Отдохнув, и хорошенько размяв пальцы, Мычка выбрался с балкона, полез выше. По счастью, скат оказался не настолько крут, как казалось снизу и перебраться на крышу сложности не составило. Ухватившись за край, Мычка подтянулся, зашарил взглядом. Вовремя не замеченный страж сведет на нет все усилия, так что, как сказал не в меру ретивый воин этажом ниже — лучше перебдеть.

Никого. Хотя... вполне может статься, что витиеватые башенки вовсе не для красоты, так что стоит быть осторожнее. Мычка подтянулся, мельком порадовавшись, что какой-то светлой голове пришло на ум украсить край ската толстой жердью — отличной опорой для пальцев, пригнувшись, двинулся вдоль края. Двор как на ладони, а если поднять глаза чуть выше, то и половина города. Мычка засмотрелся, не в силах оторвать взгляд от чарующего зрелища.

Зубчатые изломы крыш, лохматые шапки деревьев, дрожащее марево многочисленных огней, подкрашивающее город слабым сиянием, мерцающим и таинственным. С трудом оторвавшись от зрелища, Мычка двинулся вперед, раз за разом свешиваясь с карниза, и внимательно глядя на окна — не мелькнет ли где знакомый лик, не звякнет ли колокольчик голоса. Большая часть окон темна, что внутри — не разглядеть, некоторые лучатся светом, но за мутной пленкой пузыря не разобрать, есть ли кто в комнате, или это всего лишь забытая на столе лампа.

Половина дома позади. Надежда жива по-прежнему, но сомнения одолевают все сильнее. Что если нет никаких наложниц? Ведь люди падки на сомнительные истории, с удовольствием перескажут услышанную карем уха байку, приукрасят, добавят подробностей, воплощая собственные несбыточные мечты. И ничего удивительного, что один из уважаемых людей города занимается важными делами, а не ищет сомнительных утех у согнанных насильно, заточенных в тайном узилище женщин.

Ощущая все большее смятение, Мычка перегнулся вновь, и... Удача! Внизу, совсем рядом оконный проем, подсвеченная лампадой комната словно на ладони: ни ставень, ни пузыря. Все лишние мысли мигом исчезли, Мычка повис, вытянувшись насколько возможно, и обратившись в слух. Тишина. Взгляд шарит по комнате не находя хозяина. Либо человек спрятался специально, либо действительно никого нет. Окно по соседству также распахнуто настежь, судя по вспышкам света ведет в то же помещение.

Мычка подтянулся, пробежав до следующего окна, вновь свесился, вздохнул с облегчением. И тут пусто. Такой шанс нельзя упускать. Сменив положение, так что небо и земля поменялись местами, Мычка качнулся несколько раз, примерился, и разжал пальцы. Подоконник упруго толкнул в ступни, словно не желая принимать незваного гостя, сила падения повлекла назад. С трудом удержавшись от вопля, Мычка взмахнул руками, ухватился за края окошка, рванулся, влетев внутрь, и лишь в последний миг успев выставить руки перед

собой, чтобы мягко перекатиться через голову.

Запоздалый ужас накрыл ледяной волной. Он глубоко и часто задышал, давая зарок: как только отсюда выберется — больше никаких лазаний по крышам! Никогда. Ни за что. Страх еще не успел истаять, как проснулось любопытство. Взгляд забегал по комнате, отмечая мельчайшие детали обстановки: густой ворс ковров, тусклый блеск кубков, ребристые грани окованных металлом сундуков.

Даже на первый взгляд заметно выпирающее отовсюду кичливое богатство, а уж если приглядеться... Попасть бы сюда в другой раз, когда некуда спешить и нечего бояться, провести ладонью по коврам, коснуться массивных кубков, заглянуть в сундуки. Однако, время не терпит, еще предстоит пройти по коридору, осмотрев вверх изнутри. Мычка поднялся, подошел к двери. Пальцы коснулись ручки, нажали.

Перхающий насадный кашель прозвучал громом. Мычка дернулся всем телом, отпрыгнул. С протяжным скрипом дверь принялась отворяться. Вот в стыке прорезалась узкая щель, принялась расти, словно черный зев распаивающейся пасти. Мычка отступил на шаг, затем еще, загнанно заозирался. Дверь отворяется все больше, не торопясь, словно зная — жертве некуда деваться. Вот появилась рука в длинном ярко-красном рукаве. Еще миг, и на пороге возникнет хозяин.

В длиннейшем прыжке Мычка отскочил к кровати, извернувшись в воздухе, влетел под спадающий почти до самых половиц полог. А мгновением позже с протяжным скрипом дверь затворилась, шаркнул засов. Мычка обратился в слух и чуть повернул голову, во все глаза рассматривая видимый участок комнаты. Из-под кровати видны лишь ступни, но, судя по тяжелому дыханию и замедленным, шаркающим шагам ночной гость немолод.

С одной стороны хорошо, незнакомец вряд ли полезет под кровать. Но, с другой... Если молодой сразу упадет в постель, вскоре превратившись в бесчувственное бревно, то сон старика короток и хрупок. Если же не повезет совсем, можно пролежать под кроватью до зари, так и не дождавшись, пока хозяин комнаты изволит улечься.

Мычка некоторое время следил за ногами незнакомца, затем отвернулся, вперил взгляд в нависающий над самым лицом свод кровати, а потом и вовсе закрыл глаза. Мгновенья потянулись медленно, словно густая смола, томительные и бесконечные. Как Мычка и подозревал, старик не спешил укладываться. Сперва он долго копался в сундуке, шелестел и шуршал, затем принялся пересчитывать монеты. Мелодичный звон металлических кружков раздавался так долго, что под конец из всех образов перед внутренним взором остался лишь один, удивительно яркий и выпуклый: омерзительный старикашка, спутанный по рукам и ногам, сидит в ловчей яме, а ему на голову бесконечным ручьем сыплются тяжелые металлические кружки, и каждый следующий увеличивается в размерах, становится больше, толще, тяжелее...

Негромкий стук в дверь прервал затянувшуюся пытку. Звон монет прекратился, раздался недовольный голос хозяина:

— Кому там еще не спится?

Из-за двери донеслось скороговоркой:

— Это Свят, Свят беспокоит.

— Чего потребно?

— Поговорить бы надо. Разбирая списки представленных купцами товаров, обнаружил недоимку. И существенную! Мне зайти?

Хозяин отозвался ворчливо:

— Погоди, сейчас выйду.

Монеты зазвенели вновь, но не по одной, как прежде, а скопом, словно хозяин сгребал обеими руками, бросал в сундук. Хлопнула крышка, зашаркали шаги. Вот она, возможность! Если старик выйдет, да что там, просто повернется спиной, можно успеть... Нет, не так. Успеть нужно! И он успеет.

Мычка подался к самому краю кровати, напружинился. Глаза прикипели к проему окна, где черная пасть ночи успела посветлеть, подернуться бледно-розовым. Шаркнул засов, дверь закрипела. Ну же, сейчас! Или еще не время? Что там, хозяин стоит у двери задумчиво осматривая комнату — все ли прибрал, или успел выдвинуться в коридор, и драгоценные мгновенья утекают впустую? Ну же, еще один звук, один единственный, чтобы понять!

Хлопок отозвался в груди сладким щемом. Краем уха вслушиваясь в приглушенные голоса, Мычка выскользнул из-под кровати, мельком глянув на вход, подскочил к окну, высунулся до половины. Стена уходит в стороны и вниз ровной поверхностью: ни зацепки, ни упора. До угла не достать, слишком далеко, земля еще дальше. Можно бы свеситься на руках, скакнуть, понадеявшись на удачу, но, со стороны приближается тусклый огонек — факел в руке стража, не лучшая мысль.

В коридоре за дверью по-прежнему говорят, но это не надолго. Нужно что-то решать, и решать быстро. Вот только что? Взгляд мельком мазнул по козырьку крыши, ушел в сторону, но тут же вернулся. А вот и выход. Можно бы догадаться и сразу, где вход, там и выход. Да только смущает черная пропасть под ногами, куда придется шагнуть, а скорее — прыгнуть.

Здесь же совсем рядом — рукой подать. Разбежаться и прыгнуть. Но как ухватиться, если карниз выходит вперед, а вовсе не обратно, как не приложиться лбом о выступающую балку? Голоса за дверью затихают. Еще немного и хозяин зайдет. Нужно прыгать, но как? Нужно бы повернуться спиной, тогда не придется мучиться, пальцы ухватятся сами собой, да и голова избежит удара. Только как себя заставить прыгнуть в чернеющую под ногами бездну.

Мычка осторожно развернулся, закинул голову. В груди похолодело, руки дернулись, вцепились в края окна. Он замотал головой, беззвучно замычал. Тело скрутило ужасом, ноги одеревенели, а в животе заныло от безнадежной тоски. Скрип двери прозвучал погребальной песней. Сейчас или никогда! Закусив губу так, что полилась кровь, Мычка разжал пальцы, рванулся, что есть сил.

Тело зависло в пустоте, сердце замерло, а глаза расширились, охватив весь мир целиком: и полное поблекших звезд небо, и желтое марево города, и даже далекую кромку леса. Пальцы ударились в твердое, впились, что есть сил, руки рванули, в безмерной жажде жизни вытаскивая из распахнутой пасти бездны. Мычка ударился спиной, застыл, не мигая глядя в бездонный купол неба. Дыхание выровнялось, сердце замедлило стук. Пора возвращаться в казарму, но прежде предстоит спуститься. Мычка поднялся рывком, двинулся к ближайшему углу.

Спрыгнув на землю, Мычка отбежал к ближайшему дереву, и уже там, в крошечной тьме, вздохнул с облегчением. Страх ушел, однако желанного удовлетворения не наступило. Потратив полночи, едва не поседев от ужаса и не упав лишь чудом два, а то и три раза, он так ничего и не узнал. Вернее, узнал, что в доме наместника, кроме самого наместника и десятка стражей, особо никого нет. Конечно, проверить удалось не все комнаты, но этого и не требовалось. Звуки, запахи, обстановка в тереме сугубо мужские. Будь где-то поблизости женщины, как-то да проявились бы.

Небо неумолимо светлеет. Внизу, близь земли пока темно, но вскоре сумрак рассеется. Уже сейчас чернота поблекла, четче выступили очертания домов. Стоит поторопиться, пока тьма в силе. Мычка пошел напрямую, но впереди показались огоньки обхода. Не долго думая, он свернул, двинулся в окружную.

По правую руку стена: высокая, непрерывная, с небольшими башенками-коморками на местах стыков бревен. В каморках можно отдохнуть, укрыться, если во время дежурства застал дождь. Удобно и приятно. Хотя, если подумать, все эти стены, башни, да и сама охрана лишние. Хватило бы пару стражей на входе, да по одному на этаже. Ну и на крыше, на случай рышущих в ночи сумасшедших вершинников.

Дорогу преградила темная громада здания. Мычка попытался вспомнить, для чего нужна постройка, но не смог. Дом не маленький, в два поверха, засажен деревьями так, что не сразу и найдешь. Узрев у входа стража, он двинулся в обход. Меж домом и стеной пяток шагов, и все те же деревья, чернота такова, что можно не скрываться, идти в полный рост, а то и подпрыгивать, призывно размахивая руками. Никто не увидит.

Задумавшись, Мычка прошел большую часть здания, когда ноздрей коснулся тонкий запах. Коснулся, и тут же исчез, но сердце застучало сильнее, а ноздри расширились, пытаюсь хватить вновь. Мычка отвлекся от мыслей, заозирался, стараясь понять причину волнения.

Когда, бросив бесплотные попытки, он двинулся дальше, запах вновь проявился, на этот раз сильнее. Мычка затаил дыхание. Женщина! Где-то поблизости находится, или только что была женщина. Этот аромат не спутать ни с чем. Очень похоже пахла Зимородок, когда, на привале, засыпала, пригревшись под боком, а он, созерцая бесконечную пляску огня, отправлялся в мир фантазий и грез.

Мычка завертел головой, пытаюсь понять, откуда струится запах. Ни ветерка. Двор огорожен стеной, так что аромат вряд ли принесло снаружи. Взгляд устремился вверх, туда, где, наполовину прикрытые ставнями, чернеют провалы окон. Чернеют ли? Вон, на втором поверхе вспыхнул блик, следом еще один. Дом отнюдь не пуст.

Раскидистый древесный ствол лучше всякой лестницы. Мычка взлетел наверх быстрее, чем напуганный лесной кот, всмотрелся в окна. Тусклый огонек лампы трепыхается слабой искрой. В бледном пламени видна часть стены, стол. Он прищурился, пытаюсь рассмотреть замершие у стола силуэты. В этот момент огонек пыхнул особенно сильно. Мычка с трудом удержался от возгласа. За столом, в немой неподвижности застыли женщины, не то дремлют, не то погружены в размышления. Вот одна шевельнулась,

поднялась. В ответе лампы прорисовалась стройная фигура, длинные, до плеча, волосы, высокая грудь.

В возбуждении Мычка заерзал, быстро спустился с дерева, полез на другое. Соседняя пара окон закрыта, а в следующем, хоть и не видно света, зато отчетливо доносятся приглушенные, вовсе не мужские голоса. Догадка подтвердилась самым неожиданным образом. Спрятанные в дальней части двора, отгороженные от входа постройками, а от города стеной, обсаженные плотной стеной деревьев, в неприметном доме обитают наложницы. Коротают время, в ожидании хозяина, охраняемые бдительными воинами, запертые в четырех стенах, лишённые свободы чуждой волей. Конечно, остаются небольшие сомнения, что это вовсе не наложницы, а нечто совсем, совсем другое, но что-то подсказывает — гуляка из корчмы оказался прав, а дух удачи по-прежнему благоволит, коль скоро подсказал двигаться именно этим, обходным путем.

Усталость как рукой сняло. Надежда вспыхнула с новой силой, возвращая поколебавшуюся уверенность. Двигаясь к казарме, Мычка почти не смотрел вокруг, размышляя, как удобнее и проще осуществить задуманное. Даже когда голова коснулась подушки, он еще долго ворочался, просчитывая возможности, и уснул уже под утро, незадолго до подъема.

Следующий день смешался в разноцветную карусель. Он куда-то шел, что-то делал. Вместе с остальными стражами выслушивал речь десятника, тренировался бить тяжелым, неудобным мечом по соломенным чучелам, стоял с копьем у плеча, в итоге был отпущен под самый вечер. С трудом успев на рынок, Мычка обменял выданные наперед, за следующую седмицу службы, монеты на моток крепкой веревки с небольшим крюком на конце. Торговец, щуплый мужичок с лысиной и плутоватым взглядом, сгреб почти все деньги, клятвенно пообещав, что веревка настолько прочна, что можно, обвязав вокруг, сдвинуть хоть терем наместника. А когда Мычка, обвязав веревку вокруг пояса, и прикрыв сверху рубахой, собрался уходить, придержал за руку, сказал с хитрой улыбкой:

— Не буду спрашивать, для чего тебе потребовалась веревка, да еще с таким острым крюком, но предполагаю, что и это может пригодится.

— Что это? — поинтересовался Мычка, взглянув на тонкий, хитро изогнутый металлический прут.

Понизив голос, и сделав большие глаза, торговец прошептал:

— Это очень, очень нужная и полезная вещь. К примеру, если ты запер сундук или комнату, а потом потерял ключ, можешь помочь себе с помощью этой открывашки.

Мычка пожал плечами, сказал просто:

— Я не собираюсь открывать комнаты, да и сундуков у меня нет.

Торговец истово закивал, так что Мычка испугался, как бы у того не отлетела голова, сказал поспешно:

— Конечно, конечно, я в этом вовсе не сомневаюсь. Но вдруг сундук есть у твоего товарища? Сможешь ему помочь. Да и комнат в округе хватает. А уж насколько неудобные сейчас делают ключи: маленькие, гладкие, того и гляди потеряются. Всего-то пару монет. За дополнительный ключ замочки берут гораздо дороже!

Пожав плечами, Мычка выловил из притороченного к поясу мешочка оставшиеся пару монет, получил "открывашку", и вернулся в казарму. После бессонной ночи и утомительного дня в голове шумело, а ноги подкашивались. Мычка прилег, рассчитывая отдохнуть совсем немного, а когда раскрыл глаза, обнаружил, что уже глубокая ночь.

Прежняя одежда вновь сменила новую. Мычка скользнул к двери, однако у самого выхода едва не столкнулся с Щербнем, что, озирая мутным взглядом окрестности, забрел в помещение, почесываясь, и подтягивая штаны. Отшатнувшись в тень, Мычка пропустил стража, не дожидаясь, пока затихнет скрип лежака, выскочил, на ходу успев порадоваться, что, в отличие от остальных зданий двора, казарму не догадались охранять. Само собой, страж бы не обратил внимание на короткую отлучку, всем рано или поздно приспичивает до ветра, но вот долгое отсутствие пришлось бы как-то объяснять.

Массив арсенала, хозяйственные пристройки, дом наместника... А вот и нужное здание. Осмотревшись, не забрел ли случаем в укромное место особо бдительный страж, Мычка подошел к углу, рассчитывая подняться так же, как прошлой ночью к наместнику. Однако, концы бревен оказались ровно срезаны: ни упора для пальцев, ни опоры для ног. Мычка пожал плечами. Если неведомый строитель подобным образом собирался обезопасить жильцов, стоило ли оставлять вокруг такие заросли?

Выбрав наиболее удобное дерево, Мычка взобрался до второго поверха, на мгновение ощутив себя ребенком, когда с приятелями на спор лазали на самый верх — кто быстрее. Проемы окон близки, но все же не настолько, чтобы вот так, запросто, одним шагом очутиться в комнате. Однако, дерево высоко, часть ветвей заходят на крышу. Что лишь упрощает задачу. Прыгнуть наобум, с риском перебудить грохотом весь дом, или неспешно спуститься, осмотревшись и не делая резких движений? Выбор очевиден.

Закрепив крюк за конек, Мычка спустился по веревке вниз головой, удерживаясь лишь ногами и всеми силами гоня шаловливую мысль — что произойдет, если крюк не выдержит. Первые пару окон оказались заперты, ставни не поддались пальцам, а рисковать — выламывать Мычка не стал. Следующие два окна слабо сияли, и Мычка не решился даже заглядывать: ослепленный светом, глаз не разберет деталей, зато обитатели комнаты смогут рассмотреть незваного гостя во всех подробностях. А вот дальше...

Пара окон черны, словно пустые глазницы черепа, ставни призывно распахнуты, изнутри не доносится ни звука. Перебравшись по крыше к нужному месту, Мычка спустился в уже привычной манере, по паучьи, некоторое время с напряжением всматривался, пока в глазах не поплыло, наконец, решившись, перевернулся, вдвинулся в окно, придерживаясь одной рукой за боковину, другой отвязал от себя веревку, положил тут же, на подоконник.

Нога ступила на пол, сразу утонула в ковре. Мычка сделал шаг, другой, замер, ожидая, пока глаза привыкнут. Внутри еще темнее чем снаружи, как бы не пришлось искать на ощупь. Воздух полнится ароматами женских тел. Если снаружи это ощущалось едва-едва, то здесь запах кружит голову, будоражит плоть, отчего сердце стучит сильнее, а перед внутренним взором мелькают вовсе неуместные образы.

Глаза привыкли, тьма разошлась. Просторная комната: на стенах ковры, по углам тумбы с множеством баночек и ящичков. Стол, стулья, и, главное, четыре кровати, каждая в своем углу, и на каждой кровати человек! Глаза расширились, а ноздри шевельнулись. Боясь издать хоть малейший звук, Мычка подошел к ближайшей кровати, взглянул.

На постели, разметавшись во сне, лежит девушка, голова запрокинута, рот полуоткрыт, грудь едва заметно приподнимается в такт дыханию, полупрозрачная простыня не скрывает роскошных форм. Уже понятно, что не Зимородок. Но все же нужно набраться сил, взглянуть для полной уверенности в лицо. Медленно, словно тяжеленный камень, Мычка оторвал глаза от девушки. Во рту пересохло, ноги враз стали деревянными, и как будто пустили корни, отчего каждый шаг дается величайшим трудом.

Шаг, еще один. Вот и другая. И еще краше предыдущей. Даже сумрак не в силах скрыть совершенство форм. Тонкая талия, тяжелые чаши груди, белая, как свежий снег, кожа. Челюсти свело, начали трястись руки. Рубаха прилипла к спине, а по виску скользнула капля. И ведь это всего лишь вторая! Сколько их у наместника: десяток, два, или полсотни, о чем говорят в тавернах? И придется обойти всех, посмотрев каждой в... лицо? Да он не выдержит!

В мыслях он уже покидает комнату, заходит в следующую, мельком осмотревшись, идет дальше. Только отчего-то кровать все ближе. Видимо, в этом углу тень наиболее густа. Чтобы после не возвращаться, требуется взглянуть ближе, убедиться, что девушка не знакома, не похожа на Зимородок лицом, талией, грудью...

— Кто ты?

Вопрос прозвучал мягко, но Мычка ощутил, как внутри разом заледенело. Девушка, что мгновенье назад крепко спала, сейчас внимательно смотрит, брови вопросительно изогнуты, глаза таинственно блестят.

— Я... — голос прозвучал хриплый и сухой. — Страж.

Брови девушки взлетели еще выше, донеслось чуть слышное:

— Что ты делаешь здесь?

Голова раскалилась от нахлынувших мыслей и чувств. Что делать? Бежать? Но он еще не нашел Зимородок. Да и куда убежишь, ведь стоит девушке крикнуть, слетится стража со всего двора. Успокоить, объяснить, что он не хочет ничего дурного, а всего лишь ищет спутницу? Да кто поверит. Если только заткнуть рот, связать, используя так кстати захваченную с собой веревку. Вот только времени не хватит, ему нужно сделать многое, а ей — лишь крикнуть.

Так и не решив, что делать, Мычка произнес сдавленно:

— Я пришел за подругой, она где-то здесь, в доме. Ни тебе, ни кому еще не сделаю зла.

Брови девушки вернулись на место, зато губы разошлись в стороны. Она выдохнула:

— Прийти в дом к наместнику за подругой... Как интересно.

Чувствуя, что девушка не верит, но, не зная, как убедить, Мычка прошептал с чувством:

— Но это правда! Я сейчас уйду, и мы больше никогда не встретимся. Пожалуйста, не мешай.

Девушка выгнулась, так что грудь разом увеличилась в размерах, сказала томно:

— А ты приятный. И пахнет от тебя как-то по-особому, совсем не как от этих отвратительных мужланов. И, раз уж ты меня разбудил, иди сюда.

Мычка ощутил головокружение, сказал, с усилием проталкивая слова:

— Наверное, я все же пойду. Время не много, да и не хотелось бы разбудить остальных.

— А мы не будем шуметь, — промурлыкала незнакомка. — Ведь тебе не трудно сделать такую малость. Иди сюда. А не захочешь, мне стоит только закричать. Но ведь ты захочешь?

От неловкого движения рукой покрывало сползло, обнажив безукоризненную фигуру, ко всему прочему девушка чуть повернулась, отчего бедра раздвинулись, бесстыдно открывая взору сокровенное. Разум еще пытается противиться, но руки уже деловито стаскивают рубаху, затем штаны. Набедренная повязка упала последней.

— Иди же ко мне, ты такой сильный, такой... ах.

Жаркий шепот сменился слабым стоном, когда он занял надлежащее место. Девушка вздрогнула всем телом, подалась навстречу, отчего последние мысли унесло, как пожелтевшие листья под осенним ветром. Внизу живота запыхало, а в груди заворочалось

нечто древнее, могучее, подняло голову, расправило плечи, приступив к главному, что рано или поздно совершает каждый.

Снизу трепещет жаркое, извивается, шепчет бессвязное, ногти впиваются в спину, удерживая, вжимая все сильнее. В черепе уже не стучит — грохочет камнепад, мир вокруг истаял, остались лишь широко раскрытые, черные, как ночь, глаза, где трепещет пламя желаний, тело движется все быстрее, бьется в пламени страсти, наращивая темп. Сильнее, еще сильнее, еще! Мир содрогается, раскаты грома сотрясают мир, а слепящие молнии пронзают пространство.

Всполохи померкли, грохот утих, лишь подрагивают пальцы, да легкими толчками отдается биение в груди случайной подруги. Не хочется никуда идти и ничего делать. Вот так бы и лежать, во мраке и тишине, с приятной слабостью в мышцах и чарующим девичьим телом, доверчиво прижавшимся к боку. Однако надо идти, где-то там, за стенами, ждет Зимородок.

Пересилив себя, Мычка поднялся, принялся поспешно одеваться, каждое мгновение ожидая злых окриков и ударов в дверь, ведь их шумные откровения наверняка слышал весь дом! Однако тишина по-прежнему нерушима, не скрипят половицы, прогибаясь под весом тяжелых стражей, не кричат разбуженные девицы. Закончив, Мычка повернулся к девушке, воздел руку в прощальном жесте.

Та счастливо вздохнула, поманила пальцем. Мычка помедлил, оглянулся на окошко, где уже зарделась заря, но подошел, подставил ухо, готовый выслушать несвязный лепет счастья. — Как зовут твою подругу?

Голос девушки прозвучал на удивление собранно. Мычка взглянул с изумленьем, но задавать вопросов не стал, сказал просто:

— Зимородок.

Нежные пальчики прошли по щеке, взъерошили волосы, коснулись кончика уха. Приблизившись настолько, что губы коснулись уха, девушка произнесла:

— Третья комната направо по коридору, ближайшая слева кровать.

Мычка отстранился, ошарашенный нежданной помощью, но девушка уже отвернулась и слова благодарности так и не сорвались с языка. Движимый наитием, Мычка наклонился, взял девушку за плечи, мягко, но решительно развернул. Долгий поцелуй отозвался в теле щемящей тоской. Девушка вздрогнула, обхватила руками, прижала изо всех сил. Наконец руки опали. Мычка отстранился, двинулся к двери, ощущая в груди странную смесь радости и тихой грусти, подобною той, что оставляют воспоминания о чем-то очень приятном, но ушедшем навсегда.

ГЛАВА 14

За плечо грубо схватили, принялись теребить. Зимородок поморщилась, недовольно отмахнулась, однако тряска лишь усилилась. Она уже собралась разразиться недовольной

тирадой, когда, открыв глаза, ойкнула, вновь поспешно закрыла. Нависающий темный силуэт показался жутким чудовищем. Пальцы похолодели, грудь раздалась, набирая воздух для крика, но на рот предостерегающе легла чья-то ладонь, а в ухо прошептали:

— Пикнешь — останешься тут навсегда.

Чтобы окончательно развеять сомнения, Мычка приблизил лицо, откинул волосы. Убедившись, что подруга узнала, с удовлетворением кивнул, поманил пальцем.

Не веря себе, Зимородок потрясенно прошептала:

— Это ты! Но, откуда?

— Некогда. Быстро собирайся и уходим, пока не подросла стража. Где твои вещи?

Растерявшись от подобного напора, Зимородок указала куда-то в глубь комнаты. Однако, Мычка никуда не пошел, пошарив на тумбе, протянул ворох одежды. Натягивая неудобное, и, судя по расположению застежек, чужое платье, Зимородок прошептала:

— Как ты меня нашел? Эти свиньи, что меня увели, сказали будто ты погиб.

Поглядывая по сторонам, и напряженно вслушиваясь, Мычка отмахнулся.

— Погиб, да не совсем. Готова?

Мучаясь с последней застежкой, что упорно выскальзывала из пальцев, Зимородок нахмурилась, прошептала капризно:

— А с чего ты взял, что я вообще куда-то пойду? Кормят здесь неплохо, спать мягко, и никаких тебе комаров.

Не ожидав подобного поворота, Мычка оторопел, спросил ошарашено:

— То есть как с чего? Разве оттого, что на стенах ковры, а пища мягка и вкусна, клетка перестает быть клеткой?

Зимородок поморщилась, прошептала капризно:

— Не перестает. Вопрос в другом — стоит ли твоя хваленая свобода таких мучений.

Изумление истаяло, в груди заворочался темный зверь. Вместо того, чтобы молча помогать, девчонка решила выяснить отношения. И где, в покоях дома наложниц, в личных владениях сильнейшего из людей города, лишь по одному слову которого набежит отряд охраны и поднимет нарушителя спокойствия на копьё!

Раздувая ноздри, и перекосив лицо, он приблизил голову, так что их глаза встретились, прошипел зло:

— Ты вообще представляешь, где я был и что делал, чтобы тебя найти? — Заметив, как девушка отшатнулась, он помолчал, добавил спокойнее: — Времени на споры нет. Если согласна — идем, если нет — я уйду один, но больше мы не увидимся. Никогда.

Зимородок втянула голову в плечи, ощутив нутром, что лучше не прекословить. Таким ее спутник бывал крайне редко, и по очень серьезным поводам. Поднявшись с кровати, и опустив глаза, она прошептала покорно:

— Пойдем.

Когда Мычка подвел ее к одной из комнат девушек, Зимородок попыталась выразить удивление, но спутник лишь отмахнулся, приложив палец к губам нетерпеливо вошел. Она вдвинулась следом, обеспокоено поглядывая на кровати — все ли спят? В груди захолонуло, когда с одной из кроватей она перехватила внимательный оценивающий взгляд, но Мычка едва не силой протащил к окну, и когда она взглянула снова, увидела лишь мирно спящую девушку.

Мычка сунул в руки веревку, указал вниз. Не понимая, что хочет спутник, Зимородок оторопело уставилась сперва на веревку, затем взглянула в черный провал за окном,

прошептала в замешательстве:

— Не проще спуститься по лестнице?

Мычка дважды обмотал веревку вокруг талии спутницы, пару раз дернул, убеждаясь, что крюк по-прежнему держит, и резким движением вытолкнул девушку из окна. Зимородок охнула, невольно вцепилась в веревку. Однако, вопреки ожиданиям, она не рухнула вниз, а съехала плавно и с достоинством. Земля мягко толкнула в ноги, паника ушла, сменилась уверенностью. Преисполнившись гордости, Зимородок задрала голову, ожидая, когда Мычка появится следом, но заметила лишь мелькнувшую тень, а спустя мгновение веревка упала к ногам.

Зимородок непонимающе взглянула на веревку, когда над ухом раздалось негромкое:

— Потеряла что?

Она подпрыгнула, развернулась ужом. Мычка стоит рядом, почти невидимый, черный и страшный. Скорее ощутив, чем узрев вопрошающий взгляд, Зимородок прошептала зло:

— Ты меня совсем решил доконать? Разбудил посреди ночи, в окно выпихнул, веревкой едва не пришиб... Теперь вот сзади подкрался, напугал, едва не до смерти.

Мычка подобрал веревку, шагнул в сторону и... исчез. Послышался шорох, ветка над головой слабо дрогнула, щеки коснулся упавший лист. Так же внезапно, как исчез, Мычка вернулся, торопливо произнес:

— Скорее всего меня никто не видел, твой побег тоже пока не заметили. Будем надеяться, что не заметят до утра. Однако, не стоит злоупотреблять терпением судьбы, оно не бесконечно. По этому поторопимся.

Он взял ее за руку, повел сквозь черноту, обходя невидимые препятствия. Остановившись, Зимородок вытянула руку. Пальцы наткнулись на преграду, ощупали шероховатую поверхность.

— Где мы?

Пропустив вопрос мимо ушей, Мычка произнес с нажимом:

— Слушай внимательно. Мы возле внешней стены. Сейчас ты заберешься мне на плечи, встанешь во весь рост. Стена не высока, так что останется лишь зацепиться за кромку и подтянуться. Над головой веревка. Спустишься с ее помощью, чтобы не привлекать внимание шумом прыжка. Когда окажешься на той стороне, забери веревку, отойди от стены и жди в укромном месте.

— А ты? — голос Зимородок дрогнул в испуге.

— Я приду чуть позже. Нужно забрать свое и оставить чужое.

Зимородок задышала чаще, прошептала в волнении:

— А если меня опять украдут?

Терпеливо и мягко, словно маленькому ребенку, Мычка объяснил:

— Отыщи укромное место, не шуми и не откликайся на голос. Я найду тебя сам. И не забудь веревку, поняла?

Зимородок поколебалась, раздумывая, что бы еще спросить, только бы оттянуть жуткий момент, но Мычка словно догадался, повелительно произнес:

— Все, разговоры после. Ползла!

Тяжело вздохнув, Зимородок ухватила за плечи спутника, подергала, проверяя на прочность — выдержат ли? принялась карабкаться. Мычка чуть присел, дождавшись, когда девушка выпрямится, распрямил ноги. Некоторое время сверху доносилось пыхтение, сыпались мелкие щепочки, затем все затихло. Уловив донесшийся с противоположной

стороны мягкий шлепок ног о землю, Мычка отвязал веревку, несильно дернул. Миг, другой, и веревка выскользнула из рук, с тихим шорохом исчезла за кромкой стены.

Подождав еще немного, и не услышав воплей о помощи или криков тревоги, Мычка двинулся назад. Идти не хотелось. Можно покинуть негостеприимный дом прямо сейчас. Стена рядом. Всего несколько шагов, хороший прыжок, и вот они с Зимородок уже уходят, забыв о пережитых за последние дни неприятностях. По-хорошему так бы и поступить, не искушать судьбу понапрасну. Но в стенах арсенала осталось подаренное наставником оружие. В сравнении с достигнутым — не велика потеря, но что-то внутри противится, не позволяет уйти, бросить служившие верой и правдой мечи. Да и память о наставнике, пусть и воплощенная в металле, значит многое.

Окунувшись во тьму казармы, Мычка осмотрелся, удостоверившись, что за прошедшее время никто не вскочил, и даже не пошевелился, чтобы отыскать потерявшегося новичка, прошел к лежаку. Крышка ларя подалась без скрипа. Несколько быстрых движений, и заплочный мешок оказались снаружи, а новая одежда аккуратно сложена внутри.

Подходя к арсеналу, Мычка замедлил шаг, смутно припоминая, что склад с оружием должны охранять. Однако, возле входа пусто. Страж отошел до ветру, или, может, он что-то не так понял из рассказов проводника? В любом случае, стоит поторопиться. Несколько быстрых шагов, и в однотонной поверхности стены протаяли очертания двери. Пальцы нащупали ручку, обхватили. Мычка потянул на себя, ощутив сопротивление, рванул сильнее. Дверь чуть подалась, слабо звякнуло.

Он зашарил по двери, наткнувшись на скобы, ощупал, и едва не застонал от бессилья. Замок! Выпуклые пластины защищают механизм, мощная дуга, соединяя петли скоб, концом уходит вглубь — не сбить и топором! Скобы толстенные, засажены в дерево до упора — не вырвать. Память услужливо нарисовала картину здания во всех подробностях: крыша без чердака, оконца слишком узки, запертая дверь единственный вход.

Неужели придется уйти так, бросить перевязь, без которой плечам непривычно легко, ставшие родными мечи, лук, с чьей помощью так легко набить дичь на пропитание. Всего лишь ряд нетолстых бревен отделяет от столь нужных и дорогих вещей, но препятствие не преодолеть. В груди заныло, а зубы скрипнули от бессилья. Нужно уходить. Как бы не было больно, но в этот раз потеря неминуема.

Мычка двинулся к стене. В бок уперлось острое, кольнуло раз, другой. Когда кольнуло в третий, Мычка поморщился, провел по мешку ладонью. Кожу царапнуло острое. Из мешка, пропоров ткань, высунулся изогнутый железный прутик. Перед глазами всплыло лицо торговца, а в ушах прозвучали слова — "если ты запер сундук, или комнату, а потом потерял ключ...". Комната! Вернее, целый арсенал, и запертый вовсе не им, но, судя по хитрому взгляду торговца, имелось в виду нечто подобное. И как он догадался?

Выдернув открывашку из мешка, Мычка вернулся, воткнув в замочную скважину, принялся ковырять. Сперва получалось плохо, прутик то застревал то проворачивался, не производя видимых изменений. Попытка за попыткой, терпеливо, раз за разом, Мычка продолжал двигать прутиком, цепляя и проворачивая невидимый глазу хитроумный механизм.

Щелчок. Замок провис, бессильно распахнув пасть. Сердце забило радостно и сильно. Он все же смог! Пусть и не без помощи духов удачи, но смог. Вытащив замок, и отворив дверь, Мычка вошел, остановился у входа. В арсенале чернота, лишь на потолке, проникая через отверстия окошечек, лежат слабые пятна света, отчего внизу становится лишь темнее.

Закрыв глаза, чтобы не отвлекаться, пытаясь высмотреть путь во мраке, Мычка вызвал в памяти картину внутреннего убранства помещения, двинулся вперед.

Несколько шагов вперед, затем повернуть, обходя ящик с оружием, пройти три шага. Где-то здесь, у стены, свалены в кучу мешки. Вот и они. Еще немного, ощупывая путь руками, чтобы случайно не выбить глаз о свисающие со стен клинки. А вот и ларь, куда убрали оружие. Приподнять крышку, осторожно прислонить. Звяканье металла вряд ли услышат снаружи, но лучше не шуметь.

Руки принялись ощупывать, перебирать, отыскивая знакомые формы. Вот лезвие топора, а это рукоять, судя по весу, небольшого ножа. Ткань, кожа, еще ткань. Похоже, за прошедший день сверху успели набросать множество всего, и теперь придется это вытаскивать, складывать рядом. Захватывая сразу по несколько вещей, Мычка переносил собранное через край, мягко опускал возле. Один раз, другой.

А вот и перевязь! Пальцы пробежались по ремешкам, узнавая, дотронулись до рукоятей. Все на месте. Набросив перевязь, Мычка ощутил, как возвращается уверенность, принялся искать истовее. Вскоре обнаружился колчан, а за ним и лук. Сложнее всего оказалось найти плащ. Размер во тьме не угадать, цвета не видно, а чтобы нанести специальные метки в свое время не возникло даже мысли.

Сложив вынутые вещи обратно, Мычка закрыл ларь, зашагал назад, ощущая небывалый подъем. Возле выхода как будто посветлело, но Мычка не обратил внимания, распахнул дверь. Слепящий свет ударил по глазам, заставил зажмуриться. Мычка вскинул ладонь, защищаясь от безжалостных лучей, застыл, ослепленный.

— Крысеныш полез воровать, да попал в мышеловку! Значит я все же не ошибся.

Знакомый голос, где-то он уже слышал эти интонации, причем совсем недавно. Ладонь перед глазами скрывает лицо и большую часть тела, оставляя в виду лишь сапоги. Но, не стоит удовлетворять любопытство, открывать глаза свету, по крайней мере пока. Собравшись с мыслями, Мычка отстраненно произнес:

— Что ты хочешь?

— Чего я хочу? — собеседник хмыкнул. — Каков наглец! Все же надо было тебя убить тогда, на воротах. Зря доверил дело Щербню, не вышел сам.

Насмешливый голос с прорывающимися нотками ярости. Рудый. Значит рыжий воин не забыл обиды, следил, отыскивая повод чтобы поквитаться. А быть может наткнулся случайно. Но это не важно. В любом случае, договориться вряд ли удастся. Нужно что-то придумать, и придумать быстро. Время работает против. Разговор на повышенных тонах вскоре привлечет внимание, а если нет, Рудому стоит лишь крикнуть, и тогда не уйти. Что делать, что?!

И хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия, Мычка произнес как можно прохладнее:

— Вышел бы сам, разделил бы судьбу Щербня.

Собеседник всхрапнул, сказал низким от ярости голосом:

— Щенок показывает зубки. Что ж, сперва я хотел всего лишь обозначить происшествие. Чтобы тебя, предварительно хорошенько исхлестав розгами, выбросили на улицу. Но, похоже, наука впрок не пойдет. Так что я тебя просто убью, как шелудивого пса.

Мычка опустил руку, но глаза так и не открыл, пробивающегося сквозь веки света достаточно чтобы совершить задуманное. Только бы не промахнуться. Хорошо, что враг — человек, будь на его месте вершинник, не открыл бы и рта, не позволяя сориентироваться на

звук. Люди недооценивают слух, тем лучше. Иначе шансов бы не было.

Рывок вперед, с места, не открывая глаз. Противник инстинктивно отшатнется, оставив руку с факелом на прежнем месте. Должен отшатнуться, обязан! Иначе все зря. Негромкий вздох невольно вырывается из глотки врага, указывая новое местоположение и, одновременно, убеждая — все так, как нужно. Рука выстреливает вперед, загребая к себе, предплечье второй выходит следом. Предплечья сталкиваются, зажимая меж собой факел, пламя опалает брови, обжигает кожу на лице, но это уже не важно.

Зажав руками факел, Мычка продолжил движение, полетел лицом в землю, и Рудый не удержал, выпустил древко. Ударившись руками, и мягко перекатившись через голову, Мычка подскочил, метнул факел, вложив в движение всю силу, и лишь после открыл глаза. Ухватив краем взгляда уносящуюся искру, пригнулся, побежал стелющимся шагом в гущу деревьев.

По ушам резанул крик. Рудый оправился от неожиданности, зарычал, призывая помощь. И соратники откликнулись. В разных концах двора послышались вскрики, застучали, приближаясь, шаги, зазвенело оружие. Осознав, что несется напрямик к месту, где двор покинула Зимородок, Мычка резко свернул, добежав до стены, подпрыгнул, но, не рассчитав, не сумел погасить скорость, ударился с шумом. В ребрах кольнуло, перед глазами поплыли цветные пятна, но мышцы рук сократились, вытянули наверх, а затем и перебросили на противоположную сторону.

Земля с силой ударила в подошвы, не удержавшись на ногах, Мычка завалился, но тут же вскочил, побежал, раз за разом оглядываясь, не мерцают ли позади огни, не прыгают ли через стену разъяренные стражи. Ощувив на плечах натяжение ремней, Мычка охнул, вздернул руки, нащупав оружие, с облегчением опустил. Все на месте: мечи, лук. Не рассыпались даже стрелы.

Подходя к месту, где перебросил подругу через стену, Мычка замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Вокруг пусто, хищным оскалом топорщится забор, навалены кучи мусора, пахнет гниением и нечистотами. Чернота всепоглощающая, только в одном месте светлеет одинокое пятно. Мычка взгляделся пристальнее, и лишь покачал головой. Пятно на удивление напоминает человеческую фигуру в женском одеянии, словно некая девушка, волей случая, забралась неведомо куда, и теперь стоит в сомненьях, не зная как выбраться.

Заметив движение, Зимородок вздрогнула, но, узнав, с облегчением вздохнула, раскину в руки, порывисто подалась вперед. Однако Мычка лишь сказал строго:

— Вроде бы я сказал тебе спрятаться.

Зимородок выпятила губу, сказала с упреком:

— Я пыталась, но тут повсюду грязь. Платье бы запачкалось. Посмотри, как оно блестит, даже ночью! Правда, здорово.

Мычка набрал воздуха для жесткой отповеди, но лишь махнул рукой, сказал устало:

— Пойдем, нам нужно поспешить, выйти из города. А платье покажешь, когда взойдет солнце. Все равно во тьме толком ничего не видать.

Взявшись за руки, они двинулись в лабиринт лазов и переулков, стремясь поскорее покинуть столь многолюдный, удивительный, и, вместе с тем, негостеприимный город.

Пока шли от города, стремясь уйти как можно дальше, небо посветлело настолько, что проявились малейшие камешки на дороге. Когда же последние домишки скрылись из глаз, свернули в одну из рожиц, выбрав самую, как показалось, непролазную. В свете наступающего дня костер казался излишеством, но где, как ни у пламени, отдохнуть, переживая волнения минувшего дня? И теперь оба сидели рядышком, неотрывно глядя в изменчивые языки огня.

Мычка подкинул в костер дров, пошевелил, глядя на брызнувшие во все стороны сердитые искры, сказал задумчиво:

— Я провел в городе совсем немного, но успел соскучиться по всему этому, — он повел взглядом вокруг, — словно не был в лесу добрую половину цикла.

Зимородок отозвалась чуть слышно:

— А я даже и не знаю. С одной стороны, меня привели силой, но с другой, там столько всего необычного и прекрасного!

— Прекрасные застенки? — Мычка взглянул с любопытством.

Зимородок вздохнула, ответила с грустью:

— То, что неприемлемо для мужчины, женщина воспринимает совсем, совсем по-другому.

— Что же там хорошего? — Мычка в изумлении вздернул бровь. — Мягкие ковры да вкусная пища?

Зимородок поморщилась, сказала с неудовольствием:

— Не нужно все сводить к одним лишь удобствам! — Помолчав, произнесла мечтательно: — Большой город, много интересных людей, увлекательных занятий. Со мной на этаже жили прекрасные, умные девушки, мы могли говорить бесконечно. А одежда, какая там одежда. Чего стоят одни лишь ткани: мягкие, полупрозрачные, почти невесомые! А украшения. У меня в жизни не было ничего подобного. А там — целые шкапулки. Бери, что хочешь, носи на здоровье.

Мычка покачал головой, сказал скептически:

— Даже забитая под завязку драгоценностями, клетка остается клеткой.

Зимородок дернула плечом, сказала с досадой:

— У вас в деревне девушки разве не создают семью?

Удивленный очевидностью ответа, Мычка пожал плечами.

— Создают. Но при чем тут...

Зимородок перебила, продолжила сердито:

— Не готовят пищу, не нянчат детей, не убирают дом?

Не понимая, к чему клонит подруга, Мычка ответил честно:

— Все так. И готовят, и нянчат, и убирают, и много чего еще.

Зимородок сверкнула глазами, сказала недобро:

— А ты не думал, что для женщины семья — та же клетка? С той лишь разницей, что с драгоценностями не густо, а вот работы хоть отбавляй.

Мычка несколько мгновений внимательно смотрел на спутницу, пытаясь понять, шутит ли она, однако, убедившись, что девушка более чем серьезна, сказал потрясенно:

— Но ведь это совсем, совсем разные вещи. У нас в деревне девушка выходит за кого хочет, по взаимному согласию и ко всеобщей радости. А у тебя... у вас, тех кто делил с тобой темницу... Ведь вас всех стащили насильно, не спрашивая, заставили служить единовластному хозяину. Как животных, как вещи!

Зимородок поморщилась, сказала с неудовольствием:

— Ну, положим, не всех, кое-кто этого долго и упорно добивался. Да и насчет вещей ты, скажем прямо, погорячился. Вполне себе человеческое отношение. Да, согласна, не без ограничений. Когда захочешь не выйдешь, куда попало не пойдешь. Но в целом положение более чем достойное. Обязанностей меньше, удобств больше.

Мычка смотрел очумело, будто из чащи вдруг вышло невиданное чудо, присело у костра, и сидит себе, рассказывает. Сглотнув, он выдавил с натужной улыбкой:

— Надеюсь, это все же шутка.

Зимородок вздохнула, сказала с горечью, какой он раньше никогда не замечал:

— Возможно, в вашей деревне все именно так, но в других местах все совсем по-другому, и, поверь, не в лучшую сторону.

Мычка молчал так долго, что Зимородок погрузилась в мысли, решив, что спутнику надоела беседа, наконец шевельнулся, сказал вымученно:

— Получается, все что я сделал, оказалось никому не нужной тратой времени и сил, и лучше было оставить, как есть?

Под пронзающим взглядом вершинника Зимородок потупилась, сказала чуть слышно:

— Нет, конечно же нет. Просто... там так красиво и хорошо. У меня в деревне не было и сотой доли таких удобств, а уж после бесконечного, зачастую мучительного путешествия, когда от голода сводит желудок, ноги покрыты кровоточащими мозолями, а одежда грязна настолько, что стирай — не стирай, чище не становится, дом женской половины показался небесными чертогами.

Мычка ощутил, как запыхали щеки. Он и не думал, что путь причиняет спутнице такие мучения. Всегда подтянута, бодра, быстра на колкость и легка на подъем, девушка казалась воплощенным идеалом спутника. А оказалось, что под панцирем язвительности и бравады крылась хрупкая, чувствительная сердцевина, которую, не смотря на все чутье, он так и не смог раскрыть.

Ощувив безотчетное побуждение, он порывисто встал, шагнув к девушке, крепко обнял, прижал, ощутив, как та сперва испуганно вздрогнула, но тут же расслабилась, прижалась доверчиво и открыто, признавая в нем защитника и хранителя. Так они стояли еще долго, ощущая удивительное единение, когда не требуется слов, а все что нужно, это вот так, стоять, прижавшись друг к другу. А потом, когда костер угас, а солнце поднялось выше, заснули в обнимку, словно брат и сестра, под умиротворяющий шелест листьев и пение птиц.

И вновь луга сменяют друг друга, сливаются, растекаются рекой, словно лужицы в ливень, так что не различить, где кончается одно, а где начинается следующее. Рощи встречаются все реже, мельчают, разбиваются небольшими группками деревьев, где от одного до другого края десятков — другой шагов. Воздух становится суше, прокаленный солнцем, обжигает легкие, высушивает ноздри, так что даже мелкие речушки и полупересохшие озерца кажутся даром небес, где можно вволю напиться, постирать одежду, омыть зудящее от пота и пыли тело.

Каждый день, едва занималась заря, Мычка будил Зимородок, наскоро перекусив, и

собрав вещи, выступали в путь. Прохлада ночи и влажные космы тумана бодрили, придавали сил, и к моменту, когда солнце, выглянув из-за окоема, начинало неспешно взбираться на небосклон, оба окончательно просыпались, бодро шагали вперед, поглядывая вокруг и оживленно переговариваясь.

Заметив подходящее место, останавливались перекусить, но чаще жевали на ходу, доставая из заплечного мешка остатки ужина. Ближе к полудню, когда воздух прогревался, а солнце начинало нестерпимо жечь, отыскивали рощицу, или заросли кустов, где, погрузившись в дремоту, пережидали жаркое время.

Утомившись лежать, Мычка поднимался, уходил на охоту, некоторое время спустя возвращался с парой-тройкой куропаток, или охажкой сусликов под мышкой, разводил огонь и готовил. В итоге суслики превращались в насаженные на заостренные палочки ароматные кусочки, а птицы в раскаленные глиняные шары, что при ударе раскалывались, обнажая сочную сердцевину. С началом заката поднимались вновь, покинув насиженное место, шли дальше, и лишь незадолго до наступления тьмы опять отыскивали место для ночевки.

Деревни не пропускали, но и не особо задерживались. Мычка расспрашивал местных о жизни, за одно менял добытую дичь на хлеб и соль. Увлеченные торгом, селяне делились важными новостями, жаловались на жизнь, рассказывали о несправедливости соседей. Однако, на вопрос о городе под горой, лишь разводили руками. Порой, люди подробно описывали окрестности, указывали, где ловчее пройти, но чаще лишь пожимали плечами, лишены малейшего желанья выбираться далеко за пределы деревни. Мычка благодарил, шел дальше.

Он по-прежнему выдерживал указанное наставником направление, упорно шел, преодолевая слабость и лень, поднимался, не смотря на погоду: в удушающей зной, когда пот разъедает глаза, а в голове гудит от жара, и под проливным дождем, когда ветер сбивает с ног, а хлещущие с силой струи взбивают землю, забрызгивая с головы до ног.

Иногда силы заканчивались, и, остановившись на привал, они не двигались с места целый день, а то и два, но, отдохнув, и вволю належавшись, вновь поднимались и шли. Все чаще одолевали сомнения: верно ли двигаются, не ошиблись ли направлением, пройдя совсем рядом, и не заметив городок? Ведь в этом бескрайнем мире без точных ориентиров легко заплутать, уклониться в сторону. От мысли, что, вместо того, чтобы приближаться к цели, они уже давным-давно идут в другую сторону, бросало в дрожь. Мычка гнал сомнения, стискивал челюсти, через силу улыбался спутнице, но мысли возвращались, прокрадывались неуловимыми тенями, подтачивали уверенность, как скрытый в глубине ствола, подтачивает дерево жук-короед, ослабляя, изматывая, лишая последних сил.

Порой доходило до того, что, казалось, будто никакого города под горой не существует, а наставник жестоко посмеялся, отправив в бесконечный путь, или, что еще хуже, тронувшись рассудком от одиночества, вообразил себе то, чего никогда не было и быть не могло. И теперь, они, на пару с Зимородок, сбивая ноги и глотая пыль, бродят по бескрайним степям, и проведут остаток жизни в поисках невиданных земель порожденных воспаленным разумом затерявшегося в далеких лесах одинокого отшельника.

В очередной раз поднявшись с утра, и обнаружив далеко на границе окоема небольшую тучку, Мычка сперва не обратил внимания. Однако, по мере того, как шло время, взгляд все чаще обращался в сторону странной тучи, что за это время почти не сдвинулась с места. Солнце поднялось в зенит, воздух раскалился, задрожал, и тучка исчезла, но вечером, когда жара спала, и окоем очистился, появилась вновь.

Мычка поглядывал на странное образование с подозрением, но с Зимородок, что шла рядом, устало передвигая ноги и повесив голову на грудь, делиться наблюдением не спешил. Тьма опустилась на землю. Занявшись приготовлением ко сну, Мычка отвлекся, и вспомнил о непонятном явлении лишь на следующий день, когда, двинувшись, как обычно, с утра, застал тучку на том же месте.

Сердце забилося сильнее, от сладкого предчувствия заняло в животе, но Мычка смирил волнение, отстраненно произнес:

— Наставник упоминал, что в путешествиях часто бывал в горах. И хотя я слышал рассказы не раз, так и не смог представить, что это.

Зимородок пожала плечами, сказала задумчиво:

— Я тоже не видела, но, судя по тому, что слышала, сложного ничего нет. Просто огромное нагромождение камней. А почему ты вспомнил?

Стараясь не выдать охватившего возбуждения, Мычка произнес:

— Смотри, вон там, на границе окоема. Может ли это оказаться чем-то подобным?

Зимородок взглянула в указанном направлении, пожала плечами.

— Даже и не знаю. Больше похоже на облако.

Мычка покивал, сказал отстраненно:

— Вот и мне так кажется. Да только это облако там со вчерашнего утра.

Зимородок округлила глаза. Взглянула в указанную сторону вновь, но уже гораздо внимательнее, произнесла в сомнении:

— Все же больше похоже на обычную тучу. Но, если со вчерашнего утра, тогда да, тогда конечно... Ты уверен, что не ошибся?

Мычка покачал головой, сказал кратко:

— Смотрел весь день.

Зимородок произнесла рассудительно:

— Выглядит похоже на кучу камней. А если гора — та же куча, только большая, значит... — Охнув, она порывисто схватила Мычку за плечо, воскликнула: — Так ведь это гора!

Мычка почесал в затылке, произнес с сомнением:

— Уверена? Может все же тучка?

Зимородок затрясла головой так, что волосы угрожающе вздыбились, произнесла скороговоркой:

— Да нет же, нет! Ну, смотри, форма, будто кто камней насыпал, сверху узко, снизу шире. Облако бы давно ветром унесло, а это стоит — не шевелится.

Мычка покачал головой, произнес с уважением:

— Догадливая. А я бы и не подумал.

Зимородок разругнулась, победоносно вздернула нос, и хотя в глазах у спутника замерцали насмешливые искры, сказала с облегчением:

— Лучше поздно, чем никогда. Наконец-то ты это понял. — Словно что-то вспомнив, вдруг нахмурилась, спросила с подозрением: — Интересно, а откуда взялась гора здесь, посреди степи?

Мычка глубоко вздохнул, сказал с трудом сдерживая радость:

— Одинокая гора посреди степи, с раскинувшимся у подножья городом. Очень похоже на то, о чем говорил Филин.

Зимородок открыла и закрыла рот, прошептала ошарашено:

— Неужели мы... Но этого не может быть! По крайней мере, не должно...

— Почему? — Более не сдерживаясь, Мычка широко улыбнулся.

Зимородок вдруг разом стала растерянной и поникшей, сказала чуть слышно:

— Я не знаю. Я уже привыкла, смирилась с тем, что путь бесконечен. Чистое небо над головой, бескрайний простор вокруг. Дни текут чередой, рассвет сменяет закат, а мы идем и идем, свободные от преград, вольные двигаться дальше, или остановиться на ночлег, повернуть в ту или иную сторону.

Мычка взял подругу за плечи, заглянув в глаза, где плескался испуг, мягко спросил:

— Ты боишься конца пути?

— Я боюсь неизвестности. — Зимородок вздохнула. — Здесь все привычно, все знакомо. А там, что будет там? Новое место, незнакомые люди. Ведь я ничего и никого не помню. Как встретят, что скажут вернувшейся из небытия родственнице?

Мычка потрепал девушку по щеке, взъерошил волосы, произнес ободряюще:

— А вот это мы и узнаем на месте. Не стоит загадывать, тем более не стоит горевать. Ведь мы еще даже не приблизились. Вполне может оказаться, что это не та гора, или и не гора вовсе, а у подножия живут неведомые чудовища, и вместо разговора с родней предстоит опасная схватка. Так что выше нос! Путешествие продолжается.

Зимородок улыбнулась в ответ, сперва слабо, но Мычка продолжал скалиться и ее щеки порозовели, а в глаза вернулся блеск. Она отстранилась, сказала с деланной строгостью:

— И все-то тебе хаханьки. Ни слова серьезно. Что за несносный вершинник!

Впервые за долгое время похода цель обрела видимые очертания, вернув угасшую надежду и добавив сил. Предчувствие окончания пути отозвалось в груди странным щемом, заставило сердце биться сильнее, а ноги ступать шибче. Мычка ощутил забытое чувство легкости и подъема, когда ноги несут сами, не чувствуя усталости, а мысль опережает тело, давно и прочно обосновавшись там, куда предстоит попасть лишь несколько дней спустя.

Зимородок преобразилась: на щеки вернулся румянец, глаза заблестели, а спина выпрямилась. Поглядывая на подругу, Мычка с удивлением замечал, как из усталой, поникшей бродяжки спутница превращается в исполненную достоинства и красоты женщину.

По молчаливому согласию прерываться на полуденный отдых не стали, перекусив на ходу, и разбили лагерь лишь ближе к ночи, когда, не смотря на подъем, ноги окончательно одеревенели, а в глазах зарябило от напряжения. Ночь проспали, как убитые, не разжигая костра, а на следующий день, едва небо забрезжило на востоке, вновь двигались вперед, с каждым шагом приближаясь к заветной цели.

Гора увеличивается на глазах, обрастает деталями. Вот она размером с кулак, а вот уже как небольшая кочка. Расстояние велико, но для сильных духом нет преград, а упорству ничем любые пространства. Гора все больше, дух захватывает от величины и мощи. Каменный гигант растет, размеры потрясают воображение. Совсем недавно он был с небольшой холм, но становится все больше. И уже не с чем сравнить, в памяти нет ничего даже близко по величине. Невероятно, удивительно, невообразимо!

Гора растет, но разрастаются и сомнения. Где город, что раскинулся у подножья? Конечно, расстояние пока велико, но хоть что-то да должно быть, хоть какие-то признаки: случайные домишки, выбитые колесами телег дороги, спешащие в город и обратно путники. Возможно, все это еще предстоит увидеть, только, чуть позже. Но на душе не спокойно, а от назойливых мыслей отмахнуться все сложнее и сложнее. И где-то в самой глубине, темное и

бесформенное, уже зарождается жуткое подозрение, о котором не то что вымолвить — подумать страшно.

ГЛАВА 16

Громада горы вздыбилась, заслонила небо. Куда не глянь, повсюду сплошной камень: искореженный, покрытый трещинами, словно где-то под землей неведомая сила долго мяла, крутила, а затем мощным ударом выбила огромный пласт недр, да так и бросила. Ближайшая к земле часть склона поросла травой, и даже небольшими кустиками. Колебаются на ветру мелкие красноватые цветки, яркими пятнами расцвели лишайники, то тут, то там мелькают шустрые ящерицы. Но если поднять глаза выше — лишь голые камни, за прошедшие века покрошившиеся, обветренные, иссеченные дождями, но, подобно зубам старого бера, по-прежнему не утратившие сурового оскала.

Зимородок повертела головой, сказала с удивлением:

— Ты говорил, здесь должен быть город. Но я вижу лишь камни.

Сердце болезненно сжалось, однако Мычка лишь улыбнулся, сказал с подъемом:

— Поднимемся. Сверху видно намного лучше и дальше.

Зимородок запрокинула голову, сказала с трепетом:

— Наверное, это будет удивительное зрелище. Я никогда не забиралась так высоко.

— Значит, подняться нужно тем более. Я ведь тоже выше деревьев не лазал. А порой, так хотелось туда, к облакам, чтобы как птица, взглянуть на мир сверху.

Зимородок зябко поежилась, сказала с опаской:

— Пойдем, хотя от одного взгляда вверх кружится голова. Что будет, когда поднимемся выше?

Двинулись вперед. Сперва уклон не ощущался, холм как холм, та же трава под ногами, те же небольшие кустики вокруг. Однако, вскоре кусты сошли на нет, трава исчезла, сменилась жестким неприветливым камнем. Ветер, почти не ощущавшийся ранее, стал злее. Если внизу он лишь мягко ерошил волосы, то здесь, на высоте, принялся бросаться, словно оголодавший волк, толкать в бок, трепать за плечи.

От напряжения загудели ноги, дыханье участилось, а в висках застучали молоточки. Последние редкие пучки травы пропали, вокруг сплошной камень, испятнанный проплешинами лишайников. Идти все сложнее. Изрезанная щелями и трещинами стена встала на дыбы, так что приходится уже не идти — ползти, цепляясь руками и отыскивая надежное место для ног. Камень, такой крепкий и устойчивый на вид, на деле ненадежен, крошится под пальцами, оседает песком, даже крупные угловатые булыжники начинают колебаться, стоит лишь поставить ногу.

Рядом ползет Зимородок, в глазах страх, движения дерганые, чуть хрустнет под ногой, тут же замирает, вцепляется в камни так, что белеют костяшки. Ощувив взгляд, пренебрежительно морщит носик, вздергивает голову, но, как бы ни пыталась скрыть, видно,

что панически боится сорваться, унести назад, где, вместо привычной поверхности, бездонная пропасть, отчего даже не поворачивает голову, лишь бы не видеть, не чувствовать что происходит "там", иначе уже не сдвинуться, не разжать окаменевшие от ужаса пальцы.

— Давай остановимся, отдохнем немного. Да и осмотреться не мешает.

Слова чуть слышны. Спутница устала настолько, что едва шепчет, или это ветер уносит звук? Мычка осмотрелся, неподалеку, вверху, удобный уступ, словно специально созданный для отдыха: ровная поверхность, сбоку защищающий от ветра козырек. Вот только бы добраться, на Зимородок уже и лица нет. Еще немного, хлопнется без сознания, придется изворачиваться, тащить на себе. А ведь силы уже совсем не те, что в начале подъема.

Мычка указал на уступ, сказал умоляюще:

— Давай еще немного, совсем чуток, вон туда.

Зимородок проследила за рукой, заметно побледнела, но лишь вымученно улыбнулась, поползла дальше, едва-едва переставляя конечности, словно замерзающая ящерка. Медленно, очень медленно уступ приблизился. По-очереди перевалились через край, разлеглись, тяжело дыша, и хватая воздух ртами, как выброшенные на берег рыбы.

Повернув голову, Мычка застыл, от нахлынувшего восторга не в силах вымолвить ни слова. Вокруг расстилается мир, настолько неохватный и большой, что захватывает дух. Испятнанная зелеными точками роц, степь тянется и тянется на бесконечное расстояние вокруг, исчезает за виднокраем. Голубенькие прожилки речушек едва заметны, вьются тонюсенькими волосками. Окоем настолько велик — не охватить взглядом, отчего внутри то замирают то вздрагивают невидимые струны.

Рядом зашевелилось, донесся исполненный восхищенья вздох. Зимородок повернулась следом, рот приоткрылся, а глаза округлились. Она выдохнула:

— Невероятно. Отсюда, с высоты, все видится настолько по-другому. Мы словно птицы...

Мычка вытащил из заплечного мешка остатки ужина. Восполняя потерю сил кусочком мяса, Зимородок повертела головой, сказала со смесью досады и радости:

— А города так и нет.

Проглотив забившее рот мясо, Мычка деловито произнес:

— Мы видим не все, большую часть закрывает гора. Нужно подняться на самый верх. Благо, осталось немного.

Зимородок повернула голову, заметно побледнела, сказала с нервным смешком:

— Это называется немного? Я умру, если сделаю еще хоть один шаг вверх.

Мычка кивнул, сказал одобрительно:

— Оставайся здесь, отдохай, а я все же поднимусь. Потом расскажу, что увидел.

Зимородок нахмурилась, произнесла с издевкой

— Мне бока отлеживать, пока ты будешь видами наслаждаться? И даже не думай.

И вновь истертые о камни, пальцы отыскивают малейшие ямки, вцепляются, подтягивая тело вверх. Ноги упираются, гудя от напряжения, толкают снова и снова. Все выше и выше, шаг за шагом, вздох за вздохом. Несмотря на слабость, на ноющие от усталости мышцы, на заливающий глаза пот.

Гора кончилась внезапно. Мгновенье назад они еще ползли, тыкаясь лбами в камни, царапая бока об острые грани, и вот уже стоят во весь рост. Мир навалился, огромный и бесконечный, как беспредельная чаша. Бескрайний простор, пронзительно синее небо и...

Зимородок схватила за руку, прошептала потрясенно:

— Смотри, он все же есть!

Мычка опустил глаза, и ощутил, как губы расплзаются в улыбке, а в груди рождается могучее, словно скала, и бесконечное, как мир вокруг, чувство победы. Далеко внизу, у основания горы, раскинулся огромный город. Перед глазами закружилось, в ушах тоненько зазвенело от всеохватывающей радости. Он смог, пройдя через бесконечные просторы, сразившись с могучими противниками, преодолев слабость и обман, выполнил наказ наставника!

Повинуясь безотчетному побуждению, Мычка полез в заплечный мешок, отыскав тетиву, натянул лук. Стрела заняла свое место. Резкий скрип, короткое усилие, и вот оперенное древко уже несется вверх, пронзая бесконечность, туда, где исполненный свободы, витает дух победителя.

С улыбкой проследив за полетом стрелы. Зимородок опустила глаза, произнесла потрясенно:

— Какой же он все-таки огромный! Даже отсюда, сверху, пока домишки кажутся размером с ноготь, а людей и вовсе не видать. Как в этой череде зданий найти нужное, как не затеряться в бесконечном хитросплетении переулков?

Мычка вновь засунул руки в мешок, на самое дно, где, дожидаясь нужного момента, покоится один из даров Филина. Пальцы нащупали, потащили наружу. Заметив краем глаза движение, Зимородок повернула голову, с интересом взглянула на испятнанный значками пожелтевший свиток, перевела взгляд на Мычку, что с сосредоточенным видом переводил глаза с карты на город, и обратно.

— Ты правда надеешься с помощью этого листа что-то найти?

— Уже нашел. — Мычка протянул руку. — Смотри, вон там, справа, неподалеку от башенки. Видишь?

Зимородок долго шарила взглядом в указанном направлении. Поначалу в хаосе нагромождений построек ничего нельзя было разобрать. Но постепенно глаза свыклись, вычленили из пестроты улицы, а затем и отдельные дома. Для удобства Мычка подставил карту ближе, продолжая указывать рукой. И вскоре Зимородок начало казаться, что небольшой участок в центре города действительно отдаленно напоминает изображенный на листе набросок.

По-прежнему пребывая в сомнениях, она произнесла с запинкой:

— Действительно, некое подобие есть. Но как это возможно?

Пряча карту, Мычка задумчиво произнес:

— По всей видимости, кому-то потребовалось запечатлеть участок города, вот он и нарисовал. Не так, чтобы совсем хорошо, но достаточно, для узнавания сторонним взглядом.

Зимородок покачала головой, сказала с великим удивлением:

— Кому это могло понадобиться?

Мычка забросил мешок на плечо, пожал плечами.

— Уже не узнать, хотя, я догадываюсь, кто это мог быть.

— Дядя! — осененная догадкой, воскликнула Зимородок. — Но как он смог? И для чего?

— Возможно, когда вы уходили, он думал о возвращении уже тогда, и, не надеясь на память, решил составить карту. Хотя, возможно, дело совсем в другом.

— В чем? — Зимородок взглянула пытливо.

Мычка сказал задумчиво:

— Насколько я успел узнать Филина, думаю, он знал уже тогда, что не вернется. Но предполагал, что вернешься ты. Для чего и обучил меня, отрядив тебе в спутники, для чего и нарисовал карту, забравшись на вершину горы. Ведь нарисовать такое, находясь внизу, среди домов, невозможно.

Зимородок потупила глаза, сказала чуть слышно:

— Надо же, я всегда считала его сумасшедшим отшельником. А оказывается, он обо мне заботился, и заботился так, как мало кто может себе позволить.

Мычка привлек подругу к себе, сказал мягко:

— Сожаления подождут. Пойдем, нам предстоит тяжелый спуск, а затем прогулка вокруг горы. Посмотри, здесь не спуститься.

Он указал вниз, на идущий до самой земли, почти отвесный обрыв, словно неведомый великан огромным мечом разрубил гору надвое. Одна половинка со временем рассыпалась, превратилась в пыль, а вторая осталась немым свидетелем чудовищных событий минувших времен.

Спускаться оказалось не намного легче, а местами гораздо тяжелее. Для ног не видно опоры, приходится нащупывать, крепко удерживаясь руками, но и после, когда ступня упрется, нужно нажать всем весом, проверить, так ли прочна опора, не провалится ли в самый ответственный момент камень, что мгновенье назад казался непоколебим, увлекая за собой в пропасть. Сказалась и накопленная на подъеме усталость. К тому времени, как спуск закончился, солнце коснулось виднокрая. Собрав остатки сил, добрались до ближайшей группки деревьев и, как есть, не раздеваясь и не разводя костра, рухнули на землю. Мычка забылся сразу, Зимородок некоторое время ковырялась в остатках пищи, вяло грызла мясо, с трудом заставляя челюсти двигаться, но, так и не дожевав, заснула с куском во рту.

Измученные восхождением, спали до полудня. Лишь когда, пробившись сквозь ветви, солнце начало припекать, наконец пробудились. Сжевав оставшиеся крохи мяса, двинулись в путь. И хотя желудки недовольно ворочались, а под ложечкой неприятно ныло, о полноценном завтраке так никто и не заикнулся. Слишком сильно оказалось желание поскорее попасть в таинственный город, куда стремились так долго, а нашли столь неожиданно.

Гора поворачивается столь неспешно, что, кажется, они не идут — топчутся на месте. Прошло не мало времени, прежде чем далеко впереди появились первые домишки. Всматриваясь в постройки, Мычка лишь качал головой. Когда дома наконец приблизились, Зимородок поняла, отчего спутник хмурится. Обломки стен, пустые глазницы оконных проемов, провалившиеся крыши... Окраины города оказались заброшены. Ветер уныло гудит в прорехах крыш, меж окаменевшими от старости кучами мусора шныряют крысы.

Мычка невольно поднял руки, проверяя оружие. Пальцы наткнулись на лапку лука, ощупали, коснулись тетивы. Он досадливо дернул щекой, однако, снимать тетиву не стал, лишь пошел мягче, зорко поглядывая по сторонам. Зимородок прижалась к плечу, пошла быстрее, испуганно озираясь. Среди развалин мелькают странные тени, подозрительные фигуры скрываются от глаз: не то мерещится со страха, не то кто-то действительно живет, предпочтя городу заброшенные руины.

Выбравшись из руин на улочку, пошли бодрее. Хоть ям и выбоин хватает, но все проще, чем перелезать через груды камней, опасаясь, как бы ветхие стены не рухнули на голову. По мере продвижения вглубь город изменился. Исчезли развалины, домишки, хоть и по-прежнему ветхие, уже не светят насквозь прорехами, в окнах мелькают лица людей.

Появились прохожие, стайки веселой ребятни, улочка заполнилась говором и шумом.

И чем дальше, тем дома прочнее, а люди наряднее. По-прежнему большинство прохожих в лохмотьях, но все чаще попадаются опрятно одетые горожане. Улица незаметно расширилась, народу стало больше, появились торговцы, то здесь, то там заметны распахнутые настежь двери, судя по крепкому запаху пищи и доносящемуся изнутри гомону — корчмы.

Кое-где, в особенно оживленных местах, прогуливаются воины, негромко переговариваются, поглядывают вокруг. Судя по одинаковой амуниции и цепкими взглядами — стражи. Каждый раз, заметив стражей, Мычка тайком осматривался, пытаясь понять, кого именно охраняют, однако, так никого и не обнаружил, махнул рукой. Он уже успел понять — в разных местах люди живут по-разному. Мало ли какие обычаи здесь.

Зимородок вертит головой, заглядывается на все яркое, блестящее, необычное, любуясь разложенными на лотках товарами, замедляет шаг, а иногда и вовсе останавливается, не в силах отвести взгляда от яркого платка или сверкающих украшений. Мычка не торопился, шел рядом, с интересом наблюдая за жизнью города: шумная толпа, крикливые торговцы, густой дух пищи и нечистот, висящий плотной волной — все кажется новым и необычным. Когда от гула голосов заболели уши, а от мельтешения лиц утомились глаза, Мычка свернул в ближайший переулок, повел подругу задворками.

Народу поубавилось, идти стало легче. Удерживая в памяти намеченный на вершине маршрут, Мычка уверенно продвигался по переулкам, нырял в незаметные щели, перебирался через груды мусора. Несколько раз заходили в тупики, приходилось возвращаться, искать обходной путь. Когда, в очередной раз, вынырнув из удушливой вони подворотни, выбрались на небольшую тихую улочку, Зимородок заметно побледнела, замедлила шаг. Глядя, как на лице подруги стремительно сменяются чувства, Мычка поинтересовался:

— Что-то случилось?

Пристально разглядывая ближайший покосившийся дом, Зимородок ответила с запинкой:

— Это место кажется смутно знакомым. Видишь, эту скособоченную избу? И забор, вон тот, дальше, рядом с засохшим деревом! Правда, воспоминания слабы, все словно в тумане. Как будто-то я была здесь но очень, очень давно.

Мычка молча следил за спутницей. Память не подвела, они вышли точно к указанному на карте месту. Конечно, не поднимись заранее на гору, узнать в корявых значках на карте возвышающиеся вокруг здания он бы не смог. Даже сейчас он до конца не уверен, что нашел верное место, хотя, вон башенка, а вот невероятно длинный дом, взятые в качестве ориентира еще на горе. Но, раз у Зимородок всколыхнулись воспоминания, значит ошибки нет.

Зимородок тем временем двигалась вдоль улицы, касалась рукой заборов, стен, останавливалась, по долгу глядя в одну точку, совершенно не обращая внимания на прохожих, бросающих на странную девушку удивленные взгляды. Чтобы окончательно убедиться, Мычка полез в заплечный мешок, вытащив карту, развернул. Да, все верно. Эти два значка — дома напротив, вот тот, длинный, здание, где сейчас стоит Зимородок. Отмечено даже дерево на углу! А десяток шагов спустя, на противоположной стороне, короткое, но высокое здание с заостренной крышей, помеченное на карте жирным крестом. Значит не ошибся.

ГЛАВА 17

Руку рвануло, щеку обдало воздухом. Ошарашенный, Мычка замедленно поднял голову: согнутая спина, грязные лохмотья, вороватые движения. Впереди поспешно удаляется человек, зажав под мышкой нечто скомканное, серое, смутно знакомое. Мычка пошевелил пальцами, где мгновенье назад удерживал заплечный мешок. Понимание пронзило молнией.

— Стой, отдай мешок!

Крик разнесся по улице, резкий, как удар бича. Прохожие вздрогнули, с ближайшей крыши вспорхнули испуганные птицы, а человечек впереди бросился бежать. Услышав вопль, повернулась Зимородок, взглянула с удивленьем, однако, поняла все мгновенно. Дождавшись, когда человечек приблизится, шагнула навстречу, ухватив мешок, потянула.

Мычка невольно залюбовался. Щеки подруги разгорелись, глаза сверкают огнем, на лице хищная гримаска, пальцы крючками впились в ткань мешка — не отпускают. Человечек рвется, дергает изо всех сил, но Зимородок вцепилась крепко, не оторвать. Ненадолго обзор заслонил крупный мужчина, а когда, заметив напирającego вооруженного незнакомца, отшатнулся, Мычка похолодел. За прошедшие мгновенье взгляд человечка изменился, глаза заледенели, а губы изогнулись в нехорошей усмешке.

От предчувствия непоправимого сердце болезненно заныло. Грудь раздалась для вопля. Брось, оставь мешок, будь он проклят! В руке человечка блеснуло. Короткое, смазанное движение, и вот он уже убегает, прижимая добычу к груди, а Зимородок... Слова примерзли к языку, глаза расширились, а дыханье прервалось. Прижав руки к горлу, Зимородок замедленно оседает. В глазах застыло удивление, щеки стремительно бледнеют, а из под пальцев, густое и темное, медленно расплывается кровавое пятно.

Гигантским прыжком Мычка оказался рядом, подхватил, осторожно уложил на землю, мягко отнял пальцы. Мир выцвел, посерел. Злодей ударил точно, одним махом перерубив жизненно важную жилу. Он уже встречал подобное, когда в деревню приносили охотников с разорванным зверем горлом. Такую рану не закрыть, не вылечить. Кровь выйдет раньше. Но, даже если вовремя сомкнуть плоть, конец неминуем. Можно лишь попрощаться, пока еще остается время.

Мычка замедленно поднял голову, взгляд прикипел к силуэту. Отбежав на небольшое расстояние, воришка перешел на шаг, идет спокойно, уверенный в безопасности. Прохожие смотрят с опаской, обходят по широкой дуге. Удивительный город, странный мир, где полупустой мешок по ценности равен жизни. Нет мыслей, нет ярости, лишь холодная неизбежность. Руки замедленно всходя к плечам, пальцы смыкаются одновременно. С протяжным стоном сгибается лук, оперенное оглавые касается щеки, щекочет кожу. Щелчок. Со злым гуденьем стрела уносится в даль.

Там, впереди, выгнувшись от невыносимой боли, невзрачный человечек скребет землю, пытаясь дотянуться до вонзившегося в спину хищного жала. Где-то кричат, кто-то зовет на

помощь. Слух наполняется воплями и топотом ног. Но все это бесконечно далеко, за гранью чувств. Все это лишь кажимость, просто ветер шумит в листве, мягко гладит кожу, треплет осторожными пальчиками вихры цвета ворона крыла, а в бесконечно глубоких глазах, наполненных неземным сиянием, отражаются облака.

Надежда вспыхнула ослепляющим пламенем, хлестнула, поднимая на ноги. Люди, вокруг полно людей, они помогут, вылечат! Мычка рванулся к ближайшему дому, забарабанил в дверь. Нет ответа, лишь негромкое перешептывание за спиной да пугливые глаза за занавесками. Он бросился к следующему дому, затем еще. Кулаки бессильно бьют в жерди, оставляя на желтой поверхности красные следы, грудь исторгает вопли, череп раскалывается от невыносимой муки. Перед глазами колышется горькая пелена понимания, стекает по щекам, оставляя соленые дорожки. Нет ответа. Город не рад чужестранцам. Помощи не будет, не будет и сочувствия, лишь перешептывание за спиной, да настороженные взгляды из-за занавесок.

Мычка вернулся к Зимородок, опустился на землю, бережно и нежно коснулся лба, провел по щекам, погладил волосы. Губы шевелятся, проговаривая беззвучные слова. Слабеющие пальцы подрагивают, силясь обхватить, прижать на прощанье. Не надо, милая, не трать сил. Я все понимаю без слов. Расставание неизбежно, как неизбежна встреча. Мы обязательно встретимся вновь. В краях вековечного леса и бескрайних полей, где воздух чист, а травы мягки и душисты. В краях, где нет денег, где люди братья, где жизнь не измерить потертым заплечным мешком.

Плечо трянуло, раздался грубый голос:

— Вставай!

Мычка поднял голову. Муть расступилась, протаяла фигурой воина. Широкие плечи, мощная челюсть, суровый взгляд. Воин возвышается, громадный и сильный.

С трудом проталкивая слова, Мычка выдохнул:

— Что тебе нужно?

— Ты пойдешь со мной, — произнес воин строго.

Мычка опустил голову, произнес бесцветно:

— Я никуда не пойду.

Воин повысил голос, рявкнул:

— Ты убил человека, и будешь делать, что я скажу! — Видя, что собеседник не реагирует, рыкнул: — Поднимайся, пока я не повел тебя пинками!

Холодным, как зимнее небо голосом, Мычка произнес:

— Я убил зверя. Уходи, не мешай оплакивать друга.

Ошарашенный наглостью, воин воскликнул:

— Я заставлю тебя силой!

— Тогда ты умрешь, — сказал Мычка просто.

Воин побагровел, несколько мгновений вращал глазами. Бродяга выглядит слабым, ни разворота плеч, ни сурового мужества в лице. Конечно, за плечами рукояти мечей, но не оружие делает мужчину мужчиной. Вот разве только голос... Что-то очень неприятное скрыто за тихим, совсем не зычным голосом, что-то опасное. Отбрасывая сомнения, воин трянул головой, прорычал зло:

— Вставай, болтун, или сдохнешь на коленях.

Глубоко в груди нечто темное подняло голову, взглянуло недобро. Губа приподнялась, обнажая клыки. Медленно, очень медленно, Мычка вновь поднял голову, выдохнул страшно:

— Надеюсь, это твое последнее слово?

Руки поднялись к плечам, ладони влипли в рукояти, сжались с такой силой, словно в притороченных к спине отточенных кусках металла сосредоточилось все самое дорогое и важное. Мягко шелестнув, клинки покинули ножны. Разминая руки, Мычка повел плечами, резко взмахнул, крест накрест, вспарывая воздух.

Воин переменялся в лице, отступил, торопливо оглянулся раз, другой. Послышался топот, раздалось бряцанье металла, из-за угла выметнулись несколько стражей, узрев товарища, бросились на помощь. Двое, четверо, шестеро... Ощувив поддержку, воин обнажил меч, рванулся вперед, и... осел, хрипя разрубленным горлом. Опустив клинок, Мычка ждал приближения, неотрывно глядя на стекающую по клинку кровь: недвижимый, холодный, опустошенный. Лишь внимательный взгляд мог бы заметить, как нехорошо блестят глаза, да едва заметно подрагивали руки, в преддверии боя полнясь силой.

Однако, едва стражи приблизились, иллюзия растаяла. Поникший, потерявший от ужаса голову, парнишка обратился демоном. Взметнулись руки, вспыхнули на солнце клинки, заплясали, неуловимые для глаза. Первый лишился руки, схватился за обрубок, покачнулся, лицо исказилось от боли, но земли коснулось уже мертвое тело. Вторым пошатнулся, лезвие пропорол бок, достав до сердца, завалился навзничь, стремительно бледнея. Узрев скорую гибель друзей, оставшиеся остановились, попятились, но время раздумий закончилось, как и время жизни. Окруженный сверкающей стеной металла вихрь налетел, искромсал, оставив после себя истекающие кровью, корчащиеся обрубки тел.

Мышцы стонут от переполнившей силой. Текущий сквозь тело безудержный поток злой силы пронзает насквозь, отдается в самых дальних уголках болезненными спазмами. Движенья быстры настолько, что взгляду не уловить. Уворот, блок, удар. На лицо плещет теплым, заливают глаза, стекает по щекам. Мир погрузился в красное, и уже не различить, случайные ли капли дождя, или осколки чьей-то жизни, оборванной безжалостным металлом, льются на дорогу, стремительно высыхают под жгучими солнечными лучами.

Удар, блок, уворот. С каждым взмахом, с каждым всплеском крови врагов внутри что-то обрывается, сгорает вера в людей, в честь, в справедливость, опадает черными хлопьями, обнажая почерневший остов души, наполненный болью и страданьем. Мир мутнеет, расходится черно-красными разводами, мелькают перекошенные злобой и болью лица, исчезают. Им на смену приходят другие, исчезают следом. С каждым выплеском силы, отнимающим чью-то жизнь, уходит толика боли, крохотная, едва заметная. Но бой продолжается. Еще, еще, ну же!

Блок, удар, блок. Ярость истаивает, а вместе с яростью утекает и жажда жизни. И каждая новая рана, пропущенный толчок, полученный удар, приближают встречу с той, кого он не смог защитить в этой жизни, но обязательно защитит в следующей. Из груди, разрывая пересохшее горло корявыми крючьями, рвется не смех — клекот. Еще немного, еще! Вот уже с трудом поднимается рука, нога почти не гнется, а плечо превратилось в сплошной сгусток боли. Ну же, сколько еще нужно пролить крови, чтобы этот кошмар закончился, скольких убить?

Руки повисли плетьюми, пальцы с трудом удерживают мечи, ставшие невероятно тяжелыми, дыхание вырывается с хрипом. В ушах стихает звон, а зрение очищается. Вокруг, куда не кинь взгляд, лишь мертвые тела. Отрубленные конечности слабо подергиваются, кучками разбросаны вывалившиеся внутренности, а желтоватая мягкая пыль превратилась в осклизлую черную кашу, где копошатся жирные мухи. Улица пуста, лишь неподалеку,

закутанная в плащ, стоит женщина. Испугана до смерти, или просто задумалась, уйдя мыслями вдаль и не обращая внимания на происходящее?

Мычка убрал мечи, прихрамывая, вернулся к Зимородок. Подруга лежит в стороне, бледная и неподвижная. Если бы не пропитавшая рубаху кровь, могло бы показаться, что она всего лишь прилегла вздремнуть. Стоит коснуться плеча, погладить волосы, и глаза откроются, а губы растянутся в улыбке. Мир вновь заволокло пеленой, по щекам побежала влага, окропила грудь. Мычка опустился на колени, осторожно, словно хрупкую вещь, поднял девушку на руки, зашагал в сторону дома, куда еще совсем недавно, исполненные надежд, они шли вместе.

Покрытый пылью дворик, заколоченные ставни, покосившиеся жерди пристройки. Уже понимая, что не ответят, Мычка дважды постучал. Немного подождав, с силой ударил ногой. Дверь распахнулась, потянуло запустением и пылью. Одна комната, другая. На стенах лохмотья ткани, на столах пустые горшки. Хозяева давно покинули это место, оставив после себя лишь ветшающую от времени постройку, да мелкие предметы быта.

Страхнув со стола пыль, Мычка осторожно положил Зимородок, рывком распахнул окно. Лучи солнца ворвались в комнату, веселыми зайчиками заиграли на стенах, но уюта не прибавилось, лишь проступили до того невидимые следы разрушения: подгнивший пол, осыпавшаяся труха стен, осколки посуды. С улицы донеслись крики, послышался звон оружия. Прислушиваясь к шуму, Мычка неторопливо подошел ко входу, задвинул остатки засова, для верности подпер дверь лежащим тут же хламом, после чего вернулся в комнату.

Взгляд приковал очаг. Почерневший, покрытый слоем пыли, очаг щерится, словно пожелтевший череп давно умершего зверя. Мычка опустился рядом, провел рукой. Под слоем пыли пальцы нащупали кремень, осторожно извлекли, очистили от грязи. Некоторое время спустя на сложенной шалашиком куче деревянного мусора запрыгали веселые огоньки, затрещали веточки, потянуло жаром. Сидя возле очага, Мычка краем уха прислушивался к уличному шуму.

Вот шум приблизился, распался на отдельные кусочки. Послышались слова команды. Загремел металл, затопали ноги. С протяжным хрустом рухнула калитка. Гулко забухало в дверь. Застучало с другой стороны, в окне замелькали силуэты. Мычка сидел, обхватив колени руками, и неотрывно смотрел в огонь.

Вот они с Зимородок бредут по лесу, он поддерживает за руку, а она насмешливо морит носик. А вот продираются сквозь заросли кустов. Лицо девушки сосредоточенно, на щеке пламенеет глубокая ссадина. А вот они по пояс в воде, зачерпывая полные горсти, брызгают друг на друга, заливаясь хохотом. Вытащив из очага разгоревшуюся палку, Мычка встал, несколько мгновений смотрел в лицо подруге, после чего решительно ткнул факелом в стену.

Толпа расступилась, когда из окон дома, где заперся искрошивший полтора десятка стражей безумец, повалил дым. Послышались предостерегающие крики. Стражи, к этому моменту почти сломавшие дверь, не решились сунуться внутрь, немного отошли, обнажив оружие, застыли в ожидании. Дым повалил гуще, показались языки огня, и вскоре здание вспыхнуло целиком. Однако из дома так никто и не появился, словно укрывшийся внутри страшный воин на поверку оказался демоном.

Иссохшие бревна быстро прогорели, огонь потух, а дом рассыпался, превратившись в источающую жар грудку углей. И подоспевшим с водой горожанам осталось лишь потушить кострище, чтобы огонь случайно не перекинулся на соседние здания. Первыми ушли воины,

за ними разошлась толпа, лишь женщина у соседнего дома по-прежнему стояла, вперив задумчивый взгляд в пространство. Когда последний уголек угас под струей воды, Женщина шевельнулась, развернувшись, зашагала вдоль улицы.

Черные закопченные стены, негромко переговариваются посетители, источая ароматы пищи, разносит заказы корчмарь. В дальнем углу, подальше от любопытных взглядов и солнечного света, скрючился неприметный парень. Взгляд не заметит, скользнет мимо. Случайный сосед уйдет, попытавшись завести беседу, но так и не получив ни единого ответа. Лишь корчмарь, нет-нет, да покосится недовольно, но промолчит. Посетителей не так много, а незваный гость особо места не занимает. Тем более, парень третий день ничего не ест, а это значит, скоро можно будет выбросить на улицу, а вещи оставить в качестве компенсации. Вроде бы за спиной у оборванца неплохое оружие.

Входная дверь скрипнула, пропуская очередного посетителя. Прозвучали негромкие шаги. Мычка не пошевелился, и даже не открыл глаз, когда шаги затихли возле его столика. Лишь слабо дернул ухом, прислушиваясь к шелесту одежды, да втянул ноздрями воздух, улавливая запах незнакомца, вернее — незнакомки.

Корчмарь неслышно приблизился, поинтересовался мягко:

— Еды, выпивки?

Глубоким грудным голосом, от которого по телу разошлась сладкая волна, гостью произнесла:

— Вина, только качественного.

Звякнуло. Коротким отточенным движением корчмарь сгреб монету, также мягко удалился. Мычка шевельнулся, приподнял веки. От слабости в голове мутится, силуэт незнакомки колеблется, плывет. Резким движением женщина сбросила капюшон, сдвинулась чуть в сторону, открывая лицо свету. Серая, землистого цвета кожа, чувственные губы, тяжелые полукружья грудей и густая грива иссиня-черных волос. Перехватив пронзительный взгляд бездонных, исполненных тьмы, глаз, Мычка вздрогнул, прошептал чуть слышно:

— Кто ты, и что ты хочешь?

Гостья улыбнулась уголками губ, ответила вкрадчиво:

— Кто я — не важно. Гораздо интереснее — кто ты. Впрочем, не важно и это.

— А что же важно? — поддавшись обаянию незнакомки, Мычка слабо улыбнулся.

Гостья кивнула, словно удостоверившись в чем-то для себя важном, сказала просто:

— Я набираю людей в гильдию. Не буду вдаваться в частности, но ты мне подходишь.

Мычка покачал головой.

— Наблюдательность полезное качество. Но я бы поостерегся договариваться с первым встречным даже не спросив имени.

Женщина чарующе улыбнулась, сказала проникновенно:

— Имя в нашем переменчивом мире имеет столь же мало значения, как и внешность. Но на человека, убившего больше десятка гвардейцев, и ушедшего живым, думаю, можно положиться.

Мычка вздрогнул вновь. Всмотрелся пристальнее. Красивое, без тени изъяна лицо, полная достоинства осанка. Мягкий, и в то же время пронзающий взгляд. Гостья совсем не проста. Взгляд вновь прошелся по внешности, заостря внимание на мелких деталях: серая кожа, огромные черные глаза, едва заметные в гриве волос, заостренные кончики ушей.

Подземница! В облике незнакомки на мгновенье почудился лик наставника, мелькнул и растаял, вновь приняв очаровательные черты.

Мычка покачал головой, сказал горько:

— Я бы не назвал это достойным поступком.

Женщина кивнула, словно и не сомневалась в ответе, сказала понимающе:

— Я и не предлагаю повторять подобное. Однако, талант нужно направлять, а мастерство оттачивать, иначе самое лучшее начинание угаснет.

Мычка вздохнул, произнес с болью:

— Боюсь, оно того не стоит. Я не сдержал слово, не выполнил обязательства. Я должен умереть.

Женщина подалась вперед, произнесла с нажимом:

— Оно того стоит! Ты защищал девушку, пусть даже от нее осталась лишь память. Ты должен жить. Пойдем, продолжим беседу на свежем воздухе. А детали я объясню потом.

Женщина решительно поднялась, взглянула выжидательно. Подчиняясь невольному порыву, Мычка встал следом. Незнакомка кивнула, указав глазами на дверь, двинулась ко входу. Мгновенье постояв, Мычка зашагал следом, ощущая, как в выжженной дотла душе впервые за последние дни проклюнулся росток. Крохотный, едва заметный росток, что вскоре возрастет могучим побегом, взметнется, сокрушая застывший ледяной панцирь. Всепобеждающий и ярый росток жизни.

Вернувшись с горшочком вина, корчмарь остановился, в удивлении повел глазами. Женщина ушла, а вместе с ней исчез и незванный гость. Постояв в задумчивости, и пожав плечами, корчмарь двинулся назад, прижимая горшок к груди. Глупцы сбежали, оставив оплаченную выпивку. Тем лучше. Не пропадать же добру!

Больше книг на сайте - Knigolub.net